

СМОЛКА

ДАРОВ НЕ ВОЗВРАЩАЮТ

Глава первая Тоньше волоса

Лесной Стан

Луна стояла высоко. Поляну заливал серебряный, пронзительно-яркий свет – такой, что и седой волос в бороде разглядишь. Тонко, высоко запела флейта, и лес отозвался на тысячи ладов – возбужденным гомоном, резкими выкриками, задиристым злым смехом. Зашумел, зарокотал в высоких кронах, стряхнул на людей капли только что сгнувшего дождя, осыпав пряно пахнущей влагой. Лес был рад, и луна – бесстыдно белая, круглая, не скрывающая наготу – тоже была рада. Недаром Брендон Астигат велел своим воинам вершить совет и творить все обряды в Лесном Стане – исконной земле лонгов, на которую никогда не ступала нога чужака. Чужие глаза не видели этой поляны, не заглядывали в жестокие очи здешней луны. Чужие ладони не могли по-хозяйски похлопать деревянное естество идола, как это сделали ладони Беофа, шиннарда дружины Брендона Астигата. Шиннард еще раз провел пальцами по твердому дереву, ласково погладил наверх и попросил у Инсаар разрешение спустить семя на землю. Развлекаться с простыми воинами ему не по чину, да и наложница должна сегодня родить, а Суриам вполне заслужила, чтобы он слушал ее крики боли, как слушал стоны сладострастия. Да и не по возрасту уже ему ложиться с мужчиной – умудренного мужа куда больше влекут женщины. Вот в молодости Беоф с удовольствием повалился бы на примятой траве вместе с Вереном – шиннардом лигидийцев – и всадил бы ему как следует. Едва ли тот мог бы сопротивляться долго – больно уж тощ. Лигидийцы вообще силой не отличаются, иначе бы их вождь не приехал искать союза. Беоф заглянул в пустые глаза идола и еще раз покаянно тронул торчащее вперед естество, подумав: не худо бы приложиться губами, пока Верен видит. Пусть знает, что лонги чтят Быстроразящих, Ненасытных, Неутомимых... По правде говоря, всех именованний Инсаар Беоф не знал, это пусть жрец толкует, – зато видел Инсаар живьем, если про них можно сказать «живьем».

Лигидиец опередил – встал на колени перед идолом, коснулся губами крупной головки и тут же поднялся, с вызовом глянув из-под косматых бровей. Пусть ищет себе другую пару для Ка-Инсаар, тут Беоф ему не помощник. Брендон Астигат просил присмотреть во время обряда за своим сынком, а шиннард слишком хорошо помнил сорок лет походов, развеселых привалов и поминальных трапез, чтобы перечить своему вождю. Хотя Север Астигат – чтоб его Инсаар при встрече не заметил! – меньше всего нуждается в присмотре. Уж скорее нужно приглядывать за вождем лигидийцев, который от своего шиннарда отличался разве что возрастом, а так палка палкой – правда, жилистая палка-то. Беоф, посмеиваясь в бороду, говорил это своему вождю, но Брендон все твердил, чтоб шиннард ни на шаг не отошел от Севера и Брена во время Ка-Инсаар. Вождь не верил лигидийцам, он вообще никому не верил. Что ж, хитрый, как лиса, и жестокий, как волк, Брендон сделал лонгов тем, кем они стали. Сейчас и лигидийцы, да и остальные, приезжают в Лесной Стан выполнять обряды, а не будь Астигат столь умен и силен – сидеть бы им всем на цепях в Риер-Де. Из песни слова не выкинешь. Брендон свершил за свою жизнь ой как много, а теперь умирает в своем шатре, и уж не шиннард Беофу нарушать его приказ. Суриам и без него родит – в конце концов, есть то, с чем женщины справляются куда лучше мужчин, и одной луне ведомо, почему Инсаар предпочитают опустошать именно воинов. Иной раз глядишь: там, где побывали Ненасытные, бабенки и детишки живы, а мужики – как один рядышком на травке лежат, выпитые до дна, и кровь по ногам... Беофу ли не знать, когда его отца и братьев выпили Инсаар. «Не суди непознанное», – твердит жрец; так шиннард лонгов и не судит. Пусть только сегодня Север и вождь лигидийцев постараются, как должно, тогда Инсаар смилостивится и, может, год-два приходиться не будут.

Слепящее лунное око теперь смотрело прямо в плоский лик идола. Когда свет коснется наверхия естества, можно будет отправляться. Беоф прислушался к пьяному гомону на поляне и песнопениям жреца – старикан Греф сегодня разошелся не на шутку, видно, чует, что Инсаар ночка по нутру, – и хитро поглядел на тощего Верена.

– А что, роммелет Верен, твой вождь знал много мужчин? – называть лигидийца роммелетом, «уважаемым», было неприятно, но ничего, перетопчемся. Лигидийцы – племя хоть и малое, да ни одна блоха не плоха, так всегда твердил Брендон, а шиннард доверял словам вождя. По крохе, по кусочку, по сотне человек и сотне голов скота собрал тот силу, которую ныне боится Риер-Де. Если б стратеги и император не страшились лонгов, разве встал бы сам Иллариий Холодное Сердце лагерем под стенами Гестии, разве начал бы собирать легионы? До Гестии от Лесного Стана – сорок переходов, а до столицы лонгов – только двадцать. Быть войне, ох быть...

Лигидиец, прежде чем ответить, задумчиво пожевал губу. Верен был обходителен, будто жрец, получивший воспитание там, куда Брендон Астигат отправил младшего сынка, Брена. Беоф, будь его воля, на такое непотребство не пошел бы – мыслимо ли, с глаз сына прогонять, будто виновен в чем? Но разве станет вождь слушать? Не любит он Брена, только и всего. Севера любит, Марцела и Камила привечает, а младший – ну чисто не своего семени. Странность, конечно, но и на нее объяснение сыщется. Беофу еще матушка рассказывала: паче любят мужчины тех сыновей, чьих матерей горячее всего тешили на ложе. Да только чем не угодила полонянка, мать Брена? Бедрa пышные, грудь – и того краше, умна, скромна. И жива до сих пор, а мать Севера, чистокровная дочь лонгов, померла вот уж годков двадцать назад. Это было в тот год, когда Риер-Де драла их, будто Инсаар – добычу, уж Беоф-то помнил. Подати плати, воинов давай, лен, дерево, руду вози, а не поспеешь к сроку да мало привезешь – быть заднице драной. В тот год не то что сынка очередного, пусть и от жены законом данной, забыть можно было, но и собственную башку под каким-нибудь кустом оставить. Но Брендон Астигат Севера чуть не сам нянькал, это Беоф хорошо запомнил. Астигаты – Ведущие Против, так семейку вождя прозвали еще в те времена, когда отец Брендона на руках матери орал, – всегда были со странностями. Потому и не возразил никто в племени, когда чистокровный лонг Брендон назвал всех сыновей на манер Риер-Де, кроме разве что младшего, тоже Брендона. И не возразили, когда вождь отправил последыша учиться к жрецам в пыльный тесный город – только мать мальчишки выла, провожая... А лигидиец, наконец, собрался с ответом – любовников вождя считал, не иначе.

– Роммелет Беоф, а что за дело тебе до того, скольких познал наш вождь? Мудрый и сильный Алерея всегда соблюдал Ка-Инсаар, как должно. И отец его поступал так же, и дед, и дяди... так что ныне он не посрамит ни воинов, ни старейшин, – ого, да Верен не дурак! Ишь как говорит гладко, точно стратег Риер-Де. Только вот насчет «сильного и мудрого» Алерея шиннард союзничков загнул. Тощий мальчишка – вот каков вождь лигидийцев!

– Да знать хочу, не нужно ли знахарей загодя позвать. Не то начнет ваш мудрый кровью течь, зачем нам увечный союзник?

Верен еще сильнее прихмурил густые бровищи, но ответил гордо:

– Не начнет.

Все ясно. Первая ясность – имели мужики Алерея, да еще как, раз шиннард дружины за его задницу не опасается. И ясность вторая – не надеется Верен, что его вождь нагнет Севера. И правильно не надеется! Беоф покосился на деревянное естество идола. Осталось еще чуть-чуть – как раз времени хватит, чтоб по глотку сделать. Верен не глуп и в бою хорош, доводилось проверить, да и Суриам заслужила, чтобы он за благополучные роды выпил.

– Хорошо. Ка-Инсаар должен быть без крови, без боли. Выпьешь со мной, ромметет Верен? У меня сегодня наложница рождает, – Беоф отстегнул с пояса оплетенную флягу, вынул пробку и приложился к горлышку. Прохладная струя потекла в горло. Лигидиец смотрел на него из-под бровей, но не обижался. Сразу видно: слишком умен, чтоб обижаться.

– Это у нас в лесах верят, что Ка-Инсаар должен быть в радость, – шиннард Верен принял флягу из рук Беофа, снова задумчиво пожевав губами, прежде чем глотнуть, – а на равнине пленных в такие дни нагибают.

– Хорошо, что не детей, – буркнул Беоф. О нравах Риер-Де он был наслышан, еще как. Имперцы мало того, что Ка-Инсаар неправильно соблюдают, так и других норвят заставить так же делать. Но и Инсаар их сильнее мучают – каждый год по деревне, а то и больше, выпивают досуха.

– Пора, – Верен отчего-то вздохнул и кивком головы указал на идола. Деревянный член, сиявший в лунном свете, казался почти живым. Беоф суеверно поежился, возблагодарив Неутомимых, и завопил во всю глотку:

– Ка-Инсаар!

– Ка-Инсаар! – подхватил лигидиец. Знатно орет, как шиннард и положено. Пора спускаться к воинам и под белые ручки вести этого сопляка Алерея в шатер. Север, чай, сам пойдет.

Они спустились с поросшего густым кустарникам холма одновременно, как и положено по обычаю. Шиннарды дружин во время Ка-Инсаар обсуждают угодное Неутомимым отдельно от воинов и участников обряда, ибо негоже мешать пир и служение неведомому. Жрец Греф швырнул в костер какую-то свою чудесную травку, и пламя вспыхнуло ярко и жарко. Беоф передернул плечами, чувствуя, как течет по спине струйка пота. Мужчина может и должен любить женщин, но испытанное на Ка-Инсаар не забывается никогда, сколько б зим с тех пор ни минуло. Такой же летней ночью при бесстыжей луне он любил на шкурах одного келлита, а тот только подмахивал, хотя, прежде чем Беоф ткнул его лицом в эти самые шкуры, сопротивлялся отчаянно. Интересно, станет ли вождь лигидийцев драться за свою задницу по-настоящему? В рыжем свете костра Беоф хорошо видел и Алерея, и Севера. Они сидели рядом, не касаясь друг друга ни коленями, ни локтями. С правой стороны от Севера пристроился Брен, а дальше застыл каменным изваянием Марцел. Вот выражение лица второго сына вождя Беоф заметил и отметил. Всяко может статься – вдруг Марцел, зная, что отец умирает, подсыпет старшему брату в кубок какой-нибудь пакости? Марцел на такое вполне способен, хоть и прикидывается любящим братом и покорным сыном. А для лонгов теперь не будет большего несчастья, чем смерть Севера Астигата. Беоф истово верил в Инсаар и знал: они позаботились, чтобы семя, отданное Великим Бренденом своей жене,

взросло в ее лоне, как должно. Север – плоть от плоти отца, он поведет лонгов, куда надо, и позаботится, чтобы племя не ушло без добычи.

Белокурый, статный, как все Астигаты, Север и внешне был вылитый Брендон в молодые годы. Вот он тряхнул золотой гривой, залпом осушил кубок и поднял глаза на Беофа и Верена. Серые, жесткие, не ведающие пощады... Будто сам Брендон смотрит, не забалуешь. Рука шиннарда невольно сжалась в кулак и приклеилась к кожаному доспеху:

– Ка-Инсаар!

Север встал, сдернул с чресел кусок ткани и шагнул ближе к огню. Пламя все видит и все покажет, подумалось Беофу. Гладкость здоровой кожи, сильные мышцы плеч, узость бедер. И волосы – гордость вождя и воина – густой волной по спине. Ох хорош у Брендона сынок!

– Примут ли Инсаар нашу жертву, жрец? – ритуальные слова Север цедил так, будто до воли Инсаар ему дела не было. Старик Греф это понимал и потому, пропустив добрый десяток положенных стихов, быстро ответил:

– Инсаар желают свое! Пусть ведают Север, сын Брендона, и Алерей, сын Абрака, что буде постараятся они для Ненасытных, Быстроразящих, Неутомимых и Необузданных, то Инсаар не отвергнут жертву. И будет союз лонгов и лигидийцев крепок настолько, насколько крепко будут любить друг друга вожди.

Жрец не сбился, назвав Севера вождем, а вот Беоф так не смог бы. Племя приняло Севера как преемника Брендона, приняло давно – еще в те годы, когда сынок вождя коротко стриг волосы и учился владеть мечом. Но каждый день и каждый час Север должен помнить: лонгов не взнудать раз и навсегда, как можно взнудать имперцев и вообще всех жителей равнин. В лесах ты вождь, пока рука твоя не устанет убивать на поле брани, а в дни Ка-Инсаар не устанут другие части тела. Север Астигат об этом помнил. Как и подобает вождю, он родился со знанием, как должно править и воевать. Беоф верил в это – иначе конец всему, и сорок лет борьбы будут напрасны. Сын Брендона, умиравшего в шатре в получасе ходу от залитой светом хмельной поляны, посмотрел на шиннарда – пристально, будто спрашивая: ты покоришься? Будь силен – и покорюсь, глазами ответил Беоф, усмехнувшись. Север отозвался такой же усмешкой. Он понимал, что хотел сказать соратник отца. Покажи власть и силу – сегодня над Алереем, завтра над Риер-Де и Илларием Холодным Сердцем, – и лонги твои по праву.

Вождь лигидийцев встал рядом с хозяином пира. Может, зря Беоф назвал Алерея тощим мальчишкой? В пламени ли костра было дело, или Инсаар почуяли угощение, но все враз преобразилось. И поляна уже не была просто поляной – стала алтарем, и оба участника обряда перестали быть просто мужчинами. Пламя и лунный свет ласкали их тела, и задубевшая душа шиннарда лонгов запела, будто в юности. Ка-Инсаар! Примите жертву, Ненасытные, пусть жар и боль будут вам угодны, а уж мы отблагодарим! Север вновь по-волчьи усмехнулся:

– Ка-Инсаар! Ты готов, Алерей?

Лигидиец отбросил назад пряди слипшихся надо лбом каштановых волос и выпрямился. Чуть ниже ростом и уже в плечах, но под снятой набедренной повязкой – ничего не скажешь! – есть на что поглядеть. Алерей был возбужден, член торчал вперед, как у идола, и лигидиец прижал его ладонью. Север шагнул к союзнику и, положив тому

руку на бедро, поцеловал прямо в губы. Теперь Беоф ясно видел, что лигидиец дрожит всем телом. Боится или просто хочет?

– Я готов, Север, – Алерей облизал уже чуть припухшие губы. – Ка-Инсаар!

– Пойдем, – Север Астигат властно кивнул и будущему любовнику, и обоим шиннардам. Настолько уверенно и властно, точно не стоял посреди лесной поляны обнаженным, готовясь принести жертву Ненасытным, а в полном имперском доспехе восседал на лучшем жеребце во главе могучего войска. Сын вождя шагнул к шатру, Алерей двинулся за ним, и тут ладонь Севера звонко хлопнула по крепкой ягодице лигидийца. Тот аж дернулся, его воины у костра глухо заворчали, пряча недовольство в поднятых кубках. Слабые, что пришли за защитой, не могут привередничать, но союзников нужно уважать – не пленные, чай. Беоф чуть не сплюнул с досады. Гонор – вот что грозит испортить старшему сынку Брендона будущее, да и всем лонгам заодно. Гонора у Севера хватило бы на весь лес и всю равнину, и городам еще осталось бы. Воины замолчали разом, притих и насупленный шиннард Верен. Беоф давно это заметил: как только участники обряда входят в шатер, все замолкает, словно каждый чувствует присутствие Инсаар, их волю и желание получить свое. Или – просто хочет оказаться на месте одного из приносящих жертву. Кому что по нутру: взять мужчину или принять его в себя. Замолк даже старый жрец, и только огонь трещал, да шумел Вечный Лес. Ка-Инсаар!

– Пойдем, роммелет Верен? Обряд начался.

Лигидиец степенно кивнул, и оба шиннарда одновременно двинулись к шатру. По обычаю старшины воинской дружины должны проследить, чтобы жертва была принесена должным образом. От того, насколько честно выполнен обряд, зависит многое, очень многое – жизнь племени, его удача. И станут женщины рожать больше детей, и будет богата охота, и обилен урожай, и враги падут на колени, а в их деревнях и крепостях найдется вдоволь добычи... И смилуются Инсаар, удовлетворятся жертвой и не станут нападать на людей, пить их кровь, жизнь и силу...

Север и Алерей стояли в середине шатра. Беоф заметил, что естество Алерей поникло, а вот сынок Брендона в полной готовности. Видно, наговорил союзничку кучу гадостей и теперь доволен. Ух, волчара! Знает, что победит, потому и ведет себя так. И то – когда это Север Астигат проигрывал? Не знает еще мальчик, каково это: когда тебя самого отымеют, а ты и не охнешь, только зубами скрипеть сможешь. И пусть никогда не узнает.

Первый удар нанес Север. А как же – сильный всегда бьет первым. Ударил прямо в центр груди и отпрянул на миг, а после саданул еще – в плечо. Алерей защищался, но не успевал за быстрым, как гадюка, противником – и вот уже лежит, уткнувшись лицом в шкуры. Быстро все закончилось, подумал Беоф, с усмешкой покосившись на шиннарда лигидийцев. Верен оставался невозмутим, точно не его вождя сейчас оседлали сильные бедра чужака. Север наклонился к поверженному и шепнул ему в ухо, впрочем, довольно громко:

– Тебя связать? Или станешь слушаться? – золотые пряди касались обнаженной спины Алерей. Поджарое тело вздрогнуло, и вдруг вождь лигидийцев развел бедра в стороны – насколько позволял вес сидящего на нем Севера. Вот как? Отчаянно же их племя хочет союза, раз Алерей даже не мыслит бороться дальше – а ведь мог бы и захватить

затылком Северу в лицо. Сынок Брендона, видимо, опасался чего-то подобного, потому что все же потянулся за веревкой и, не отпуская противника, связал ему запястья.

– Не люблю неожиданностей, – Север говорил куда более правильно, чем сам Беоф, да и Брендон. Вышколил старый соратник сыновей, ничего не скажешь. Пожалуй, и со стратегами Риер-Де смогут говорить на равных, как бы имперцы ни честили их варварами.

Алерей что-то глухо пробормотал, и Север вновь наклонился к нему, прислушиваясь:

– Будь это не Ка-Инсаар, я б тебе не отказал, Алер. Но – в другой раз, а пока потерпишь. – Ясно, вождь лигидийцев просил масло взять или еще что, чтоб не так больно было, а Север, понятное дело, заартачился. И, как подозревал шиннард, не только потому, что Инсаар не велят отвлекаться от обряда, но и по природной вредности. Впрочем, Беоф увидел, как сильная жесткая ладонь, прежде чем сжать ягодицы, погладила ложбинку, а потом Север поднес пальцы к губам Алерея, и тот послушно облизал их. Беоф даже зажмурился, а вот шиннард Верен наблюдал за обрядом так, будто от этого зависела его жизнь. Север отнял руку ото рта лигидийца и всадил – вначале пальцы, на полную длину, – но Алерей лишь дернулся, смолчал. И молчал все время, пока Север готовил его, только головой мотал. Правда, длилось это недолго. Белокурый сын Брендона встал на колени позади Алерея, запрокинул голову так, что кончики волос достали до напрягшихся ягодиц, и выдохнул яркими губами:

– Ка-Инсаар! Примите...

И, не закончив ритуальный стих, толкнулся вперед – резко, сильно, заполняя лигидийца до упора. Тот дернулся, но железные руки сжали его бедра. На плечах Севера буграми вздулись мускулы. Беоф глянул в горящие серые глаза и отступил к выходу из шатра, потянув шиннарда Верена за собой. Уходя, они услышали низкий, протяжный стон – это стонал Алерей, и не от боли. Обряд был почти завершен.

Сидя у костра рядом с тощим Вереном, разом растерявшим половину своей мрачности, шиннард лонгов думал: понять волю Ненасытных людям не под силу, можно лишь пытаться. Но обряды приносят пользу и людям, а не только дают Инсаар то, в чем они нуждаются для продления своей вечной жизни. Страсть, радость обладания, жар живого семени... Теперь Алерей стал Северу не просто союзником – они вместе принесли жертву, и это их связало. Если завтра Север умрет от вражьей стрелы или яда завистливого братца, то Алерей и его племя все равно будут служить лонгам – здесь закон непреложен. Если Инсаар хотят, чтобы мужчины познавали друг друга телом, и сами так делают, то нужно извлекать из этого выгоду. Беоф слышал: нарушившие жертвенную клятву быстро гибнут, видно, Инсаар заботятся о том, чтобы их волю не преступали. Закон запрещает касаться сына и брата, запрещает ложиться с мальчишкой и тем паче – брать силой ни разу не оросившего семенем собственную постель. Малыш Брен вертел в руках пустой кубок и тоскливо смотрел на опустевшее место старшего брата. Не стукни Брендону в голову дурь с учебой у жрецов, младший сын вождя уже прошел бы свой первый Ка-Инсаар. Хмельная ночь под кронами деревьев даст ему право называться мужчиной, невозбранно входить к женщинам, завести семью. Так повелось от века – только лучшее семя продлевает жизнь племени, а сила и выносливость доказываются на Ка-Инсаар.

Наверное, Брен думал о том же и жалел, что не станет славить, подобно всем мужчинам племени, Быстроразящих, а отправится спать вместе с другими не вошедшими в возраст мальчишками. Малыш отставил кубок и захлопал серыми, как у отца и братьев, глазницами, потом намотал на палец белокурую прядь волос. Нужно позаботиться, чтобы девственности парня лишил человек опытный и ласковый, не то Север может позабыть о такой мелочи... Следующий Ка-Инсаар будет довольно скоро – в союзники просились не только лигидийцы, а чем чаще соблюдаются обряды, тем благополучней живет племя. На равнине этого не понимают, империя Риер-Де славна жестокостью, и обряды они соблюдают прежде всего для того, чтобы потешить себя да показать власть. Драть беззащитного пленника, забитого в колодки, – такая мерзость, что Беофу даже сплюнуть было лень. Инсаар нужно искреннее счастье отдавать и брать, а не вопли муки и порванные задницы. Так всегда твердили жрецы лесных народов, да Беоф и сам это знал.

Видел, как отдавались Инсаар его собственные братья – будто замороженные огромными глазами и гибкими руками Ненасытных, сами раздвигали ягодицы ладонями, подставляли губы. Во время нападения Инсаар на их становище выжил только Беоф, потому что был еще мал, а детишек Инсаар Ненасытные не трогают и людям не велят, да еще один его брат, которого Неутомимые отведали вдоволь. Второй оказался слабее, и хоть выпили его не досуха, не выдержал... а остальные мужчины умерли под гремящими мощью телами, может, потому что сопротивлялись. Инсаар нужна радость, желание – таков закон, и горе тому, кто берет другого мужчину насильно. По-настоящему насильно, а не так, как Север взял Алерея. Должно быть, сейчас вожди пошли по второму кругу, и лигидиец с охотой подставляет задницу твердой плоти союзника – вон как стонет сладко. А Северу сил хватит надолго. Беоф сам видел, как много лет назад старший сынок Брендона, тогда еще четырнадцатилетний, подмял под себя здорового парня – сына вождя келлитов, и все племя лонгов любовалось на резкие движения его бедер и на то, как келлит извивался под ним. Брендон после сам налил сыну полный кубок и потрепал по густым волосам, торжественно объявив, что Север Астигат – мужчина и настоящий лонг. Беоф вновь поглядел на малыша Брена, теперь ковырявшего носком сапога землю. Телом и ликом Брен похож на старшего брата, а вот нравом и умом не слишком, хотя семейного упрямства не занимать. Стал бы шестнадцатилетний мальчишка так прилежно грызть неведомые науки у жрецов, не будь он таким же гордецом? Видно, надеется хоть в этом превзойти старших. Ну и славно – все, что идет на пользу племени, хорошо, только вот не видел шиннард Беоф особой пользы от учения. Пора парню проходить обряды, дурь жреческая из башки-то и повыветрится.

Верен, громко хмыкнув, толкнул соседа в бок. Набрался уже шиннард лигидийцев, не иначе. От облегчения, понял Беоф, когда Верен рассмеялся, ухнув, будто сын:

– Видно, сладко сыну вашего вождя с нашим вождем, роммелет Беоф, раз так долго носа из шатра не кажут.

Шиннард лонгов даже подивился. Ух, хитер союзничек! Отощали воины лигидийцев, оскудела земля, а после того, как старшие братья Алерея сгнули на охоте, всего и богатства осталось у племени, что сладкая задница младшего. Боялся, видно, Верен, что Север Астигат не позарится на нее – и не будет союза. Может, и не позарился бы – стукнуло б в белокурую башку, и прямо у костра отказал бы лигидийцам. Да, кроме задницы вождя, у племени восемь по тысяче раз риеров¹ землицы есть и десять «копий» воинов. Север об этом помнил, как и должно. Из него выйдет отличный вождь, Великий Брендон может умирать спокойно.

– Так отдается ваш вождь на совесть и с радостью, роммелет Верен, как на Ка-Инсаар и положено, – степенно отозвался Беоф, окончательно решив для себя, что лигидийцы – союзники добрые. Хлопнул Верена по жилистой спине и даже пожалел, что ему не двадцать и на мужика у него попросту естество не поднимется. Ну ничего, как сынки Брендона, нагулявшись вволю, отправятся спать, шиннард, выполнив приказ вождя присматривать, тоже сможет почтить Инсаар – на свой лад.

– Тяжело вам пришлось? – Беоф понимал: лишь крайняя нужда заставила лигидийцев просить союза. А ведомо ли им, что скоро в составе войска лонгов пойдут воевать с Риер-Де? Может, сам Брендон и не стал бы нападать первым на Илларию Холодное Сердце, зато Север и не задумается, а отцу его жизни осталось с заячий хвост... Быть войне, и пусть Инсаар pošлют лонгам удачу!

¹ Риер – мера длины, которой в Риер-Де измеряют расстояния; приблизительно равна 1,5 км.

– Тяжело, – ответил Верен, уставившись в кубок. Он был мужчиной и не хотел жаловаться. – Сколько воинов возьмет у нас Север Астигат? И что еще ему надобно? Шкур, мяса и руды мы много дать не можем, год был суровым, а вот льна и пеньки в недостатке, да еще шерсть.

– Это мы с тобой после обряда решим, роммелет Верен, – не ошибся Беоф в союзничке: сразу о деле говорит, не то что некоторые, только попусту языком мелят. – Как у вас с железом? – Воины лигидийцев вооружены неплохо, да только на Ка-Инсаар всегда лучшее берут, чтоб и Неутомимым угодить, и перед соседями похвалиться.

Полог шатра распахнулся, и Верен не успел ответить. Север Астигат – как был, голый – шагнул в круг света, откинул назад спутанную гриву. Обвел воинов веселым, злым взглядом и вскинул сжатый кулак вверх, к лунному небу.

– Ка-Инсаар! – голос Севера был силен, и вновь запел лес, радуясь жертве, и сотни глоток подхватили вопль. Воины вскакивали на ноги, били в щиты, стучали кубками и орали, орали... Следом из шатра вышел Алерей, пристроился за плечом союзника. Вождя лигидийцев пошатывало, на бедрах отчетливо блестело плохо вытертое семя, а светлые глаза были мутными, но довольными. Отныне и навсегда Алерей, сын Абрака, будет идти на шаг позади Севера, сына Брендона, но враги лигидийца станут врагами всех лонгов, и никто не посмеет отозваться о нем неуважительно.

– Жрец! Поддай мне карвир, – Север произнес это спокойно, но старика Грефа будто пришпорили. Жрец бросил свою флейту и травки и кинулся куда-то в сторону. Карвир, широкий кожаный ремень с вышитой на нем ритуальной вязью, нерасторжимо свяжет союз племен, и горе предателю или трусу, поправшему волю Инсаар, скрепленную обрядом. Север вытолкнул Алерея из-за своей спины и вновь поцеловал. Воины довольно засмеялись, ибо жадные губы теперь медлили, мяли рот лигидийца, а тот выгибался навстречу союзнику. На миг прижался чреслами к паху Севера и замер так, дожидаясь, пока сильные, ловкие пальцы завяжут пояс на его обнаженных бедрах.

– Лонги! Моей волей и волей моего отца я, Север Астигат, объявляю этого воина и вождя своим йо-карвиром². Мой кров, моя добыча, моя война станут его кровом, добычей и войной, а любой его враг станет и моим врагом. И будем делить мы ложе, дабы возрадовались Инсаар! – Север умел убеждать. Воины слушали так, будто сын вождя не ритуальную песнь произносил, а открывал им великую истину. За Севером пойдут умирать, подумал Беоф и тут же одернул себя. Не умирать – побеждать! Только так. Алерей поправил кожаный пояс, улыбнулся карвиру и воинам – несмело, искусанными губами, – но всем понравилось. Сразу видно: по душе друг дружке пришли Север и Алерей, а когда вожди довольны, воинам тоже хорошо и спокойно. Греф подкинул в огонь травки, вновь запела флейта, и Алерей склонил голову:

– Обещаю я, Алерей, сын Абрака, быть послушным карвиру моему, что познал меня на ложе, как хотелось Инсаар. И приведу я своих воинов, и отдам добычу, и буду покорен слову Севера, сына Брендона. Ка-Инсаар! – лигидиец говорил хорошо. Кажется, от него и его людей не следует ждать удара в спину. Хотя верность союзничков по-настоящему проверит только война, но она не за горами.

² Йо-карвир (лонг.) – буквально: «карвир» – любовник, «йо» – младший, подчиненный. Аналогично – пассивный партнер в любовной связи. Слово «карвир» употребляется только в значении «обрядовый любовник», без указания статуса; так же называется кожаный обрядовый пояс.

– Ка-Инсаар! – разом завопили воины. Беоф заметил, что малыш Брен, вскочивший было навстречу старшему брату, теперь отступил в тень, съежившись, словно и не сын вождя. Стоит ли сказать Северу, что мальчишке пора пройти обряд? Опытных и достаточно молодых для этого дела можно найти вдоволь – чтобы малыш остался доволен умелыми ласками. Но Север уселся на шкуры, усадил рядом Алерея – тот, впрочем, скорее встал на колени, чем сел – и жестом подозвал ближе среднего брата, Марцела, и самого Беофа. Северу было не до пустяков вроде вступления младшего братца на путь мужчины, его интересовала война. Сам Брендон тоже мог на ритуальном пиру говорить о важном, и шиннард решил отложить заботу о Брене. Успеется еще.

– Ты даешь нам восемь «копий», йо-карвир, – тон Севера не допускал возражений, но Алерея и не думал спорить. Он склонил голову к плечу и ответил кротко, но твердо:

– А ты даешь нам мясо и шкуры, сколько я скажу, карвир. И еще наши женщины зимой будут жить под присмотром ваших женщин.

Север засмеялся и огладил бедро Алерея, потом привлек его к себе и вновь потянулся к губам:

– Это справедливо. Но вначале я расскажу обо всем отцу.

Все же помнит о родителе, порадовался Беоф. Шиннард поглядел, как с криком «Ка-Инсаар!» встал Крейдон, один из лучших дружинников лонгов, как хлопнул по плечу высокого соседа-лигидийца, жестом позвав его подальше от костров, и ухмыльнулся в бороду. Неутомимые будут довольны, они получают свое. Отличная сегодня ночь! Рядом поднялся еще кто-то, по всей поляне воины выбирали пару для обряда, а Беоф вспоминал молодость и прислушивался к разговору вождей. Нужно все запомнить, обсудить с шиннардом Вереном и приниматься за дело. Вот он и назвал Севера вождем... что ж, старики уходят, давая дорогу молодым, а племя будет жить, пока стоит Вечный Лес.

Вождь лонгов Брендон Астигат умирал. Он и сам это знал – тому, кого при жизни прозвали Великим, негоже врать себе и Инсаар. Тело горело в сухом огне лихорадки, а боль грызла изнутри. Брендон не призывал смерть, но подготовился к ней. Когда-то, еще мальчишкой, он услышал мудрые слова и всегда следовал им: если ты жил не напрасно, если делал, что считал нужным, то будешь готов к смерти каждый день, врасплох она не застанет. Так и есть. Умирая, Брендон, чего лукавить, жалел о многом. О том, что больше не увидит поверженных знамен Риер-Де и не срубит голову Илларию Холодному Сердцу. Стратегу все равно не спастись – Север довершит заботу отца, Брендон знал об этом, но привычка все делать самому въелась в кровь. О том, что больше не увидит лица Сабины, матери Брена; она сейчас далеко и не успеет к смертному ложу. Жалел, но без пронзительной горечи, без страха и ропота. Воин выполнил свой долг и уходит в Стан мертвых. Живые оставались в Вечном Лесу – его воины, его сыновья. Север, надежда и опора лонгов, и Брен – мальчик умен и обучен таким вещам, что его отцу и во сне не привидятся. Пусть все ворчали, негодуя, когда он послал Брена учиться в Остериум к жрецам чужой веры, и рыдала Сабина, жалея мальчишку... Что за разница, по-каковски толкует жрец обряды, верят все одинаково – в Неутомимых – и как не верить? А Вечный Лес и без толкований живет в душе каждого лонга, чем бы ему ни забивали голову. Теперь малыш Брен умеет читать и писать, умеет глядеть на звезды и узнавать по ним путь... и много чего другого, он грамотней стратегов Риер-Де, а это главное. Брен будет отличным подспорьем Северу. До прочих сыновей Брендону Астигату почти не было дела, пусть

живут, как хотят, лишь бы не мешались. Марцел – высохший в двадцать лет зануда, Камил – трус... кто там еще? Неважно. Умирая, Брендон помнил только о тех двоих, кого его семья породило в добрый час. И сейчас он хотел их видеть. Закончился ли уже Ка-Инсаар? День за пологом шатра или ночь? Вождь почти ничего не замечал от жара и боли, но на то, чтобы отдать приказ воину, его сил хватило. Пусть приведут Севера и Брена – ну и остальных его отпрысков, сколько их найдется в Лесном Стане.

Они пришли, и вождь глянул на своих сыновей. Глаза застил туман смерти, но он чувствовал их присутствие – даже слезы закипели в уголках глаз. Сейчас он прочистит горло и скажет, что отвлек их от Ка-Инсаар не просто так, по пустой блажи больного. Времени может не хватить, уж слишком сильна лихорадка... Вот Север – белокурая макушка чуть не касается свода шатра, а был горластым комочком. Брендон так любил его мать, Вольгу, дочь Изейи Храброго, что едва не зарыдал, когда рабыни-пленницы сказали ему: нет у него больше жены, погасла, как факел, сунутый в воду. То ли корешок ядовитый в еду попал, то ли вода была плохой. В те годы приходилось пить и есть, что попадется, не разбирая. Он стоял над мертвым телом, держал на руках оружий сверток и клялся, молча клялся в одном: лонги будут есть вдоволь – и с золотой посуды! Не будут женщины в племени так работать и так мерзнуть и голодать! Не останутся детишки без материнской заботы, и мужчины не станут оплакивать друзей и жен. А для этого требовалось раздавить империю Риер-Де, потому что Брендон понимал: либо мы, либо имперцы. Риер-Де с любым соседом тесно, это тебе не келлиты и не лигидийцы. Имперцы не умеют дружить и мирно торговать – и никогда не сумеют. Им просто в голову не придет учиться такому. Варвары имперцам нужны, чтоб воевать в их войске, приносить им дань и орать в колодках во время Ка-Инсаар. Даже обряды – и те не по-человечески соблюдают! Не хватает им храбрости нагнуть соперника в честном бою, нет, им подавай беспомощного пленного. Падение Риер-Де Брендон Астигат видел во сне и наяву, и если для того нужно было двадцать лет прикидываться змеей, он так и поступал. И воевал в их войске, и даже побеждал, ха! Все победы лонгов шли во вред империи, а Брендон терпеливо собирал лесные племена, хотя для этого пришлось ох как постараться! Все шло в ход: хитрость, подкуп, сила, но цель того стоила. И теперь дружина лонгов насчитывала тысячи «копий», а в каждом «копье» по полтысячи воинов. И владели лонги тысячами тысяч риеров отличной земли, где росли полезные травы и была богатая охота. Что ж, пусть Брендон не увидит гибели Риер-Де – зато увидит Север, увидит Брен...

Малыш Брен, как всегда, притулился за плечом старшего брата. Эти двое любят друг друга больше, чем обычно братья, родившиеся в лесу от одного отца, но от разных матерей. А все потому, что его первая наложница, Сабина, взятая во время набега на Трис, похоронила троих детишек – умирали, едва из чрева появившись. Законная жена Вольга подарила ему Севера, и Брендон думал, что причина в дурной крови имперской пленницы. Вольга – дочь лонгов, оттого и родила здорового сына. Да жизнь так повернулась – помер ребенок Сабина, а чуть не следом за ним и Вольга ушла. Когда наложница, переняв из его рук вопящий сверток, принялась кормить Севера молоком, Брендон чуть на ней не женился. И женился бы, но война помешала. А Брен родился в тот год, когда Брендон заложил первый город лонгов – деревянную Трефолу. Как тогда смеялись в Риер-Де над варварами, подражающими просвещенным людям! Теперь не смеются – перестали, после того как лонги два года назад не дали имперцам взять Трефолу, разбили войско стратега наголову. И бесился, должно быть, Иллариий Холодное Сердце и хозяин его, император! А Сабина любила выкормыша, как родного. Видно за доброту ее к сыну соперницы, Инсаар и дали ей Брена – через шесть лет. Брен пускал пузыри на руках матери, Сабина сидела с детьми в новых просторных покоях, улыбалась, подставляя малышу грудь, а Север крутился около, норовя потрогать светлый пушок на головенке брата. Вскормленные одной грудью, братья росли вместе. Теперь Брен будет верен Северу, а тот защитит его.

– Подойдите, – хрипло выдохнул Брендон, сиюсь разглядеть сыновей и шиннарда. Старый друг стоял тут же, сопел шумно. Значит, волнуется. Что ж, Брендон тоже горевал бы у смертного ложа Беофа, но Инсаар судили иначе – вождь уйдет первым, оставив шиннарда жить и воевать, справлять обряды и любить женщин... Пусть Беоф возьмет Сабину к себе. Все трое шагнули к ложу вождя и встали на колени. Марцел и Камил остались у входа в шатер – знали, что около себя отец их видеть не желает.

– Как прошел Ка-Инсаар? – говорить было трудно, но Брендон привычно давил слабость. И похуже приходилось, а скоро все кончится: и боль, и память.

– Хорошо, отец, – заверил Север и чуть сжал руку Брендона. – Лигидиец Алерей – мой йо-карвир, мы уже обо всем договорились. Он даст нам восемь «копий», только придется разрешить их женщинам и детишкам жить в наших шатрах. Я так решил.

Брендон не мог вспомнить, кто такой Алерей, но если Север говорит, что сделал его своим йо-карвиром, значит, лигидиец будет хорошим союзником. Ох как рад был Брендон слышать от сына это уверенное и спокойное «я так решил». Да, сынок, решай и живи. Побеждай. Брендон хотел поздравить сына с удачным обрядом, но силы следовало беречь для главного.

– Север, Брен, Беоф... кто тут еще? Слушайте меня. Я уже говорил свою волю перед всеми лонгами... и повторяю... все, чем мне позволили владеть Инсаар, я передаю своему старшему сыну... Север...

Брендон вновь перевел дух и потянулся слабой рукой к шее, где на кожаном ремешке висел талисман вождя – кусок сердца Инсаар, убитого еще его дедом, первым, кого имперцы прозвали Астигатом – Ведущим Против. И боялись, как огня – так же, как боялись Брендона и как будут бояться его сына. Носи талисман, Север, и будь силен, как все Астигаты...

Но едва ладонь коснулась жесткой от векового пота кожи мешочка, как свет померк. И в сгустившейся тьме увидел Брендон Великий не лица сыновей и старого друга и соратника, а плоский мертвенный лик и огромные черные глаза без белков. Такими Инсаар приходят к тем, кому не грозит иссушение. Те, кого терзают Ненасытные, видят совсем иное – прекрасного, полного сил мужа. Нелюдь молча разглядывал Брендона, а вождь без страха смотрел в черные провалы глаз. Чего ему теперь бояться? Ка-Инсаар завершен, как подобает, Быстроразящий должен быть доволен.

– Да, МЫ довольны, – заверил нелюдь, и серые веки скрыли глазницы. – Потому я и пришел, внук Убийцы. Твой род, Астигат, уже лил нашу кровь, пил нашу жизнь, так узнай нашу волю. В твоём сыне – погибель лонгов, убей его немедленно! Немедля, понял, Астигат?

Неотвратимая тень закрыла шатер, кажется, весь мир закрыла собой, и костлявая рука с острыми когтями указала на... Брена. Брен? За что?!

– Ты сказал, что доволен, Быстроразящий! Мы принесли жертву, все племя принесло... так что тебе нужно? Оставь сына моего! – в груди болело так, будто легкие рвались в клочья, но Брендон держался. Если Инсаар нужна еще жертва, пусть возьмет его самого, пусть возьмет любого в племени, только не его сыновей!

– Глупец, – Неутомимый положил руку на свой пах, как это водится у вечно голодных Инсаар, и распахнул невидящие глаза. – Не мне нужна смерть твоего сына – тебе! И всем лонгам, ибо лютая погибель в нем таится, погибель всем вам. Убей.

Брендон заорал в отчаянье – а может, только думал, что заорал. Он вновь видел лица сыновей и Беофа, стены шатра и стражу у входа. Но Быстроразящий никуда не ушел, стоял за спиной и смотрел пристально.

– Убей.

Никто не замечает Инсаар, кроме него самого, понял Брендон. Не исполнить волю Неутомимого нельзя, и потом... сорок лет трудов, а сын принесет гибель лонгам? Его малыш Брен?

– Да. Убей! Немедля, – Ненасытный вновь вскинул когтистую руку-плеть, и перед глазами Брендона замелькали такие картины, страшнее которых он не видел никогда. Он смотрел на труп Беофа, на Севера – сын был весь в крови, а за его спиной горела Трефола... И смеялся Иллариий Холодное Сердце, и рыдал в колодках какой-то лонг, а рядом еще один, а имперцы бурно радовались их унижению... Нет. Нет! – Убей.

– Север!

Сын вскочил на ноги. У него глаза и лицо матери – Вольга была красавицей...

– Север, убей Брена, он нас всех погубит, всех... Немедля, чтоб я узрел его кровь.

Инсаар тоже хотел убедиться. Распахнул свои черные дыры и пялился, падаль проклятая, не отрываясь.

– Отец, что с тобой? За что Брена?.. – конечно, Север не понимает... никто не понимает, а нужно. Боль драла на куски, Брендон едва не орал – и орал бы, нашлись бы силы... Брен, малыш мой... Мальчик стоял в двух шагах, растерянно хлопая глазами. Услышал, как родной отец приказал убить, – но не дрогнул, не убежал с криком... Плоть моя, гордость моя, как же так?!

– Убей.

Кто это сказал – Инсаар или он сам? Брендон не знал. Последним усилием воли рванул с шеи талисман, вложил в руку Севера, сжал так, что молодые кости хрустнули. Прости, сын, тебе придется... Север отвернулся в сторону, красивое лицо стало спокойным. Умница, сын...

– Хорошо, отец. Твоя воля свята для меня. Дайте меч и выйдем из шатра, – Север взял брата за плечо, заставив подняться. Мальчик посмотрел на старшего в упор, но не возразил. «Нет, при мне», – хотел крикнуть Брендон, но силы оставили его. Смех Инсаар – торжествующий, высокий, мерзкий – был последним, что услышал вождь племени лонгов и от всей души проклял Быстроразящих, а после все поглотила тьма.

Гестия, Мать городов

*«Спала земля в зимней неге, но ныне
Травы стремятся наружу, в сладкой усладе
Пред небесами склоняясь и вновь выпрямляясь.
День их недолог, босая стопа скорохода
Скоро к земле их прижмет...»*

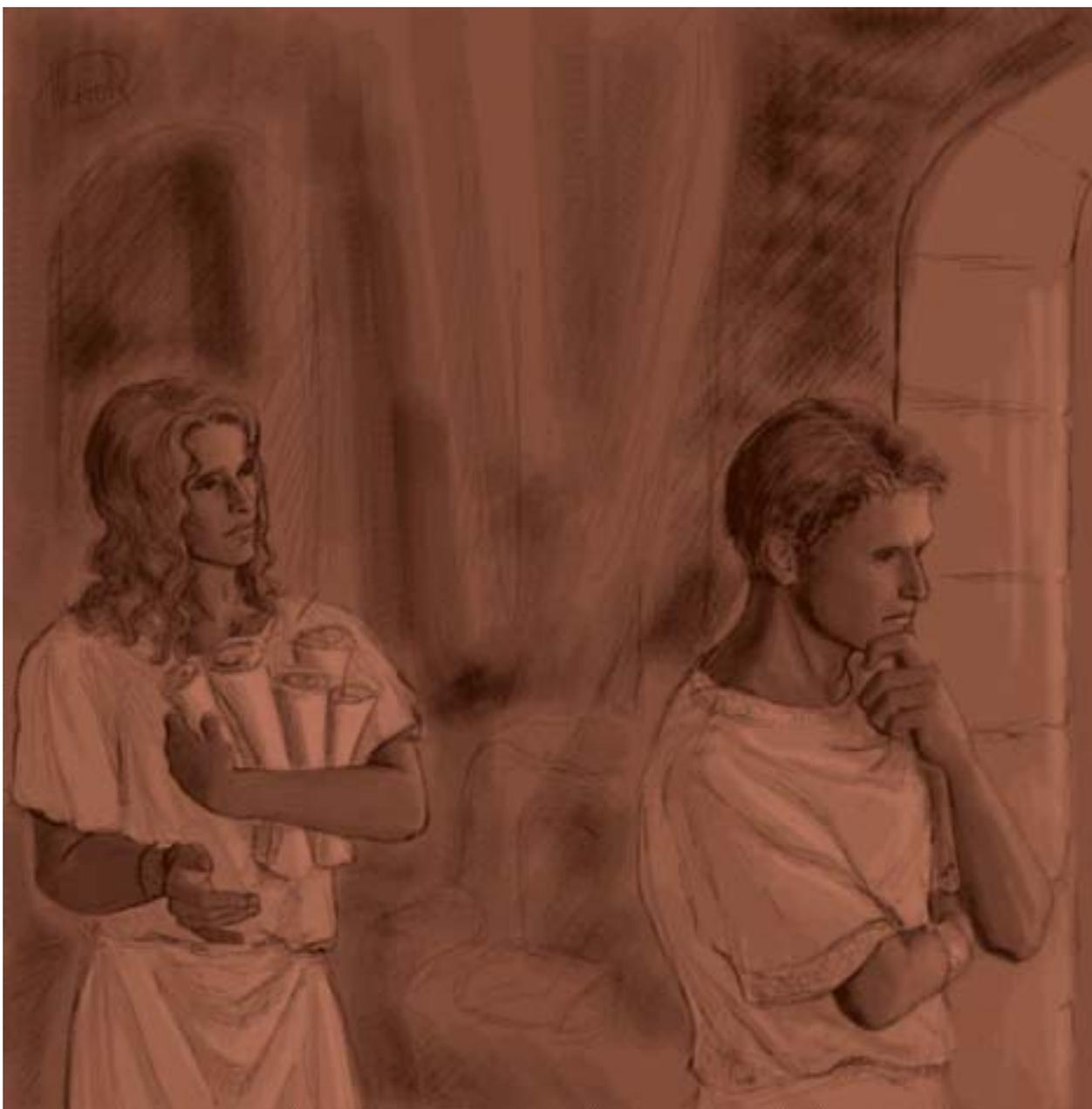
Иллариус Каст отшвырнул свиток прочь. Пусть Луциан и Гермия сколько угодно восхваляют бездарного писаку, но Аней Басиан не получит из консульской казны ни рира. Если Риер-Де станет за свой счет содержать каждого глупца, денег не останется не только на войну, но и на донесения императору. И если куртизанку Гермия еще можно заподозрить в том, что жаждущий возвышения древоточец заплатил ей за ходатайство – ха, чем ему было платить, кстати? – то Луциана – никогда. Ни один аристократ не станет проталкивать такие жалкие... вирши. Илларию было противно называть эту пачкотню стихами. Консул хорошо знал, как мучительно рождается под стилосом красота слова, как не спишь ночами, обдумывая каждую строчку... Что ж, природа не дала ему таланта поэта, даже жалкими способностями не наделила, но он был мужчиной в достаточной мере, чтобы хотя бы признать это. В юности Иллариус думал, что отдал бы половину семейных богатств, доставшихся ему в наследство, за хотя бы одно стихотворение – вроде тех, что Квинт Иварийский пишет по сотне в год. Но судьба... полно! Он сам сделал себя тем, кто есть сейчас – консулом трижды клятой провинции Лонга, стратегом императора Риер-Де. И не позволит какому-то древоточцу выбить себя из колеи.

Иллариий встал, подошел к огромному окну, за которым стремительно сгущались сумерки. В окно, по настоянию Луциана, недавно вставили почти прозрачное стекло – новое изобретение имперских ученых. Бедняга Луциан... согласился делить любовника с Гермией и первым завел разговор о женитьбе Иллариия. Сам Луциан жениться и не помышлял. Ни один аристократ империи не отдаст за него свою дочь – слишком беден род Валеров. Но дело не в том, что Илларию Касту женщины стали нужнее мужчин – по правде говоря, ему вообще никто не нужен, он прекрасно спит один. Иллариий вгляделся в собственное отражение в стекле. Темно-голубые глаза под черной сенью ресниц, прямой нос, высокие скулы, ежик волос... Лонги называют его Холодным Сердцем, и на днях Луциан ехидно заметил, что варвары, должно быть, правы: как еще назвать человека, который на ложе страсти читает доклады разведчиков и стихи Квинта Иварийского? Спору нет, стихи прекрасны, но ночь создана Инсаар для другого. Иллариий снова оглядел себя. В короткой белой тунике он казался юношей. Двадцать пять лет – не возраст для мужчины Риер-Де, но десять лет войны – и шесть из них в провинции Лонга – высушат кого угодно. Иногда он чувствовал себя стариком, так странно. Впрочем, впервые старость заявила о себе полным отсутствием желаний еще в те времена, когда он носил юношеские одежды не по прихоти, а в силу возраста.

– Я служу императору и Риер-Де. И Лонгу я покорю не для себя – для империи, – он произнес это одними губами, не отрывая глаз от своего отражения. Не помогло. Ничто внутри не отозвалось, не запело – музыка души молчала. Зато где-то далеко в лагере легионеров надрывно завывали трубы. Проклятье! Иллариий ненавидел обряды, и когда командиры легионов заявили: нужно провести Ка-Инсаар по случаю полного комплекта войск, иначе воины взбунтуются, – едва не разжаловал всех пятерых. Болваны эдакие. Два, битых лонгами болвана, и трое – еще не битых, но не менее безмозглых, – ничего не в состоянии постичь и непременно окажутся главным развлечением на лесных празднествах. Должно быть, Север знатно потешится с пленными. Варвар. Гнусная, грязная скотина. Белобрысая дрянь, ничтожество, Север Астигат... Злость окрасила щеки легким румянцем – впрямь юношеским. Впрочем, провести в легионах Ка-Инсаар Иллариий разрешил, куда б он делся, обряд положено устраивать как минимум трижды в год. В консуле жил детский страх перед Инсаар. Ребенком он все боялся, что страшные нелюди придут и заберут его, несмотря на рассказы матери и няньки о том, что Инсаар не трогают мальчиков, ни разу не испытавших чувственного экстаза. Когда Иллариий испытал этот самый экстаз, голова у него уже была занята другим. Он мог бы заново испугаться Быстроразящих – когда начал читать о них все, что было написано людьми, но к тому времени будущий стратег уже служил у консула Максима, бегал с поручениями, и ему было не до Инсаар. Он учился – учился воевать и побеждать, хотя, конечно, ему приходилось видеть опустошенные нелюдьми деревни и лагеря. Последний раз это случилось на дальней стоянке легионеров, всего лишь месяц назад. Из сотни отборных воинов выжил лишь десяток, да и те до сих пор не могли прийти в себя, и никто не ведал, очухаются ли они вообще когда-нибудь. Иллариия передернуло от воспоминаний о раскрытых кровоточащих анусах и безумных глазах этих самых выживших. Нелюдей нужно кормить, иначе они сами возьмут свое. Говорят, что на земли Севера Инсаар нападают куда реже. Ну вот, он тоже называет Лонгу землями Севера! Нет, будь все проклято, провинция принадлежит императору, а гнусный варвар просто возомнил себя неизвестно кем. Отец Севера, Брендон Астигат, умер месяца два назад, но толку от этой смерти? Хотя... Север молод, горяч, невыдержан... Объявить себя вождем – просто, а попробуй достойно и умно отправлять обязанности правителя.

Трубы вновь заголосили. Илларию казалось, что он слышит не только их, но и ликующий вой распаленных легионеров, и крики пленных, насилуемых в колодках. В

юности он не раз и не два видел, как легионеры справляют Ка-Инсаар. Воины в массе своей тупы и невежественны, им не объяснишь, что Инсаар совершенно не нужно, чтобы мужчина умер в муках, после того как его отведало два десятка легионеров. Нелюдей гораздо больше устроит, если любовники познают друг друга добровольно – как сам Иллариий и Луциан. Об этом твердили наиболее известные философы, хотя, правду сказать, далеко не все. Некоторые в угоду казарменной братии, пусть и носящей родовые аристократические символы на запястьях, возглашали прямо противоположное: что Инсаар радуются боли поверженного врага, его унижению и страху. Мерзость. Достаточно было изучить вопрос всесторонне, и это позволило составить собственное мнение, вывести тенденцию... Иллариий еще в юности сделал анализ известных в Риер-Де нападений Инсаар и после раз и навсегда привык брать свой страх за шкуру, подносить к глазам и рассматривать пристально, разбирая по пунктам. Это всегда помогало, что же сейчас с ним творится?

Дверь неслышно отворилась, и вошедший в спальню Луциан махнул от порога рукой. Советнику консула уже перевалило за тридцать, но тело Циа все еще радуется юношеской стройностью, и он умен. Любит ли Луциан Валер Илларию Каста? К чему

задаваться подобным вопросом? Чувства людские – не более чем красивые оболочки, значение имеют только дела. Сколько, к примеру, смысла в том, что он хочет сокрушить Лонгу не только потому, что это нужно для Риер-Де, но и для того, чтобы скотина-варвар не радовался свободе в своих лесах, теща мужскую удаль? Консул империи обязан поставить провинцию на колени, как бы он ни относился к вождю лонгов – это следует твердить себе постоянно. Тогда запомнишь и будешь делать, что положено, не отвлекаясь на пустые бредни. Луциан подошел ближе, неслышно ступая по толстым коврам, и молча сел на широкое ложе. Отщипнул виноградину с блюда, налил себе и Илларию вина.

– У тебя такой хитрый вид, Циа, что я просто теряюсь в догадках.

По правде говоря, вид у Луциана был скорее озабоченный – самый подходящий для Ка-Инсаар, усмехнулся про себя консул. Они должны кинуться друг другу в объятия, целовать и ласкать, но Луциану Валеру, как и самому Илларию, было не до любви и не до обрядов.

– Хорошие новости, Лар. Из Остериума.

Что хорошего можно ждать из Остериума, этого гнезда предателей? Вот уж лет тридцать обнаглевшие вконец остеры, пользуясь чехардой на троне Риер-Де, почти не платят подати, да еще и дурят послов. Впрочем, пока дурят, можно не беспокоиться. Вот когда преторов и консулов в Остериуме начнут убивать, тогда какой-нибудь знатный императорский приближенный получит приказ, как получил приказ Илларий, а до него – консул Максим. В Лонге все начиналось так же: вначале варвары обманывали послов и почти не вносили подати, потом дважды устроили империи разгром под видом победы – Брендон Астигат умел проделывать такие трюки! – а два года назад убили претора и консула. Претора убил Север, консула – сам Брендон. Теперь Илларию даже не верилось в то, что всего лишь три года назад они с Севером стояли в одном строю перед консулом Максимом, перед претором. Плечом к плечу, как союзники. Но доказательством служил шрам от запястья до локтя, оставленный скотиной-варваром. И хватило же наглости бросить вызов аристократу Риер-Де, да еще в таком тоне! И как было не принять подобный вызов? Илларий принял и проиграл. Бились на коротких мечах – учебных, затупленных, – и его позор видела половина армии. До сих пор он не мог выбросить из памяти, как варвар встал над ним, поверженным, на землю, как приставил острие к горлу, как крупные губы выдохнули: «Может, поменяешь позу, Илларий Каст, и ляжешь на живот?» Лживая змея, скотина, предатель... впрочем, чего еще ждать от дикого вонючего животного? Но ноздри еще помнили запах Севера – запах лесных трав, железа, чистого пота...

Консул с усилием перевел дыхание. В колодки бы варвара и... но прежде протянуть издевательски: «Может, ляжешь на живот, Север Астигат?». Илларий едва не прижал ладонью напрягшееся естество. О, Мать-Природа! Луциан Валер смотрел на него из-под длинных мягких прядей – не остриженных, как полагалось воину, не завитых по придворному этикету. Прости меня, Циа, я сам не свой.

– Так что за новости? – он подошел к любовнику, погладил плечо, коротко поцеловал в губы. Сегодня Ка-Инсаар, как бы ни хотелось выбросить это из головы, а Илларий... опасался – вот правильное слово. Собственно, в этом мире нет человека, не боящегося Инсаар и их гнева за невыполнение обрядов. Варвары верят, что Быстроразящие даруют им победу, если вожди, а потом все племя отведает друг друга. Может, в этом что-то есть? И в любом случае, не хотелось обижать Луциана невниманием и пренебрежением. Хотя нет смысла врать себе: Циа ему уже давно просто хороший

приятель. Друзей у Иллария Каста не было – с тех пор, как он понял, что даже собственный отец может предать. Вначале Илларий недоумевал: с чего это отец оставил все семейное достояние сыну, коего не особо жаловал. Недоумение прошло после того, как его в первый раз попытались убить. Из-за клочка пергамента на него покушались раз десять, не меньше, и сплошь близкие родичи. Когда яд подсыпала родная сестра – по настоятельной просьбе их дяди, выраженной во внушительном сундуке, набитом золотыми рирами... А ведь в детстве они дружили с хохотушкой Агриппиной, вместе читали, играли, он показывал ей свои стихи... Луциан Валер – хороший любовник, отличный помощник, но Илларий не поручился бы, что Циа не пишет каждый месяц императору, подробно донося о каждом слове того, чью плоть он ласкает своими губами.

– Вижу, тебе не до новостей. Вспомним об Инсаар? – Луциан стянул тунику, чуть привстал, бросил ее на пол. Илларий, закусив губу, смотрел на стройное тело – нежеланное... почти нежеланное. Но, когда Циа потянулся к его плоти, мягко сжал в ладони, что-то все же отозвалось внутри – тяжестью внизу живота, жаром в висках.

– Ка-Инсаар, – прошептал Луциан, забирая его член в рот. В столице Риер-Де говорили, что никто не умеет доставлять наслаждение так, как делает это Луциан Валер, и верно. Любовник начал с легкой игры: едва коснулся кончиком языка, потом обнял головку губами, немного прикусил кожу, и Илларий охнул. Рука Луциана нежно гладила его мошонку, ласковый рот становился все более жадным – и вот на члене вздулись вены, забилась живая кровь, и от напряжения стало больно. Циа хмыкнул, расслабляя горло, глубоко впуская плоть, верткий язык творил уже вовсе немыслимое. Илларий одним движением освободился от туники, резким толчком опрокинул любовника на постель – все же в видимости обрядовой борьбы была своя прелесть – и лег на него сверху, прижимаясь обнаженным телом к телу Циа, тоже нагому, уже готовому. Члены терлись друг об друга, сочась выступившей влагой, а консул неспешно целовал своего советника. Жесткий подбородок, нежность и гладкость век, полураскрытые, пахнущие горьким губы... Циа застонал под ним, разводя колени в стороны:

– Лар... возьми меня без масла. Сегодня так нужно, – глаза Луциана подернулись мутью. Любит или не любит, доносит или нет, а хочет по-настоящему. Странно, почему же сам Илларий его почти не хочет? Внутри так и не растаяло что-то чужое и холодное. Впрочем, это чувство всегда было с ним – просто Циа так искусен в ласках, что и горные снега способен растопить. Но неужели Луциан в самом деле готов вытерпеть боль ради него, ради Ка-Инсаар? Варварство какое! Только дикари так по-животному берут своих йо-карвиров, обвенчанных кожаным ремнем возле костров. Ну да, а собственные легионеры поступают еще хуже. В лагере сейчас уже наверняка ступить некуда от бездыханных растерзанных тел. Консул Лонги, нахмурившись, посмотрел в лицо своего советника. Даже ради обряда он не станет уподобляться скотам. Но глаза Циа сияли так естественно, так зовуще... Илларий потянулся за маслом, но любовник перехватил его руку.

– Сегодня Ка-Инсаар, – настойчиво повторил он, смачивая себя слюной. Обхватил ногами талию Иллария, просунул руку между их телами и направил любовника в себя. Когда головка протолкнулась сквозь сжатые мышцы – и как Циа ухитрялся оставаться таким узким? – что-то произошло со зрением Иллария. Едва он почувствовал, как жаркое нутро приняло его плоть в себя, едва услышал вскрик, а следом долгий стон, едва заглянул в карие глаза Валера... будто на голову рухнул мозаичный потолок опочивальни. И увидел он под собой другое тело – загорелое, с такими мускулами, что и не снились аристократу, – распахнутые серые злые глаза и белокурую гриву, мокрую от пота. Что ж, Север Астигат, ложись на живот. Да! И ноги пошире раздвинь, и задницу сожми крепче!

Пусть тебя колодки умирят, чудовище! Да, вот так... Иллариий вбивал себя в покорное тело, слышал стоны – кажется, в них была боль и страсть – и ничего вокруг не видел, кроме этих горящих яростью глаз. Наглый дикарь так и не отвел взгляда, не опустил ресниц... А кончая, Иллариий Каст, консул Лонги, прижался лицом к плечу ошеломленного натиском Луциана и вдруг совершенно отчетливо понял: он не хочет брать Севера Астигата ни связанным, ни в колодках. Он хочет, чтобы белобрысый варвар покорился сам.

Консул скатился с любовника и долго не мог отдышаться, пока Луциан не поднялся, постанывая, и не поднес ему кубок кованого золота. В кубке плескалось божественное вино из подвалов Гестии, Матери городов Риер-Де, и Иллариий долго смотрел на прозрачную жидкость. Схватить страх за шкуру и посмотреть ему в глаза? Назвать по имени? Так, консул? Ну что ж, схватил, посмотрел и даже назвал. Но не принял и никогда не примешь! Никогда. Варвару место в цепях, а не в твоём сердце. И даже не смей...

– Ка-Инсаар, – еле слышно проговорил Иллариий. – Это все нелюди... Тебе больно? Прости, я не хотел.

– Больно? Да мне давно не было так хорошо, Лар! Будто тебя подменили. Вот тебе и Холодное Сердце, – Циа смеялся. Он не ведал, о чем говорил. Как бы ответил аристократ Валер, знай он, что любовник, входя в его тело, видел перед собой варвара? Ладно. Чувства мешают делу. Он и так слишком много времени угробил на улаживание нелюдей. Провинцию покорить они не помогут.

– Так что там за новости из Остериума, Луциан? – Валер по тону понял, что перед ним уже не его приятель и партнер, а консул и стратег, и потянулся за туникой. Под одеждой нашелся небольшой, запечатанный воском пакет.

– Здесь письмо верного нам человека. Можешь и сам прочесть, но, если коротко, новости многообещающие. Сын покойного вождя лонгов, Брендон Астигат, вернулся на учебу в храм Трех Колонн. Говорят, Север Астигат обнаглел настолько, что пригрозил магистрату Остериума истреблением, если с головы его брата упадет хоть волос. Что ты на это скажешь?

Остериум. Храм Трех Колонн

Мощные, высоченные, красные в золотых прожилках Три Колонны возвышались посреди выложенного мрамором двора, будто совсем иная плоть, кажется, дотронься – и оживет. Брену мучительно хотелось прикоснуться к гладкому камню, но это позволялось лишь в дни больших празднеств. Любимый наставник, главный жрец Торик, пояснил, что в древности люди верили, будто Инсаар возглавляют три вождя, но продолжать верить в это и сегодня – полное невежество. У Инсаар нет вождей и нет подданных, они почти не общаются друг с другом, объединяясь лишь для нападений на людей или при общей угрозе. Летописи учили, что когда-то прадед Брена, прозванный имперцами «Ведущим Против» – Астигатом, научился убивать Инсаар, и те объединились против племени лонгов. Была война. Брену даже представить себе такое казалось невыносимым. Как можно воевать с Быстроразящими? Тем не менее в летописях говорилось, что прадед заключил с Инсаар договор, скрепив его обрядом, и стал карвином одного из владык Неутомимых. По договору Инсаар признали за Астигатами право владеть землями к северу от Гестии, Матери городов, в обмен на регулярные обряды. Брен очень много размышлял об этом.

Если лонги были угодны Инсаар, почему же те не помогли племени против империи? Наставник Торик тоже не смог найти объяснений. Возможно, Неутомимые не хотели вмешиваться в людские войны, а может быть, империя Риер-Де, Всеобщая Мера, была угодна Инсаар больше других государств и племен. Брен даже себе боялся признаться, что давно разрешил загадку. Риер-Де действительно была Мерой – мерой не только земли, но и знания, просвещения. В империи не отрезали уши побежденным, чтобы потом нацепить их на шею, как сделали отец, братья и прочие воины после битвы у Трефолы. На широкой груди Севера болтались оба уха претора! Брат был весь в крови – своей и чужой – да еще надел это «ожерелье», сам отрезав трофей... И в Риер-Де никто не ел мясо руками, и большинство умели читать и писать и знали, что нужно просто кипятить воду, чтобы уберечься от заразных болезней; а в родном племени в дни засухи жрец Греф – невежественный из невежественных – бросал в реку горсть травы, потом прыгал на берегу с воплями, и после люди умирали от отравы. Потому что негоже человеку мыть в реке оружие и сапоги, купать свиней, коз, лошадей, а после пить эту воду! Брен пытался объяснить это отцу и Северу, но те смеялись и отмахивались. Впрочем, воду оба пили редко, чаще отвратительное на вкус и мерзко пахнущее ячменное вино – танам. Когда Брен возвращался в Остериум, старший брат едва стоял на ногах, так насосался танама, но все же проводил младшего до последних постов и обнял на прощание.

В обычные дни, заполненные учебой и отправлением обязанностей в храме, Брену не хватало времени на праздные размышления, но сегодня наставник Торик велел ждать его у Колонн, и от мыслей уже не спрятаться. Вспоминать о брате и о родном племени было вполнину не так стыдно и мучительно, как о прошедших ночах, когда в его сны входило нечто неведомое прежде, влекущее и страшное. Но размышления о доме тоже не приносили успокоения. Наоборот, Брен все чаще задавался вопросом: а что он, Брендон Астигат, должен покойному отцу, брату и племени? Ровно ничего! Когда его впервые отослали из дома в Остериум, он боялся едва не до тошноты. Но страх давно прошел, и теперь Брен не назвал бы места лучше, чем этот храм. А две луны, тьфу ты, два месяца назад...

Умирающий отец велел убить его, и пусть Колонны рухнут немедленно, если Брен не был уверен в том, что Север выполнит приказ. Седая голова отца откинулась на свернутые в валик шкуры, вождь потерял сознание, а Север выволок Брена из шатра. Марцел, Камил и шиннард Беоф выскочили следом и устали на них, а потом Камил крикнул: «Ну, что ты ждешь? Отец велел его зарезать, как свинью!» Север в ответ ударил среднего брата кулаком в лицо, и тот свалился на землю, выплевывая выбитые зубы. Марцел отрешенно молчал, ему всегда все было безразлично, а шиннард вцепился в бороду, не зная, как поступить и что сказать. И тут Брен совершенно ясно понял: они чужды ему – эти люди, готовые из-за чьего-то предсмертного бреда убить ни в чем не повинного человека. И если Северу вздумается выполнить приказ, никому даже не придет в голову ему мешать. Лонги... имперцы правы, совершенно правы: варвары не знают законов и не видят в них надобности. Столько лет Риер-Де пытается дать дикарям знания, строит дороги и мосты, госпитали и странноприимные дома, старается внушить четкие, всем понятные правила – но варварам ничего этого не нужно! Лонги *хотят* жить в грязи и зверстве, а вожди и жрецы поддерживают их в этом – ведь невежество и забитость племени дают им огромную власть. Брену было так больно и стыдно, что он почти не боялся, открыто глядя в сумрачные глаза Севера, любимого старшего брата, того, кем Брен столько лет восхищался. Восхищался до тех самых пор, пока не увидел на груди брата ожерелье из отрезанных ушей... Север всегда возился с младшим, учил владеть оружием, учил приемам борьбы – запросто, в игре... даже пускал с ним сделанные из коры кораблики и рассказывал о битвах и пирах. А еще носил на руках, когда Брен подхватил болотную

лихорадку, поминутно дотрагиваясь губами до горящего лица, подарил первый кинжал, заступался за него перед всеми, никому бы пальцем тронуть не позволил...

А теперь Север качнулся к нему, сжимая плечо, как тисками – будто собирался переломать кости. Рука Севера потянулась к поясу, Брен зажмурился – вот-вот обнажит кинжал и ударит. Но удара не последовало. Брат отпустил его и отцепил с пояса флягу с танамом. Отхлебнул, помолчал и бросил:

– Ну, чего уставились? Не стану я убивать брата только потому, что вождю привиделся дурной сон. Говорят, перед смертью к воину приходят души тех, кого он убил, а отец отправил в Стан мертвых многих. Вот ему и почудилось, что Брен – это какой-нибудь имперец, которого папаша прикончил сто лун назад. Так, жрец?

Брен не заметил, откуда и когда появился Греф, но старикашка уже крутился около, угодливо заглядывая Северу в лицо. Какая все-таки разница между жрецом племени и наставником Ториком! Главный жрец храма Трех Колонн не стал бы лебезить даже перед императором Риер-Де, ведь знания дают такую силу, перед которой ничто все венцы и символы власти.

– Воистину так, о Север, сын Брендона, – закивал жрец. – Да и негоже прерывать Ка-Инсаар ради убийства. Возвращайся к костру, твой йо-карвир ждет тебя... Инсаар разгневаются.

Греф хихикнул – подобострастно и удивительно непристойно. Север обнял Брена за плечи и шепнул на ухо:

– Отец болен, мелкий. Думаю, он умирает, так что не стоит слушать его слова. Я лишь сделал вид, что подчиняюсь: пусть старик уйдет легко; но убить тебя... да у меня рука не поднимется. Так что просто выбрось все это из головы, хорошо?

Брен покорно кивнул. Но на самом деле он запомнил, хорошо запомнил эту ночь – ночь Ка-Инсаар.

А Брендон Астигат, вождь лонгов, внук Убийцы Инсаар, скончался в полдень следующего дня. Он так и не пришел в себя, не открыл глаз и не проверил, выполнил ли старший сын и преемник его последнюю волю.

Больше всего Брен боялся, что теперь Север оставит его в племени или отошлет в Трефолу и не позволит вернуться в храм Трех Колонн. Оставаться было невыносимо – грязь, невежество, грубые шутки жгли будто огнем, и Брен больше не чувствовал себя в безопасности. Иногда ночами он мечтал вновь стать ребенком, просто довериться Северу и ни о чем не размышлять. Если бы старший брат мог уделять ему хоть немного времени... но молодой вождь был постоянно занят, а короткие свободные часы делил между крепчайшим танамом и йо-карвиром. Как-то раз шиннард Бреф заикнулся при Севере: негоже, дескать, отправлять брата вождя лонгов в храм чужой веры, нечего ему заниматься пустяками, когда скоро война. Брен – будущий воин, он должен занять место в дружине, пройти Ка-Инсаар, стать подспорьем брату. К тому же Остериум слишком близок к империи, мальчика могут взять в заложники. У Брена все замерло внутри. Он с таким страхом ждал ответа Севера, что даже не заметил, как прокусил язык.

– Вот гляди, старина Беоф, – хмыкнул Север, вытащив из походной сумы свиток пергамента и помахав им перед носом шиннарда. – Это приказ Иллария Холодной

Задницы своему командиру легиона. Гонцов имперца перехватили Крейдон и его воины, и им пришлось славно постараться, чтобы добыть приказ. Не скажешь ли, что в нем написано?

По виду шиннарда можно было решить, что его силком накормили живой жабой да еще и требуют рассказать, какие чувства он при этом испытывал.

– Нужны мне их поганые закорючки, – проворчал Беоф наконец. – Я и руны-то с трудом разбираю, не то что имперские выкрутасы. Воину не к лицу пялиться в такую погань...

– Не к лицу, говоришь? – Север нехорошо сощурился, и Беоф даже отодвинулся немного. – Значит, не можешь. И я не могу. Марцел, может, у тебя получится? Или у тебя, Камил?

Средние братья дружно замотали головами. Действительно, почти никто в племени не разобрался в имперской грамоте, да и в собственных рунах, по правде говоря, тоже. Помолчав, Север кивнул в сторону Брена:

– А вот он – может! Читай, брат.

Брен прочел письмо консула Лонги, стратега Риер-Де Иллария Каста, которого все называли Холодным Сердцем и только Север – Холодной Задницей. У консула был очень хороший почерк, разборчивый и красивый, да и слова складывать он умел. Приказ и вправду оказался важным: Илларий перебрасывал Второй легион ближе к руслу реки Лонга. Север и Беоф, послушав, заспорили: зачем это нужно консулу, и чего следует ждать племени? Потом Север похвалил младшего брата и заявил не терпящим возражений тоном: собирайся, через два восхода солнца вернешься в храм Трех Колонн. И прибавил, что Брен останется в храме до следующего урожая, а дальше будет видно. Если же остеры выдадут брата вождя лонгов имперцам, город сгорит в огне, на котором Север собственноручно поджарит весь магистрат. Брен был благодарен брату хотя бы за это. От одной мысли, что ему придется остаться в племени, начинали дрожать руки. Ну почему отец и Север не соглашались с властью Риер-Де, не желали прекратить сопротивление? Император оценил бы подобный шаг, даже, может быть, сделал бы Астигатов аристократами империи. Подобные случаи, когда варваров принимали, как своих, бывали, хотя и редко. Тогда лонги жили бы без страха, перестали бы отрезать уши поверженным врагам... повитухи не кромсали бы пуповину младенцам грязным ножом, а сам Брен мог бы учиться дальше. А потом научил бы писать и читать других мальчишек. В племени было многомышленных ребят, но их обучали лишь охоте, войне да выполнению обрядов. Обряды! Брен знал, что сможет познать мужчину и женщину и жить, с кем ему угодно, лишь после своего первого Ка-Инсаар. Но торопиться не хотелось – уж больно омерзительны грязь и похоть. Накануне отъезда, когда Брен надеялся, что Север поговорит с ним хоть чуточку, он зашел в шатер брата и замер у входа. Север был не один.

Йо-карвир брата, Алерей, изогнулся на ложе из шкур, опираясь на колени и локти. Смуглое тело вождя лигидийцев блестело от пота, а естество напряглось так, что Брен видел проступившие капли. Север стоял на коленях позади йо-карвира и одной рукой придерживал того за кожаный пояс, ритмично дергая на себя. Впрочем, Алерей и сам насаживался на плоть брата. Каждый раз, когда приподнятые ягодицы прижимались к паху Севера, Алерей громко стонал, а то и вскрикивал.

– Ух, козочка моя резвая... Давай сильнее, – глухо выдохнул Север и с такой силой подался вперед, что Алерея забился и заорал. Увидев, как ладонь лигидийца оросилась его же семенем, Брен хотел уйти, но что-то приковало его к месту. Верно говорил медикус храма Трех Колонн: в определенном возрасте проснувшееся тело пробуждает жизненные соки, угодные Инсаар. Человек не в состоянии сопротивляться двойному напору – Неутомимых и самой природы. Но Инсаар и есть часть природы, так что люди бессильны. Кляня себя на чем свет стоит, Брен смотрел, как старший брат рывком поднял безвольно повисшего на его руках йо-карвира и усадил к себе на колени. Сильные ладони ласкали бедра и живот Алерея. Тот свесил голову на грудь, тихо попросил: «Дай мне отдышаться, Север», – но брат только хмыкнул, приподнимая любовника и заставляя опуститься на собственную напряженную плоть. Алерея вскрикнул, но покорно раздвинул ладонями полушария и задвигался, вращая бедрами. Впрочем, Север мучил его недолго: ткнулся лицом в каштановые волосы лигидийца, и по телу прошла долгая дрожь. Только тогда Брен смог, наконец, убраться в свой шатер. Ему было обидно и горько – и от того, что брат, любимый брат, не находит для него времени, и от созерцания очередной мерзости. Север просто намного сильнее вождя лигидийцев, потому и берет Алерея, как женщину, унижая его, причиняя боль. Варварство, чистое дикарство. Лигидиец стал наложником брата лишь потому, что не смог победить во время Ка-Инсаар, а любовь не должна быть подневольной, вырванной сильным у слабого! И они хотят заставить Брена пройти такой же обряд? Чтобы его, сына Брендона Астигата, потом вот так же гнули, ломали и валяли в грязи? Ну уж нет! Он не видел никакой доблести в Ка-Инсаар, в обычае надевать побежденному ремень на бедра, словно для того, чтобы в самом деле водить за собой на привязи, точно козу или лошадь. Служение Инсаар должно быть добровольным, счастливым, любящие открываются друг другу, распахивают тела и души. Но, не пройдя обрядов, не станешь мужчиной – закон лонгов суров и обязателен и для сына вождя, и для сына простого воина. И потому Брен был рад вернуться в храм Трех Колонн. Учеба помогала справляться с желаниями тела, каждый день он узнавал так много нового, что времени на сожаления и сомнения почти не оставалось. До той ночи, когда к нему пришло неведомое, настолько прекрасное, что дыхание перехватывало...

Наставник Торик велел ждать его у Колонн, и Брен терпеливо ждал. Перед прощанием Север посоветовал быть осторожнее, а главное – не верить никому, кроме приставленного к младшему брату Крейдона и его людей. «Помни, – напутствовал новый вождь, – остеры хоть и любят империю не больше нашего, но трусливы и падки на деньги. Любой из них может предать». Север просто не знал, о чем говорит. И Торик, и другие жрецы храма превыше всего ставят знание. Они служат лишь ему, ничему иному, им нет дела до вражды лонгов с империей. А брат попросту помешался на Иллариинском Холодном Сердце – все мечтает взять над ним верх, оттого и твердит о войне и предательствах.

Не прошло и одной луны, как Брен и вовсе перестал беспокоиться о возможной опасности. Теперь он жил, словно во сне. Однажды ночью долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, и вдруг провалился в дрему и в вязком тумане увидел... Брен не понял, что это было, но мягкая ладонь неожиданно легла на плечо, потом взъерошила волосы. Он вскинулся на постели – или это тоже было во сне? – и уставился на пришельца. Незнакомец сидел рядом на ложе, в глубине прикрытых густыми ресницами глаз сияли золотые искры – такие теплые, манящие, прекрасные... Брен хотел было спросить что-то, но сидящий прикрыл ему рот ладонью. Длинные пальцы пахли пьянящим ветром, лесными кронами, дымом родного костра, чистой ключевой водой, храмовой зеркалой, пергаментом и ароматными свечами... Весь мир сосредоточился в этом запахе, все, что Брен любил в своей жизни, и он потянулся навстречу ладони, невольно прикоснувшись к ней губами. Незнакомец чуть приобнял его за плечи, и юноша, задышавшись от страха и непонятной горячечной радости, смог рассмотреть его получше. Ночной гость был

необычайно красив, хотя попроси младшего сына вождя описать его внешность, у него бы не получилось даже под страхом смерти. Лунный блик выхватил из тьмы гладкое плечо, на котором лежали кольца темных волос, точеный профиль, полные губы и белоснежную полоску зубов. А еще у незнакомца были ласковые теплые руки. Они неторопливо погладили спину, задержались на плечах, и вдруг незнакомец коснулся губами впадинки под ключицей. Юноша ахнул, задрожал, рванулся – испытанное нельзя было сравнить ни с чем, его будто наизнанку вывернули. Но златоглазый, придержав его, уже целовал горло, потом осторожно обхватил губами сосок. Брен как-то слышал, что соски ласкают только женщинам. Ну, значит, он женщина, раз от прикосновения горячего, острого языка кровь разом прилила к лицу и отхлынула к паху так, что мошонка сжалась. Ночной гость толкнул его на ложе и принялся вылизывать оба соска поочередно, иногда отрываясь и поднимая голову, и от золотых искр в жаркой глубине Брен сходил с ума. Он бился и стонал, силясь прижаться к крепкому телу сильнее, но незнакомец просто ласкал его грудь, потом вновь поцеловал – уже в губы – и исчез, так и не произнеся ни единого слова.

Брен проснулся с придушенным криком. Все тело звенело от напряжения, чресла ныли невыносимо... никогда такого не было! Он рывком перевернулся на живот, пытаясь хоть как-то унять пожирающее его пламя, начал тереться членом о покрывало... и вдруг осознал, что лежит, бесстыдно выставив зад, будто йо-карвир Севера! Но ничто уже не имело значения. Юноша приподнял бедра еще выше, сжал плоть ладонью и кончил тут же, содрогаясь, вцепившись зубами в угол покрывала, чтобы не заорать. Весь день он проклинал дурацкий сон – промежность и мошонка ныли ужасно. Правильно говорили воины: нет ничего хуже, чем возбудиться и не кончить как следует – разве что сидеть на пиру со связанными руками и заткнутым ртом. А на рассвете сон повторился. Нет, все было иначе, и все-таки так же. В этот раз незнакомец лег рядом, просто лежал, прижав его к себе, и Брен задышался от счастья близости – полной, доводящей до иступления знанием, что скоро все закончится. Он отдал бы все на свете, лишь бы не просыпаться, а лежавший подле него неторопливо гладил его спину, зарывался пальцами в волосы, обводил контуры губ... потом, приподнявшись, вновь прильнул к соскам, чуть прикусил тонкую чувствительную кожу, и сын вождя вскрикнул от остроты желания. Ночной гость плавным движением привстал и накрыл его рот своим, целуя так осторожно и нежно, будто просил прощения за причиненную боль. Раздвигал ласковым языком губы, облизывал, прижимая и вновь отпуская, а Брен опять старался прижаться теснее и, страшась своей смелости, обхватил мужчину за шею. Только не отпускать! Какая у него нежная кожа, просто атлас... но главное, что в присутствии незнакомца окружающее исчезало, отодвигалось, становилось ненужным и непонятным. Хотелось просто лежать вот так, рядом с чудесным видением. Отдельно от него Брен не ощущал своего тела, и лишь когда эти губы и руки ласкали его, подчиняя и вознося на недоступную прежде высоту восприятия, знал, что жив и дышит. Пробудившись наутро, юноша заплакал. Он не желал поддаваться слабости, но ничего не помогало – слезы текли по лицу. Остаться в глупом, сложном мире без своего видения казалось невыносимым, невозможным... Сын вождя ничего не мог делать весь день, думая только о неотвратимо наступающей ночи. Но напрасно он ждал на своем ложе без сна, незнакомец больше не явился. Ни в эту ночь, ни в следующую... Брен никогда так не тосковал – ни по отцу, ни по матери, ни по брату. Он слонялся по храму, не находя себе места, даже велел Крейдону и его людям седлать коней, чтобы вернуться домой. Краски померкли, все стало бессмысленным – и зачем учеба, если никакие знания не помогут вернуть тот сон? Крейдон решительно воспротивился приказу, и буквально через пару-тройку дней Брен искренне поблагодарил дружинника за твердость. Что это на него нашло? Должно быть, съел или выпил что-то негодное. Как вообще можно так распускаться? Север в такое опасное время отправил его в храм Трех Колонн, чтобы младший брат после приносил пользу всем лонгам, а Брендон Астигат попусту тратит время. Разум почти забыл про сон – но тело помнило. Не раз и не два Брен

просыпался в ночи, сжимаясь на постели, и внизу живота сладко и больно ныло, а голова кружилась от слабого намека на всеокрушающий запах. Он так и не рассказал никому о златоглазом, и верно сделал – признайся он Торику в том, что бредит своим видением, наставник не позвал бы его сегодня с собой. Жрец хотел поставить опыт, для коего требовались открытое небо и высота. Для наблюдений и выстроили астрономическую башню с плоской площадкой наверху, с которой в ясную ночь, вроде сегодняшней, можно было как на ладони увидеть Танар и Аспет – главные звезды, указывающие путь морякам и пешим путникам. Торик просил Брена взять с собой воинов, выделенных Севером для охраны брата, – до башни путь не близок, а вокруг Остериума небезопасно.

Услышав легкие неспешные шаги главного жреца, Брен еще раз посмотрел на высокие красные с золотом Колонны. Он не знал, о чем просить Инсаар, а врать Быстроразящим нельзя – они все равно слышат мысли людей и накажут за обман. Он хотел победы Северу, но торжество лонгов над империей будет означать вечную тьму невежества для племени. Как совместить два противоположных желания? Этому учит наука логика, но Торик говорил, Брен еще слишком молод для ее изучения. Юноша вздохнул и решил, что не соврет, если попросит у Инсаар жизни и здоровья Северу Астигату, а еще, еще... пусть Неутомимые смилостивятся и позволят ему хоть раз увидеть златоглазого, прикоснуться к нему... Брен быстро подбежал к ближайшей Колонне и, не обратив внимания на предостерегающий окрик Торики, коснулся губами гладкого камня. Пусть сбудется!

Небольшой отряд въехал в лощину и остановился. До Башни Наблюдений оставалось рьера полтора, не больше, но Крейдон отчего-то беспокоился, да и Торик примолк. Всю дорогу Брен и его наставник обсуждали положение небесных светил и методы исчисления пути, а теперь юноша заметил, что жрец уже давно не отвечает на его реплики.

– Роммелет Брендон, не нравится мне здесь, – дружинник Крейдон приподнялся в седле, и Брен, поглядев на его крепкие мускулы, вдруг вспомнил, как волосатые руки держали бедра скрипевшего зубами лигидийца на Ка-Инсаар. Север куда образованней отца, он просто обязан запретить лонгам такую дикость! – Больно уж тихо... Может, заедем в деревню? Переночуем, а утром дальше?

– Нет! Странноприимного дома там нет, а в лачугах жителей наверняка полно блох, – Торик тоже привстал в седле, пренебрежительно махнув рукой в сторону домишек, стоявших в стороне от лесной тропинки. Брен согласился с наставником: уж конечно, ночевать в каком-нибудь хлеву – а остеры довольно бедны – не предел мечтаний.

– Едем дальше, немного осталось, – бросил он Крейдону и сжал колени, посылая коня вперед. Дружинник что-то проворчал себе под нос об умниках, которые всюду суют свой нос, но подчинился. Они проехали еще полриера. Деревня давно осталась позади, быстро темнело. Все молчали, и Брен уже начал подремывать в седле, когда возле уха что-то свистнуло, раздался вопль, и кто-то схватил коня под уздцы. Лошадь взбрыкнула, но сорваться с места ей не дали. Прямо впереди выросла высокая массивная фигура, и Брен, не задумавшись, выхватил кинжал. Ударить он не успел. Ко рту прижали что-то мягкое, дыхание перехватило, а горло сжалось от недостатка воздуха. Он еще попытался драться, ускользящим слухом ловя шум борьбы и испуганное ржание лошадей, но жесткие руки сжали его так, что не вырваться. Брен боролся за каждый вздох, даже ухитрился пнуть невидимого противника, но вскоре силы оставили его, и зрение померкло. Последнее, что

увидел перед собой брат вождя лонгов: блеск начищенной меди на бляхе легионера империи Риер-Де.

Глава вторая **Дороже золота**

Крепость Трибул

Крепость в шестидесяти риерах от Остериума требовала починки еще при прежнем императоре и едва не рассыпалась от топота легионеров. Но ее сохранность мало беспокоила консула. Главное, нашлось, куда привезти столь ценного заложника. А куда его иначе девать? Остериум ненадежен, – хорошо хоть, что жрецы не обманули в последнюю минуту! – окрестные деревни и того подозрительней. Тащить мальчишку сразу в Гестию было бы недальновидно – возможно, торг с Севером за жизнь его брата уместней провести близ границы Лонги. Илларий прекрасно знал, насколько опасен его план, ведь похищение младшего брата вождя нарушало хрупкое равновесие. Что ж, давно пора указать варварам их место. Но встречаться с мальчиком... он отчетливо осознавал, что это несусветная глупость. Для чего разговаривать с заложником, вся ценность коего в старшем брате? Возвращать Брендона консул не собирался – этим, помимо всего прочего, он подписал бы себе смертный приговор. Так не все ли равно, где состоится их первая беседа – в приграничной крепости или в темнице Гестии? Но любопытство – каков этот мальчишка? похож на брата? – пересилило, и он рискнул. Консул взял с собой две когорты – не считая Гермии, внушительная сила... да только не близ земель варваров. Мальчишку могли попробовать отбить, ведь один из дружинников сбежал и вполне успел бы добраться до своих. Но Илларий, вместо приказа отправить парня в Гестию, велел проводить Брендона Астигата в комнату, в стене которой остроумный строитель проделал смотровое отверстие – как раз на уровне низкого потолка. Консул отлично все видел: светлые вихры, прямую спину, сложенные на коленях по-мальчишески узкие ладони. Мальчик – что Иллария удивило безмерно – не метался по комнате, даже не остался стоять, а просто сел в кресло и замер. Похоже, он даже не пошевелился с тех пор, как оказался внутри. Консул долго гадал, что еще вызывает удивление в поведении мальчишки, и вдруг понял: заложник сел в кресло! Мать-Природа Величайшая! Лонг сел в кресло. Не развалился на лежанке, не устроился на полу, подобно лонгам на привалах, а уселся так, как сидел, бывало, Луциан, – не касаясь спиной и боками спинки, не закидывая ногу на ногу, не расставляя колени шире принятого... и в то же время свободно, не напряженно. Мальчишка обучен манерам. Сама эта мысль казалась невозможной: варвар, обученный манерам, – что за чушь?

Илларий перевел взгляд на запястья мальчика. На правом были обычные татуировки, обозначающие принадлежность к племени, по ним варвары отличали своих от чужих. На левом – небольшой серебряный браслет, дорогая вещица, изящная... Пора идти разговаривать с заложником, решил консул, слезая с приставной лестницы и почувствовав, как что-то остро закололо под сердцем. Сейчас он увидит брата белобрысого варвара – и что будет дальше? Он отпустил легионеров, всех прогнал, даже Гермию, хотя та рвалась посмотреть на брата вождя лонгов, а консул не привык отказывать женщинам. Мальчишка вполне может кинуться в драку и, скорее всего, так и сделает – это же брат Севера...

Север Астигат дрался всегда и везде. Когда Илларий впервые увидел своего врага, тот был чуть постарше Брендона, но уже находился во вражде со всем миром – так

казалось квестору³ консула Максима. Самому Илларию сравнялось уже двадцать, и он мнил себя умудренным и взрослым – огромное наследство и «любящая» родня отлично воспитывают серьезное отношение к жизни. Упоение опытностью прошло в тот миг, когда молодой квестор, узнав о разгроме под Трефолой, услышав о том, как варвары поступили с побежденными, представив отрезанные уши Максима на груди вождя лонгов, рыдал от ужаса и жгучей ненависти. Рыдал, запершись в своих покоях, – молча, без звука. А выйдя оттуда, получил приказ о своем назначении консулом Лонги и окончательно понял: до настоящей зрелости еще ох как далеко... Но двадцатилетним он еще не ведал горечи поражения, изумления и гнева перед предательством – настоящим предательством, не кознями родни. Его и спустя два года начинало колотить от одной мысли о том, сколько консул Максим возился с Севером Астигатом и как варвар отплатил ему.

Иллариий привалился к стене. Он чуть помедлит, переждет, пока улягутся воспоминания, иначе едва ли получится справиться с заложником, вздумай тот показать семейный нор. А звать солдат не хочется, не хватало еще, чтобы легионеры решили, будто он боится почти ребенка. Но себе Иллариий лгать не собирался. Да, побаивался – и любой бы побаивался, посмотрев, как дрался братец Астигата.

Все началось с жесточайшего побоища, назвать это кровопролитие простой дракой было нельзя. Квестор консула Максима – его ближайший помощник – наблюдал за свалкой издалека, как и весь лагерь. Север Астигат насмерть схватился с восемью такими же квесторами, как и он сам, – все они тогда носили это звание и числились в квестуре армии провинции Лонга. Перед законом Риер-Де все молодые квесторы равны, все носили одинаковые символы на запястьях, прикрывавшие и аристократические знаки, и варварскую татуировку. Но, по правде говоря, равными они были лишь на словах – Лоллию, Сильвию, Децию, Валерию и прочим Максим не доверил бы и мелкого поручения. Консул лишь терпел молодых аристократов – из уважения к их отцам или потому, что названным отцам благоволил император, – и в открытую именовал всю компанию «гусаками», утверждая, что пользы от них для армии меньше, чем от мальчишки во время Ка-Инсаар, коего даже поймать нельзя. Иллариий не выражал свои мысли столь прямолинейно, но вполне был согласен. «Гусаков» он сторонился, зная, что те его ненавидят. Он еще не понимал, что ими движет обыкновенная зависть к деньгам и статусу при особе Максима да к тому, что на запястье Иллариия Каста под квесторским символом на несколько золотых завитков больше. Знатностью с ним мог сравниться разве лишь квестор Гай Арминий, племянник претора⁴ Лонги. Тогда Илларию было немного обидно, он еще не научился презирать подобных «гусаков», просто старался избегать их сборищ, только и всего, но нельзя сказать, что его на эти гулянки совсем уж не тянуло. Сносно к нему относился только упомянутый племянник претора, постоянно повторяющий, что высшая аристократия Риер-Де должна держаться вместе. Но подобное отличие отнюдь не радовало, Иллариий и тогда уже знал, что в армии ум и сила важнее количества завитков. Кроме того, жестокость Арминия граничила с безумием, а хамством и невежеством он сумел перещеголять любого варвара. Во время Ка-Инсаар племянник претора выделялся своими зверствами среди всех легионеров, а после, напившись до скотского состояния, отдавался кому ни попадя. Самого Иллариия в то время мало интересовали плотские радости, до Луциана у него вообще не было постоянного любовника – просто не встречался тот, кто не раздражал бы после нескольких совместно проведенных ночей, – но слухи о выходках «гусаков» доходили и до него. А в тот день аристократы, видно, решили, что новенький – отличная добыча... и просчитались. Весь

³ Квесторы – в Риер-Де это помощники консула, чье содержание оплачивалось из императорской казны. Как правило, квесторы набирались из молодых аристократов.

⁴ Претор – административно-военный имперский чиновник высокого ранга. В провинцию назначались обычно консул и претор разом, либо, по ряду причин, только один из них.

лагерь мигом понял, насколько просчитались, но какая-то непонятная сила приковала всех к месту – они лишь глазели на побоище, не торопясь вмешиваться. Увидев, как с явно сломанным носом свалился на землю Сильвий, сын влиятельного приближенного императора, Иллариий даже зажмурился от неподобающего чувства – «гусаки» впервые на его памяти получали по заслугам. И все было бы не так плохо, не выступай в роли судьбы скотина-варвар. Иллариий, как и все в армии, совершенно не понимал, для чего Максим взял в квестуру сына вождя лонгов. Только для того, чтобы держать в заложниках? Но можно без затей посадить дикаря в темницу, а не вводить в свой круг. Максим потом растолковал квестору Касту, что войны выигрываются не только силой и хитростью, но и умением договариваться. Брендон Астигат оказался полезным союзником в войне с келлитами и другими племенами провинции, и пусть его сын служит в квестуре, от Риер-Де не убудет, к тому же парень смышлен и храбр. Как же Максим ошибался! О нет, в уме и храбрости Севера Астигата Иллариий не сомневался ни тогда, ни сейчас, но лонги лишь делали вид, что служат империи, а сами выждали и ударили. А Север, лесная змея, явно знал о намерениях отца – и все равно спокойно принес присягу.

Но это случилось гораздо позже. А в тот летний жаркий полдень Иллариий смотрел, как семнадцатилетний дикарь дерется с аристократами Риер-Де. Когда их все-таки расташили, ни один из драчунов не мог похвастаться отсутствием повреждений: у Гая в двух местах сломана нога, у Сильвия не открывался глаз и распух нос, у Валерия кисть болталась, будто тряпичная... Сам Астигат едва стоял на ногах, лица его под запекшейся кровью было не разглядеть, правая рука безвольно повисла вдоль тела, а на ребрах темнел широкий надрез – Гай явно пустил в ход кинжал. Но Астигат не собирался сдаваться и только усмехался разбитыми губами в ответ на гневные крики легионеров. Они требовали добить варвара, посмевшего поднять руку на тех, кто по рождению много выше него. Крикунов унял сам консул, и зря, ох зря. Дня через два Максим приказал своему помощнику разобраться – все «гусаки», кроме Арминия, подали жалобы и жаждали крови Астигата. Такая работа больше подходила эдилу⁵ и уж никак не соответствовала должности военного квестора, но Иллариий привык выполнять все поручения быстро и хорошо – это было делом его чести, точно так же, как для «гусаков» делом чести считалось унижить и оскорбить любого. Он вызывал драчунов поочередно и, скрывая омерзение, разговаривал с кряхтящими и бранящимися квесторами, а к Гаю отправился лично. Все было ясно и без допроса варвара. Они просто довели Астигата насмешками и презрением, а может, и чем-то более мерзким. Не то чтобы квестор Каст не соглашался с соратниками – дикарю не место среди них! – но он слишком хорошо знал, как могут довести «гусаки». И, будь все проклято, у него самого ни разу не хватило духу дать им отпор, а у Астигата хватило. Иллариий не боялся, они ничего не способны ему сделать, разве что убийц нанять тайком, но после козней родни его это уже не пугало – просто не хотел ронять себя в грязь, в которой барахтались «гусаки», вступая с ними в перепалку. А вот Север грязи не чурался, он вообще позволял себе все что угодно, все, что ему хотелось, это квестор понял сразу же, лишь взглянув на варвара поближе. Понял и со жгучим стыдом признал, что завидует такой свободе.

Он знал, что сын вождя лонгов моложе на три года, но в это как-то не верилось. Север был выше ростом, шире в плечах и лучше владел оружием, не говоря уж о кулаках. Они разговаривали в приемной консула Максима, Иллариий то и дело косился на сбитые костяшки варвара и принуждал себя отвести взгляд и смотреть только в серые, постоянно злые глаза. Казалось, на другое выражение Север попросту не способен. Варвар тоже не опускал головы, но больше молчал. Отвечал на вопросы так, будто одолжение делал... или не понимал, что ему грозила бы казнь, не будь консул Максим так добр? Никогда, никогда

⁵

Эдил – штатский чиновник, законовед.

не будь справедливым к варварам! Никогда не поворачивайся к ним спиной! Те, кому ты протянул руку помощи, отрежут тебе уши... Обжигающая память о зверской расправе выдернула Илларию из воспоминаний. Максим и «гусаки» давно мертвы, Север сидит в своих лесах, а консулу Касту пора приниматься за дело. Он оттолкнулся от холодной стены – все же крепость была очень старой, ее не прогреешь, а заложник наверняка замерз – и распахнул дверь. Мальчик при его появлении не встал, лишь склонил голову, и консул вновь поразился.

Илларию понимал, чем рискует. Мужчины этой семейки очень сильны, даже если еще не вошли в возраст мужа, а жизнь заложнику необходимо сохранить, так что оружия не применишь. Остается полагаться на быстроту и опыт – мальчик едва ли искусен в кулачном бою. Консул приготовился к чему угодно, но Брендон только настороженно взглянул на него из-под белокурой встрепанной челки. Илларию припомнил доклад командира когорты, захватившего небольшой отряд, следующий из Остериума к Башне Наблюдений: Астигат-младший не оказал настоящего сопротивления, не успел толком воспользоваться оружием. Это удивило, если не сказать больше.

– Я не причиню тебе вреда, – Илларию осторожно и медленно протянул заложнику раскрытые ладони. – Мы просто поговорим, согласен? – Многие варвары, особенно воины, знали язык империи, уж конечно же, сын и брат вождей, да еще и учившийся в храме Трех Колонн должен его понимать, но на всякий случай он добавил: – Тангнефедду лла гвастад а коедвик!

«Равнине и лесу – мир!», старая здравица лонгов. Мальчик должен уяснить чистоту намерений лишившего его свободы. Илларию не желал Брендону ни смерти, ни мести, он отроду не воевал с детьми и не собирался начинать. Убийство мальчишки не вернет империи ни Максима, ни Лонги, просто Илларию Каст станет кровником Севера Астигата. С другой стороны, он не собирался выполнять ни единого пункта будущего договора с противником. Брат Севера останется заложником до тех пор, пока в провинции будет хоть один их сородич, умеющий держать оружие в руках. Но совершенно необязательно при этом издеваться над мальчиком. Брендон вдруг улыбнулся – словно собственным мыслям, и консул быстро спросил:

– Чему ты улыбаешься? Я неправильно говорю на вашем языке?

– Нет, правильно, просто... забавно, роммелет Илларию.

Значит, мальчик его узнал. Что ж, неглупый заложник – и плохо, и хорошо разом: договориться будет проще, а вот стеречь придется строже. Брендон сглотнул, по горлу прокатился комочек, и Илларию понял, скольких сил стоит мальчику такая сдержанность. Парень хотел жить, очень хотел и боялся, но все-таки не утратил способность соображать и держать спину прямо. Может, он все же похож на брата не только внешне? Как глупо было ждать и надеяться на сходство и досадовать сейчас на неоправдавшиеся ожидания! Илларию вдруг понял, насколько жадно он рассматривал мальчика, искал, искал... и не нашел. Братья совершенно разные. Те же густые волосы и великолепно развитое тело, серые большие глаза под тяжелыми веками, даже голос похож – низкими нотками. И все же... это не Север. Консул отвернулся от заложника, чтобы пережить миг разочарования. Прошлое гоняется за нами с дубиной, так и норовя огреть побольнее, но Северу не стать прежним – как не стать прежним и самому Илларию. И это к лучшему.

– Приказать принести горячего вина? Или ты предпочитаешь что-нибудь иное? – Илларию сел на широкую рассохшуюся лежанку и тут же понял, отчего мальчик

предпочел кресло: ложе нещадно скрипело. Брендон помедлил с ответом, рассматривая свои ладони, и наконец выдохнул:

– Ты убьешь меня, роммелет Илларий?

– Нет, конечно, – следовало говорить уверенно, тем более что его слова – чистейшая правда. – Сам подумай, разве стал бы я так рисковать своими людьми только для того, чтобы, не убив тебя на месте, прикончить здесь? Так ты выпьешь что-нибудь?

Брендон помолчал. Потом обвел глазами тонувшую в полумраке комнату, старую роспись на стенах, выцветшие занавеси.

– Эта крепость была построена во времена императора Диокта, и строил ее Лукреций Пульхр, верно? Можно я посмотрю вон ту фреску? – тонкая сильная рука указала на чей-то лик почти под потолком. Илларий кивнул:

– Посмотри, разумеется. Все верно, крепость строил Лукреций для императора Диокта, когда тот еще был претором... но откуда ты?..

Вопрос повис в воздухе. Брендон Астигат встал, и Илларий подумал, что статью мальчик точно схож со старшим братом – та же сила и гибкость, без излишеств, портящих красоту. Заложник подошел к фреске, привстал на цыпочки, потом провел пальцем по крутому завитку:

– Гестийский стиль позднего периода. А вот здесь работал другой скульптор, не Лукреций. Это же знак Лукреция – косые волны и ромбы.

Сказать, что Илларий был поражен, значит, ничего не сказать. Либо он рехнулся, либо варвар разбирается в искусстве не хуже Луциана! Сам Илларий, конечно, слышал о гестийском стиле и мог отличить его от прочих, но вот так с ходу назвать скульптора?! Консул остро пожалел, что Циа сейчас едет сюда из Гестии и у него не спросишь. Ничего, скоро они встретятся, и он узнает у своего советника, прав заложник или нет. Просто невероятно! Впрочем... вроде говорили, что мать брата Севера – имперская пленница. Возможно, несчастная была образованной женщиной, даже из аристократической семьи, и обучала сына?

– Наставник Торик часто рассказывал о Лукреции, – голос мальчика дрогнул. Дурачок, не знает, что наставник продал ученика за тысячу риров и обещание оставить жрецов в покое на два года. Два года без податей – неплохая плата за риск. Консул ни капли не сомневался, что Север Астигат выполнит свою угрозу и сожжет храм, а то и магистрат – если вождь не выполняет обещаний, его очень быстро перестанут бояться. Но месть лонгов касается только предателей, и тут Илларий Каст им не помощник. Брендон все еще рассматривал фрески, и консул не удержался:

– Скажи, а ты знаком со стихами Квинта Иварийского?

Это было чудовищно глупо. Что с того, что варвар слышал о Лукреции? Разве это повод думать, будто встретил ровню себе?

– Я знаю на память весь цикл «Проклятье Лонги»! – заложник резко обернулся, сверкнули серые глазищи. – И Гестийский цикл тоже, и «Риер Амориет»... – Брендон вдруг запнулся и даже слегка покраснел.

– Ты читал «Меру Любви» тайком, верно? Мои квесторы тоже ее так читают, – засмеялся Иллариий. «Риер Амориет» и впрямь была непристойна. Больше семисот стихов, и все о любви, о дикой страсти, о безумной нежности – не посвященной Инсаар, не подневольной, но свободной как птица. Только так должны любить люди. Те, кто этого не понимает, – варвары куда большие, чем все, носящие татуировки на запястьях. Невежество и жестокость стократ отвратительнее в том, кто мог приобщиться к знанию, к пониманию другого живого существа и не сделал этого. Если пленников насилуют на лесных обрядах на потребу ненасытным нелюдям, это и в половину не так мерзко, как обряды собственных легионеров. Ведь легионеры могли прочесть «Риер Амориет»...

– *«Я знал тебя, любил тебя»*, – улыбаясь, начал Иллариий. Сердце и скулы опалило жаром, как всегда при чтении стихов Квинта. Живое чудо срывалось с губ, как молитва... нет! Это куда священной молитвы Инсаар. Люди не знают иных богов, но Инсаар не высшие существа, просто мерзкие обжоры. А боги живут в душе – и они прекрасны.

– *«Мне никогда не позабыть твоих ладоней и чистоту воды, что пил я с них»*, – шепотом подхватил мальчик. Консулу стало ясно: Брендон, как и он сам, не раз и не два повторял про себя эти строки – стесняясь и таясь, даже себе боясь признаться в невольном кощунстве. Превозносить так разрешено только обрядовую страсть, отданную не любимому, но злобным чудовищам.

Только через час – может, и больше – Иллариий пришел в себя. Нет, трезвая частица разума не потонула даже в золотом вихре счастья, но она не поддавалась ничему и никогда. А это время было именно счастьем, они прочли весь «Риер Амориет», отрывки из Гестийского цикла, и только вопрос Брендона – не знает ли роммет Иллариий, кому посвящено «Проклятье Лонги»? – сбросил консула с небес на землю. Он оглядел холодную комнату, принесенное легионером вино, заложника, сидящего в кресле напротив, и груз прожитого словно придавил его к лежанке. Не представляй себе так много, не заносись, не то после будет худо... Тебе никогда не узнать такой любви, не написать таких стихов – есть только война и притупившаяся боль, запрятанная в тайники души. Боль разрушенной мечты.

– Возлюбленному Квинта. Он погиб здесь, в провинции, два года назад, – медленно проговорил Иллариий. Ну вот, пора решать, какие требования предъявить Северу и как поступить с его братом. За этот час ничего не изменилось, войне наплевать, что варвар стал близок, потому что в нем обнаружилась такая поэзия души, какой Иллариий не встречал больше ни в ком.

– А ты его видел? Ну, возлюбленного Квинта? – мальчик еще не понял. Что ж, в этом счастье юности. – Он был красив?

– Если честно, не очень. Но красота в глазах любящего. Ты ведь слышал это выражение?

Мальчик отхлебнул вина, задумавшись, намотал на палец белокурую прядь. У Севера такого жеста не было, Иллариий точно помнил. Он вообще слишком хорошо помнил варвара.

– Оно кажется мне правильным, но я должен подумать... Кто это сказал?

– Один философ. Ты читал знаменитые «Сентенции»? – лучше б они так и продолжали говорить о философах и поэтах. Но жизнь брала свое, и радость остывала, как вино в кубках.

– Только слышал. Роммелет Иллариий, – Брендон вдруг вскинул на него глаза, огромные, неверящие, даже испуганные, – ты сказал, возлюбленный Квинта погиб в Лонге два года назад. Значит, его убили мои... его убили лонги?

Что-то вдруг екнуло в груди, и сердце заколотилось быстро-быстро. Такое с Илларием бывало редко, но если уж начиналось, следовало ловить удачу за хвост! Кажется, он что-то нащупал. Вот эта крошечная заминка перед словом, словно Брендон стыдился назвать лонгов своими сородичами. И глаза, в которых едва не кипят слезы – словно мальчик виноват в чем-то... словно сожалеет о деяниях соплеменников. Не может быть, но было, и консул пошел в наступление.

– Твои сородичи тогда убили многих, не щадя ни юношей, ни старцев, – Иллариий мог бы сказать, что в войске Максима и частях претора не было ни тех, ни других, только воины – и неважно, сколько годов они прожили на свете. Воины, давшие клятву убивать во благо империи Риер-Де и погибшие, исполняя эту клятву. Мог бы, но не сказал. Похоже, этот способ поможет взять верх над Севером Астигатом куда вернее, чем торг за младшего брата. И консул произнес, точно в ледяную воду кидаясь: – Жестоко убили. Возлюбленный Квинта Иварийского просто выполнял свой долг, как и все прочие. А их сажали на кол, отрезали уши... – нет, он не лгал. Просто умолчал о том, что на кол посадили человек двадцать – из тех, кто отличался особо жестоким отношением к пленным, – а уши отрезали лишь командирам, и то после смерти. Любовник Квинта был убит в бою. Но воевать честно получается не всегда, и сейчас именно такой момент. Зрачки Брендона расширились, лицо побелело.

– Мерзость, – выдавил мальчик, опустив голову. Руки заметались на коленях, потом сжались на плетеных подлокотниках так, что прутья затрещали. – Если б ты знал, как я это...

– Ненавидишь? – мягко подсказал Иллариий. Мать-Природа Величайшая! Еще чуть-чуть – и дело будет сделано. Мальчишка все скажет сам, он открыл душу незнакомому человеку, врагу, а тот открылся перед ним, и Брендон решил, что может доверять консулу. В пятнадцать лет Иллариий думал так же. Что ж, брату Севера шестнадцать, самое время делать величайшие глупости. Хотя почему глупости? Внакладе Брендон не останется, это точно – напротив, приобретет гораздо больше, чем, если бы вернулся из храма в родное племя и до конца жизни числился просто младшим сыном Великого Брендона, вождя лонгов.

– Ненавижу! – мальчик вскочил на ноги. – Имей мое слово хоть какой-нибудь вес, всего этого не случилось бы! Все было бы совсем иначе! И жили бы мы иначе! А сейчас все делается так, как решил вождь, даже если он сошел с ума, даже если несет полную чушь. Роммелет Иллариий, я лонг, но не все мы варвары, поверь!

Мальчик разошелся не на шутку. Как раз то, что нужно. Осталось нанести завершающий удар. И постараться все не испортить:

– Ты не чистокровный лонг и уж точно не варвар! Я давно не встречал такого образованного человека, а встречался я со многими, – ложью это не было. Действительно, консул мог по пальцам пересчитать тех, с кем так же легко и интересно говорить, как с

этим мальчишкой. Даже если парень не похож на Севера. – Твоя мать – урожденная имперка. Из какой она провинции?

– Из города Трис. Но мама мало рассказывала о своей семье. Я знаю только, что она была дочерью горожанина и не вовремя отправилась в гости. Так ее и захватили, – мальчик вдруг усмехнулся – нехорошо, жестко. Подумал, видно, что, не схвати его мать лонги, он родился бы имперцем.

– Можно попробовать разыскать ее родных. Как ее звали? – отчего-то Илларию захотелось, чтобы Брендон и впрямь нашел семью матери. Это даст парню больше уверенности в том, что он будет считать собственной мыслью.

– Зовут – она жива. Сабина, – мальчик чуть улыбнулся. – Она вырастила нас с братом, ведь мать Севера умерла чуть не сразу после родов...

Выражение лица заложника сказало Илларию много больше, чем слова. Мальчишка не должен думать о брате, иначе поймет, что стоит в шаге от предательства. Брендон явно любит Севера, вон как насупился, должно быть, начал сомневаться.

– Мы попробуем найти твою семью, даже если ты не знаешь, как звали отца твоей матери и чем он занимался, – твердо произнес Иллариус, поднимаясь на ноги. – Час поздний, Брендон, лучше лечь спать, а завтра я познакомлю тебя с человеком, который разбирается во фресках лучше меня.

Циа будет потрясен. Иллариус представил себе выражение лица любовника после разговора с заложником и усмехнулся. К тому же Брендон Астигат с этой минуты сменил статус и вот-вот станет союзником.

– А ты не собираешься?.. – мальчик не договорил. Он явно очень устал, да и выпил порядочно, глаза сами собой закрывались, язык заплетался. Это к лучшему. Наутро он будет думать, что завел разговор сам, без помощи консула.

– Я собираюсь пойти спать, – засмеялся Иллариус. – До завтра!

– До завтра, – немного растерянно протянул Брендон. Дверь захлопнулась, и Иллариус Каст вновь на миг привалился к стене. Прежде чем лечь, он доведет до сведения всех в крепости, начиная с Гермии и заканчивая самым тупым легионером, что с пленником следует обращаться, как с законным наследником императора. А тот, кто скажет Брендону грубое слово или посмотрит косо, получит десяток плетей. Как минимум.

Вино, память и гениальные стихи играют с людьми злые шутки – куда там Инсаар! Нелюди наводят морок, оттого им и отдаются добровольно, но за искусственной страстью следует расплата. А что будет с твоими сердцем и душой, когда морочишь себя сам? Иллариус поднес к губам кубок – не первый и не последний, после того как ушел от Брендона Астигата. Он обманул мальчика, хоть и ненароком, потому что честно пытался заснуть, но не смог. Разговор с братом Севера выдернул на поверхность то, что консул считал давно похороненным. Помнить следует лишь нужное и важное, остальное только приносит боль, а она пуста, как этот кубок. Наполним новый!

...Тогда квестор Каст в точности выполнил указания Максима: и варвар, и «гусаки» решили, что консул в гневе. На самом деле Максим в открытую сказал помощнику, что в скандале не заинтересован и просто желает утихомирить драчунов. Добиться этого можно лишь как следует запугав обе стороны. А консул, дождавшись, когда квестор Гай начнет ковылять хотя бы на костылях, а квестор Сильвий станет разговаривать более внятно, распорядился о неурочном сборе квестуры. Они построились по приказу: первым Гай, как старший по возрасту, следом Иллариий, сразу за ним Север – и так до последнего, захмурышки Деция. Максим встал перед строем, потер рукой усталое властное лицо. На чисто выбритых щеках морщины были видны особенно ясно, и у Иллариия привычно запело сердце. Он уважал Максима и не мог понять: как можно им не восхищаться? Остальные лишь боялись – глупцы, служи они лучше, консул относился бы к ним приветливей.

– Декада, – усмехнулся Максим. – Счастливая цифра, вот и оставайтесь декадой. Тот, кто еще раз начнет драку, будет выпорот перед строем. Остальные тоже будут выпороты, но уже позже. При повторной ссоре лишитесь правой руки. Мне нужны воины, а не сопляки, дерущиеся из-за глупого слова. Всем ясно?

Еще бы не ясно... Все десятеро внимали, не дыша. Авторитет Максима велик, никто не посмел бы спорить. Даже засопевший было Гай Арминий молчал: он не мог апеллировать к дяде-претору, ибо тот стоял позади Максима, поигрывая перстнями, и явно разделял взгляды консула – видно, претору Лонги не улыбалось лишиться племянника в следующей драке. Иллариий ошутил движение рядом и чуть скосил взгляд. Север Астигат стоял, не поднимая глаз, но, судя по тому, как сжались его разбитые пальцы, что-то в словах консула взволновало его. И, кажется, квестор Каст понимал, что именно. Справедливость. Максим обещал наказать их всех равно, не разбирая, кто варвар, а кто аристократ. Они были виноваты – и все тут. Светлая прядь закрывала от Иллариия лицо варвара, но он чувствовал жар плеча Севера даже под одеждой...

После угрозы Максима вражда тлела еще какое-то время – Иллариий то и дело ловил злые взгляды и слышал ругань сквозь зубы. А потом все переменялось – внезапно и незаметно, и квестора Каста это отнюдь не обрадовало. Ему было обидно и жалко чего-то, и он сам не мог понять чего. Однажды они отдыхали после совместных упражнений, обнаженные, как и положено – аристократ Риер-Де не прячет свое тело, а то, что в их компанию затесался варвар, ничего не меняло. Рабы смазывали их разгоряченную кожу маслом, и тут Гай весело крикнул:

– Дядя сделал мне такой подарок! Хочу показать вам сегодня – мое полное совершеннолетие мы отметим, как должно. Пусть в здешней дикости и нет всего необходимого...

Гай разнеженно повернулся на спину, подставляясь умелым рукам раба, со знанием дела разминавшего усталые мышцы. В этом был он весь – должно быть, пытался задеть Севера, но не учел одного. Под «здешней дикостью» можно понять что угодно: как всю провинцию Лонга, так и окрестности Гестии, в коей родились и выросли Сильвий и Деций. Слишком уж близко находилась Мать городов Риер-Де к землям варваров, за что столичные бездельники частенько оскорбляли местных жителей. Совершенно бесосновательно, как считал Иллариий, ибо Гестия была чище и просвещеннее шумной жестокой столицы, погрязшей в неумеренной роскоши и политической возне. Сильвий и Деций обиженно поджали губы, а Север даже ухом не повел, так и продолжал сидеть на скамье, только отстранил раба, растиравшего ему плечи. Иллариий заметил, что Астигат, похоже, привык к услугам рабов. В первое время ему было явно неловко.

Подарком оказались трое особо искусных в ласках рабов и две не менее искусных рабыни. Ими Гай и жаждал поделиться с приятелями – а заодно и отличным вином двадцатилетней выдержки, тоже присланным претором Арминием, баловавшим племянника.

– Астигат, я всех приглашаю, слышишь? – Гай произнес это с ленцой, но черные глаза так и буравили Севера. – Не вздумай отказаться, ты меня обидишь.

«Что это на него нашло?» – удивился Иллариий. Впрочем, Гай славился подобными капризами. Вчера он и варвар были готовы растерзать друг друга, сегодня вместе пойдут пользоваться рабов. Неужели Север согласится? Квестору Касту отчего-то подумалось, что у дикаря больше гордости и здравого смысла.

– Меня не интересуют твои рабы, – бросил Север. – Что за удовольствие можно получить от подневольных ласк? Можешь обижаться, сколько влезет. Я не пойду.

– А вино, Астигат? Спорю на что угодно, ты такого никогда не пробовал! Красное гестийское кружит голову сильнее страсти, – Гай приподнялся, оттолкнув раба-массажиста, и уставился на варвара в упор. Тот спокойно выдержал взгляд, но с ответом медлил. И вдруг Иллариий заметил, что Север смотрит на него – совсем незаметно, но пристально, будто спрашивая. Квестору Касту стало не по себе. Он и сам разглядывал Севера так же, во время совместных упражнений или сборов квестуры. Скользил взглядом по стройным коленям, узким бедрам, ловил серые злые искры под густыми ресницами... Что, собственно, от него хочет варвар?! Чтобы Иллариий дал ему совет, пить или не пить с племянником претора? Смешно!

– Может, и не пробовал, – вдруг резко сказал Север и выпрямился. Странное выражение – вопроса, искреннего, чуть смущенного – пропало, и глаза вновь стали сумрачными. – Но готов спорить, что все равно перепью тебя.

Гай заржал, будто боевой конь. Захохотали и все остальные, кроме Иллариия. Такого выпивохи, как квестор Арминий, имперская армия не видела со времен императора Диокта. Тот, говорят, мог в одиночку выдуть бочку гестийского, а Гай от него не слишком отставал.

– Принимаю спор! Мы садимся за стол, и тот, кто первым под него свалится, проиграл. Согласен, Астигат?

Север был согласен. Улыбался лениво и больше не смотрел на Иллариия.

– И что поставим на кон?

– Ставьте собственные задницы, не прогадаете, – залихватски заорал Сильвий и тут же получил тумака под ребра от Валерия, нынешнего любовника Гая. Квестор Каст ушел, не дослушав, чем кончится разговор и какие условия будут у мерзкого спора. Он чувствовал себя вываланным в грязи, будто у него отобрали нечто важное, нужное...

На утреннем построении квестуры Арминия не было, из чего Иллариий сделал вывод, что тот проиграл. Север пришел. Он едва стоял на ногах и старался держаться подальше от консула, но соображал довольно ясно. Однако на Иллариия больше не взглянул, а серые глаза были мутными и тоскливыми.

Варвар вошел в компанию «гусаков» так же легко, как устроил страшную драку, сам ухитрившись «гусаком» не стать. Квестор Каст старался не вникать в подробности взаимоотношений соратников и не желал знать, кто чью задницу получил в итоге. Но вначале он видел Севера с Гаем, потом – с Сильвием. С Илларием варвар почти не разговаривал, хотя консул поручил им обоим работу с разведчиками, немалая часть которых тоже была из варварских племен. Максим шутил: квестор Каст понимает карту, а квестор Астигат – разведчиков – и частенько хвалил их за службу. Впрочем, через месяц Север наловчился разбирать значки топографов, а Илларий выучил примерно сотню слов на лонге, что сделало их работу слаженней и успешнее. О том, что не касалось дел, они и парой фраз не перекинулись. А ночами Илларий долго лежал без сна, видя перед собой светлую прядь, прилипшую к виску, и ловкие сильные руки с татуировкой на запястье...

Север заговорил с ним только раз. Илларий хорошо запомнил тот вечер – темное, свинцовое небо, вот-вот грянет ливень. Они стояли посреди пустой консульской площадки, и варвар вдруг шагнул к нему:

– Илларий, – голос Севера был неестественно громким, а имя он произнес, будто выплюнул, – давай сходим сегодня куда-нибудь? Одни. Хочешь, пойдем в лес? Только подальше... отсюда.

Квестор Каст не мог поверить собственным ушам. Куда и зачем приглашает его наглый дикарь?! Сотни вариантов вихрем пронеслись в голове, но в тот миг Илларию было не до размышлений – следовало отвечать, и немедленно, не то зарвавшийся хам решит, что он вроде подстилки Сильвия!

– Я не хожу никуда после службы, квестор Астигат. Советую тебе поступать так же.

Несколько мгновений Север стоял рядом, и серые льдинки в глазах растаяли, превратились в озера тоскливой растерянной злости. А потом светлая прядь едва не хлестнула Илларию по лицу – Север ушел, не оглянувшись.

Вот так. Илларий не спал всю ночь, в голове крутилась дурацкая фраза: все кончено! Что, собственно, кончено, что за дурь?! А наутро услышал о новом скандале. Оказалось, ночью квестор Север вызвал на поединок квесторов Гая, Валерия и Лоллия. Чем приятели и собутыльники не угодили варвару, толком никто не знал, но консул распорядился запереть всех четверых, даже валявшегося без чувств Гая. И быть непослушным квесторам поротыми, но в полдень прискакал гонец от вождя лонгов Брендона Астигата. Союзник сообщил Максиму о том, что келлиты перешли границу и пешим маршем двигаются к реке Лонга. Арестованных немедленно освободили, и началась совсем другая жизнь – военная. И никто не знал, что их ждет впереди.

Теперь Илларий знал все – и больше не повторит ошибок. Он не повернется к варвару спиной.

– Все кончено, Север, – глухо пробормотал консул и поднял кубок. Не стоит пока докладывать императору о задуманном. Кладий слишком осторожен, если не сказать труслив, к тому же тайна может попасть не в те руки, а соблюдение тайны – ключ к успеху. И еще ключ – мальчишка, что наверняка сейчас видит десятый сон. Брендон Астигат сыграет свою роль в истории. И в игре Илларию Каста.

Гестия, Мать городов

Брен мог часами не отходить от окна, любуясь солнечным простором за широким проемом, разноцветными крышами, зубцами укреплений, даже палатками легионеров на вытопанной траве. Он просто влюбился в Гестию. Если такова Мать городов Риер-Де, каков же Отец? Но теперь Брен увидит и столицу – Отца, и еще много чего. Иллариус обещал познакомить его с Квинтом Иварийским, а после победы представить нового вождя лонгов императору. План консула был прост и понятен: Брендон Астигат, как сын своего отца, объявляет себя перед жителями Гестии и армией единственным законным правителем племени лонгов и всего племенного союза, а потом консул Иллариус дает ему войско для отстаивания своей власти. Иллариус уверял: лонги поймут, в чем преимущество жизни в составе империи. А заодно обещал сразу же объявить о грядущих переменах: о строительстве дорог и странноприимных домов, об освобождении от податей тех, кто перейдет на сторону Брена до сражения, и, конечно, о прощении всех преступлений перед империей. Те же, кто не захочет пойти под руку Брендона, смогут свободно уйти дальше в леса, вторил консулу Луциан Валер. Какие же они хорошие люди! Не отмахиваются от его вопросов, все объясняют и вместе с тем нисколько не давят и ничего не требуют. Ведь Брен сам решил объявить себя вождем, и правильно решил – вон как радостно приветствовали его легионеры, услышав об этом. А еще Иллариус часами разговаривал с ним, как с равным, разве что делая скидку на возраст. Консулу можно было задать любой вопрос и получить ответ, а не насмешливое «что ты понимаешь, мелкий», как от Севера. И друзья Иллариуса – что Луциан, что Гермия – были такими же, как он. Гермия вообще стала для юноши откровением. Куртизанка вела себя, словно мужчина, спокойно вмешиваясь в разговоры воинов, и никто не затыкал ей рот. А еще от нее пахло дорогими благовониями, а не свиным жиром, как от женщин племени, и она носила шелка и тонкий лен, и руки ее были изящными и мягкими. А ведь Гермия – подумать только! – продажная женщина! Мать же Брена, наложница вождя, была вынуждена работать, не покладая рук. Даже в Трефоле отец не мог устроить так, чтобы она отдыхала! Разве плохо, если все женщины лонгов будут жить и выглядеть, как Гермия? Мать скажет ему спасибо, Брен был в этом уверен.

Но куртизанки он все-таки сторонился. По дороге в Гестию между ними произошло досадное недоразумение, но Гермия Брен за это не винил – она просто не знала обычаев. А вот с Иллариусом и его любовником Луцианом он проводил все свободное от сна время. Какой дурак прозвал консула Холодным Сердцем?! Брен не мог подобрать слов, все они казались бледными и неспособными описать то, что он думал про консула. Ясно лишь одно: на свете нет сердца более горячего, никто не чувствует жизнь и ее красоту острее и ярче Иллариуса Каста. Луциан был немного другим – язвительным и резковатым, но с Бреном всегда отменно вежливым, готовым без усталости занимать гостя разговорами в часы занятости консула. От Луциана Валера Брен узнал едва ли не больше, чем за все годы учебы. Архитектура, живопись, поэзия, история, философия – Луциан с радостью делился с ним своими знаниями, а потом устраивал шуточные экзамены. А вечерами возвращался консул, и они садились за ужин, все четверо. Брена не особенно волновали изысканные кушанья, даже божественные вина Гестии – он будто проваливался в ослепительно счастливый морок, выпитывая все без разбору: яркость шелков гиматия⁶ Гермии, блеск драгоценных камней на пальцах Луциана, синеву взгляда Иллариуса и его улыбку...

Однако стоило остаться в одиночестве, как в сердце словно вонзались тысячи жал. Брен не мог понять, отчего его так грызут сомнения и неуверенность. Он ведь выполняет

⁶ Гиматий – мужская и женская одежда, оставляющая открытой грудь.

свой долг перед родным племенем, перед тысячами мужчин, женщин, стариков и детей, коих вожди столетиями обрекали на бессмысленные войны, а нередко – на голод и нищету. Брендон Астигат раз и навсегда избавит племена от прозябания! И он не должен чувствовать свою вину перед братом: первое, что потребовал Брен от Иллария – полное прощение всем, кто не согласится с властью нового вождя, а такие будут. Шиннарда Беофа не переубедит даже Илларий, а Север... Брену так хотелось верить: брат поймет, что империя несет лонгам только благо, но вначале Север будет в бешенстве. И может сделать то, о чем пожалеет, – с ним так часто бывало. Брен хорошо помнил, как однажды брат довольно сильно ударил его. Это случилось после сражения под Трефолой, когда, вдоволь насмотревшись на отрезанные уши и трупы, Брен заявил: поступать так – низко и подло. Север ответил хорошей затрециной и язвительной отповедью: неужто братец сам хотел торчать на колу или подставить свою девственную задницу десятку легионеров? А ведь именно это ждало его в случае поражения! И как-де смеет тупой щенок судить отца и братьев, ничего не зная о жизни, о том, что творил претор Арминий, который сжигал келлитов, лонгов и остальных целыми деревнями! А расплатился лишь отрезанными ушами, да и то после смерти. Брат орал на Брена не долго, а после месяц просил прощения. Не словами – словами Север не умел – вниманием и подарками. Просто Север очень вспыльчив, а отец обошелся с ним слишком жестоко – заставил воевать, передал власть, а она некоторых портит. Вот теперь Брен живет в имперском городе, каждый день видит этого страшного консула Холодное Сердце – и хоть бы кто сказал «варвару» грубое слово, не говоря уж о побоях! Просто отец ошибался, и Север ошибается, и Марцел с Камилом тоже. Брен думал, что приложит все усилия, чтобы братья поняли и поверили. И все-таки не мог отделаться от сомнений.

Он уселся на подушки, устилавшие сделанную из мрамора лежанку – в покоях консула почти не было деревянной мебели, только бронза и мрамор, вот бы устроить так в Трефоле! – и взял бокал с мраморного же столика. Комната была обставлена удивительно красиво, пожалуй, даже красивее и дороже, чем комнаты Иллария и Луциана. Брен никогда не жил в такой роскоши, а ведь для сына правителя это естественно! Просто лонги слишком бедны, и отец все тратил на войну. Впрочем, как только победа будет одержана и племя признает его вождем, он не побезит покупать у торговцев серебряные подсвечники и заказывать у скульпторов мраморные статуи. Нет, Брендон Астигат потратит все подати на школы. Нужно сделать школы для мальчиков... и даже одну для девочек – тех, кто проявляет способности к учению, как это делалось в империи. Нужно нанять лекарей, прогнав взашей всех знахарей во главе с главным жрецом Грефом! Нужно начать строительство дорог. Илларий обещал помочь с этим, а в разговоре посоветовал изменить систему сбора податей. У лонгов вожди издревле собирали подать тем, что может принести община, а нужно ввести единый налог и еще дополнительные – на торговлю, проезд или переправу через реки. Консул Каст много рассказывал Брену о государственном управлении, приводя в пример императоров и правителей других стран. Он все же чудо как умен и образован, а главное – щедр!

Сейчас даже смешно вспоминать свой страх перед Илларием Кастом во время их первой встречи. Никогда в жизни Брен не боялся так, как по дороге к крепости Трибул. Бесконечные рьеры со связанными руками на седле какого-то легионера... Впрочем, легионер, оказавшийся командиром когорты, вскоре понял, что пленник боится свалиться с лошади, и привязал его ноги к подпруге. Брен думал, жив ли Крейдон, его люди, наставник Торик – и просто холодел от ужаса. А еще было горько, что не получится проститься с Севером и увидеть перед гибелью златоглазое видение. Только бы раз взглянуть на свой прекрасный сон, сказать о любви, пусть даже ночной гость не ответит, ведь сновидения не разговаривают. Как в «Риер Амориет» – нужно говорить о любви

немедля, как только она приходит, иначе может стать слишком поздно. Квинт знал, о чем писал, – ведь он потерял возлюбленного из-за бессмысленной жестокости войны.

Потом Брена сняли с седла. Легионер на руках отнес его на самый верх главной башни, толкнул в холодную обветшалую комнату, развязал руки и оставил ждать. Время шло, страх все рос, а потом дверь отворилась, и в комнату вошел высокий мужчина. Прежде чем взглянуть в лицо, Брен устался на правое запястье. Север учил: понять статус имперца можно по узору на наручье. На золотом браслете вошедшего выбито больше двадцати завитков, и у Брена екнуло сердце. Перед ним явно стоял знатный аристократ, ведь даже у императора завитков было двадцать пять. Юноша поднял глаза, увидел консульскую бляху на груди и вовсе обомлел. Смилуйтесь, Быстроразящие, это же Иллариий Холодное Сердце! Тот, чье перехваченное письмо он читал братьям и Беофу всего лишь два месяца назад, тот, кого ненавидят и боятся все лонги!.. Но все оказалось совершенно не страшным, и к концу беседы с консулом Брен думал только об одном: какое счастье, что Иллариий не знает и никогда не узнает прозвища, данного ему Севером. Холодная Задница – надо же такое придумать! На следующее утро слегка побаливала голова, но гестийское вино не сравнить с танамом. Похмелье быстро прошло, и к вечеру они вновь разговорились с консулом. Брен узнал, что дружинник Крейдон и наставник Торик бежали с места нападения, а четверо воинов находятся в плену, и он может увидеть их хоть сейчас. И верно, ему показали издали двоих дружинников – в цепях, правда, но вполне живых и здоровых. Двое остальных, по словам Иллариия, были ранены и потому останутся здесь – выздоравливать, – а консулу и самому Брену нужно немедленно выехать в Гестию. Дорога была легкой, и по пути Брен все убеждал Иллариия в том, что не все лонги жаждут воевать с империей и без спора платили бы подати, если б Риер-Де поступала с ними милостиво. Консул обдумал его доводы, и спустя короткое время они вместе составили этот план: Брендон Астигат объявляет себя вождем лонгов, а Иллариий Каст предоставляет в его распоряжение армию. И все. Но от чего ж так тошно?

По дороге Иллариий познакомил его с Гермией, но с куртизанкой явно стоило общаться только за столом. Когда они остановились на ночлег, та явилась в отведенную Брену спальню. Женщину прикрывал лишь белый не скрывающий ничего гиматий, и такой роскошной груди он не видел никогда! Подобной грудью – упругой, с темными торчащими вперед сосками – в племени могли похвастаться только совсем юные девушки, а ведь Гермии даже не двадцать, много больше. Она была красива, очень красива – вишневые, подкрашенные чем-то губы, темные огромные глаза, осиная талия, – и безумно хотелось прикоснуться к ее гладкой коже, провести ладонью по мягкому животу, уткнуться в него лицом. В детстве он часто прижимался так к матери, а теперь просто отвык. А последние месяцы вообще не видел женщин – ведь и в Лесном Стане, и в храме Трех Колонн были одни мужчины... Но Брен помнил запрет: страсть девственника отдается лишь Инсаар – на обряде, с должным посвящением, в присутствии других мужчин и жрецов. Пока он не пройдет свой первый Ка-Инсаар, нельзя познать плотски ни мужчину, ни женщину, иначе гнев Быстроразящих будет страшен, и все знали, как жестоко они карают за нарушение их воли. Хотя... имперцы тоже проводят обряды, и едва ль Иллариий будет возражать, чтобы его гость перестал считаться ребенком. Но, когда куртизанка подошла ближе и сама положила его ладонь себе на грудь, сдержаться помог даже не страх перед наказанием, а незабываемый сон. Что напряжение плоти под туникой – Иллариий дал ему имперскую одежду взамен потертых штанов и грязной порванной рубахи, – что мимолетная похоть по сравнению с безумием и жаром, охватывавшими его те два раза, когда златоглазый гость приходил к нему? Ровно ничего! Юноша спокойно поблагодарил Гермию и сказал, что еще не прошел Ка-Инсаар. Она удивилась, но не обиделась – посидела еще немного в его спальне, мило болтая о пустяках, и ушла. Утром смотреть на женщину оказалось немного стыдно, потому что воспоминания о ней

мешались с памятью о теплых золотых искрах и ласковых руках незнакомца из сна. Но Гермия – чудесная женщина! Брен поразился, узнав, что куртизанка умеет читать и писать, владеет основами риторики и разбирается в поэзии, будто мужчина.. Он мысленно сравнивал Гермия с матерью и женой Севера, келлиткой Ари, – мать всегда молчала, а келлитка, спору нет, была красива, но настолько криклива и вздорна, что даже Сабина терпела ее с трудом. Хорошо, что Север давно отослал жену назад к родителям, иначе племянники, того и гляди, удались бы в мать.

Инсаар вознаградили его за твердость, проявленную с куртизанкой, и ночной гость явился в первую же ночь по прибытии в Гестию. Утром Брен опять задыхался от слез, но теперь это были не слезы неизбывного горя, а горячей радости. Видение вернулось! Они всю ночь провели вместе. Как жаль, что незнакомец не сделал того, чего Брен желал с отчаянной страстью – не взял его. Сон – не явь и не нарушает законы Инсаар, но после, когда он познает плотские ласки на Ка-Инсаар, то для себя будет знать, что первым его мужчиной был златоглазый, любимый, единственный... После третьего посещения Брен твердо понял: без незнакомца ему не жить. И осознал еще одну вещь, после чего едва не бросился посреди ночи к Илларию за советом. Хотя чем может помочь консул – он же не жрец!

При каждом появлении златоглазого Брена охватывало странное чувство: такого не случалось никогда и ни с кем. Незнакомец дарил ему свои ласки, с каждым разом все более откровенные. В первую ночь он ограничился лишь поцелуями, но мял и подчинял губы юноши с такой страстью и нежностью, будто стосковался не меньше самого Брена. Вдоволь нацеловавшись, незнакомец лег рядом и начал нежно перебирать волосы любовника, а еще позволил тому играть с собственными темными шелковистыми прядями. Гость будто напевал тихонько, и Брен вслушивался в чарующую мелодию, стараясь уловить смысл, но мысли путались в плотном тумане, сотканном из жара и неги. Так вот что имел в виду Квинт, говоря о Любви...

Потом незнакомец выскользнул из постели, но, прежде чем уйти, несколько мгновений смотрел на того, кого собирался покинуть. Золотистые глаза вспыхивали в темноте, и Брен вдруг понял: любимый обязательно вернется. Уверенность жила в нем весь день, не давая тосковать, хотя от непонятной усталости он едва переставлял ноги – настолько плохо, что окружающие заметили: с ним что-то не так. Консул даже хотел позвать лекаря, но сын вождя отговорился тем, что просто дурно спал. На следующее утро Иллариус снова упомянул о лекаре, уже настойчивее. Это пугало – как объяснить появившиеся на теле отметины, явно оставленные страстью? В ту ночь златоглазый пробыл с ним почти до рассвета, целовал и ласкал без устали, и волшебный туман становился все плотнее. Ночной пришелец начал с губ и сосков, потом принялся покрывать нежными поцелуями живот и бедра, пока юноша не взмолился, не выдержав: «Возьми меня! Пожалуйста!»

Отчаянный шепот громом разнесся по спальне. Незнакомец поднял голову, на секунду взгляделся в его лицо, а потом влажное, жаркое сомкнулось на плоти кольцом. Не успев понять, что его впервые ласкают ртом, Брен кончил с таким стоном, что горло свело спазмом. После любовник вновь исследовал его тело губами. Юноша извивался, подставляя самые потаенные уголки, но пальцы златоглазого ни разу не прикоснулись ко входу, не попытались проникнуть внутрь. Брен хотел проникновения отчаянно, так, что бедра сводило, – и пусть будет больно! Он сам пытался отблагодарить незнакомца, но тот с улыбкой отводил его руки, прижимая их к постели, и вновь принимался за ласки – губы любимого на внутренней стороне бедер, в паху, на ягодицах, ласкающие промежность и мягко сжимающие мошонку... Юноша кончил еще дважды, а может, и больше. Он себя не

помнил, он вообще ничего не помнил и не знал, да и не хотел знать. Спальня тонула в клубящейся тьме, и только златоглазый сиял пятном ярчайшего света. Перед рассветом Брен просто вцепился в любимого, боясь хоть на миг разжать хватку, не желая снова оставаться без него. Он был уверен, что умрет тут же, стоит прекрасному видению исчезнуть. И тут прямо в голове прозвучал голос:

– Жди меня. Всегда жди меня. Ты – мой, – голос у златоглазого был звучный, с такими низкими нотами, что каждый звук отзывался в теле дрожью. Брен замер в объятиях, а любовник продолжил: – Я приду. Запомни: ты принадлежишь мне, и я тебя не отдам. Никому.

Юноша отчаянно закивал, еще теснее прижимаясь к златоглазому, заглядывая в его колдовские глаза, любуясь безупречным ртом, что дарил ему такое наслаждение. Только вот странность... губы незнакомца шевелились, а Брен не слышал его, но воспринимал этот голос всем своим существом. Люди так не говорят – но был ли златоглазый человеком?

Утром Брен попросту не мог подняться. Все мужчины в один голос утверждали, что ночь, проведенная в объятиях, дает сил на весь день, но он чувствовал себя совершенно разбитым. Что ж, видимо, с ним что-то не так. Он с трудом заставил себя встать и вымыться холодной водой, принесенной рабами. За столом Иллариус смотрел на него с удивлением, но ничего не спросил – консул отличался отменным тактом. После они поехали смотреть город, и юноша едва пережил этот день. Ему хотелось лишь одного: лечь, заснуть и вновь увидеть златоглазого. И настала третья ночь.

Ближе к вечеру голову озарила мысль: стоит положить под покрывало длинную острую булавку, выпрошенную у Гермии, чтобы понять наконец, во сне или наяву приходит незнакомец. Златоглазый пришел. На этот раз он усадил Брена на край ложа, а сам встал перед ним на колени. Снял со своих плеч нетерпеливые руки, принялся гладить обнаженные бедра, целовал, заставляя запрокидывать голову так, что сводило шею – точнее, сводило бы, будь сын вождя способен чувствовать что-нибудь, кроме безумного счастья, – вплетал пальцы в волосы на затылке... Потом уложил любовника на постель лицом вниз и приподнял его ягодицы. Брен замер в ожидании, но вместо налитой плоти к полушариям, а потом и ко входу прикоснулся лишь ласковый рот. Губы и язык незнакомца творили немыслимое, невозможное... Юноша читал о подобных ласках в «Риер Амориет», но был уверен, что ни один мужчина не станет такого делать. Однако Квинт Иварийский прав, для любимого сделаешь совершенно все. Значит, златоглазый его любит?! Ночной гость не отпустил Брена до тех пор, пока тот не захлебнулся стоном, оросив покрывало семенем. Во время сумасшедшей ласки сын вождя рывками толкался назад, подставляясь под настойчивый рот, и, позабыв всякое достоинство и стыд, умолял войти в него, сделать своим. Он мучительно, беспредельно жаждал вторжения, он хотел принадлежать любимому. Но златоглазый не внял мольбам и себе не позволил испытать наслаждение. Он вообще не давал ласкать себя. После незнакомец перевернул Брена на спину, и гладил, и вновь шептал что-то неразборчивое, и сын вождя едва не забыл о своем плане. Трудно помнить о чем-то, да что там, имя свое – и то можно позабыть, когда тонешь в жаркой тьме и все, что привязывает тебя к жизни, это прикосновение любимых рук. Но все же собрался с силами, осторожно вытащил булавку и, сжав ее в пальцах, с силой вонзил острие в ладонь. Боль была настолько сильна, что на глаза даже слезы навернулись, но Брен, стиснув зубы, надавил на золотое навершие – и едва не вскрикнул. Значит, он не спит?! Златоглазый будто бы что-то заметил, приподнялся, обхватив лицо любовника ладонями, и вдруг лег на него сверху, отчаянно вжимаясь в покорное,

содрогающееся тело. А потом резко отстранился, сел рывком... и вот уже стоит возле ложа в лучах неведомого света – высокий, идеально сложенный, и змеи волос по плечам.

– Не уходи, – простонал Брен. Откуда-то пришло знание, что на этот раз златоглазый вернется не быстро. Он словно прощался.

– Я приду за тобой. Скоро, очень скоро. Считай время и жди, – произнес ночной гость и исчез.

Сын вождя лонгов сидел на ложе, перевязывал окровавленную ладонь и думал: следует ли рассказать все Илларию? Ему больше не с кем поделиться! Будь здесь наставник Торик, да даже жрец племени Греф – может, они и могли бы помочь, а вот консул...

Он не рассказал ничего, ведь тайна принадлежала не ему одному. Утром консул прямо заявил: их гость, мол, ужасно выглядит, ему следует денек отлежаться. Но юноша отказался. Да, ему было плохо – голова раскалывалась, ноги едва держали, но оставаться одному не хотелось. Это еще мучительней – ведь в одиночестве никуда не сбежишь от мыслей. Как он выдержит разлуку? Ночи без златоглазого были ужасны, Брен метался по постели, не в силах заснуть, потом проваливался в бесконечные кошмары, где за ним гонялись какие-то чудовища, а сам он был древним бессильным старцем. Наверное, именно из-за плохого самочувствия – уж не вернулась ли болотная лихорадка? – и тоски по любимому он никак и не мог взять в толк, что кажется ему неправильным в решении объявить себя вождем и принять помощь консула Лонги.

Брен отпил еще вина и тоскливо глянул в широкое окно, из которого, даже сидя, можно было увидеть купола гестийского храма Инсаар Быстроразящих. Златоглазый не приходил уже с полмесяца, да и непонятная хворь прошла. Все было бы замечательно, если бы не грызли так сомнения и не терзала разлука. Но все наладится! Ночной гость вернется, он ведь обещал, нельзя не верить любимому! А Север, Беоф и остальные поймут, что империя Риер-Де несет всем просвещение и богатство, что сопротивляться глупо. Поймут ли? Юноша тяжело вздохнул и вновь отпил из кубка.

– О чем печалишься, вождь? – консул вошел, как всегда, тихо и теперь стоял на пороге, улыбаясь. У Иллария была удивительно хорошая улыбка – светлая, какая-то чистая, но Брен заметил, что так консул улыбается далеко не всем. Вот разве что самому Брену да Луциану... ну, и еще когда читает стихи. Стихи он читал потрясающе, куда лучше, чем все, кого Брен слышал раньше. Вот бы Север послушал, он бы понял... Честно сказать, Брен сомневался, что брат, узнав о существовании любви, которую описывал Квинт Иварийский, станет иначе относиться к своему йо-карвиру. Север хочет лигидийца, в этом нет сомнений, но не любит. Брат попросту не умеет так любить.

– Я не печалюсь, роммет Илларию. Просто люблю на Гестию – до сих пор я видел так мало.

Консул подошел и встал рядом, рассматривая купола и крыши.

– Гестия прекрасна. Но ты все же печален, вождь, – Илларию постоянно обращался к Брену так, полушутя-полусерьезно, хоть юноша и просил этого не делать. Лонг может стать настоящим вождем только в святилище племени – Лесном Стане, на худой конец – в главных покоях Трефолы.

– Сегодня мы едем в лагерь легионеров. Они должны почаще видеть тебя, ведь тебе вести их в бой. Но, если хочешь, сделаем крюк, помотришь на храм Быстроразящих вблизи, – предложил консул. Брену вновь подумалось, что брат и Иллариус Каст – самые красивые мужчины, каких он видел в жизни, не считая златоглазого, конечно. Но ночной гость не был человеком, а вот Север и Иллариус – из плоти и крови, как и он сам. Жаль, что ему никогда не стать на них похожим. Вождь лонгов и консул совершенно различились между собой, но было в них нечто общее – огромная сила, яркость вспыхнувшей в ночном небе звезды. Темно-русые волосы Иллариуса выгодно подчеркивали почти синие глаза, в которых то светилась мягкая грусть, то вспыхивали искры смеха, то билось штормовое море, когда консул был чем-то взволнован. Высокий, с отлично развитыми мускулами и в то же время изящный и легкий, Иллариус походил на большую кошку, впрочем, как и Север. Почему брат всегда отзывался о консуле с такой злобой и издевкой? Север умел ценить красоту, Брен знал это совершенно точно. Если они познакомятся поближе, то сумеют оценить друг друга! Только бы брат не повторял свое «Холодная Задница». Тьфу!

– Роммелет Иллариус... если можно, я хотел бы увидеть Святыню Любящих, – чуть смущенно попросил юноша. О Святыне, посвященном влюбленным, он слышал еще в храме Трех Колонн. Жертвы там приносили не Инсаар, а самой Любви – этому имперскому понятию сын вождя лонгов только учился. Как поясняли ему Иллариус и Луциан, в империи Риер-Де существовало целое философское учение, отрицающее безраздельную власть Инсаар над любовью. Философы утверждали, что нелюди получают лишь физическую энергию страсти, а душевную близость люди могут оставить себе. Может, если Брен принесет в жертву храму одну из драгоценностей, подаренных консулом, Любовь смилуется над ним, и златоглазый вернется быстрее?

– Туда можно поехать завтра. Мы непременно посетим Святыню, но это слишком далеко от лагеря, – Иллариус провел рукой по волосам. В племени так коротко стригли только мальчишек, но воины Риер-Де предпочитали не возиться со сложными прическами. Брену нравилось смотреть на открытую шею консула – у того была великолепная кожа. – А скажи-ка мне, Брендон... – Иллариус отчего-то помедлил, а потом произнес нарочито небрежно: – правда ли, что в лесах карвир и йо-карвир клянутся друг другу в вечной любви и кожаный ремень на бедрах нерасторжимо связывает их?

– Нет, не в любви, – засмеялся Брен. Вот чудно, консул не понимает, что и лонги, и другие лесные племена называют любовью совсем не то, что имперцы. – Карвиры клянутся быть союзниками, поддерживать друг друга, помогать во всем. Йо-карвир обязан привести своих воинов, если карвир идет в поход, а карвир должен давать ему все необходимое, и прежде всего – защиту от врагов. Так поступал мой отец, и дед, и прадед, и другие тоже.

– Да? – Иллариус приподнял тонкую бровь. – И Север так поступает?

– Конечно, – ответил Брен, не задумываясь. – Это же отличный способ заключать союзы. Жертву не возьмешь назад, от нее нельзя отказаться. Пять месяцев назад...

– Погоди, – перебил Иллариус. – Неужели Инсаар действительно карает за нарушение обрядовой клятвы?

– Карает. В последний раз такое случилось в племени келлитов, и это многие видели. Карвир вождя келлитов нарушил клятву и заключил союз с трезенами, кои ненавидят и келлитов, и лонгов. Нападал вместе с трезенами на становища, убивал, грабил... Север рассказывал, что, когда его поймали и привели связанным на суд,

появились две темные тени. Мало кто успел заметить, что произошло, его будто тьмой окутало, а потом... там даже крови почти не было – только лохмотья кожи и куски мяса. Инсаар просто раздавили его, убили сами, не дожидаясь людского суда. Север видел это своими глазами, и Марцел, и Камил тоже. Да вообще все, кто там был, – Брена передернуло.

– Нелюди жестоки... Неужели Север не боится заключать такие союзы? Ведь это же на всю жизнь! – почему консул так взволнован? Что здесь такого, все так делают!

– Так нужно же и воевать, и торговать, ромметет Иллариий. Тем более, последний йо-карвир брата, вождь лигидийцев Алерей, славный человек, очень. Полезный, верный – так все считают. И им хорошо вместе – это я и сам видел.

– Ты имеешь в виду – на ложе? – консул выпрямился, широко расправил плечи. Похоже, он злится на что-то, только вот на что? Союз на Ка-Инсаар дает много полезного. И не решай обрядовая драка, кто кого возьмет на ложе... вот это казалось Брену мерзким и варварским, а в остальном – чем плохо?

– Да, на ложе. Алерей по обычаю должен был уехать через несколько дней после обряда. Быть с карвиром постоянно необязательно, главное – хранить ему верность на войне и в делах. А он остался. Да брат и сам не хотел, чтобы лигидиец уезжал.

– Ясно, – отрывисто буркнул Иллариий и вдруг отвернулся. В повисшей тишине стук распахнувшейся двери прозвучал очень резко. Один из квесторов замер на пороге, прижал сжатую в кулак руку к сердцу, потом к бедру и уставился на консула.

– Я же приказал мне не мешать, – в голосе Каста отчетливо слышалась злость. – В чем дело?

Квестор, не смутившись, быстрым движением вынул из-под туники запечатанный свиток и протянул Илларию:

– Плохие новости, консул. Север Астигат взял Остериум, сжег магистратуру и храм Трех Колонн, а после отдал город своим воинам. Они грабили его три дня, а уходя, подожгли, что осталось. Магистратов и жрецов повесили на воротах...

Брен застыл от ужаса. Консул Лонги спокойно сломал печать.

Трефола

Великий Брендон назвал первый город лонгов «лоханкой». Деревянная Трефола вначале и впрямь напоминала с виду здоровенную лохань, в которой нерадивая наложница белье полощет – бока от старости трещат, а кругом драные тряпки свисают. Но было это семнадцать годков тому назад. Шиннард дружины лонгов вновь припомнил: Трефола-то как есть ровесница этого... Как хотелось думать, что нагуляла его Сабина, что не Астигат по крови Брен. Нагуляла, и делов никаких! Да только лицом выродок в отца и братьев удался, а старики сказывали, что и на деда похож, а Брендонова наложница, даром что полонянка имперская, гулять бы себе не позволила. Вождя она любила крепко, да и вообще хорошая баба, работающая, таким гулять некогда – Беофу ли того не знать? Как раз сейчас Сабина жила в его шатре, сдружилась с Суриам, с детьми возилась, малого нянчить помогала. Шиннард рты воинам затыкал, аж оборался весь: откуда, мол, знаете, может,

заставили мальчишку, может, пытали? Такому много ли надо? Пригрозил Илларию Холодное Сердце выставить его легионерам на Ка-Инсаар, парень и согласился на подлость. Был бы мужчиной, сдох бы, как полагается, а не то жилу какую важную себе перегрыз, а так – сопляк желторотый, вот и испугался. А то бы ваши сынки не испугались! Илларию же зверь лютей. Два с лишком года прошло, а помнил Беоф, как стратег Холодное Сердце резал лонгов у бродов реки. В первом ряду шел – в крови по шее, бляха консульская напоказ, чтоб всем было видно. За убитого консула Максима мстил, не иначе. Как-то обмолвился Север, что Илларию вовеки лонгам смерти любимого командира не забудет и не простит. Ну что ж, такое отношение Беоф понимал, он и сам кого хочешь за Брендона Астигата прирезал бы. Но не место имперцам на их земле, и все тут. Пусть убираются в свою Гестию да и сидят там – кто им не велел? И торговать можно было бы, и дороги общие строить, и послов друг дружке слать. Да только жадны слишком имперцы, по три шкуры драли да издевались еще. Вот и погнались. За реку не пошли, правда, остановил лонгов Илларию, но тут не только его заслуга, хоть и постарался Холодное Сердце, ничего не скажешь. Да ведь и Брендон Астигат не дураком родился, знал: не разевай рот на слишком большой кусок, подавишься. Пограбить Гестию – оно неплохо, конечно, да сколько воинов после боя останется-то, чтобы грабить? А так свое отстояли – и ладно. А сейчас, как понимал Беоф, зарвался консул. Верно Север говорил: не понимает Холодное Сердце, что для лонгов вождь не тот, кто от семени прежнего вождя народился, как у равнинных народов водится, а тот, кто в бой поведет, кто законы соблюдать будет. Стратег-то по-имперски мыслит, варваров за людей не считает, оттого и объявил Брена вождем, решил, что воины и охотники побегут мальцу пятки целовать. Может, и прав был вождь молодой – он с Илларием одну походную кашу лопал, так человека легче всего понять. Север вообще хорошо держался. Не ошибся покойный Брендон в старшем сыне, а вот младший... Да пусть его Инсаар сожрут, и дело с концом, кому он нужен? Из воинов кто ругался на чем свет стоит, кто ржал, кто молчал недоуменно – спятил, мол, консул Риер-Де, не иначе! В заложники б мальчишку взял – другое дело, хоть какая-то польза была бы, а так? Все равно воевать будем, зачем такие шуточки шутить?

Когда израненный Крейдон добрался до своих и рассказал, что Брена схватили имперцы, Север вначале его чуть в Стан мертвых не отправил. Беоф думал, прямо на месте порешит – да опомнился вождь. Боязно было немного: ну как братская любовь сильнее долга окажется? Не оказалась. Заявил Север, что и слушать-де не станет послов Илларию Холодной Задницы. Коль суждено брату вождя в плену умереть – так тому и быть, а он, Север Астигат, на уступки не пойдет. Да только сынок весь в отца, Брендона Великого удался. Раздвоенный у него язык – говорит одно, делает другое, а думает и вовсе не понять что. Стороной узнал Беоф – мыслимое ли дело, чтобы шиннард не знал, куда вождь воинов посылает! – что четыре сотни разведчиков отправил Север на поиски и дознание. Дознались-то быстро – жрецы Брена имперцам выдали, даже сумму вызнали, сколько получили они от Илларию, а вот самого мальчика и след простыл, и послов стратег не прислал. А после как обухом по голове: объявил себя Брен вождем лонгов, а консул ему воинов дает для отстаивания прав. Каких таких прав? Этого Беоф не постигал, пока Север ему не растолковал. В империи так водится: неважно, каков наследник императора – калека ли, младенец ли, вовсе сволочь, – а если кровь совпадает да отцом признан, может на наследство претендовать. Вот Илларию Каст и решил, что Брен, как сын своего отца, права законные имеет. А брат его старший – узурпит... нет, узурпат... Не мог Беоф вспомнить мудреное словцо. Словом, власть незаконно захватил. Когда вождь им все разъяснил, воины с лавок попадали. Так гоготали, что как пупки не поразвязывались. А Север молчал, только глаза у него были страшные, ох страшные. Потом старшины войска тоже высказались. Не понимает разве Илларию, что никакого дела им нет до вождя, который не мужчина даже еще? Консул бы ему хоть обряд устроил, что ль! Смехота.

Север выждал, пока они посмеются, и велел готовиться к походу на Остериум. Тут воины про всякие имперские бредни позабыли. Славно они погуляли тогда, не бедный город, ох не бедный, да и польза не только в добыче. Пусть знают все – от столицы Риер-Де до земель мерзких трезенов: лонги мстить умеют. Обратно из Остериума воины рвались на руках Севера всю дорогу тащить – таким должен быть вождь!

А Север с того дня замолчал, как воды в рот набрал. И то сказать, несладко, когда младший любимый братишка предателем оказывается. Только раз обмолвился: не мог Брен такого сделать... и опять замолчал. Потому как знал не хуже Беофа – мог. Нахвтался жреческой дури – а чему жрецы научить сумеют, кроме подлости? Но вождь велел следить, чтоб дружинники и остальные имя брата зря не трепали, ну, шиннард и следил. Каждой сороке клюв не прищепишь, но приказ вождя выполнять следовало. Понимал Беоф: все еще надеется Север, что брата обманули и запугали. А Север продолжал молчать, и в молчании этом чудилось шиннарду недоброе. Ох, придумал чего-то волчара молодой. Марцел и Камил тоже притихли. Марцел-то – молчун известный, а придурок Камил должен был трепать языком напропалую, но не трепал. Не нравилось это Беофу, и все тут.

Сейчас Беоф стоял на алюстре... баллюстре... да как там ее?! – на приставке к стене, словом! – и глядел на столицу. Семнадцать годков миновало – не лоханка больше Трефола! С трех сторон стены камнем одеты, четвертую одевают, и покои вождя плитами выложили, да еще несколько строений. И улицы уже есть, и дороги, лавки открыты, дома веселые – все, как в Гестии. И храм Инсаар построили – для виду в основном, ведь обряды лонги в лесу привычны справлять, да и Быстроразящим лес роднее. Трефола строилась быстрее остальных трех крепостей лонгов, но пока большинство считало город блажью, лишь недавно начали пользу видеть. Здесь площадей полно, торговать удобно, меняться, как это в лесу водится. Можно воинам жить – еще Брендон понастроил дома такие длинные, казармы, – и собираться на совет тоже неплохо. Да и в домах жить сподручнее – а то вон осень уж, дожди вот-вот зарядят, вот и шлепай по земле раскисшей. Одна беда – на лежанке этой имперской не насидишься. Это молодым хорошо, таким, как Север. Шиннард не роптал, что дожидаться приходится, пока вождь налюбится со своим йо-карвиром. Негоже роптать на страсть, Инсаар освященную, да и чем дальше, тем больше Алерею ему нравился. Много пользы от лигидийца, все дружинники заметили. Когда израненный Крейдон перед вождем стоял, казни дожидаясь, кто Севера унял? Алереи! Подошел сзади осторожно, сказал тихо так: «Север, не надо. Потом жалеть будешь», и будто очнулся вождь, опустилась рука. Беоф знал Севера Астигата двадцать два года и ни разу не видел, чтоб тот кого-то слушался, даже отца не боялся. Не заставишь его сделать что-то, только убедить можно, что так – правильно, и убеждал сына Брендон, слов не жалея. Потому и вырос Север таким – сам все знает, сам все решит. Срывался на сынка вождь покойный, ох и срывался... да Север кого хочешь доведет. А вот йо-карвир, видать, в сердце ему запал. И пусть держится иной раз, как с наложницей, – Север вообще будто б окончательно женщин мужчинами подменил, странновато уже в его возрасте, – а привязался, оттого и слушает. Не всегда, но и то хлеб. Так что пусть молодые страстью тешатся, а Беоф подождет.

Наконец они из спальных покоев выбрались. Как всегда, довольные друг дружкой – сил нет. Глаза у Алерея мутные, сонные... И Север чуть в себя пришел – еще с утра как ошпаренный по укреплениям и казармам носился, а сейчас присмирел. Рванул узел волос на затылке, сел на лавку, рабыня вина подала. Рядом йо-карвир пристроился, и Беоф решил, что можно с приставки уходить, разговор важный.

– Беоф, ты давно там стоишь? – вождь улыбался одними губами. Эх, парень, да разве мне не знать, что такую беду, как война и предательство брата, ласками не вылечить? В одночасье – не вылечить, а время все лечит, и Алерей рядом. Хороший союзник у лонгов! Лигидийцы племя малое, но, как оказалось, стойкое. И драться умеют отлично, в Остериуме, вон, половину стражи уделали.

– Да порядком. Наслушался ваших стонов, – ухмыльнулся в бороду шиннард. – Зачем звал, вождь?

– Затем, что ночью я посчитал, как людей лучше расставить, – вот как, посчитал, значит? Опять с шиннардом не посоветовался. С другой стороны... Север Астигат по имперской науке воевать обучен, и не чета ему прочие молодые лонги, да и такие, навроде Беофа, что по старинке воюют. Недаром посылал Брендон сына у консула учиться, хотя боялся за парня отчаянно. Прямо в логово врагу! Тошно, должно быть, в этой самой квестуре консульской было, раз Иллария, соратника своего, до сих пор ненавидит. Да и вернулся Север в племя – накануне того дня, как Брендон объявил Лонгу свободной, – другим. Уезжал мальчишкой совсем, вернулся воином. Но до службы у Максима злых выходов за Севером не водилось, все больше озорные.

– И как же воинов расставим? – Беоф видел, что тяжело у вождя на сердце, раз замолкает вот так, в середине разговора. Север бездумно разглядывал гостиный покой: деревянные и бронзовые лавки, прикрытые лучшими шкурами и расшитыми тканями, мраморный стол – его дружинники от самого Остериума волокли, как ни ругался Север, дотащили и водрузили сюда, – лампы незажженные в серебряных чашах. Долго молчал, потом все ж выдал:

– На Иллария пойдем с двадцатью тысячами. Сейчас все по карте покажу. – Эх, будь ты неладен! Беоф не больно в имперских значках разбирался. – А десять тысяч в резерве. Консул и сам не усидит, вот увидишь. Лучше с ним столкнуться на его территории, чем в Лонге. Перейдем реку и на той стороне бой дадим.

– Север, – лигидиец Алерей придвинулся к вождю. – А стоит ли реку переходить? Пусть Илларий сам сюда рвется. Он при переправе легионеров измотает, а нам полегче. И потом, отец мне говорил, что имперцы на нашей земле хуже воюют. Боятся от Гестии далеко забираться – с тех пор, как...

– С тех пор, как мой отец отрезал уши консулу, а я – претору, – отрубил Север. – Не понимаешь ты, Алер. Иллария бить надо, пока не очухался, пока думает, что мы выжидать будем.

– Я понимаю, тебе брата вызволить хочется, в глаза ему глянуть. И стратега наказать. Только опасно это, карвир, – взгляд лигидийца был спокойным, даже ласковым, а ладонь легла на бедро Севера. Но не вышло.

– Вот еще, – фыркнул вождь лонгов. – Сейчас я тебе все на карте покажу. Беоф, вызывай старшин. Через час приказы готовы будут.

– Слушаю, вождь, – вздохнул шиннард и покосился на опустившего глаза Алерей. Не бойся, парень, не затаит Север на тебя злости. Крепко привязал ты его к себе, и скоро Астигат поймет – не дурак. А вот то, что придумал Север, было и впрямь опасным, да спорить без толку. – Тут еще одна трудность есть. Обсудить бы...

– Говори при Алере, – голос вождя был строгим.

– Что с братом твоим делать, коли в плен его возьмут? – выпалил Беоф на одном дыхании. И увидел, как Север передернул плечами при слове «плен». Мыслимое ли дело, чтоб лонги брата вождя в плен брали?!

– Привезти ко мне, конечно. Здесь разбираться будем. – Не хочет парень правду видеть, ох не хочет. Предатель его брат, и нечего сомневаться.

– А ведь чуял твой отец, что есть в Брене гниль. Недаром порешить его приказал, а ты по-своему поступил!

Пусть слушает, может, гонору поубавится. Ишь, на Иллария сам идти задумал! У консула людей тысяч на семь больше, а ну как все легионы в бой пошлет?

– Нет в нем гнили! – Север Астигат скинул с себя руку йо-карвира и встал. – Много говоришь, Беоф. Иди, собирай старшин.

Близ реки Лонга

Стылая комната качалась перед глазами, предметы расплывались, как ни силился Брен удержать внимание. Если б не болела так голова, если б не впивались в сердце острые жала, не резали душу в клочья безжалостные ножи, он бы понял, что делать. Юноша приложил ладони к лицу, чтобы хоть немного унять боль, но она будто потекла из-под пальцев – вязкая, мутная... А ведь Илларий не ударил его, только оттолкнул. Хотелось скорчиться, забиться глубже между двумя лавками, вжаться в пол, в стены – и не быть. Не жить, не существовать, даже не родиться никогда! Мрази, подобной Брену Астигату, нет места среди живущих. Если тень отца придет за ним из Стана мертвых, он будет умолять убить его – прямо сейчас...

– Север, – безнадежно прошептал Брен в тишину покоев. – Север, заberi меня отсюда.

Маленьким он как-то испугался грозы и плакал так же, боясь кого-нибудь позвать. Камил, узнав, что младший боится грома, задразнил бы нещадно. А Север, услышав всхлипы, выволок Брена из-под мехового одеяла и долго сидел рядом, рассказывал смешное, пока глаза сами не закрылись. И после этого в грозу позволял забираться в свою постель, прижиматься к горячему телу, обнимать и спать так. Ни один человек не обвинил их в нарушении закона – все племя знало, что Север души не чает в младшем брате и ничего плохого с ним никогда не сделает. А уж Брен обожал старшего не меньше.

– Север, прости меня, – слезы, бессильные слезы текли по лицу, – простите меня... Север!

Откуда здесь взяться брату?! Если он жив, то давно за рекой. Лонга широка и глубока – скольких она сегодня приняла в свои пучины?

Дикое ржание лошадей, яростные крики, ругательства, вопли и стоны умирающих, звон металла – вот и все, что Брен запомнил. Он участвовал в бою, даже вроде как командовал легионерами – и не помнит почти ничего. Как такое может быть? Единственное, отчетливо врезавшееся в память – каменный идол вместо живого близкого

человека. Консул Иллариий – в полном имперском доспехе, темно-голубые глаза будто не видят Брена:

– Мы побеждаем, мой вождь. Варвары бегут.

Брен просил консула остановить бой, прекратить, выполнить свое обещание и дать возжелавшим свободы уйти, но его никто не слушал. Молчал Иллариий, молчали его квесторы, а впереди, между когортами легионеров и бурными водами реки погибали те, кто был с Бреном одной крови. После все побережье казалось ему усеянным трупами. Марцел и Камил предали Севера в разгар боя – это Брен узнал из донесения, выкрикнутого гонцом. Гонец тяжело дышал, утирая окровавленной рукавицей пот со лба, хрипел его конь, а Иллариий Холодное Сердце улыбался. Тогда Брен понял, за что консулу Лонги дали такое прозвище. А можно было б сказать и «Иллариий Без Сердца» – не ошиблись бы! У этого человека вовсе не было сердца. И не только у него – у всех его воинов, раз они творят с людьми такое. Такое...

Средние братья Астигаты увели с собой треть воинов. «Твой пример заразителен», – промолвил Иллариий, едва двигая губами. «Мой пример? – хотелось заорать Брену. – Пример чего – предательства?!» Почему он не мог понять этого раньше? Ошалел от роскоши, от ласковых слов, от внимания?! Поверил рассказам! Консул утверждал: настоящего боя не будет, лонги в большинстве своем перейдут на сторону нового вождя, а тех, кто решит уйти в конце, преследовать не станут. Но никто не перешел, даже трусливые средние братья предпочли удрать подальше от имперских милостей. Как можно было поверить в слова Каста, что Север многим поперек горла встал своей резкостью? Лонги дрались насмерть и сдаваться не собирались, а на все просьбы Брена – прекратить сражение, остановить бойню – консул отвечал отказом. Иллариий говорил, что хочет лонгам процветания и мира... как можно было поверить в это?! Север оказался совершенно прав. Для имперцев варвары не люди, и потому с варварами можно делать все что угодно: душить податями, отбирать последнее у вдов и сирот, отправлять в каменоломни и на рудники... и забивать в колодки. Колодки!

Юноша вцепился зубами в собственную руку. Будь у него оружие, он без колебаний перерезал бы себе глотку. Именно такая смерть подобает предателю, загубившему столько... сколько воинов никогда не встанет с земли? Сколько погибает сейчас в муках? А не родись на свет младший сын вождя Брен Астигат, они вернулись бы к своим женам и детям. Когда Север дал приказ отступить, многие уже не успели уйти, укрыться за спасительными водами реки – и попали в плен. Брен видел, как добивали тяжело раненых, как заламывали руки остальным, как гнали куда-то. После он понял куда.

– Я рассчитывал на большее, – говорил Иллариий по дороге в приграничное укрепление, коим пользовались так часто, что воины тут чувствовали себя как дома. – Твои средние братья могли поступить умнее, тогда я наградил бы их. Что им было не ударить Северу в тыл? Бежать с поля боя в никуда – полная бессмыслица. Скажи-ка мне, Брендон, Марцел и Камил ненавидят Севера?

Да, ненавидят, мог бы сказать Брен, но промолчал. Братья ненавидели всех – из зависти, как часто повторял шиннард Беоф. Просто Марцел всегда молчал и со всем соглашался, а Камил, похоже, слабоумный. Говорили, отец, должно, зачал его пьяным, вот он такой и получился. Средние братья удрали вдоль реки, оголив левый фланг. Это едва не погубило Севера, хорошо еще, что брат приказал отступить. Но сколько погибло!

А потом все стало еще страшнее – потому что он видел, что сделали с пленными. Смилуйтесь, Инсаар, пленные!.. К кому ты взываешь, дурак, чем ты лучше братьев?! Пока ты сидишь на холодном полу, легионеры творят мерзости на потребу Инсаар. После боя мимо Брена проволокли труп Беофа – лицо шиннарда осталось нетронутым, и сын вождя узнал его. Погибших оказалось много, очень много, но консул был зол и разочарован и все твердил, что, не встань заслоном отряд из нескольких тысяч лонгов, Север Астигат не ушел бы за реку. А Брен молчал и думал: брат успел! Поклониться бы тому старшине, который ценой своей жизни и жизни своих воинов дал уйти остальным. Но благодарить было некого – оставшиеся погибли, а пленных Брен видел только час назад. И лучше бы ему никогда такого не видеть.

Юноша со стоном поднялся на ноги. Тело ныло, словно его избили, а ведь он всего лишь долго сидел на полу. Подошел к окну, забранному частой решеткой – в крепости все окна были зарешеченными. Нашлось бы тут хоть одно застекленное окно, как в доме Иллария в Гестии... можно было бы убить себя осколком. Брен точно знал, какую именно жилу нужно перерезать – сразу под ухом, тогда он умрет от потери крови, и все будет кончено. Но стекла нет, нет вообще ничего острого, Илларий даже застежки велел содрать с его одежды, побоявшись, что горе-вождь покончит с собой. Можно попробовать разбить себе голову о стену – Брен слышал, что так иногда делали. Но прежде нужно подумать, как следует подумать, чем он сможет облегчить участь тех, кто выживет после Ка-Инсаар. Глупец! После такого не выживет никто! Думать нужно было раньше, когда смотрел в лживые глаза консула, слушал его речи – и верил. Подумать только, верил, будто имперец-аристократ желает лонгам добра!

Когда они добрались до крепости, Илларий велел ему отдохнуть. Но уснуть Брен не мог – лежал в каком-то странном оцепенении, а в голове вертелась одна-единственная мысль: сегодня из-за него чуть не погиб любимый брат, из-за него едва не погибло все племя. Ведь если воины и охотники будут убиты или попадут в плен, женщины, дети и старики умрут с голоду в своих шатрах. Жизнь в лесах сурова, а в города лонги переберутся не скоро – да и будут ли у них вообще города, если Риер-Де победит? А сегодня империя едва не одержала полную победу. Если б не воин, что задержал врагов у реки, сейчас Север тоже был бы мертв... Отчего-то казалось очень важным знать имя храбреца, спасшего от гибели и брата, и других. Скоро они встретятся в Стане мертвых, и Брен сможет поцеловать герою ноги. Эта мысль успокаивала, потому что других больше не было. Что делать дальше, он не знал, голова просто отказывалась думать. Брен лежал, сжавшись в комочек, и вдруг услышал далекие крики – проклятья и вопли боли, – а потом жуткие звуки перекрыл рев труб. Юноша торопливо вскочил, натянул сапоги, схватил плащ и выбежал из комнаты. Носился по галереям, метался по лагерю – и наконец нашел. Когда он выбежал на консульскую площадку, не отыскать источник сводивших его с ума воплей было уже невозможно:

– Ка-Инсаар! – надрывались легионеры. Их было много – кто одетый еще, кто полуголый, а кто и вовсе нагой. Почти все они были пьяны и не походили на людей.

– Ка-Инсаар! – визжали трубы. Медный рев, крики ошалевших от похоти и всевластия мужиков, ослепительно яркий свет и распятые в колодках тела. Брен простоял там долго, пока кто-то не схватил его за плечо. Просто не мог сдвинуться с места. Пленных насиловали, а после совокупления убивали. Или мечи вонзались уже в мертвых? Кто может выжить после такого?! Все, что говорили Брену про Риер-Де в родном племени, оказалось правдой. Имперцы – гнусные твари, хуже зверей, ибо ни одна зверь не учинит такого над себе подобным! Ну да, варвары для них – не подобные им, это Брену тоже говорили, а он просто дурак. И все из-за него. По его вине сейчас убивают лонгов,

келлитов, лигидийцев и других. Они погибают в жесточайших муках – более трех сотен человек забили в колодки! А когда в одном из растерзанных тел Брен признал дружинника, охранявшего его по пути из Остериума к Башне Наблюдений, то просто рухнул наземь и завыл бессильно. Консул Иллариус клялся, что пленникам сохранят жизнь. Чего стоят его клятвы?! А что было бы с братом, не успеет тот уйти? Тоже оказался бы в колодках? И Брен даже убить бы его не смог, чтобы избавиться от позора и мук.

С земли его поднял Луциан Валер – как всегда любезный, изящно одетый, с легкой улыбкой на устах.

– А, вот ты где! А мы тебя ищем, пора садиться за стол.

За стол?! Император рехнулся?! Кто может есть после того, как увидел, что здесь творится? Брен закусил губу. С Луцианом говорить бесполезно, он же не командует легионерами. Нужно дождаться встречи с консулом. Иллариус Каст – не жестокая тварь; тот, кто настолько ценит поэзию, ценит и понимает любовь, тот, с кем они читали, перебивая друг друга, гимн Любви – «Риер Амориет», – не может приказывать поступать так с пленными! Конечно, консул просто ничего не знает! Командиры легионов устроили Ка-Инсаар по собственному почину. Да как они вообще могут называть подобное жертвой Быстроразящим?! Неудивительно, что на земли Риер-Де Инсаар нападают куда чаще, чем на все остальные. Брен пошел с Луцианом, стараясь не касаться советника консула. Было тошно до невозможности, руки дрожали, в голове мутилось, перед глазами стоял кровавый туман. Никогда не забыть ему эти крики, никогда не стереть в памяти полные боли глаза пленников... и во всем виноват именно он, тупой щенок, поддавшийся на уговоры.

Консул и Гермия уже сидели за накрытым столом, Иллариус потягивал вино. Брен крикнул прямо с порога:

– Роммелет Иллариус! Останови этот ужас!

Хорошо, что тот не стал делать вид, будто не понимает о чем идет речь, иначе сейчас Брен бы его не только ненавидел, но и презирал.

– Видишь ли, Брендон... – консул отодвинул кубок, встал, подошел ближе. Лицо его было... измученным? Между темными бровями залегла горькая складка, а глаза потемнели, став совершенно синими. Руки консул держал за спиной. – Воинам нужно победить свой страх. Они боятся твоих сородичей. Все так поступают и всегда. Разве у вас с пленными обращаются иначе?

– Да! – Брену хотелось заорать, но он лишь хрипел. Как доказать консулу, что лонги не поступают так с врагами? Да, бесспорно, случаи изнасилования пленных бывали, но воинами они не одобрялись. Отец и старшины считали, что лучше использовать пленных на работах по обработке камня, заставить их валить лес и добывать руду, чем бессмысленно издеваться. Чтобы забить в колодки три сотни мужчин, кои могли бы работать на благо Риер-Де, нужно быть совершенным скотом! Неужели легионеры не понимают, что насилием они просто гnevят Инсаар? Неутомимые хотят добровольной жертвы – это знают даже малые дети!

– Послушай, Брендон... – Иллариус подошел еще ближе, положил ему руку на плечо. – Так делали всегда. Ка-Инсаар поддерживают императоры и жрецы, и как я могу изменить порядок? Так поступают буквально все.

– Так поступают варвары, – отчеканил Брен, глядя в красивое лицо, по которому вдруг прошла судорога. – Останови это, консул. Немедленно.

– Брендон! Твои сородичи натворили немало мерзостей. Кто из этих... помог твоему отцу убить консула Максима? Кто сажал на кол таких же пленников? Кто повесил жрецов храма Трех Колонн? Кто выкалывал глаза и отрезал уши? Ты думаешь, если бы в плен попал я или Луциан, с нами обошлись бы милосерднее? – Илларию сжал на его плече пальцы, но Брен вывернулся.

– Мерзость творится здесь и сейчас! Прикажи им прекратить, или я... – голос слушался плохо, но Брен держался. От его твердости зависит жизнь тех, кого еще не замучили насмерть.

– Что ты сделаешь? Пойми, нельзя остановить обряд принесения жертвы. Инсаар будут в гневе. И потом, легионеры не послушаются. Они боятся Инсаар, они боятся переходить реку, а им придется... Ведь твой брат смог уйти, проклятье! Но ты снова обратишься к своим соплеменникам и скажешь им...

Консул еще не понял. Не понял, что Брендон Астигат, сын Брендона Астигата, ему больше не союзник. Пусть он гнусный предатель, пусть сейчас пленники умирают, проклиная его – чтобы и в Стане мертвых его терзали их тени, – но Брен знал, что должен делать. Зря Илларию сказал о своем намерении перейти Лонгу, чтобы преследовать Севера. Сама мысль о том, что будут еще бои, будут убитые и взятые в плен, словно превратила Брена в дикого зверя. Да, он согласился объявить себя вождем, он окончательно все решил, узнав о разграблении и сожжении Остериума и храма Трех Колонн, думая, что лонгов нужно спасать немедленно, пока Север не натворил еще больших зверств. Глупец! Зверства творят все, но Север никогда б не стал насиловать пленного в колодцах, а он – брат Брена. Север никогда не лгал ему, а Илларию солгал во всем.

– Ты говорил, консул, что хочешь моему племени мира и процветания? Ты говорил: лонги начнут сдаваться. Ты убеждал меня, а сам...

Бессильная ярость рванулась на волю, и, прежде чем понял, что делает, Брен ударил Илларию Каста в лицо. Ударил так сильно, что рука болела до сих пор. Консул перехватил его запястье, тогда юноша другой рукой вцепился ему в горло, сжал пальцы и давил, давил... пока Илларию не свалил его на пол, прижав к ковру.

– Успокойся, волчонок!

Брен вырвался, вскочил на ноги, вновь бросился на Илларию, но тот отшвырнул его прочь и крикнул:

– Стража!

Консул Каст приказал запереть его в спальне. Легионеры не сделали ему ничего плохого, просто втолкнули сюда и заперли. Потом Брен услышал звон оружия за дверью – у его комнаты поставили караул. Метался от стены до стены, натываясь на мебель, потом одолела такая слабость, что он без сил свалился в угол и замер на ледяном полу. А теперь настала пора сделать то, что решил. Раз нет ни стекла, ни ножа, ни даже той булавы Гермии, придется убить себя по-другому. Юноша посмотрел на ложе. Можно разорвать покрывало, но на стенах и в потолке ни одного крюка. Оставалось расколотить тупую

башку о мраморный столик. Брен встал на колени и приложился виском о белую в тонких прожилках поверхность. Было больно, и, кажется, волосы стали влажными, но удар его не убил. Кого просить о помощи в самоубийстве?

– Инсаар, Быстроразящие, Неутомимые, Ненасытные...

Ну почему Инсаар выпили столько народу и не могут прийти немедля и забрать жизнь никчемного мальчишки?! Брен схватился обеими руками за столешницу и еще раз ударил виском о холодный мрамор. Перед глазами все померкло, а очнулся он в знакомых, ласковых, любимых руках.

– Ты, – выдохнул Брен. Ему хотелось протереть глаза, убедиться – златоглазый здесь, с ним! Держит его в объятиях, губы касаются лица... и яркие искры пронзают тьму.

– Я заберу тебя. Сейчас.

Юноша чувствовал, как текут по щекам слезы. Проклятая слабость! Он попросается с любимым. А может, у того найдется кинжал или хоть что-нибудь острое? Предатель не заслуживает ни любви, ни счастья, но Инсаар все же смилостивились над ним, дав перед смертью возможность увидеть, подержать за руку...

– Убей меня, пожалуйста, – взмолился Брен. И вдруг другая мысль – первая правильная мысль за прошедшие пять месяцев! – заставила его собрать последние силы и приподняться. Любимый – не человек. Как можно не замечать колдовское сияние золотых глаз, каких у людей не бывает? Но даже этого не нужно, ведь златоглазый пришел в запертую спальню, охраняемую двумя декадами легионеров, вон и под окнами пост стоит – Брен проверил. Если любимому под силу проходить сквозь стены или отводить людям глаза, значит, ему подвластно многое!

– Останови мучительство, останови Ка-Инсаар. Заставь консула! – он требовательно потянул златолазого за темную шелковую прядь. – Ты же можешь! Умоляю...

– Мы приняли бы жертву, но илгу сам остановил обряд.

Брен не понял, кто такой илгу и как он мог приказать легионерам Илларию прекратить насиловать пленников, но это уже было неважно. Измученный разум зацепился только за слово «мы». О ком говорит любимый? Кто может принять жертву, предназначенную Инсаар?

– Наши силы тают, мы берем то, что находим, пусть это нам и не по нраву. Люди дают так мало, – губы златолазого шевелились, но его низкий голос Брен снова слышал всем телом. – А вот ты даешь мне так много... Энейле, мой энейле, ты ярче молнии, сильнее времени, чище родниковой воды, и ты мне нужен. Я заберу тебя. Ты пойдешь со мной? – златоглазый крепче сжал руки на его теле, пальцы ласкали волосы юноши. Перед глазами Брена все кружилось, он почти ничего не видел. Но начал понимать и закричал бы, да голоса не было. – Я не мог раньше, энейле. Не мог забрать тебя, не мог взять, как должно, но теперь жертвенный договор соблюден. Благодарю прадеда и свою кровь, кровь Астигатов, энейле. Ты уйдешь со мной, но прежде увидишь.

Брен увидел, как потекло лицо любимого – с него будто смывали красоту, как дождь смывает пыль. Растаяли темно-золотые глаза, превратившись в черные пустые

дыры без белков. Кожа потеряла матовый блеск и сделалась зеленовато-серой, жесткой, будто пергамент, натянувшись на скулах. Держащие его руки удлинились и стали такими гибкими, будто в них не было костей, острый коготь царапнул плечо.

– Погляди на меня, энейле, и скажи: пойдешь ли ты со мной? – нелюдь смотрел прямо на него. Тьма рассеялась, не было больше колдовского сияния, и только низкий голос по-прежнему звучал в голове. Брен придушенно вскрикнул и потерял сознание.

Приречная башня

– Вождь!

– Да, Крейдон.

Новый шиннард подошел осторожно, будто к горящему костру. Поведение Крейдона отрезвило, но ярость, словно хмельная безумная река, втягивала в свои буруны. Била о камни, кружила в водовороте, со всего размаху швыряла о берег. Север видел свои ладони, побелевшие от напряжения сустава – сбитые в многочисленных драках, плоские, как эти проклятые перила. Бортик ограждения треснул в нескольких местах под судорожно сведенными пальцами. Ничего, дерево живое только в сказках, кои рассказывают воины в шатре, чтобы переждать непогоду, дереву не больно. Строить такие башни было затеей отца. Хорошей затеей, жаль, отец доделать не успел. Ну, придет победа – Север сам закончит. Пояс укреплений перед рекой, на всем протяжении границы... и хорошо бы каменный. Добывать камень тяжело, свободных воинов для такой работы никто гонять не будет, пленные подойдут лучше всего. Пленные и рабы – ценный товар, но сегодня он не станет глядеть на цену. Он сам перережет горло командиру легиона перед погребальным костром, а остальных – сколько их там? – пусть режут дружинники. Нет на костре тела Алера – йо-карвир так и остался там, на берегу, отход прикрывая, – и старому шиннарду Беофу не досталось последнего убежища в родных лесах. Пусть и за них будут и костер, и жертвы – Беоф сорокалетней службой и не такое сопровождение в Стан мертвых заслужил, а Алер... Алер!..

Хотелось завывать по-волчьи, задрав голову к темнеющему пустому небу. Или начать кататься по земле. Правы были предки, наказывая выть по мертвым... вот и пусть воют по его йо-карвиру дружинники, оплакивая друзей и братьев. А сам Север не станет. Ляжешь хоть раз на землю, признаешь себя побежденным – можешь больше и не вставать. Этот закон он себе придумал сам и всегда на него полагался.

– Вождь, дрова для погребального костра готовы. И гонцы готовы.

Вначале – гонцы. Мертвым все равно, когда живые сожгут их тела – часом ли раньше, часом позже. Север Астигат уже никогда не сможет сказать Алерею, сыну Абрака, что ни с кем раньше ему не было так хорошо и так спокойно. Не любил, даже не желал по-настоящему, никогда не говорил, как важен, как нужен... Козочка... Дурак! Подоженный фитиль тебе в задницу, дурак проклятый. И звал так, и думал – до той самой минуты, когда, уже после переправы, вырвавшиеся рассказали ему о гибели йо-карвира. Слишком поздно все понимаешь, отчего так? Да полно! Алер хорошо умер. Лучше б было, если б в плен попал? Север даже зубами заскрипел, и Крейдон вновь вздрогнул.

– Гонцов позови ко мне, когда... когда луна покажется, – тьфу ты, каждый раз приходится вспоминать, что разговариваешь с теми, кто время по луне и солнцу считает, а

на песочные часы пялятся, будто на живого Инсаар. Чаше и сильнее надо драть дружинников – злее будут и ума скорее наберутся. Жаль, сам себя не отдерешь, глядишь, ума бы и прибавилось. Зарвался Север Астигат, вождь лонгов, и чуть не полдружины нет у него теперь. Третью предала, да еще полтрети – погибли и в плену. Зарвался, повернулся спиной – и нет у него больше братьев. Марцел и Камил – сучье семя, не жаль, не ждал другого. Мерзко только. А Брен...

Сожми зубы, не смей выть. Молчи, молчи... Как там Иллариий говорил? Баста? Нет братьев, и дело с концом. Есть война, есть крепости недостроенные, есть необходимость дружину по имперскому образцу перекраивать – на когорты делить, на легионы. Папаша до такого никогда б не дошел, больно старину ценил. Не за дедовские обычаи воюем, отец, за право на родной земле дышать. За право морду разбить всякому, кто косо в сторону свободного лонга посмотрит и варваром назовет. А для этого можно и имена имперские носить, и войско, как у них, строить, и нужду справлять в бронзовые вазы. А тот, кто этого не понимает, колодки заслужил. Выходит, и Брен колодки заслужил? А что если вот прямо сейчас...

Севера затрясло. Чтобы унять дрожь, он вновь схватился за перила, и они не выдержали – треснули под пальцами с мерзким звуком, будто чья-то шея. И словно Алер на ухо прошептал: «Так шея врага удушенного хорошо хрустит, а свои укрепления чего ж ломать?» Север засмеялся даже: как есть дурак. И осекся. Не лягут на плечи теплые ладони, не прижмется сзади к плечу, не защекочат ноздри каштановые пряди... Алер, Брен... за что?! Ну за что?! За дурь твою. Молчи. Молчи, сам виноват. Не они виноваты! Баста.

– Вождь, – шиннард Крейдон прочистил горло, переступил с ноги на ногу. Не дело, когда воины с вождем говорить бояться – а ведь бояться! – А куда и зачем гонцов посылаешь?

– Ополчение подниму, – буркнул Север и тут же добавил, увидев вскинувшиеся брови Крейдона. – Не во все становища пошлем, тех, что за Веллгой живут, дергать не будем. Пусть пока охотятся и хлеб растят. Мне еще тысяча пятнадцать нужно. Одобряешь, шиннард?

– Да что тебе за дело до одобрения моего? – протянул Крейдон. Не хотелось, чтобы шиннард уходил, да придется отпустить, а в одиночку тошно. Сил нет, как тошно. Нет, шалишь! Есть силы и всегда будут. – Из западни Иллариия мы вырвались, а что дальше делать, сам уж думай. Я твой приказ всегда выполню.

– Так благодаря кому вырвались-то, помнишь? Благодаря кому мы с тобой здесь сейчас стоим, а не с порванными задницами валяемся? – зачем он это говорит шиннарду? Никто не должен знать о слабости вождя, о его ошибках. Да только в тот день, когда он и впрямь все в себе держать начнет, слабостей не показывая, то вождем быть перестанет и станет керлом. Так прозвали сказочных правителей, что владели в древние времена лесными народами. Пора у племенного союза числом в четыреста тысяч мужчин и неизвестно сколько женщин и детишек вновь заводить керлов. Керл правит не так, как вождь, не советуется ни с шиннардом, ни со старейшинами, ни, тем более, с простыми дружинниками. Власть керла вписана в скрижали и по наследству передается сыну и брату – всегда. Не потому, что племя решило – принимает вождя, нет ли, – а потому, что закон велел. И сидит керл в столице, а не скачет по становищам, будто волк с подпаленной шкурой... Ой, занесло. Не время еще для такого, и быть ему вождем – тем более что сыновей у него нет, и братьев теперь тоже нет. А вождь должен быть

откровенен с воинами, иначе на битву за ним не пойдут. Да и о его дурачности кто-то мог догадаться. В таких случаях всегда лучше прямо говорить.

– Алер нас вызволил, мою ошибку исправляя. Так что скажи воинам, шиннард: Алерей, сын Абрака – герой, какие только в сказаниях бывали. Пусть все лонги здравицу ему поют, в Стан мертвых провожая. Понял?

Крейдон посопел, подумал и выдал:

– Да йо-карвиру так и следует поступать. И ты б ему помог, коли ошибся он, не так, что ли?

Хотелось заорать: но ведь не ценой жизни! Он не думал, что даст йо-карвиру больше, чем было оговорено на Ка-Инсаар, – даже любви не дал. А Алер, увидев, что фланг оголен, что имперцы вот-вот ворвутся в появившуюся брешь и тогда им всем не жить, а карвир ворон считает, сам прорыв и заткнул – своим телом, телами своей дружины. Потому лонги и смогли уйти. Север Астигат ошибся дважды: когда попер на Илларию, не рассчитав сил, и когда проглядел прореху в рядах, оставшуюся после бегства братьев. Потеряно не все, и война не проиграна – вот только Алера уже не вернуть. И ошибок не исправить. А ведь думалось когда-то: раз не мог лигидиец дольше сопротивляться на Ка-Инсаар, раз лег покорно под союзника, значит, слабее намного, а коль слабее, то и глупей. «Козочка», одним словом. Эх, язык бы себе вырвать да им и отхлестать! Алер был мужчиной и в войне понимал не хуже – вон сразу сообразил, что нужно делать. И характером сильнее – исправлял ошибки карвира, хватал за руки, душить не давая...

– Да, ты прав, шиннард. Вот и объяви всем, что жертвенная клятва исполнена. Все б так исполняли... ступай.

Крейдон ушел. Зря он шиннарда спровадил, пока гонцы придут, будешь тут один стоять и в небо пялиться. Все равно ведь воешь – пусть не слезами, не голосом. Нет, нельзя, не время! Нужно точно подсчитать, сколько воинов требовать от становищ, чтобы опять не промахнуться. Холодная Задница тоже ошибся – как всегда имперцы насчет лонгов ошибались. Ошибся, решив, что назовет вождем другого – и лонги перейдут к нему. Не так это! Если сдохнет сегодня Север Астигат, наследника не оставив, завтра же на совете дружинники нового вождя выберут. Пусть не из рода Астигатов – любого, только б соображал хорошо и дрался отменно. Изберут и будут так же в лесах охотиться и Риер-Де бить – пока не выгонят имперцев с земли своей. И победить империя сможет лишь тогда, когда всех мужчин в Лонге перебьет, а тому не бывать. Илларию умен, но есть вещи ему недоступные, как стихи эти треклятые были недоступны Северу. А ведь пытался слушать, чего там Лар так обожает! Просил, чтоб Брен ему читал, и слушал – по часу, бывало. Не то чтобы Север совсем имперские буквы не разбирал, но зачем напрягаться, если братец читает так, что и неинтересно, а заслушаешься? Особенно о боях. Илларию, Лар, задница ты холодная... Брена-то за что? Я тебя ненавижу, ты меня ненавидишь – разбирались бы вдвоем. Писаке этому, Квинту – тоже еще, о дожде да снеге рассказывать, да на три свитка, да вычурно так – риров золотых отвалил, дворец построил на берегу моря, чуть не императора молиться на него заставил. А того не смог понять, что души губил вокруг себя, из живых в мертвые превращая! Не было у Илларию души никогда у самого, вот ему чужие и не жаль. А теперь, похоже, нет пути назад. Ни Илларию Касту, ни Северу Астигату, ни Брендону, сыну Великого Брендона...

Север опять рассмеялся. И смеялся долго – запрокинув голову, неотрывно глядя в темное небо, пока слезы не потекли. От смеха, ясное дело. Ничего, никуда не денется

консул. Придет срок – и нагнет его вождь лонгов. И если для победы придется самого себя на куски разрезать, а после собственное мясо сожрать – и это сделает.

Тень скользнула на грани сознания, вихрем пронеслась через площадку смотровой башенки. Черные провалы оказались на уровне глаз. Нелюдь сидел на сломанных перилах и пялился так, будто в гости зашел танама выпить. Только раз Север так близко Инсаар видел – на первом своем обряде, когда они его девственность получили, ха! Тогда такая же образина приперлась прямо к кострам на Ка-Инсаар и давай пугать братца жены его будущей, келлита Естигия. Естигий потом вопил на весь лес – горластый был всегда, прямо как сестрица его, – что Север Астигат ему не только зад порвал, но и вообще собака бешеная, раз на его жертву Быстроразящие в истинном обличье пожаловали! Ну, положим, не рвал он келлиту зад, хотя был груб, конечно, не умел же тогда мужчин брать. А за визиты нелюдей он не ответчик.

– Астигат, – каркнул Инсаар, ослабившись. На Севера дохнуло запахом леса. Ну, хоть пахнет не мерзко, и то хорошо. – Я пришел выполнить союз жертвенного Дара, заключенный между мной и твоим прадедом. И не зли меня, Астигат, мне давно хочется про союз забыть.

О старом договоре меж племенем и нелюдями речь ведет, что ль? Правильно старики говорят: только подумай про Ненасытных, а они тут как тут. Видно, на самом деле мысли читают.

– Глупец, – зашипел нелюдь, и длинная рука коснулась кожаного мешочка на шее Севера – того, что умирающий отец ему в руку вложил. А потом Инсаар ткнул себя туда, где у людей сердце, и Север увидел большую вмятину. Рана была глубокой и очень старой. – Ты носишь на груди кусок сердца моего брата. И кусок моего сердца. Твой прадед, желая остановить войну, стал моим карвиром, и мы принесли жертвенный Дар друг другу, – Инсаар вдруг вздохнул, чуть не по-человечески, и Север понял, отчего тот раздражен: видно, не первый раз говорит об этом. Стоило бы подумать, но проклятый язык развязался сам собой:

– Так мой прадед поимел тебя, нелюдь? Не ожидал, признаться! Думал, все наоборот было, – в нем кипела дикая ярость, и хотелось поделиться ею со всем миром. Мало ему забот, так еще этот выродок без куска сердца притащился! Удар когтистой лапы впечатал его в деревянную стену, и Север запоздало порадовался, что башенку еще не одели камнем. Голова и плечи болели, но терпимо, вот только встать он не успел – тень нависла над ним.

– Я сказал: не зли меня, Астигат! Вы, илгу, сильны, но мы пока сильнее. Мы с твоим прадедом познали друг друга, и потому это Дар равных, а не то, что ты творил на ложе со своим йо-карвиром.

Злоба заколотила в виски. Да как нелюдь смеет поминать Алера?! И что это Север творил с йо-карвиром на ложе? Им было хорошо вместе, и все тут – обоим. А теперь Алера больше нет... Очень хотелось съязвить еще разок, но позиция невыгодна для удара. Вот если Инсаар чуть сдвинется влево...

– Выполняя клятву Дара, я пришел предложить тебе соглашение, Астигат, – Инсаар говорил как по писаному, но гибкие ребра ходили ходуном – сам бесится. – Ты мне, я тебе, как заведено у карвиров. На том живет ваше племя, на том стоит Вечный Лес. Я дам тебе, что ты хочешь, а ты отдашь мне брата. Добровольно отдашь.

– Нет у меня больше брата, – рявкнул Север. Отчего-то сразу стало ясно, что нелюдь говорит о Брене – не о хитрюге Марцеле, не о тупице Камиле, именно о младшем. – Он меня предал, или ты не знаешь? Как жертвы брать, вы все знаете, а как помочь потомкам карвира... где ты был?

– Что нам людские войны, Астигат? Ты станешь вникать, из-за чего дерутся курица и утка? Нет! Просто съешь ту, что жирнее. – Вот же мерзость экая! Инсаар и не подумал разжать хватку на его плечах. Ясно, Ненасытные же мысли читать могут, его смирением да показной неподвижностью не обманешь. – Я предлагаю тебе помощь сейчас. Соглашайся – и победишь. И побыстрее, потому что другой илгу сегодня испортил нам трапезу. Я голоден, ты понял, Астигат?

– Да на что вам Брен? Он же сопляк! – нужно выждать, выгадать время – только это и остается. Инсаар способен за краткий миг размазать его по полу, и никто не поможет. Страх не было, но умирать так – глупее некуда.

– Мы знаем на что, – нелюдь, кажется, немного разжал руки. – Твое дело – отдать нам брата и назвать свои условия, как и положено карвирам. Жертвенный Дар перешел ко всем Астигатам по наследству, твой дед это знал, и знал твой отец. Я приходил к нему и говорил о том же. Он послушал меня, но ты поступил по-своему. Вины твоей в том нет, ибо ты не знал.

Приходил? Отец не поделился, плохо. Назойливая догадка звенела в голове – такая важная, такая нужная сейчас, – но злость застилала все.

– Слушай, нелюдь, это мой прадед был твоим карвиром – не я! Почему я должен тебе верить? Отдам вам Брена – да и как я могу его отдать, если он у Холодной Задницы? – а ты потом обманешь. Вначале победить помоги, уж потом о Брене поговорим, – бред, ну сущий бред. Шел бы к Илларию за мелкого торговаться, толку больше б было... стойка! Да ведь все верно, а Север Астигат – дурак. Прадед стал карвиром нелюдя, и союз перешел на потомков и все племя. И потому сейчас Инсаар торгуется с ним – так же, как полгода назад они с Алером торговались после обряда за воинов и шкуры. Взаимовыгодный договор. Да только чудно людские законы применять к выродам, потому и не сообразил сразу...

– Мое терпение на исходе, утка, – теперь Быстроразящий почти рычал. – Немного пользы выпить тебя, но я выпью! – Да, так его еще не били. Нелюдь раза четыре приложил Севера головой и плечами об пол и оседлал ему бедра. Разум надрывался: «Смирись!», – но гордость и бешенство долдонили свое. Утка, значит?! Ну, попробуй, сожри!

– Думаешь, я сдохну под тобой? – собственный голос казался чужим, столько в нем было холодной ярости. Краем глаза Север заметил распластавшийся на его животе член Инсаар – едва ли длиннее человеческого, но много толще, с очень крупной головкой, словно бы расширяющейся на конце. Идолам таких не приделывали. Да уж, эдакое себе в задницу лучше не принимать, потом не скоро сидеть сможешь. Главное сейчас – не думать, куда и как бить, когда Инсаар полезет его драть. В драке Север вообще особо никогда не думал – тело все знало само. – Ну, чего ждешь?

Сейчас нелюдь привстанет, должен же он как-то засадить, а потом... Ослепительный свет вдруг ударил в лицо, и вместо черных дыр и обтянутого сероватой

кожей черепа Север увидел яркий солнечный полдень, лагерь легионеров, стройные ряды палаток. Консульская площадка была пустой, только он и Лар, а небо над головой – синее-синее. Как глаза Иллария. У того всегда вот так темнели глаза, когда он волновался или думал о чем-то важном. За те клятые годы в квестуре Север выучил все оттенки взгляда Иллария Каста, знал каждое выражение его лица и каждое любил. Лар провел рукой по темно-русому ежику волос – как Север мечтал увидеть однажды его с длинными, распущенными волосами! – и шагнул ближе. Пахнувшие мятой губы накрыли рот, и Север задохнулся. Загорелая рука легла на плечо – Лар, не в пример «гусакам», не слишком берег кожу от загара... дыхание стало жарким, а распахнутые глаза напротив – беззащитными, сияющими такой нежностью, что сердце защемило. Иллариус Каст больше не квестор – он консул Лонги! Они всегда были заклятыми врагами, врагами и умрут, хотя думать так было мучительно – и тогда, и теперь. Но сейчас в руках Иллариус Брен, и консул заставил мальчишку предать. Такого не прощают! Никогда. Ни за что.

На голову будто рухнул рир бронзы. Север вынырнул из морока – такого желанного, такого невозможного и страшного. Голова раскалывалась, губы помнили вкус Лара, а естество стояло так, что хоть орехи коли. Проклятье. Инсаар заморочил его, и за это время мог поиметь сто раз, но не поимел. Почему? Как ему удалось освободиться от морока? Или Инсаар сам его отпустил, снял свои чары?

– Илгу, – нелюдь будто выплюнул непонятное слово. Он сидел рядом с Севером и смотрел на него своими черными дырами. Должно быть, «илгу» по-инсаарьи значит «утка». Вот весело-то...

– Так что, Астигат, отдашь брата? – гибкая, бескостная рука бездумно погладила шрам у сердца. Как, интересно, прадеду удалось поиметь чудище, и, видно, не один раз? Может быть, нелюдь его любил? Ну, по-своему – умеют же они хоть немного любить? Жертвенный Дар равных – редкость почти небывалая. Теперь Север вспомнил: о таком рассказывал кто-то из стариков. Дар равных означает, что в паре карвиров нет подчиненного и главенствующего, они все делят поровну: и войну, и хлеб, и душу.

– А что я получу взамен? – Север чувствовал себя, словно у костра на обычном, рядовом Ка-Инсаар. Все в порядке, он торгуется за воинов и шкуры. Он должен победить, а Брен его предал. Но все равно, лютой смерти он брату не желает. Ни за что. – И знай: Брен должен жить. Ты понял, нелюдь?

– Получишь победу над Иллариусом Кастом. Ты ведь этого хотел? Если хочешь еще чего-то, говори сейчас, – Инсаар явно торопился убраться подальше, даже руки-ноги подобрал, прижал к груди. Что, тоже не сладко тебе? Отчего бы, интересно, раз война уток и куриц вас не трогает?

– Жизнь брату! Оглох, что ли? – выпалил Север, изо всех сил стараясь не думать, зачем Быстроразящим понадобился мальчишка. Лонги победят – сейчас это главное, слишком многое зависит от победы над Риер-Де. Когда за спиной столько всего, не больно-то поторгуешься.

– Глупец, – равнодушно бросил карвир прадеда. – Мне не нужна теперь его смерть. Жертвенный Дар принят, Астигат?

– Принят, – буркнул Север, – но от консула Брена сами забирайте.

Руки были холодными и жесткими – кто-то нес Брена на руках. Неужели златоглазый все еще с ним? В своем настоящем облике? Юноша зажмурился, попытался прижать руки к глазам, но не смог – мышцы совершенно одеревенели, суставы не гнулись. Он не хотел видеть, не хотел принимать правду. Вообще ничего не хотел. Зачем он очнулся? Было так хорошо! Не чувствовать, не знать, не быть... Мерное покачивание внезапно оборвалось – тот, кто нес его, опустился на землю вместе со своей ношей.

– Энейле, – знакомый уже голос эхом отдался в голове. Любимый с ним. Любимый? Разум стыл от ужаса. Инсаар! Быстроразящий, Неутомимый, Ненасытный, Всевластный, Непознанный – и еще сто подобных имен, бог и дух зла в одном лице, вершина бытия; тот, кому приносят жертвы от столицы Риер-Де до земель трезенов; тот, на кого молятся и кого проклинаят, и вновь молятся, и вновь приносят жертвы, отдавая самое дорогое, что есть у человека – силу страсти, силу самой жизни... И в это... существо он, Брен, посмел влюбиться?! И не просто влюбиться – мечтать, боготворить, ждать днями и ночами... Как жалкий червяк может полюбить солнце? Как солнце, вместо того чтобы сжечь наглеца своими лучами, может обнимать в ответ и обращаться так ласково?

– Энейле, мы пришли. Очнись, – шершавая ладонь погладила Брена по лицу, другая чуть подтолкнула в спину, заставляя выпрямиться. Вот сейчас он соберется с духом и заставит себя открыть глаза. Север всегда говорил: воин смотрит в лицо и смерти, и страху. Воин – да. Но Брен Астигат не воин, а жалкий предатель, загубивший тысячи человек. И все-таки глаза он откроет. Узкое, серовато-зеленое лицо качалось перед ним, немигающе глядели черные распахнутые дыры, и все вокруг плыло, а предметы казались нечеткими. Он повредил себе что-то, когда бился головой об угол стола, и теперь его тошнило, едва не выворачивая наизнанку. Брен с усилием сглотнул. Не помогло, но Инсаар вдруг сжал его голову обеими руками. Миг – и мир перестал качаться, зрение прояснилось, но Брен почти не заметил этого, узнав место, где они находились. Приречная башня! Он на землях лонгов! Как он здесь оказался?! Где Север? Где Иллари? Неужели, пока он валялся без сознания, прошла еще одна битва, в которой брат победил, и лонги освободили Брена для того, чтобы казнить? Пусть так будет, пожалуйста, пусть...

Сын вождя рассматривал отделанную деревом галерею, стойки для арбалетов, крюки для щитов – пустые сейчас, видно, все воины на своих постах. Какое-то движение привлекло внимание. Он скосил глаза вправо и отстраненно подумал, что в другое время умер бы от ужаса на месте. У стены стояло трое Инсаар, еще двое замерли у входа. Быстроразящие походили один на другого, но все же отличались чем-то – ростом, сложением, какими-то мелкими приметами. Ладони похолодели, сердце глухо застучало. Что бы ни ждало Брена впереди, будущее все равно было ужасным. Но прошлое – еще страшнее, ведь не каждый в шестнадцать лет предаст брата и становится убийцей соплеменников. Юноше отчаянно хотелось знать, жив ли Север. Убедиться бы только, что тот уцелел – и тогда все уже неважно. Пусть убивают, только скорее! Он устал, устал смертельно, беспредельно.

– Тебя не убьют, – Инсаар, держащий его на руках, чуть слышно вздохнул. Пахнуло лесом, хвоей, дождем – и от этого запаха Брена затрясло еще сильнее. Он больше не увидит леса, не пройдет по мокрой траве босыми ногами, не принесет матери ягод в корзинке. Неутомимый прижал его теснее и повторил: – Не бойся, энейле. Принявший жертвенный Дар хочет взглянуть на тебя, чтоб убедиться в честности обмена. А после мы уйдем, и ты увидишь лес, обещаю.

Брен по-прежнему слышал голос Быстроразящего прямо в голове, да и губы говорившего почти не двигались. Но в движениях и словах не было угрозы, и юноша решился:

– Кто хочет меня видеть? – язык и губы его почти не слушались.

– Твой старший брат.

Неужели его услышали? Он увидит Севера. Сможет попросить прощения, прежде чем принять заслуженную смерть, узнает имя воина, спасшего брата и все племя в бою у реки. И преклонит колени перед тем в Стане мертвых.

Тяжелые шаги вырвали Брена из горького последнего счастья. Но, увидев вошедшего, сын вождя обрадовался. Перед ним стоял Крейдон, и поверх его доспеха сияла бляха шиннарда дружины лонгов – перекрещенные мечи. Значит, не все погибли, племя живет и готово к войне! Новый шиннард смотрел только прямо перед собой, и Брен понял, что воин боится, хотя всеми силами скрывает это. Конечно! Инсаар боялся все, а Быстроразящих в галерее было шестеро. Зачем и для чего они здесь? Брен слышал, что Ненасытные собираются группами, лишь принимая обрядовую жертву. Державшие его длинные гибкие руки еще раз подтолкнули в спину, мягкий голос будто мехом погладил по лицу:

– Иди, энейле. Я тебя жду.

Юноша встал на ноги, сделал несколько неуверенных шагов, и тут Крейдон схватил его за руку выше локтя – так, как хватают напроказившего ребенка, – и поволок по галерее. Брен почти бежал за высоченным шиннардом, задыхаясь. И все же отважился спросить:

– Крейдон! Север хочет меня видеть?

Ему до сих пор не верилось, что брат согласится встретиться с ним после всего, что случилось. Старшина дружины остановился внезапно и резко, и Брен тотчас пожалел, что вообще открыл рот. Лицо шиннарда напоминало маску идола – застывшие черты, пустые от ярости глаза.

– Не трусь, дерьмо болотное, – прошипел Крейдон, оскалившись, – вождь тебя не убьет. Но знай: даже если выживешь после того, как Инсаар зад тебе разорвут, к лонгам ты не вернешься. Тебя все прокляли! Не только воины – даже бабы, чьи мужья, сыновья и братья попали в плен и погибли у реки!

Брен молчал. Что он мог сказать? Никакая смерть не будет тяжелее этой минуты. А Крейдон продолжал говорить:

– Женщины пришли к шатру твоей матери и потребовали от нее проклятья. Сабина вышла к ним и сказала: «Про какого сына вы говорите? Отныне у меня только один сын – Север Астигат; других мое чрево не знало и моя грудь не кормила. А Севера проклинать не за что». Слышишь, гнусь, от тебя родная мать отказалась. Вот и живи с этим, сколько сможешь!

Шиннард умолк, тяжело дыша, потом с силой пихнул Брена в спину. Сын вождя как-то переставлял ноги. В голове звенело, идти было тяжело, но он не чувствовал сейчас

ничего, кроме раздирающей боли внутри – в сердце, в горле, в будто набитых песком глазах. Мама. Мама отказалась от него. А Иллариий говорил, что мать, как имперка, будет рада его победе! Говорил, что лонги начнут сдаваться, что будут счастливы обрести вождя, принесшего им свет знания, – но даже никчемные средние братья не перешли на сторону младшего, предпочли удрать. Консул мог говорить что угодно, мог даже сам верить своим словам, но Брен не должен был! Все верно, гнусь и есть! Выродок, ничтожество, падаль – каждое проклятье самому себе въедалось в мозг, и казалось, из ушей вот-вот хлынет кровь. Галерея внезапно кончилась, и ноги вынесли его в большой зал. Брат стоял возле деревянной колонны, и у Брена екнуло сердце. Север! Сколько раз он летел навстречу старшему и прыгал ему на шею, зная, что сильные руки его подхватят и удержат? Зная: Север выслушает немудреные истории и сам расскажет интересное, посмотрит сокровища, найденные в лесу, поможет построить мостик через ручей и починит кораблики. Вытрет слезы и научит не обижаться, не бояться, верить в себя. Как же так вышло? Как случилось, что он предал любимого брата? Юноша замер на пороге. Так хотелось посмотреть на Севера, но он не смел поднять глаза. Если даже мама...

– Подойди, Брендон, – брат никогда не звал его полным именем. А сейчас словно бы подчеркнул: Брендон, сын Брендона, стал предателем. Как ты мог, брат? Брен подошел поближе, остановился перед старшим и наконец взглянул тому в лицо. Север был в полном доспехе, сверкало начищенное железо, и ладонь лежала на широкой рукояти меча. Пусть бы рубанул наискось, как делал часто, убивая, как убил претора. Тот мучился меньше, чем сейчас Брен.

– Выполняя договор жертвенного Дара, заключенный некогда нашим прадедом, отдаю тебя его карвиру – вождю Инсаар. Быстроразящие не открывают своих имен, но нашего прадеда звали Райн Астигат – Ведущий Против. Волею крови его и жертвенного Дара отдаю тебя, Брендон, во искупление содеянного, дабы владели тобой Инсаар безраздельно. Я сказал, – Север говорил медленно, чеканя каждое слово. Лицо его было совершенно спокойным, ничего не выражающим: ни боли, ни радости мести, ни торжества, ни горечи. Еще один каменный идол! Только у губ залегла маленькая складочка – сестра той, что прорезала лоб Иллариия, когда Брен орал на консула, требуя прекратить обряд, – да золотая прядь волос выбилась из узла на затылке, и брат знакомым жестом отбросил ее с лица. Брену хотелось встать на колени, поцеловать любимую руку, хотя он полностью осознавал, что Север отдал его нелюдям. Вот этим жутким чудовищам, с когтями и морщинистой кожей, «дабы владели им безраздельно». Владели, вот так. Инсаар будут иметь его по очереди, будут пить его жизнь, но брат поступил мудро и правильно. Может быть, он что-то выгадал от союза, от этой жертвы, а племени нужна сейчас помощь! И тем более помощь Инсаар – ведь Неутомимые могущественней всех! Куда Илларию Касту с ними сладить? Брену сейчас почти не было страшно. Брат не должен запомнить его жалким трусом! Брендон Астигат предатель, но капля гордости у него осталась, и Север это увидит. Юноша шагнул брату навстречу, посмотрел прямо в сумрачные глаза под тяжелыми веками и громко произнес:

– Благодарю тебя, мой брат и вождь, за оказанную мне милость. Ты позволил посмотреть на тебя и просить прощения. Я умру счастливым, – Брен задохнулся. Слезы хлынули по щекам, он бездумно протянул руку к Северу и схватился за его плечо. Горло сжало спазмом, и сказать что-то еще не получалось. За спиной появились три тени – Инсаар пришли за ним, они не станут ждать.

– Север! – страх пронзал тело насквозь, но что-то мешало умолять и биться в корчах. Брен Астигат заслужил такую участь! Заслужил, даже если он умрет от ужаса раньше, чем Инсаар прикончат его. – Север, – Брен почти шептал, но лицо брата осталось

таким же неподвижным. Вождь лонгов на миг стиснул руку брата, сжавшуюся на его плече, своей ладонью. Что-то задело пальцы Брена – что-то жесткое, будто бы железное, а потом Север отпихнул его прочь:

– Забирайте его. Дар отдан и принят.

Гибкие бескостные руки повлекли Брена к выходу. Кончено, он больше не увидит брата, не увидит света и жизни. Холодный воздух ночи, напоенный запахами трав и близкой реки, ударил в ноздри. Рядом с ним стояли Ненасытные, а ладонь холодил маленький предмет, невесть как там оказавшийся. Эту штуку дал ему Север – сунул так осторожно, что даже Брен не сразу понял... Сын вождя потихоньку разжал кулак. На ладони лежал старый железный крючок для ножен. Крючок, сделанный им самим почти пять лет назад. Брен колдовал над незамысловатой штуковиной едва ли не месяц, чтобы подарить брату, когда тот вернется с войны к родным шатрам. И подарил, и навсегда запомнил, как светились счастьем и благодарностью всегда злые глаза Севера. А теперь брат вернул подарок. Нет! Север мог возненавидеть его, желать ему смерти, но не мог за полгода стать таким мелочным, чтобы возвращать искренние дары! Значит, в крючке есть смысл... Инсаар окружили Брена кольцом, тьма вокруг начала сгущаться, и Брен стиснул кулак сильнее, прижав руку к сердцу.

Глава третья **Крепче железа**

Цитадель Диокта

Луциан Валер сидел за столом. Идеальная осанка, любезная улыбка – ни грана фальши, о нет, ну что вы! – ухоженные ногти постукивают по изогнутой ножке кубка... и отлично обдуманное, взвешенное слово – каждым звуком, каждым ударением и каждой паузой лживые! Иллариус предпочел бы получить еще одну затрещину, даже продолжить спор с Бренденом, ударившим его так, что на скуле расцвел кровоподтек – все было лучше этих рассуждений. К тому же, Циа неправ. Старался бы Иллариус Каст не замарать одежду и всем угодить, до сих пор делил бы свое время между бездарными стишками, ваннами с розовым маслом да слушаньем чужих разглагольствований на Форуме и никогда бы не узнал, что такое настоящая война, настоящее дело, подлинные чувства. Да, он в чем-то ошибся. Расчет с перебежчиками не оправдался, братья Севера, кроме младшего, оказались трусами. Будь у них капля ума и храбрости – ударили бы вождю в тыл, а после получили награду, а они предпочли удрать и от преданных ими сородичей, и от консула. Иллариусу это представлялось непостижимым – предавать так уж предавать! Но, что самое страшное, он недооценил противника. Лонги дрались не за Севера Астигата, вот в чем беда. Они всегда дрались не за вождей – за что-то более важное, – а вождь, пусть даже такой жестокий и скорый на расправу, как Север, всего лишь рычаг, приводящий в движение огромный механизм. В детстве Иллариус видел такие, когда ездил с отцом смотреть лебедки, поднимающие руду из земных недр. Ну что ж, все исправимо. Просто он мало времени уделял разъяснениям. Очевидно, лонги не поняли, в чем выгода службы новому вождю – мир, смягчение податей, прощение преступлений. Охотники и землепашцы не хотят воевать – ни в одной стране, ни под одним небом! Дружинники ему не поверили. Нужно сразу после ужина отправить разведчиков на поиски удравших братьев Севера и подумать над новыми воззваниями. Если на сторону Риер-Де перейдут Марцел и Камил Астигаты, рядовые воины-лонги почувствуют себя увереннее. А с Бренденом он поговорит еще раз, как только парень успокоится. Но вначале требуется успокоиться самому. По правде говоря, вид изрекающего свои предсказания Циа отнюдь

не привел консула в равновесие. Ярость и жгучий стыд все еще мешали выровнять дыхание, Иллариий едва сдерживался, отдавая приказы командирам легионов. И все же остановил Ка-Инсаар.

– Жрецы не поддержат тебя. Консул, да еще знатный аристократ, столь грубым образом вмешивающийся в служение Инсаар, – прямая угроза для них. Если завтра император начнет против тебя процесс, тебя вообще никто не поддержит. Я же предупреждал...

Луциан чуть шевельнул рукой – изящный жест, видимо, должен был подчеркнуть крайнюю недогадливость любовника. Любовника? Они уже месяц не делили ложе. Иллариий сел в кресло напротив, взял со стола бокал – есть не хотелось совершенно, а вот пить так очень! Насиловать пленных в то время, когда укрепления цитадели Диокта могут не выдержать штурма, буде варварам придет вдруг фантазия атаковать крепость, есть не что иное, как преступление против империи. Но убедить в том четверых болванов с аристократическими символами на запястьях удалось не сразу и потребовало огромных усилий. В первый миг ему хотелось убить их всех, хотя он сам разрешил обряд после возвращения в цитадель. Погибших и раненых оказалось немало, человек двести угодили в плен, в том числе и командир Третьего легиона, так что консул согласился с привычными доводами: нужно умиловить Быстроразящих и подбодрить собственных воинов. Согласился, как всегда, скрепя сердце. А Брендон словно прочел его мысли и выкрикнул их в лицо... самые постыдные, самые кощунственные, запретные. Позор. Несмыслимый позор армии великой империи, ведущей себя хуже самых диких варваров! Иллариия до сих пор подташнивало от зрелища, увиденного за консульской площадкой. Мальчишка, не старше Брендона, подполз к самым ногам консула, выговаривающего командирам легионов за нерадение. Юный лонг был весь в крови – видимо, его избили до того, как заковать. Подняться он не мог, но едва не вцепился зубами в лодыжку одного из мучителей...

Иллариий перевел дыхание и отпил еще. Не часто с ним случалось такое, не часто, и не скоро он сможет прийти в себя после неожиданной вспышки бешенства – холодного, беспредельного. Он сам не узнавал себя в те минуты, когда отдал приказ поднять пленного, оказать ему помощь, высвободить из колодок тех, кто еще жив, а тех, на ком легионеры еще не успели показать свою удачу, посадить под замок. Пленники – предмет торга и обмена, рабочие для шахт и полей, но не живые игрушки. Не будет таких обрядов в армии провинции Лонга – никогда. Он так решил и не собирался отступать. И пусть жрецы хоть съедят свои одеяния и подавятся ритуальными стихами! В следующем Ка-Инсаар будут участвовать только легионеры, и, если самому консулу потребуется личным примером доказать, как можно приносить жертвы нелюдям, он это сделает. Луциану придется смириться с этим, а если нет, то Иллариий найдет любого процеда⁷, согласного за определенную плату совокупиться с консулом на глазах всего войска. В древности поступали именно так, и поныне в обрядах императорского двора сохраняется публичность. Хотя, конечно, представить императора Кладия, ублажающего своих любимцев на виду у приближенных, было сложно. Сегодня от императора требуется всего лишь поцеловать ритуального любовника – мальчика, еще не надевшего родовой наручень, – а после уйти с ним за занавесь. Иллариий не думал, что когда-нибудь дойдет до

⁷ Процед, процеда – храмовые рабы, занимающиеся проституцией. Как правило, в процеды набирали детей-сирот 5-7 летнего возраста, обучали их, и к 11-13 годам использовали «по назначению». Мальчики, в основном, покупаются для обрядов влиятельными горожанами, девочки используются как проститутки. Процедам наносилась специальная татуировка – как символ того, что они принадлежат храму. Выросшие процеды перепродавались или, в случае удачи, могли выкупиться. Въезжать в города они до конца жизни должны были через так называемые Срамные ворота, через которые вывозились городские нечистоты.

подобного решения, до таких мыслей, но гнев и боль Брендона словно сдернули корку на не желающей заживать ране.

– Ты говоришь так, будто меня уже осудили и даже казнили, – он все же поест и постарается успокоить Луциана. А после пойдет проведать Брендона, пусть даже мальчишка опять кинется на него с кулаками. Брендон и Север похожи куда больше, чем казалось, просто нужно было как следует вывести из себя младшего Астигата, чтобы схлопотать от него затрещину. – Уверяю тебя, Циа, все не так плохо. Мы пошлем гонцов к предателям, и я напишу императору. Кстати, куда девалась Гермия?

– Отправилась спать, заявив, что, когда Холодное Сердце начинает раскаляться, могут полететь обжигающие брызги, – сухо усмехнулся Луциан, подняв на Илларию светло-карие «лисьи» глаза. С тонкого лица не сходило вежливое, слегка отстраненное выражение, и консулу вновь стало больно. – Наши заботы ей неинтересны, а вот меня весьма волнует, для чего ты в такой обстановке восстанавливаешь против себя еще и легионеров? Они не простят тебе сорванного обряда. Ты хочешь бунта?

– Бунта? Жалованье второй год плачу им я, а не император! Кладий прямо заявил, что Лонга к покорности так и не приведена и он не станет размениваться на тех, кто плохо служит империи. Из казны с каждым разом поступает все меньше, и я вынужден покрывать издержки – тебе это известно, – консул не хотел говорить настолько резко, но ему вновь вспомнился рассказ Брендона о лесных обрядах, о йо-карвире Севера. Глупо было думать, что мужчин к старшему Астигату привлекает власть, сила, красота, наконец! О нет, варвара любят, и любят, видимо, искренне. Этот лигидиец, о котором говорил мальчик, должен обожать Севера – как иначе терпеть такое чудовище? А сам Север, очевидно, нашел то, что нужно. «Им хорошо вместе!» Да, Илларий не раз и не два представлял себе, как это может быть «хорошо». Дурость, но чистая правда. Впрочем, сам Илларий предпочел бы сейчас, чтобы Циа замолчал и просто сел рядом с ним – и это тоже правда... Консул даже засмеялся невесело. Стоит ли ждать искренности и участия от того, кого подозреваешь в доносах? Луциан Валер служит и делит ложе только с победителями. Ум и утонченность требуют должной опоры из власти, удачи и золотых риров, и если консул Лонги потеряет свой статус и свои деньги, то любовника лишится в тот же миг. Будет ли жаль потери? Было бы жаль, стань Луциан по-настоящему близок. И все же думать о том, что жизнь полна фальши и даже на ложе не найти ни непритворной нежности, ни подлинной страсти, невероятно обидно. Север же нашел!

– Легионеры куда сильнее боятся гнева Инсаар, чем жаждут своего жалованья, – кажется, Циа начал злиться – тонкие губы сжались в полоску, под глазами, выдавая возраст, собралась сеточка морщин. – Ты отнял у них любимую игрушку, а на императора в случае бунта рассчитывать не можешь. Прекрасно известно, что Кладий спит и видит, как ты ломаешь себе шею. Он хочет получить твои деньги и земли, а ты сам вкладываешь ему в руки козыри. Добавь сюда свою драгоценную родню, которая не замедлит воспользоваться любой твоей неудачей и напоет ему в уши...

Тут Циа абсолютно прав. Спасибо дорогому отцу, составившему завещание так, чтобы ни император, ни прочая родня не получили ни рира. Илларий до сих пор помнил, как оглашали посмертную волю родителя – в присутствии едва ль не всего двора, как вспыхнули злобой маленькие глазки Кладия, ничтожества, не стоящего трона... и как хлопнул дверью, прокляв племянника, родной дядя. Другой дядя, правда, промолчал, но и месяца не прошло, как подослал пятнадцатилетнему наследнику убийц. Как стала любезной и внимательной сестрица Агриппина, а сыновья дядюшек открыто поносили кузена. Через полгода мать отправила его к Максиму – на тот момент претору в Кадмии. В

провинции полыхал мятеж, но претор нашел время, чтобы сказать растерянному мальчишке: «Не думай об этом. Твой отец был никчемным ублюдком, но ты не такой. Ты пошел в деда, Иллариий Каст». Правда, Иллариий не считал отца ублюдком. Просто родитель тронулся умом еще до его рождения, старался избегать сына, а потом оставил ему наследство, приписав в завещании: «Я умираю, зная, как вы передеретесь над моим трупом. Будьте прокляты». Но в свои пятнадцать Иллариий повторял себе: «Я пошел в деда». Гай Каст завоевал для Риер-Де три богатейших провинции, составил огромное состояние, и теперь императору не добраться до денег его внука – слишком далеко, слишком сложно прибрать к рукам. Имперская казна вынуждена чеканить риры из золота и серебра, добываемого на землях Иллариия, и, конечно же, Кладий воспользуется любым поводом свернуть хозяину рудников шею – неровен час, богатый и независимый подданный начнет чеканить свою монету... вот только консул Лонги не даст императору этого самого повода. Больше он не ошибется.

– Циа, перестань, ты меня до смерти утомил, – бронзовая тяжесть усталости и непонятной горечи давила на плечи. Ничего, сейчас он пойдет к Брендону. Мальчишка такой искренний, чистый – даже в своей ярости...

– Придется тебе еще поутомляться! – резко бросил Луциан, поднимаясь на ноги. Он и впрямь походил на лисицу – тонкий, гибкий... и совершенно чужой. Кому он доносит на любовника? Императору или дядюшкам? А может быть, сестрице Агриппине? – Я же предлагал не затевать сомнительных предприятий с мальчишкой-вождем, а вместо этого заключить союз с трезенами. Твоя затея провалилась, Лар. Смирись, отправь Брендона в столицу как заложника, пусть теперь голову ломает Кладий. В конце концов, Лонга – его провинция, не твоя.

Ну нет! Именно его, и Иллариий Каст отвечает здесь за каждого сапожника, каждого булочника и каждого легионера. Гестия, Миарима, Саунт-Риер – цветущие, полные жизни города, быстрые чистые реки и вспаханные поля, ярко-алый закат и синяя ширь неба – вот что такое Лонга! И он не уйдет отсюда просто так. Слишком дорого дались ему шесть лет войны, слишком много он тут потерял и многое понял. И не допустит, чтобы белообрый варвар радовался его поражению, тешась на ложе со своим возлюбленным...

– Мы уже говорили про союз с трезенами.

Луциан отличный политик и опытный интриган, но не воин. Ему не понять, что стихию, вырвавшуюся на свободу, не так легко загнать обратно. Трезены ненавидят лонгов, это верно, но имперцев ненавидят не меньше. И избавившись с помощью Риер-Де от своих врагов, начнут резать всех подряд.

– Я скорее предпочту иметь дело с Севером Астигатом, чем с Ульриком Рыжим. Лонг отрезал уши для того, чтобы покрасоваться перед своими дружинниками, а вождь трезенов ест живьем даже не пленников, а собственных жен.

– Как это – живьем? – заинтересовался Циа. Все верно, аристократ Валер видел трезенов только в колодках и цепях – и никогда в бою, а вот Иллариий насмотрелся. В первый год их службы в Лонге именно набег трезенов вынудил консула Максима заключить союз с Брендонем Астигатом.

– А вот так. У них есть обычай: у человека живую вырезают куски мяса, и он смотрит, как едят его плоть. И не забудь, что трезенов несметное количество, и они жадны. Их земля слишком скудна, чтобы прокормить такую прорву народу, вот они и рвутся в

Лонгу. Нужно быть сущим дураком, чтобы самому привести их сюда. Благодарю покорно, я помню, чем кончаются союзы с варварами.

– Но с помощью людоедов можно одолеть лонгов. Воевать сразу с двумя армиями Астигат не сумеет! И, в любом случае, нужно быть поосторожнее, а ты попросту зарвался, Илларий...

Стук в дверь не дал Луциану договорить. И к лучшему, потому что консул уже исчерпал запасы терпения. Советник нужен для того, чтобы помогать – в данную минуту составить новые воззвания к лонгам, а не для того, чтобы прорицать несчастья. Лицо вошедшего квестора было сумрачным, и Илларий решил: должно быть, варвары либо отошли дальше в глубь провинции, либо вновь готовятся перейти реку – сейчас плохо и то, и другое.

– Консул! – рука, сжатая в кулак, к сердцу, а потом – к бедру. – Брендон Астигат исчез.

Мальчишка и впрямь исчез, а не сбежал! Стражники, как один, клялись, что ни на миг не оставляли пост у запертой двери, решетка на окне оказалась совершенно целой, и караульные под окном тоже ничего не заметили. Командир декады услышал сдавленный вскрик, отпер дверь, но Брендона в комнате не нашли – он просто-напросто испарился! Илларий не поверил. Дураки, решив, что мальчишка никуда не денется, явно потащились глазеть на Ка-Инсаар или обсуждать с товарищами приказ консула об отмене обряда – и не уследили. Нельзя никому верить на слово, даже проверенным и надежным людям – пусть раньше он не ловил этих воинов на вранье и отлынивании от службы. Всяко может статься, нельзя исключать и подкуп. Консул сам проверил и решетку, и дверь, и стены, но ничего подозрительного, кроме нескольких красных пятен на мраморном столике не обнаружил. Что это? Кровь? И чья же тогда? Он приказал посадить проворонивших Брендона легионеров под арест – достойное завершение достойного дня, ничего не скажешь! – а сам неотрывно глядел на смятую постель. Мальчишка, видимо, метался на ложе, не в состоянии уснуть. Луциан молча стоял у окна, рядом вертелась примчавшаяся Гермия, растрепанная со сна, но все равно прелестная. Глаза куртизанки горели любопытством. Глупая, бездушная женщина. Когда он приказал ей соблазнить Брендона, она не колебалась ни секунды, а теперь ее совершенно не волновала судьба того, кто мог стать ее любовником.

– Ты разозлил нелюдей, Илларий, – нарушил молчание Луциан. – Только этого не хватало...

– При чем здесь нелюди? Мальчика выкрали сородичи, ясно же! – консул зачем-то еще раз заглянул под низкое ложе, потом устало опустил на смятые покрывала. На пальцах остались красные отметины. Все же кровь...

– Его не могли выкрасть! – Луциан с досадой дернул себя за каштановую прядь. – Это невозможно – у двери двадцать стражников, решетка не взломана. Илларий!

Советник подошел к нему вплотную и наклонился близко-близко:

– Я говорил тебе, что ты зарвался, – и вот последствия. На твоем месте завтра я устроил бы новый обряд, чтобы умилостивить Инсаар.

– Вот что, – достаточно он сегодня наслушался всяческих бредней! – Буду вам обоим премного благодарен, если вы оставите меня в покое. Луциан, позови мне командира когорты разведчиков, а ты, Гермия, отправляйся спать.

Женщина вышла молча, волоча за собой подол прозрачной ночной одежды. Циа зло фыркнул, но ушел – хвала Матери-Природе! Иллариус провел рукой по покрывалу и наткнулся на что-то твердое. Вытащил свиток в кожаной отделке – «Риер Амориет»... Перепуганный, несчастный, одинокий мальчишка... не защитил, не уберег. Как же так? Консул осторожно положил свиток на ложе, резким движением поднялся, втянул в себя отчего-то пахнувший лесом и дождем воздух и шагнул к двери. Если потребуется, он пошлет на поиски Брендона несколько тысяч человек, а Инсаар пока переживут без новых жертв. Нет сомнений – мальчика выкрали по приказу старшего брата. Оставалось только надеяться, что у Севера хватит души и сердца не причинить предателю зла. Должен же варвар понимать: глупый мальчишка не виноват в том, что родился не в то время и не в той семье, а Брендон достоин большего! Много большего, чем Север Астигат и Иллариус Каст вместе взятые.

Цитадель Великого Брендона, бывшая цитадель Диокта

Дождь лил сплошной стеной, и сквозь зарешеченное окно можно было разглядеть только клочок свинцового неба. Тонкая змейка браслета холодит ладонь, и никак не согреется... Север поправил меховую накидку, дернувшись от боли. Ничего, рана на плече заживет быстро, у него все раны быстро заживали. Зато цитадель взята малой кровью и на пользу лонгам. Укрепления здесь, хоть и старые, но неплохие, и покои просторные, удобные, будто нарочно устроенные для того, чтобы усесться на лежанку и пялиться в окно, терзая себя бесплодными мыслями... И отчего папаша не наплодил дочерей? Север точно знал, что пара сестер у него имеется. Лучше б их было побольше – и ни единого брата! Говорят, в царстве Абила, что начинается в песках за тысячу риеров от Остериума, царь, надевая венец, убивает всех единокровных братьев. Полезный обычай. Одна только незадача: в Абиле правят бабы. Решили там местные в старину: не угодны мужчины Матери нашей земле, оттого и забирают их Инсаар – и поставили над царем совет старух... Всегда так – в каждой хорошей вещи прячется червоточина, а в каждой плохой – выгода. Не будь у него братьев, не случилось бы предательства и поражения у реки два месяца назад, но не было бы и сияющих счастьем серых глазенок Брена, и маленьких рук на шее, и тихого дыхания спящего братишки под боком. Север хорошо помнил, как лежал ночами без сна, возвращаясь в племя во время отпуска, что давал своей квестуре консул Максим, и только сонное сопение Брена спасало от отчаянья. Смешно, конечно, раскисать от того, что аристократ считает тебя грязной скотиной, и потому ты к нему и близко подойти не можешь. Но ведь не просто какой-то аристократ – Иллариус Каст, и никакие доводы не помогали. А вот Брен помогал, хотя и не зная того. Просто прижимался, обнимал... крючок для ножен, вон, сам смастерил и подарил – и становилось легче. Теперь же братья преподнесли ему очередную головоломку – будто мало было саднящей боли и неотвязных мыслей о младшем.

Воины, удравшие вместе с Марцелом и Камилом, вернулись накануне сюда, в только что взятую цитадель Диокта, ныне – цитадель Великого Брендона, и стояли под проливным дождем, побросав оружие к ногам. Стояли, покаянно склонив головы, и он мог отдать приказ перестрелять их со стен из арбалетов. Бой за цитадель был тяжелым, имперцы дрались, как звери – а чего еще ждать от Иллариуса? – и Севера знобило от раны в плечо, от неожиданного холода и сырости. Вот и осень, дороги скоро раскиснут. До этого

времени нужно успеть взять все Заречные укрепления. Начало положено – была цитадель имперская, а теперь принадлежит лонгам, – но осталось еще три, и уж за них стратег будет драться до смерти. А обещанной карвиром прадеда помощи так и не было. Обманул, видно, нелюдь. И к счастью, решили они с Крейдоном, не сговариваясь. О заключенной сделке не знал никто, кроме вождя и шиннарда, кои даже между собой боялись о ней заговорить – точно преступники какие. Победа ценой мучений родного брата. Нескончаемых, страшных... Север смотрел на вернувшихся предателей, и у него даже сил выругать себя не было. А что ругать попусту? Для чего было отдавать Ненасытным мелкого, когда справляешься сам, без помощи гибкокостных вырожденков – и крепости берешь, и беглые, вот, вернулись? Знал гад проклятый, когда приходит брата требовать! В тот вечер в Приречной башне Север был не в себе, сходил с ума от бешенства поражения, от понимания собственной дури – вот и согласился. А после пожалел, еще как пожалел! Все припомнил, что Инсаар ему говорил: и про войну куриц и уток, и про дары и жертвы. И злобу Ненасытного припомнил. Не смог его сожрать нелюдь, только и всего – оттого и бесился, оттого и болтал, не думая, что «утка» кое-что да поймет. Выходит, Инсаар брата от отца умирающего требовали – что посулили, интересно, чем запугать смогли, ведь любил папаша младшего? – и тот согласился. Но Север приказ вождя не выполнил, Брен остался в живых. Тогда нелюди вновь торг повели – и добились своего, уже от Севера. Зачем же им братишка понадобился, да настолько, что они его от консула забрали, каким-то своим нелюдским способом в Приречную башню притащили? Это ж хлопот уйма! И карвир прадеда, вырожденков без куса сердца, еще и оттого бесился, что союз Дара не смог разорвать, а ведь пытался! Хотел поймать Севера, силу его выпить, да не вышло. Почему? И какой из Севера Астигата вождь, если он такие вопросы себе после задает?! Обманули в чем-то Инсаар, вот только в чем? Какая ценность может быть в Брене?

Стоило увидеть брата в Приречной башне – растрепанного, с запекшейся кровью на виске, с припухшими, красными глазами, – как сердце словно кулак чей-то сжал. Сил хватило только на то, чтобы сдержаться, не заорать: «Передумал, не отдам!» Что дал бы его вопль? Да ровно ничего! А то и совсем худо стало бы – нелюди, вконец обозлившись, и перебить их всех могли. А когда Брен заговорил, вовсе погано стало, хоть ложись да помирай. Ведь знал же: нет в брате никакой гнили, не предатель он! Запутал его Иллариий, обдурил, в уши напел, а Брен всегда в пустых мечтах, как в болотной тине, вяз, стишки почитывал – вот и купился. И императоры ошибаются, и стратеги, и вожди, а уж мальчишке шестнадцатилетнему ошибку сделать – как в дождь без полога промокнуть. Брен говорил ему что-то, хорошо говорил, как Астигату и положено, а Север не слушал уже. Прикидывал в уме, как вывернуться и брата не отдать, а когда понял – не вывернешься, другое решение принял. Пусть мелкий выживет только, а там видно будет! Закончится война, и Север всю провинцию перевернет, но найдет становище Инсаар. Здесь оно где-то, в лесу лонгов, так всегда старики рассказывали. Найдет и будет просить этого вырожденка без куса сердца заключить новый союз. Вот трезены одну штуку придумали... уж на что ублюдки, с коими и говорить-то зазорно, а мысль дельная, значит, и перенять можно. Они Инсаар в жертву иной раз преступников приносили – собирали толпой убийц, воров, связывали и отводили в условленное место. Там нелюди с ними и тешились. Предложить карвиру прадеда такое? Или пленных им отдавать? В империи пленных всегда в жертву приносили, сами имперцы насиловали, а в мирных провинциях – рабов. Но и Риер-Де нелюди куда сильнее допекали. Дознаться у жрецов, отчего так, Северу пока было недосуг, но подумать об этом стоило. Одно время знать имперская вообще о воле Инсаар позабыла, а ведь всего милее тем страсть и желание, и тогда Быстроразящие порядок навели. Императорский сын силой взял семилетнего мальчишку, уж точно семенем ни разу покрывала не оросившего, – и темные тени окружили его. А после истребили чуть не полдворца, вот и пришлось имперцам задуматься. Вернули они

обряды древности, когда император и вся знать на Ка-Инсаар друг другу задницы подставляет, но пленных и рабов насиловать не перестали, только следили, чтобы детишек среди них не затесалось. После двух месяцев боев пленных имперцев в войске лонгов много... Он перебирал варианты, стараясь не смотреть на брата, а пальцы сами отстегнули с пояса кинжал, сняли старый крючок и вложили в ледяную от страха руку Брена. Пусть знает мелкий: брат его не винит, помнит – и дай срок, выручит! А когда нелюди малыша уводили, посмотрел Север туда, куда раньше никогда взгляда не бросал, хоть и нравилось ему глядеть на статных парней – на бедра и ягодицы брата. И чуть губу насквозь не прокусил. Бедрa узкие, мальчишеские еще, а задница, хоть и налитая, но маленькая... не выдержит Брен насилия. Есть мужики, что зад подставляют не хуже, чем бабы – лоно, но братишка не из таких, тяжело ему придется... выживет ли?

А после сидели они с шиннардом Крейдоном вдвоем, торопливо глотая танам и боясь взглянуть друг на друга. Заливали горе и стыд – а не зальешь! У шиннарда свое горе: сын его Райн – на год младше Брена мальчишка – в имперском плену оказался. Вот и маялся Крейдон, представляя, что с сыном сейчас творят. А Север тоже представлял: много и разного. Представлял – и проклинал папашу, породившего его на свет, и мечтал вырвать зубами горло стратегу Касту... а больше всего хотелось себе глотку перервать – за тупость. Как ни старался уверить себя, что союз с Инсаар – ценой одной жизни! – принесет победу всему племени, все равно тошно было, хоть вой. А уж когда шиннард вложил ему в руку тонкий серебряный браслет с поломанным звеном – Брену в прошлом году вещицу эту в храме Трех Колонн подарили, свалился, видно, с руки, пока Крейдон волок мальчишку по галерее, – так и вовсе... Взятые крепости – взятые без помощи Быстроразящих, не оплаченные муками брата – не радовали, но Север принуждал себя радоваться, считать выгоду... кидался в бой, не помня себя, и просыпался ночами от отчаянного шепота-крика. Брен умолял избавить его от мучений, и вождь клял себя за то, что выпросил брату жизнь. Выпили б уж до дна, и дело с концом! Малышу было плохо и страшно – Север знал это точно, хоть и не понимал откуда. Пусть Брен предал, пусть наглупил, но такой участи не заслуживает никто – разве что подлец Марцел.

Вчера сквозь такую же сеть дождя Север рассматривал вернувшихся предателей. Из этого же окна разглядывал, а насмотревшись вволю на поникшие мокрые головы, приказал привести старшин перебежчиков. И обомлел от их рассказа, да и шиннарду стало не по себе. Тотчас же после бегства с места боя Марцел прибил Камила. Тот требовал идти к стратегу Илларию, а Марцел хотел забиться вглубь леса, спрятаться и жить там без забот. Чему ж удивляться – второй сын Брендона Астигата только и мечтал всю жизнь, чтобы не трогал его никто, чтоб еды побольше было да питья. А ведь не без ума уродился братец, мог бы отличным подспорьем стать! Зарезал Камила и объявил воинам: как вернутся, мол, основные силы лонгов за реку, а легионеры консула Холодного Сердца – в крепости, так перебежчики на север двинутся. За реку Веллга, в отдаленные становища – туда, дескать, ни Север, ни Иллариус никогда не сунутся. На том и порешили. Но на первой же стоянке вокруг лагеря закружился хоровод теней. Быстроразящих было много, очень много – никто из дружинников столько разом в жизни не видел! И облик они менять не стали, морок на жертв не навели. Север заметил, как расширились зрачки старшин перебежчиков, как заметались руки, когда они рассказывали о пережитом – страх не отпускал их до сих пор.

Выпитые Ненасытными умирали в страшных муках. Умирали еще до того, как чары Инсаар высасывали из них последнюю каплю жизни – нелюдская плоть разрывала почище кола. Одного выроodka с его огромной головкой человек еще выдержит – а десятерых? На следующую ночь все повторилось, и на третью тоже. Никто не ведал, кого Инсаар вытащат из толпы и повалят на землю, люди от страха сходили с ума. Марцел

порядок навести не смог – сам ошалел, а на третий день и вовсе сбежал, бросив воинов. Искушив, наконец, человек пятьсот, Инсаар смилостивились. Смилостивились, как же! Выдернув из обезумевшего людского стада старшину Пейла, Быстроразящий поднял того на вытянутых руках, назвал «илгу» – в этом месте рассказа Север аж передернулся! – и велел слушать волю. Неустрашимые, мол, будут приходить, потому что имеют право на жизнь предателей, кои больше не под защитой договора, заключенного сто лет назад между вождем Инсаар и вождем лонгов – Райном Астигатом. Так-то вот!

Пейл, кое-как оклемавшись, собрал уцелевших и повел их пешим маршем обратно в Трефолу. По дороге Ненасытные прикончили еще человек двести. Не найдя Севера в столице, предатели двинулись за реку и застали вождя уже во взятой у имперцев цитадели. И теперь слезно молят простить их – ведь смерть, уготованная им Неутомимыми, куда хуже любой казни, которую может придумать вождь. Тут Север зашелся смехом, заржал так, что Крейдон и предатели даже подпрыгнули. Он обрек брата на эдакий ужас – и что получил взамен? Толпу трусов, возвращенную ему по договору?! Перестать смеяться никак не получалось – ведь что остается, коль перестанешь? Головой об пол биться? Впервые на его памяти ему было так страшно и так мерзко. В этот миг он, если б только мог, разорвал все союзы и договоры – пусть прадед в Стане мертвых хоть проклянет его! – и отдал бы себя взамен брата. Полночи Север просидел на ложе в этих уже немного обжитых покоях и, не гася ритуального огня, вглядывался в ночную тьму, но Быстроразящий не отозвался на призыв. Наутро вождь велел казнить каждого десятого перебежчика – как это в имперской армии водится – и даже обрадовался, что жребий не пал на старшину Пейла. Дельный мужик, хоть и предатель. К тому же Инсаар его прозвал илгу-уткой, а это роднило. Губы сами растянулись в улыбке. Так вот и будешь улыбаться, раз зарыдать не получается. Да и не может вождь во время войны рыдать. Пусть Холодная Задница теперь с горя корчится! Видел Север однажды слезы в глазах Иллария – увидит и еще раз.

Дверь приоткрылась тихонько, в проем просунулась рыжая голова – один из вернувшихся старшин, коего жребий тоже пощадил, принес вина и мяса. Ясное дело, зачем сам принес, а не простого воина прислал; товарищей его поутру казнили, а его и других счастливых – дважды казни избежали, от нелюдей и от вождя! – обратно в дружину взяли. Рыжий парень – имя его Север запомнил – поставил поднос на стол, словно невзначай, уронил чистое полотно, прикрывавшее хлеб, и наклонился за куском ткани, выставив зад без штанов. Ишь ты, по имперскому обычаю вырядился, только сапоги и туника! Задница рыжего оказалось крепкой, да на дух не нужна!

– Пошел вон, – зло буркнул Север. Услышал торопливые шаги и вновь уставился в окно. Дождь все хлестал, завтра по дорогам будет не пройти... Найденный браслет змейкой свернулся в ладони. Вождь хотел было приказать починить замок и носить самому, пока брату не отдаст – он верил, что непременно отдаст! – но сообразил: на его руке безделушка не застегнется, у Брена тонкие запястья... Были.

Он встал, отрезал мяса и принялся есть. Чем больше у него сил, тем быстрее закончится война – а значит, тем быстрее он станет искать брата. Вот так, и нечего распускаться! Лучше об Илларии еще раз подумать. Тот сейчас, видно, мечется в войсках, пытаясь наладить оборону трех не взятых еще крепостей. Думать о стратегии иной раз было сладко... а иной раз больно так, что проще сдохнуть. Но все не больше, чем о Брене.

Север никогда не лгал себе: имперец вошел ему в кровь, вымотал всю душу. Он и не заметил, когда это началось, но при Ларе с ним делалось страшное – будто морок, наваждение. Все любил в аристократе клятом, все, и больше всего – его непохожесть на

«гусаков». Внук Гая Каста, составившего богатство на крови и слезах трех провинций, спокойно мог всю жизнь болтаться в столице Риер-Де и видеть войну только на фресках. А Лар торчал в квестуре и служил, как остальные восемь квесторов вместе взятых – а то и больше. До остального ему дела не было: ни до попоек, ни до задниц рабов, и уж тем более ни до помешавшегося на нем варвара. А хуже всего то, что Север знал: Илларию он нравился. Видел, как разглядывает Каст соратника – так глядят, когда чресла под туникой ныть начинают. Нравился-то нравился, но гонор имперский сильнее похоти. Да и не нужно Северу одно только желание Иллария – душа была нужна, а ее не получить. Никогда. Он полгода набирался смелости, прежде чем заговорить, показать: ты мне дорог, нужен, я ж на тебя молиться буду, как на Инсаар не молятся, дурак! И с чего вообразил, что квестор Каст его хотя бы выслушает? Это все консул Максим виноват! Не раз и не два сидели они с Ларом, раскрыв рты, и слушали Максима, рассказывающего о фортификации, топографии, разведке, о перегруппировке войск во время боя и о многом другом, чего интересней на свете не было. В те часы Илларий Каст и Север Астигат забывали о лежавшей между ними пропасти, улыбались друг другу, когда удавалось решить задачу, поставленную консулом, а тот хвалил их и трепал по макушкам... От Максима Север выучился науке войны. Но честных войн не бывает – это он позже понял, в споре за жизнь консула. Как убеждал тогда Север отца, как настаивал: нужно-де Максима в живых оставить, за него выкуп богатый дадут. А отец твердил свое: убитый Брендоном Астигатом имперский консул – немалая выгода для племени, их все бояться станут, а вот живой – одни трудности. А если сбежит еще да вернется с новым войском? Воевать Максим умел, только умение против хитрости иной раз ничто. Да... от отца Север другой науке выучился – науке власти.

И ведь знал же, зачем отец потребовал от него дать присягу империи Риер-Де, но забывал, что должен сидеть в квестуре, как змея – затаясь, все запоминая и подмечая, забывал, когда Максим говорил с ним. Никто и никогда не рассказывал так интересно, и ни прежде, ни потом Север не видел такой справедливости к варвару, коих имперцы презирали. Они с Ларом выбирались из покоев консула, одуревшие от дерзости своих мечтаний, от счастья чувствовать себя живыми, молодыми, от мысли, что все впереди, только протяни руку – и будут тебе великие битвы, о которых консул вспоминал!.. Выбирались, топтались рядом несколько минут, переглядываясь, пряча глаза, скрывая жар, и расходились. Бежали друг от друга, будто от заразной болезни. Илларий никогда не переступил бы черту, и Север решился. Чего стоило ему решение подойти к имперцу и просить его о такой малости: просто побыть вдвоем часок – рядом, в тишине леса, да он бы пальцем к Лару не притронулся! – знал только сам Север. И до сих пор помнил, как боялся отказа и как мчался потом по ненавистному лагерю легионеров, а в голове стучало: «Я никуда не хожу после службы, квестор Астигат». Сузившиеся презрением голубые глаза, вежливая улыбка на губах... задница ты холодная!.. Презираешь дикого варвара, брезгуешь и рядом постоять? Так будет тебе дикарь, не обрадуешься!

В тот вечер он ненавидел «гусаков» по-прежнему. За то, что имперцы, за то, что пришли на его землю, не спросясь, и грабили, и жгли, и убивали. Сто лет назад Риер-Де сидела за рекой – строила там города, вспахивала поля, – пока император Диокт не начал захват Заречной Лонги. А до того и в Предречной лесные народы жили. Мало стало империи земли – да им всегда мало, а вот выкусите!.. Он пил гестийское, не чувствуя вкуса, и повторял про себя: недолго осталось. План отца сработает, будете вы удирать отсюда – те, кто сможет. А кости остальных лягут в нашу землю, твари поганые. Север надирался молча, стараясь не думать о Ларе, об унижительном отказе и еще более унижительной улыбке – лучше б в морду плюнул! – а восемь квесторов гомонили разом. И вдруг услышал:

– Север! А о чем ты с Кастом на консульской площадке говорил?

Племянник претора Гай Арминий не был ничтожеством – это Север и тогда знал, а после войны с келлитами уверился окончательно. Гай просто безумная мразь, только и всего. Месяц назад он решил, что облагодетельствует варвара, предложив ему вступить в связь, будто равному. Ну да – и варвар тут же забудет, как Гай Арминий насильничал сородичей его бывшей жены на Ка-Инсаар. Келлитку Ари Север выгнал, промучившись с ней два года. Хорошо еще, что редко виделись, не то убил бы. Ари та еще стерва, даром что красавица. Их отцы решили, что детям вождей самое место в одном шатре, и поженили. Ему было четырнадцать, ей – пятнадцать, и в первую ночь они едва не подрались. Он жену терпеть не мог, она платила ему тем же, и теперь не было лучшего способа задеть вождя, чем напомнить ему о том, что в двадцать два года пора иметь наложниц и кучу детей – не только любовников. Но после Ари его от всех баб и девок тошнило, хоть убей, а ведь и с другими пытался. Раньше с легкостью можно было отговориться: есть, мол, куча братьев, вот пусть и плодят отцу внуков. Сейчас братьев не стало. Нужно что-то решать, жениться вновь, хоть и не хочется до ужаса... Севера и в квестуре к женщинам не тянуло, но уж с Гаем Арминием лечь – да с любой уродиной и то лучше! Племянничек куда как хуже дяди получился – не просто жесток и жаден, как претор, а зверь дикий. Но и на него управа нашлась – острый кол, на котором Гай в муках и сдох. Впрочем, это было после, а в тот пьяный, полный ненависти и боли вечер Арминий паялился на него черными гляделками и ждал ответа.

– Выпить с нами звал. Ты против?

Иллария Гай ненавидел люто – как ненавидят злобные пустышки тех, у кого душа мерзостью не запачкана. Север вовсе не собирался рассказывать «гусакам» о своем позоре и о своей любви клятой, да только Гай и сам догадался. Неудивительно – дураком Арминий не был, а их с Ларом ужимки со стороны, наверное, ого-го как заметны были, хотя спал Север с квестором Сильвием. Тот оказался хорошим парнишкой – и чего его к «гусакам» занесло? – но в тот вечер сын вождя лонгов ненавидел всех имперцев без разбора.

– Я – нет, – медленно процедил Гай, – а вот Каст, видимо, против. Так? Он же только с консулом пьет, да еще с дядей. Впрочем, неспроста...

– Пьет, а как же! И не только вино! – подхватил Валерий. Вот кто точно с радостью убил бы и Иллария, и Севера. Лара – из зависти, Севера – потому что Гай Арминий открыто предложил варвару с ним переспать, а Валерий дорожил богатым и знатным любовником. Насколько же они все гнусные – просто самое худшее, что в Риер-Де есть...

– И не только пьет, а еще и глотает! – заорал Лоллий и под гогот этих троих прибавил: – И не только ртом.

– Потому дядя и консул его при себе и держат, – издевательски ухмыльнулся Арминий. – А ты что, не знал? Дерут они его вдвоем – и в рот, и в зад, а он только подмахивает! С командирами спать не каждый станет – гордость не даст, вот нашего Иллария и взяли в любимчики...

Гордость?! Мизинца Лара эти выблядки не стоили! Сами только и умеют, что вино жрать да драть друг друга и пленных, а Илларий... да таких нет больше! Ни у имперцев, ни у лонгов. И слова исходящих злобой собутыльников – вранье! Максим к квестору Касту относился почти как к сыну, Север это точно знал, а претора интересовали только

женщины. «Гусакам» просто грязью облить хочется того, кто выше всех их. Лар имеет право на свою гордость, на недоступность, а твари пусть заткнутся. Север медленно поднялся. В руке неведомо как оказалась бронзовая табуретка, перекошенные смехом лица вертелись и кружились в багровом мареве.

– Ты не забыл про порку, обещанную консулом за драку, Астигат? – Валерий больше уже не смеялся, но табуретка угодила именно в его тупую башку. Порка? Северу было плевать на порку. И не такое бывало, он с двенадцати лет на войне.

Гай Арминий попытался схватить его за руку, что-то еще кричал, но Север больше ничего не слышал – просто ударил племянника претора рукоятью меча и, отскочив назад, обнажил оружие... Как их растащили, он не помнил. Вроде бы Сильвий стражу позвал, да поздновато – Гай был без сознания, а Валерий и Лоллий косились на варвара, точно побитые шавки. Они вчетвером сидели в консульской темнице и ждали порки перед строем, но дождались лишь приказа готовиться к выступлению против варваров. Отец еще несколько лет назад заключил союзный договор с вождем келлитов и долго водил имперцев за нос, изображая вражду. В этой войне войска Риер-Де все глубже втягивались на территорию Заречной Лонги, пока шесть легионов Максима и части претора не оказались в ловушке. Но до тех пор, пока для Максима уже не осталось возможности отступить, следовало притворяться на совесть, и Север притворялся. Он воевал за Риер-Де, носил квесторский символ на запястье и каждый день подыхал от ненависти. От невозможности бросить все и вернуться в племя, от бессильной злобы на целый мир, а больше – на себя самого. Иллариус словно бы передумал – ученик Максима пошел справедливостью в учителя! – и теперь часто заговаривал с Севером. Они оба воевали на совесть, а у двух воинов всегда найдется, о чем поговорить... вот только сын вождя лонгов не желал больше видеть имперца. Нет, желал, зачем врать? Просто каждый раз при виде Лара перехватывало горло, и все, что он мог выдать – оскорбления. И бесился, когда видел, каким недоуменно-горьким становится взгляд Иллариуса, как он отворачивается, сиюсь показать равнодушие... А потом Север понял: надо рвать окончательно, иначе только с ума сойти – ведь если отец объявит Лонгу свободной, они с квестором Кастом из тайных врагов мгновенно превратятся во врагов открытых. Хорошо запомнилось, как рассчитывал способ оскорбления, после которого Каст его возненавидит – будто расположение когорт в одной из Максимовых задачек... Иллариус был сильным, но стройным, легким, и с виду казался слабее, чем на самом деле. Его это мучило, Север заметил. Хотелось сказать аристократу, что от одной гимнастики мускулы не появятся, надо по-другому делать. Каменной твердости мышцы – такие, чтобы удар по твоему животу кисть врагу ломал – проще всего в походах нажить. Побегай по лесам с мешком и оружием за плечами, поспи на дереве или даже на голой земле, поползай на брюхе в разведке – и с таким здоровьем, как у Лара, драться будешь не хуже варвара. Но Каст продолжал себя мучить имперскими упражнениями, и ткнуть его слабостью было самое то. Север и ткнул. Дождался, пока вокруг народу будет побольше, и процедил небрежно: «Да тебе, квестор Каст, нужно соломенный меч давать вместо железного». Иллариус поднял на него глаза с молчаливым вопросом: зачем ты?.. Больно было так, словно он себя на куски резал, но Север, глядя прямо в тонкое красивое лицо, добавил: «А то ручки слабые, женские – не удержат». Лар побелел. Что он мог сказать? Только на место наглого варвара поставить. Он попытался: «Квестор Астигат, изволь вернуться к обсуждению приказа консула...» Север сжал зубы и выдавил:

– Приказы обсуждают с теми, кто в войне хоть что-то понимает, а с таким хилаком мне обсуждать нечего. Девка худосочная! – и сплюнул на землю. Ему б радоваться – он отплатил, унизил так, что вовеки не забудешь; и Каст не выдержал – сорвался. Резко встал, положил руку на пояс, и Астигату даже смешно стало. Сцепись они по-настоящему,

жадная родня Лара задолжала б варвару приличную долю в наследстве. Он убил бы противника на счет три – и тот это знал.

– Хочешь проверить? – Север тоже поднялся, выдернул из стойки учебный меч, а второй швырнул Лару. Убийство в его планы не входило – это всю игру сейчас отцу сорвать, но поваляет он Каста вволю! Так и вышло. Иллариий держался хорошо, и скорость у них примерно одинаковая, но имперец послабее и опыта поменьше – быстро на песок свалился. Сын вождя лонгов встал над ним и почти заорал – так, чтобы все зрители слышали:

– Может, сменишь позу и ляжешь на живот? – и увидел, как закипели бессильные слезы в клятых, любимых глазах... Ты хотел видеть дикого, грязного, тупого варвара, квестор Каст? Не хотел ничего другого замечать? Так получи же! Иллариий получил свое, но и Северу тоже досталось. Как же так вышло? Готов ведь на руках был носить эту задницу холодную!.. С того дня Иллариий перестал говорить с ним, даже в его сторону не смотрел – словно нет такого. А через месяц отец прислал гонца – просил Максима отпустить сына по мелкому делу. Тот и отпустил. Отец довел игру до конца, обманул и консула, и келлитов – те измотались в войне, ослабли, Брендону Астигату нужны были союзники, но не сильнее лонгов, а келлиты – второе по числу воинов племя в Вечном Лесу, – и сразу после этого людей своих против имперцев повернул. Консул и претор оказались заперты в Заречной Лонге, будто в сундуке, отступить уже не могли – впереди армия бывших союзников, позади келлиты наседают... и пошла потеха. Северу отец поручил части претора. До боя у них с отцом крутой разговор состоялся – сущий торг за жизнь Максима. Но отец стоял на своем и, что хуже всего, был совершенно прав. Оставалось только надеяться, что Максим сбежать успеет, только консул бежать не стал. Вместо этого, надеясь выбраться из ловушки одним ударом, пошел на Трефолу, там его отец и разбил. Уши отрезал, на шею надел. Что ж, война не выбирает, не щадит – либо враг тебя, либо ты его. А сопляк Брен еще посмел после этого выговаривать – будто солью на открытую рану сыпанул! Подло и низко погибшим – даже врагам! – уши резать, видите ли! Не был Максим врагом Северу – был добрым наставником, и собственные предательство и подлость жгли огнем, да поздно. Что толку каяться и жалеть, если больше нет в Заречной Лонге ни одного живого и свободного имперца? Не того ли хотели? Он ударил мелкого по лицу – сильно, тот аж на пол грохнулся. А пока орал на Брена, понял: сам ошибся, надо было спокойно все братишке объяснить, рук не распуская... а что объяснишь? Расскажешь разве о том, что победа всегда дается дорого, что жертвы не только Инсаар приносят, но и делу, которое для себя главным считаешь? Не умел Север такие слова говорить. Просто приказал сжечь тело Максима, как полагается по всем воинским обычаям, и стоял у костра, провожая в Стан мертвых героя и великого человека... а перед мелким извинялся, как мог. Тогда ему впервые и подумалось: может, он и с Ларом вот так наглумил? Не сумел по дури показать, чего от него хотел? Не подстилкой звал стать – а имперец так понял? Но после разгрома Риер-Де под Трефолой это стало неважно. А теперь, в сумрачных покоях цитадели, Север вновь вернулся в те дни и уяснил окончательно: он ошибся с Ларом так же, как ошибался с Алером, считая того «козочкой». И позволь ему судьба, никогда б не повторил ошибок... да что ж теперь по утекшей воде горевать! Стылая тоска и дождь за окном – вот и все, что осталось. Да еще война. Два с лишком года назад, когда лонги узнали, кого император Кладий поставил на место Максима, и отец, и Беоф, и старшины первым делом принялись гоготать. Но Север возразил на совете: Иллариий Каст – ученик великого стратега. И пусть ему всего двадцать три года, и пусть аристократ – а воевать умеет и мстить будет люто. Хорошо, что отец ему поверил и меры принял, не то, пожалуй, загнал бы Иллариий лонгов обратно в глубину провинции. После боев у реки воины прозвали Лара Холодным Сердцем – дрался он отчаянно, но умно, никого не щадил, ни своих, ни чужих. И остановил все же войско отца,

закрепился в этих цитаделях, что теперь Север у него отбирать начал. Так они, видно, и будут бодаться годами – то один верх возьмет, то другой. Ведь Севера Астигата тоже Максим воевать учил.

Год назад Север поехал в разведку с разъездом простых воинов – намеренно, чтобы на Холодную Задницу поглядеть. Иллариий проводил смотр прибрежных крепостей, особо не таился, и видел его Север как на ладони. Больше не было юной легкости – высокий, сильный, в полном доспехе имперском – Лар, беда моя... так и не вырвешь из души гада проклятого. Сын вождя лонгов разглядел все: и широкие плечи – теперь, пожалуй, так просто с ним не справиться, – и жесткую ухмылку, и уверенные, властные жесты. Жизнь всех под себя ломает, на совесть учит... запоминать бы ее уроки, да только, как запомнишь, жить уже и не хочется – больно тяжело даются. Но Максим всегда говорил: воин живет для победы.

Так Север Астигат и станет думать. И глупо считать, глупо и подло, что зря он у карвира прадеда выпросил жизнь Брену! Иной раз те, кого Инсаар отведали, все же приходили в себя. Да, умирали чаще, и с ума навсегда сходили, и калеками оставались, но бывали же и счастливцы! Старшина Пейл ему таких пару показал – плохо им пока, но выжили и рассудок сохранили. Да только... их-то один раз отведали, а Брену что грозит?! Полно! Есть дары, что не вернешь, даже если захочешь. Мать Брена, имперская пленница Сабина, подарила сыну соперницы вторую жизнь, своим молоком выкормила, хотя многие женщины придушили бы младенца, не задумавшись. Дарила ему свою любовь, грела своим теплом – и она, и братишка. Это тепло и удержало, не позволило ему превратиться в обезумевшую скотину, вроде Гая Арминия, потому что он всегда знал: они есть, они его ждут. И теперь удержит. Не станет Север забирать свою любовь, и пусть знает мелкий: мать и брат ждут его – и дождутся! Вождь вытер руки о полотно, оттолкнул поднос с едой, взял со стола браслет брата и спрятал обратно в суму. Он был уверен: случись с ним такое, как с Бреном, все б пережил и дождался помощи или сбежал бы, если от Инсаар можно удрать. Так какое у него право отказать в этом же мелкому? Карвир прадеда и прочие нелюди чтили союз Дара. Пригнали вон столько народу, глядишь, прощенные предатели рваться в бой будут, замаливая свою вину. А если удастся взять оставшиеся крепости, то вот она – прямая дорога на Гестию. Здесь он перед Ларом в выигрыше, у лонгов всегда преимущество в скорости было – не тащат варвары за собой обоз и катапульты; а теперь преимущество и в числе – ополчение выручило. Илларию ополченцев собрать куда как сложнее, попробуй лавочников и крестьян раскачай, да с магистратами договорись, да императора убеди... время-то идет! Север лег на ложе, закинул здоровую руку за голову, глубоко вдохнул. Воздух в покоях едва уловимо пах лесом, а из окна тянуло дождем. Хорошо! С рассветом он вызовет старшин и поставит перед ними задачу: рассчитать, как они смогут взять Гестию, Мать городов Риер-Де, и в самый короткий срок.

Вечный Лес

Наставник Торик учил: осмысливай все увиденное, ничего не оставляя без внимания и классификации, старайся всему подобрать определение... Брен старался. На пятый день житья у Инсаар он даже придумал им имена, научившись с закрытыми глазами определять, кто к нему подошел. Только сила разума и спасала от бездумного ужаса, загоняя страх в тайники души, не позволяя визжать на одной ноте, подобно трусливому щенку. Его принесли сюда, на эту поляну, и первое время он ничего вокруг себя не замечал. Сжался в комок, забился под раскидистые ветви и смотрел в темноту неотрывно, вздрагивая от каждого шороха. А Инсаар занимались своими делами, никто к

нему и близко не подошел. Что он сможет сделать, если они решат взять жертву, повалят его на землю и пойдут по очереди? Ровно ничего! Так и просидел всю ночь – наутро тело затекло настолько, что не двинуться, – и весь следующий день. Быстроразящие приходили и уходили, пошел дождь, потом перестал... Брену все было безразлично, его пожирал страх. На второй день он начал проваливаться в дремоту, как в омут. Слабое тело отказывало, а ведь лонг должен уметь долго обходиться без сна – как иначе выживешь в лесу? Разбаловали его в храме – и после, у Иллария. Злость на себя помогла проснуться и начать глядеть по сторонам. Теперь рядом с ним было двое Неутомимых – один очень высокий, а второй с приметным пушком на голове; да еще несколько раз приходил третий – с глубокой вмятиной там, где у людей сердце. Приходил, останавливался напротив Брена и стоял, внимательно разглядывая пленника. Сын вождя боялся этого, со шрамом, до колик в животе, до звона в ушах, потому что чувствовал в черных дырах, не отрывавшихся от сжавшейся на земле фигурки, неотвратимую угрозу. После Брен заметил, что Инсаар со шрамом держится уверенно и властно, будто... правитель, верно! Главный. Имя Амплиссимус пришло на ум само. Юноша постарался представить, как тот сидит на троне, диктуя указы писцам, и рассмеялся в голос, даже на миг полегче стало. Главный чуть приподнял узкий подбородок, чиркнул недобрый взглядом по развеселившемуся пленнику и исчез – просто растаял в воздухе. Брен одеревенел от жути – вот они, чары Инсаар! А он здесь, в лесной глуши, один с чудовищами...

Пушистый и Высокий уходили и возвращались. Иной раз их по несколько часов не было рядом, но Брен даже не помышлял о побеге. Он понимал, отчего Инсаар не связали его, не караулят. Быстроразящие читают мысли и все чувствуют, так что веревки и часовые ни к чему. Стоит только шевельнуться, они объявятся – и кто знает, чем накажут за попытку побега? Когда Инсаар возвращались, то подолгу просто сидели на траве, не произнося ни слова – только иной раз легко касались друг друга и вновь замирали. Возлюбленный, которого Брен по цвету глаз назвал Флореном, не появлялся с тех пор, как пленник попал на эту поляну. Он поставил Брена на ноги и пропал. Сын вождя не знал, хочет ли видеть свой чудесный сон, ведь тот превратился в ужас. Он вообще ничего не знал, просто боялся. На третий день жажда и голод стали невыносимыми – за это время Брен даже не напился ни разу, только слизывал с листьев дождевую воду, но страх перекрывал все чувства и потребности. Ланий – это имя чрезвычайно подходило Неутомимому с пушком на голове – словно почувствовал состояние пленника и подошел ближе. Юноша скорчился, прикрыв голову руками. Вот оно, сейчас швырнет на землю лицом вниз, раздвинет ноги – как всегда Инсаар с людьми делали... Он даже пискнуть не успел, как гибкая рука подняла его в воздух, встряхнула. Что-то будто коснулось разума, и Брен увидел перед зажмуренными глазами ручей. Чистая вода – прозрачная, быстрая – здесь, в двух шагах. «Иди». Нелюдь приказывал ему напиться. Юноша сделал шаг, другой, то и дело оглядываясь, а Инсаар смотрел ему вслед. Ручей и впрямь оказался рядом. Едва утолив жажду, Брен заметил на кусте крупную спелую ботаву⁸. Осень, в родном племени сейчас все детишки собирают ягоды, а младшие воины помогают им, если не заняты. Вспомнилось, как они с Райном, сыном нового шиннарда, так же собирали ботаву и спорили, кто соберет больше, а потом наперегонки мчались по траве к шатрам – чтобы отдать урожай матерям и рабыням. Пусть варят и в бочки закатывают, зимой будет на столе частица лета... Райн тогда уже служил в дружине на посылках, но не тыкал Брену в нос тем, что он ученый зануда, а мама и вовсе хвалила. Даже отец и Север хвалили, а ведь старшим воинам недосуг заниматься какими-то ягодами... хорошее было лето.

Брен, давясь слезами, потянулся к кусту, принялся рвать ягоды, запихивая их горстями в рот, а Ланий смотрел ему в спину. Наплакавшись, перепачканный соком

⁸ Ботава – крупная лесная ягода.

юноша вернулся под свое дерево и снова скорчился. На следующее утро он понял: вот так и сдохнет. От голода, неподвижности и ожидания *страшного*. Именно ожидание – неизвестности, скорой расправы – было самым жутким. Когда Инсаар решат его выпить? Сколько он еще будет сидеть под ветвями, будто на цепи?! Когда Пушистый приблизился вновь, Брен чуть не вцепился тому в горло – пусть уж сейчас! Только бы быстрее, и можно будет уйти в Стан мертвых, где нет ничего – ни голода, ни позора, ни тоски. Но Быстроразящий ничего не сделал, просто положил перед пленником только что убитого голубя и... огниво! Сын вождя не поверил своим глазам, но птица и инструмент для разжигания костра были тут, их можно потрогать. Готовить Брен все равно не решился, даже не шевельнулся, а под вечер опять появился Главный со шрамом. Юноша уже не боялся – его тошнило, и поляна уплывала в серо-розовом тумане далеко-далеко... Вождь Быстроразящих сделал какой-то жест, и Ланий, повинувшись приказу правителя, подошел ближе. Приподнял голову Брена, погладил виски, и мусть отступила – как в Приречной башне, когда златоглазый велел ему идти к брату. Чары Инсаар, жуткая неодолимая магия, недоступная людям, не причинила пленнику вреда! Наоборот. Пушистый поднял его на руки и куда-то понес, Брен заскулил придушенно, но ничего страшного не произошло. Деревья расступились, и сын вождя увидел высоко на ветвях прозрачные серебристые шары, сияющие в свете юной луны. Как же это было красиво! Юноша вдруг остро пожалел, что никто из близких ему не увидит такого великолепия – ни Север, ни мама, ни Райн, ни Илларий... консул тоже засмотрелся бы, он любил все красивое. Но они далеко, а сам Брен отрезан от мира, от людей. Если бы не старый крючок, надежно спрятанный в кармане туники, он бы решил, что вся прошлая жизнь ему попросту привиделась, а всегда было только это: Вечный Лес, луна, сияние серебра на непонятных шарах и жесткие руки нелюдя на его теле.

– Дом. Смотри, энейле брата, это дом.

Голос звучал в его голове, и в тоне не было угрозы. Неужели Пушистый предлагает ему жить в прозрачном шаре? Это же высоко, да и шар такой легкий! Он не выдержит веса человека, только тонкокостных Инсаар.

– Нет. Ты поешь, а когда взойдет солнце, построишь себе дом из ветвей и шкур. Вы же так делаете.

Брен не успел задаться вопросом, где он найдет здесь шкуры, и вообще, для чего жертве строить себе дом, если его скоро убьют? Мягкий толчок – и перед глазами сверкающая гранями стена. Он и не заметил, как они с Пушистым оказались внутри серебряного шара, просто вокруг вдруг стало светло. Полость будто светилась изнутри, и Брен зажмурился. Шар раскачивался, но явно не собирался падать. Инсаар с пушком на голове слегка придавил плечи Брена к мягким сияющим нитям.

– Спи.

И пленник уснул. Никогда в жизни не спал он так крепко, как сейчас – вися чуть не в полприере над землей, рядом с нелюдем.

Наутро страх вернулся. Брен разглядывал впавшего в неподвижность Лания, прозрачные стены, темную тень в шаре напротив – кто там, интересно? Второй Быстроразящий, коего юноша из-за высокого роста назвал Процеритом? Или кто-то еще? Потом Инсаар очнулся, они спустились, и Неутомимый дал Брену выпить какой-то настойки, пахнувшей ягодой и травами. Стало чуть легче. А после они вместе построили шатер из ветвей и принесенных Пушистым шкур. Брен забрался под полог и притих.

Солнце золотило кроны, пели птицы, дремота сковывала движения, и он вновь уснул. А проснувшись, увидел рядом с собой убитую птицу – на этот раз небольшого дрозда – и огниво. И будто плотина рухнула. Пленник торопливо разделал дичь с помощью острых палочек и крючка от ножен, развел огонь и соорудил подобие вертела. Насадив тушку на толстую палку, он зажарил дрозда и съел, запив обед ключевой водой. И вымылся в ручье – даже тунику отмыл от грязи и крови. Его принесли в жертву, наказали за предательство, но убивать пока не собирались. Значит, следовало жить.

Потом он снова задремал. Разбудил его знакомый, каждой частицей тела любимый голос. Златоглазый в своем истинном облике сидел рядом и гладил Брена по лицу. В первый миг счастье накрыло, будто удар грома, накрывающий равнину и лес, но потом он вспомнил все: свою комнату в цитадели Диокта, где бился головой об угол мраморного стола, растерзанные тела пленных в колодках, злые глаза Иллария и отрешенные – Севера. Проклятье Крейдона и страшные слова: «От тебя мать отказалась!». И то, что родной брат отдал его нелюдям. Брена трясло, он ничего не мог с собой поделать, только корчился, вжимаясь в шкуру, принесенную Пушистым. Гибкие холодные руки приподняли его, прижали к обнаженной груди, нежно погладили, а в раскалывающейся от боли голове прозвучало:

– Твой брат жив и побеждает. А люди, принесенные нам в жертву, уцелели. Илгу непокорен и силен, мы пока не стали вмешиваться. Тебе же приготовлено долгожданное.

Златоглазый приподнял его лицо, осторожно коснулся темно-серыми губами подбородка. Юноша всхлипнул, но сильные ладони принялись поглаживать его поясницу и плечи... так не ласкают, когда хотят изнасиловать скопом, верно ведь?

– Никто не коснется тебя против твоей воли. Обещаю. Разве я когда-нибудь не выполнял своих обещаний? – Выполнял! Какое счастье, что ничего не нужно говорить, потому что сейчас Брен и слова не смог бы произнести! Любимый читает его мысли и, действительно, пока еще ни разу не солгал ему. Впрочем... он вообще мало говорил – и лжи, и правды. – Энейле, сегодня все случится, но прежде я буду просить у тебя разрешения.

Инсаар перехватил его поудобнее и поставил перед собой на колени. Огромные глаза без белков, сужающееся к подбородку лицо, необычного оттенка кожа и родной запах леса... отчего он так испугался истинного облика любимого? Ланий, Процерит, Амплиссимус и другие Быстроразящие пугали его, Флорен – нет.

– Те, кого ты называешь Ланием и Процеритом – мои братья. Мы зародились в одном тьеле и связаны навечно. А Главный – наш Старейший. Сейчас в этом мире есть лишь двое таких, и они видели лес куда более юным. Не бойся ничего, когда меня не будет, мои братья позаботятся о тебе. А сейчас скажи мне, энейле, ты хочешь принести жертву и отдать мне свой первый дар плоти?

– Что значит «энейле»? – хрипло выдохнул Брен. Странно, отчего именно это слово заинтересовало его в миг, когда решалась его судьба?

– На вашем языке оно будет звучать как «обильный». А на нашем означает «любимый», «желанный», – златоглазый по-прежнему отвечал, не разжимая губ, и Брен замер, а потом порывисто прижался к широкой груди. Ему впервые сказали о любви... Хочет ли он отдать себя? Не будь учебы в храме Трех Колонн, кто-то из старших воинов – приятелей Севера, отца или Беофа – взял бы его у костров на Ка-Инсаар еще два-три года

назад. Обычно в племени, да и в других странах – он читал об этом в «Риер Амориет» и прочих свитках – первую жертву мальчику по договоренности со старшими родственниками помогал принести опытный любовник, который не причинит новичку повреждений ни в обрядовой борьбе, ни на ложе. Брен хорошо помнил, как Крейдон как-то говорил отцу, что просил бы Севера лишить девственности его сына, но знает: старшего сына вождя не интересуют мальчишки, ему подавай любовников-ровесников. Отец вначале засмеялся, а после проворчал: «Уж лучше бы Севера интересовали ровесницы, и вообще, пора бы сыну помириться с женой». Брену в тот день нужно было возвращаться в храм, но он упрямился и просил сопровождавших его воинов задержаться до рассвета – хотел узнать у Райна, как прошел его первый обряд. Сын нынешнего шиннарда лонгов вернулся к шатрам пьяный, смеялся и говорил, что зад у него болит, но завтра он сможет переспать с красоткой Мири – ведь он теперь мужчина. Райну было четырнадцать лет, и счастливым он отнюдь не выглядел, хоть и стал отныне взрослым. Потом чуть протрезвел, рассказал Брену, что спать с мужчиной не очень больно, а потом даже приятно, и посоветовал быстрее просить вождя позволить участвовать в обряде. И прибавил: «У тебя красивая задница, Брен, то, что надо...» – и глаза его стали такими тоскливыми, будто и впрямь отдал сегодня нечто очень важное. А Север, ругая брата за возмущение расправой над имперскими воинами, орал: «Хороший крепкий член мигом вправит тебе мозги!» Но через месяц буркнул: «Не слушай меня, забавы на ложе – не главное, учись давай». Брен знал – рано или поздно кто-то уложит его лицом вниз и отымеет. Если повезет, ему при этом будет не больно. Но то, что было обычным среди людей, переставало быть таковым, если речь шла о Быстроразящих.

Хочет ли он? Неужели златоглазому важен его ответ? Юноша силился прочесть что-то в непроницаемом черном зеркале глаз любимого. Тот чуть отстранил его, положил обе ладони ему на плечи, и Брен удивленно моргнул, заметив, что острые когти Инсаар аккуратно укорочены.

– Я сделал это ради тебя, энейле. Я буду ласкать тебя изнутри, моя плоть соединит нас, позволит тебе стать частью всего леса, отдать себя, как должно. Ты согласен?

– Да, – юноша ответил прежде, чем успел подумать. Сердце подпрыгнуло к горлу и бешено заколотилось. Инсаар снова провел руками по его плечам, а после шершавые ладони накрыли ягодицы. Развели полушария в стороны, скользнули к промежности – и будто свет ударил по глазам. Брен даже не сразу заметил, что губы его касаются не узкой темно-серой щели, а свежего, умелого человеческого рта. Опять морок! Зачем?! Нет, любимый в таком виде красив – до чего же он красив, смилуйся над нами Вечный Лес! – и как же желанен! Но теперь, когда он все знает, для чего вновь его дурачить?

– Не надо! – он хотел сказать, что любимый нужен ему в любом облике, что отличит его из тысяч... и не смог больше вымолвить ни слова. Жаркая клубящаяся тьма окутала его, пальцы сами вплелись в темные шелковые волосы, и Брен, изогнувшись, подставился ласке – настолько долгожданной, что прикосновение ладоней к коже было почти мучительным.

– Так нужно, энейле, – златоглазый перехватил его запястье, прижал к своему члену – крепкому, длинному, налитому человеческому члену, а не жутковатому на вид орудию, которое юноша успел заметить еще в Приречной башне. Любимый заставил его сомкнуть пальцы, и Брен тут же с радостью понял, что от него требуется. Наконец-то получится хоть немного возместить щедрые ласки! Он смотрел на золотые искры, танцующие в темной глубине глаз, постанывал под все более откровенными прикосновениями, поглаживал напряженную плоть – а морок густел, пока все существо

Брена не превратилось в пылающий костер. Сын вождя вскрикнул, выгибаясь в сильных руках, и в тот же миг гладкий палец проник в его тело. Златоглазый мял его рот своим, невидимые, но удивительно ловкие руки ласкали соски и член, а ладони на ягодицах продолжали свое дело. У Быстроразящего только две руки, но казалось, что двадцать, и все стремятся доставить наслаждение. Когда Инсаар развернул его к себе спиной, заставив опуститься на четвереньки, Брен уже позабыл обо всем. Мира больше не было, не существовало – только колыхающаяся тьма и невозможное желание. Вход пульсировал почти болезненно, прикосновения к нему отзывались в теле мучительной дрожью, и юноша вновь, как и прежде, начал умолять, захлебываясь бессвязными фразами.

– Ка мал йерт! – голос любимого, нет – пронзительный крик! – оборвал его. «Жертва принята!»

Брен не знал, как понял смысл странных слов. Мир вертелся, кружился, распадался на куски и вновь сходил в одной точке – болезненной, пульсирующей точке в глубине его тела. Златоглазый склонился над ним – концы волос коснулись изогнутой спины – и приподнял ему ягодицы. От толчка внутрь было больно, о, еще как больно, и Брен почувствовал, как натянулась сверкающая звенящая нить, связывая его – всего, целиком! – с телом любимого. И в тот миг, когда плоть Неутомимого раздвинула сжимающиеся мышцы, юноша вдруг увидел...

Это было невозможно, невысказано! Он видел леса и равнины, реки и горы, закат и рассвет – все разом. Он знал, что отдает и берет нечто невероятно важное, то, что продлит жизнь, напоит землю влагой, даст ей долгие лета плодородия. Тонкая и прочная нить словно тащила его вдаль и закручивалась спиралью, вновь возвращая в полыхающую точку на конце естества. Он был собой и одновременно – кем-то другим... и он понял кем. Инсаар. Бог – и древний ужас. Дающий и забирающий. Нить перестала раскручиваться, зазвенела на невероятно высокой ноте и будто молотом ударила в центр тела. Плоть заполнила Брена полностью, он закричал, забился, но плавные, размашистые толчки все продолжались, и нить вновь натянулась. Боль терзала его, но это было неважно, потому что боль покорялась, подчинялась силе, что тянула из него плоть любимого, отдавая что-то взамен. Дар. Вечный дар жизни. Наслаждение – простое человеческое наслаждение – вдруг оборвало безумный танец; Брен увидел шкуру перед глазами, ощутил себя стоящим на коленях, стонущим сгустком боли и желания. Неутомимый брал его сзади, как это издревле заведено в лесах, брал жестко, с силой вбиваясь в его распахнутое нутро – и в то же время будто бы шальные губы ласкали естество юноши, уже орошенное собственным семенем. А ненасытный рот приник к его пересохшим губам, и терзал, и пил, пил, пил... Ладони развели его ягодицы еще шире, тяжелая, неумолимая плоть превратила тонкую нить в крепчайшую веревку – и веревка тянула из него жизнь и силу, отдавая кому-то, кто гораздо важнее жалкого человека. Чему-то столь огромному, что разум постичь не в состоянии... Яркая звезда вспыхнула перед воспаленными глазами, Брен ощутил, как содрогнулось тело любовника, до предела натягивая связь, как нечто хлынуло внутрь тела... нет, не семя, но вышедшая из берегов река – всевластная река безмерной силы, – зашелся беззвучным криком... И с последним движением потерял сознание.

Жгучая боль привела его в чувство. Брен с трудом провел онемевшей рукой между ног и застонал. Там было мокро, шкура под ним пропиталась влагой.

– Флорен, – тихо позвал он... или только думал, что позвал? Никто не отозвался, а у него даже заплакать сил не было. Тело болело так, словно его пытали... и сильнее всего

терзало отчаянье. Он вновь один. Час – а может, вечность – юноша собирался с духом и все-таки открыл глаза. В проеме шатра сиял лесной полдень, пели птицы, звенел ручей. Вода. Пить! Он отдал бы жизнь за глоток воды. Голова болела нестерпимо, жестоко ныла поясница, а в животе будто огромный паук дорвался до пищи и жрал, жрал... Брен приподнялся и тут же рухнул обратно на шкуры. Боль пронзила насквозь – от промежности до поясницы. Он долго боялся пошевелиться вновь, но жажда брала свое. Юноша, застонав, перевернулся на живот и пополз к ручью, благо, тот бежал близко от шатра. Он плакал и ругался бессильно, пока полз к воде, а потом сунул голову в ручей и пил, рискуя захлебнуться. Гибкие руки коснулись его тела, Брен дернулся в ужасе, но боль приковала его к траве. Он не сможет убежать, защититься – сил не хватит! Юноша смотрел на стоящего над ним Пушистого и ждал удара. Теперь он всегда будет ждать удара, проклятья и плевка, раз ничтожного предателя принесли в жертву, а любовник даже не остался с ним после... после того, как сделал с ним такое. Так вот почему златоглазый сменил облик! Плоть Инсаар на конце много толще человеческой, и Брен сдох бы от боли, не наведи любимый чары... теперь там, наверное, все порвано, раз он испытывает такие мучения, раз до сих пор кровит. Ланий долго разглядывал его, потом легко подхватил на руки и отнес в шатер. Солгал ли златоглазый? Станут ли другие Инсаар брать беспомощного пленника? Этого он попросту не выдержит. Но Пушистый лишь положил его на шкуры, потом принес той самой вкусной настойки и поддерживал голову, пока Брен пил. А после Быстроразящий сидел с ним рядом, время от времени касаясь висков юноши когтистыми гибкими пальцами – и становилось чуть легче, чары Инсаар умеют лечить. Несмотря на боль, Брен уснул, а когда проснулся, кровь уже не шла, и между ног было чистое полотно. Откуда Быстроразящий взял кусок ткани, будто еще хранившей тепло рук какой-то женщины, ее соткавшей? У лонгов? Лигидийцев? А может, у келлитов или имперцев? Инсаар проникают повсюду, нет для них преград, а вот любимый не захотел или не смог побыть с ним немного. Тоска была столь острой – тоска по наслаждению и единству их тел, по немыслимому слиянию, что Брен опять тихонько заскулил. И Пушистый его понял.

– Мой брат придет. Скоро. Ты должен есть и спать.

Пушистый кормил его, приносил уже готовое мясо и даже пару раз хлеб и рыбу. Но кусок не лез в горло. Юноше было плохо, как никогда в жизни, тело по ночам точно драли жесткие когти, а тоска стала невыносимой. Каждый день без любимого высасывал из него силы и душу. Наконец разрывы и растяжение зажили, он смог садиться, потом вставать, а златоглазого все не было. Брен часами сидел возле шатра, даже не глядя на серебряные шары, в которых жили Ланий и Процерит. Несколько раз приходил Амплиссимус – Инсаар со шрамом на груди. Сын вождя по-прежнему боялся его, но ощущения словно бы притупились, отступив перед мучительной тоской. Впрочем, Главный не делал ничего дурного, только смотрел, но юноша неизменно чувствовал исходящую от него угрозу. И вот, в тот вечер, когда боль тела пропала совсем, любимый вернулся. Он вышел из темного облака, появившегося на краю поляны, и шагнул к шатру уже человеком – прекрасным, как первое утро мира. Брен без сил рухнул на колени перед своим божеством, обнял его бедра, прижался лицом к животу. Он не мог разжать хватку, просто знал: если златоглазый уйдет, ему не жить. Любимый поднял его на руки, прижал к себе, тьма закружилась вокруг них, и через бесконечно длинные мгновения босые ноги юноши коснулись мокрой травы. Они стояли у крутого обрыва, а внизу шумела река. Это Лонга?

– Нет, это Йона, приток Большой Реки, – Флорен, как обычно, ответил на мысли. – Возле Лонги всегда много народу, и они хотят крови друг друга, а не жертвенной любви. Смотри! – сильная рука указала на восток. – Там твой брат.

Брен закинул голову к темному небу, стараясь припомнить все, что наставник Торик рассказывал о созвездиях. Если Неутомимый прав, то Север Астигат находится на территории Предречной Лонги – на территории врага! Неужели в плену?!

– Нет, энейле, не бойся за брата. Хотя я и не понимаю его, тот, кто родился с тобой из одного семени, мог бы сам принимать жертвенные дары, а его интересуется лишь война.

У сына вождя помутилось в голове. Север – человек, не Инсаар, как он может принимать силу жертвы?!

– Твой брат – илгу, – мягкий голос будто ласкал, и Брен доверчиво приник к плечу, погладил теплые пряди волос. – Илгу значит «пьющий». Таких немного, но они есть, мы видим их сразу, как только человек впервые проходит Ка-Инсаар. Их сила мешает нам, очень мешает! Но люди глупы. Тот, кто рожден с тобой одним семенем, мог бы просто выпить своего врага – другой илгу слабее, – но предпочитает гоняться за ним с железом в руках. Объясни, отчего он так поступает, энейле?

Юноша мог бы сказать, что не очень понимает, о чем говорит любимый, но вначале подумал... За кем Север гоняется с железом, кого он ненавидит сильнее всего? Иллария Каста! Златоглазый чуть склонил голову, подтверждая его догадку, и принялся ласкать обнаженные бедра любовника, спасая его от холода, которым тянуло с реки.

– Север не знает, что он илгу, не знает, что может выпить другого человека так же, как пьет людей народ Инсаар, – медленно проговорил Брен. Язык почти не слушался, и приходилось тратить много времени, вспоминая самые простые слова. Оказывается, за дни, проведенные в ожидании Быстроразящего, он почти разучился говорить. Но это было неважно – любимый с ним!

– Не так, как наш народ, но может. Не знает? Люди не прислушиваются к себе и миру, потому и не знают ничего. Я повторю: твой народ глуп, прости меня, энейле.

Любимый просит прощения? За что? Инсаар, конечно же, много выше и умнее людей – они умеют и знают то, что неподвластно человеку, никому, никогда... Но златоглазый сказал, что, если бы люди прислушивались к себе... значит ли это, что тогда они могли бы овладеть чарами? Сейчас неважным казалось все. Он обдумает все это после. После того, как насытится любимым, а любимый насытится им.

– Возьми меня! – хрипло прошептал Брен, разводя бедра в стороны. Да, после он сойдет с ума от боли, но сейчас плоть возлюбленного познает его и сделает счастливейшим на земле. Они долго целовались в траве, юноша осмелел настолько, что перекатился на Флорена сверху и целовал гладкую грудь, ласкал ладонями твердый живот, прижимаясь ноющими от желания чреслами к его паху. Однако стоило ему чуть спуститься вниз и сомкнуть губы на твердой плоти, как легкий порыв снес их обоих вниз, в темную воду. Йона уже готовилась к осени, но мерз Брен ровно до тех пор, пока Быстроразящий не встал рядом. Волны касались бедер любимого, луна любовалась его телом, золото сверкало в темных глазах... Сын вождя ахнул от восторга, когда река подхватила его и уложила навзничь. Ласковые прикосновения воды быстро довели до исступления. Река целовала и мяла соски, обхватила плоть и терла головку, мягкими толчками пробуждала желание в ... Инсаар просто стоял, не двигаясь, но Брен знал: не вода – возлюбленный ласкает его! Йона подчиняется Неутомимым, как подчиняется им все в мире. Потом златоглазый оказался рядом, поднял его ноги к себе на плечи и толкнулся внутрь. И юноша вновь содрогался от желания и боли, вновь видел горящую

звезду, что вела его сквозь лабиринт нитей, вновь поил весь мир своей силой. Навершие естества любимого было той связующей точкой, что, соприкасаясь с такой же точкой в его теле, отдавала и забирала, делала всеильным и могущественным, но слабым перед страстью, точно котенок.

И вновь его ждало мучительное пробуждение в шатре на знакомой поляне. Крови на этот раз почти не было, но Брен просто умирал от боли в измученном, выжатом досуха теле, а в голове не было ни единой мысли – только бесконечный вопль горя. Любимый придет не скоро! На прощанье он объяснил, что не станет приходить часто, ибо боится убить энейле – выпить совсем, полностью... Юноше было все равно, пусть убьет, лишь бы рядом! Но златоглазого не было, и оставалось только лежать на шкурах и выть тихонько, вслушиваясь, как откликается Вечный Лес.

Риер-Де, Отец городов

Хорошо быть тринадцатилетней девчонкой с торчащими вперед сосками и неутомимыми ногами, легко обнимающими бедра любовников и споро шлепающими по дороге, оставляя за собой риеры пути. А богатой влиятельной женщине не к лицу выскакать из носилок, что тащат два дюжих раба, и нестись навстречу солнцу и куполам... а так вдруг захотелось! Столица – Тысячестенная, Тысячевратная, Всеобщая Мера, Средоточие Мира, Перекресток всех путей. Риер-Де, Отец городов. Гермии нравилась Гестия – любой город покажется обителью неги и богатства, если родилась в сущем вшивятнике, не помнишь ни отца, ни матери и вынуждена стать процедурой. Мать городов Риер-Де была красивым городом, очень удобным, большим и влиятельным, но столица – высшее достижение для такой, как она. Быть может, кроме награды золотом, любимец Кладия сведет ее с кем-то из своих друзей? То, что сам вольноотпущенник императора не заинтересуется женщиной, Гермия понимала прекрасно. Некоторые философы объясняли пристрастие мужчин к мужчинам властью Инсаар над душами. Служение Неутомимым не оставляет места для мыслей не то что о женщинах, но даже о потомстве, а его, как ни крути, можно получить лишь от женщины. Любовник тебе ребенка не родит. А кроме того, людей так много. Лукреций Кадмийский писал: «Не будь войн и обрядов – и вызванной ими склонности к своему полу, род человеческий давно съел и выпил бы все, что родит Мать наша земля!» Почти все философы одобряли постоянные связи мужчин между собой, а некоторые даже вовсе отрицали потребность в женщинах. Гермия никогда с этим не спорила. Она знала, что примерно треть встреченных ею на пути мужчин будет спать друг с дружкой, сколько наследников им ни роди, но остальные умудрялись совмещать обряды и семьи. Вот бы встретить такого, с кем можно прожить остаток Возраста красоты... однако рассчитывать в этом смысле на любовника императора столь же глупо, как и на Луциана Валера. Интересно, где он сейчас? И почему в предместьях столицы так спокойно? Неужели до сих пор не знают?

Солнце золотило поздние цветы вдоль дороги. Еще риер – и покажутся Срамные ворота, сбоку от которых есть маленькая калиточка. Там ее встретят и проведут прямо к всеильному возлюбленному Кладия. Гермии было любопытно взглянуть на того, кто владеет императором по ночам. Говорят, что Данет Ристан красив, словно сама Любовь. Подумать только, сын народа остеров, народа, прозябающего в нищете и не так уж далеко ушедшего от варваров, – а поднялся до таких высот! Стоило императору один раз отдаться своему рабу-виночерпию, и Кладий уже не смог с ним расстаться. Нет, Гермия вовсе не завидовала счастливчику. Она уже не девочка и слишком хорошо успела понять, чем кончается любовь с сильными мира сего. Куртизанка протянула руку сквозь занавеси и сорвала уже чуть поблекший желтый цветок. Последние теплые дни поздней осени... в

Риер-Де еще почти лето, а вот в Лонге уже всюду хлещут дожди и скоро ударят морозы. Впрочем, когда она уезжала, осень словно передумала и задержалась в пути. Варвар этим воспользовался. Но вскоре холода придут и сюда – от Гестии до Риер-Де всего шестнадцать переходов, а войско варваров движется быстрее имперского... Гермия думала о прошлом спокойно. Что толку сожалеть и вспоминать о Гестии, об Илларию Касте и Луциане Валере? Город взят варваром, а любовники Гермии пусть выкручиваются сами. Она же выкрутилась – и весьма своевременно! В то, что Север Астигат поведет войско на столицу Риер-Де, куртизанка не верила ни минуты. Даже попыталась убедить в этом перепуганных женщин с детьми на одном из постоянных дворов, но те не стали слушать ее, обозвав шлюхой. Глупые курицы! Только и трясутся, что за своих мужиков, коих могут послать на войну с варварами. Думали б головой, а не лоном, рожали бы поменьше – и плевать им было бы на всех варваров. Из Предречной Лонги Северу Астигату не выбраться, впрочем, Илларию Касту, похоже, тоже. Интересно, pošлет император помощь консулу? Риер-Де не помогает проигравшим, таков закон. Если Каст погибнет от рук вождя лонгов, империя отомстит за него и других погибших, назначит нового консула, отобьет город и приречные крепости, но сейчас Илларию не поможет никто.

Гермия пожала плечами. Она не могла пожаловаться на тех, с кем два года делила ложе – и Илларию, и Луциан были нежны, искусны и щедры сверх меры. Но теперь все кончилось. Бывшая процедура, у которой нет влиятельной родни – вообще нет никакой родни! – должна думать о себе. Будь она женой Илларию, ей, быть может, пришлось бы умереть вместе с ним, как подобает дочери Риер-Де, бросившись со стены прямо на копья штурмующих Гестию лонгов. Но она, хвала Инсаар, консулу не жена, аристократы с двадцатью четырьмя завитками на наручье не женятся на куртизанках. Да и зачем ей умирать из-за зарвавшегося глупца? Все аристократы рано или поздно двигаются умом – это Гермия уяснила еще со своим первым любовником, носящим завитки на запястье. Она мало разбиралась в обходных маневрах, обороне крепостей и прочем, зато полностью доверяла словам Луциана Валера, в уме коего ей пришлось убедиться. Расплатиться с долгами, оставшимися от отца, выдать замуж всех сестер и даже прикупить небольшое имение к югу от столицы – это надо суметь! А Луциан постоянно твердил любовнику, что тот творит глупость за глупостью. Но Илларию его не слушал – что ж, кто ему виноват? Кто виноват в том, что Север Астигат и его дружинники грабят города и деревни, сжигают и насилуют, отрезают уши и пируют в консульских покоях Гестии? Гермии отнюдь не хотелось быть изнасилованной толпой пьяных варваров да вдобавок остаться без денег. И нужно благодарить Инсаар Быстроразящих, что столица провинции Лонга так близка к столице империи Риер-Де – всего шестнадцать переходов! Именно поэтому всемогущий любовник императора заинтересовался ею и первым прислал письмо. В столице должны знать, что творит консул Лонги – тем более такой своенравный и независимый консул, как Илларию.

Впервые Данет Ристан написал Гермии больше года назад. Послание было вполне невинным – бывший раб восторгался красотой куртизанки, о коей ему якобы недавно рассказали, и спрашивал, какими украшениями она предпочитает оттенять свою прелесть. Она долго думала, отчего Данет обратился к ней, а не к Луциану, ведь мужчины во все времена понимали в войне и своевременных предательствах куда больше женщин. Возможно, Валер запросил с императорского любовника чрезмерно большую цену за нужные тому сведения. Что ж, Гермия раздумывала недолго. Тогда все шло прекрасно, Илларию был неизменно внимателен и щедр, но куртизанка все же ответила – просто так, на всякий случай. А вот когда дела пошли плохо, и Илларию ввязался в эту историю с мальчишкой-вождем, Данет начал задавать в письмах весьма предметные вопросы. И

получал подробные ответы... именно потому она и выкрутилась и теперь едет за наградой. Вовремя совершенное предательство – всего лишь предосторожность.

Цветущие кусты закончились. Теперь дорога вела прямо к Срамным воротам, и Гермия приказала рабыне, идущей рядом с носилками, достать сумку с косметикой. Стоит привести себя в порядок, вдруг сопровождать ее в императорский дворец будет какой-нибудь знатный и богатый приближенный Данета? Илларию самому следовало бы озаботиться расположением «ночного владыки», но консул слишком горд – вот и получит теперь за свою гордость. Она не хотела Илларию зла, но, как ни крути, убежать пришлось именно из-за него, а ей так было хорошо в Гестии! Теперь же придется все начинать сначала, а в двадцать восемь лет это не так-то просто. По крайней мере, переписка с Данетом обеспечила ей протекцию – и то хорошо. Конечно, сообразить, что дело не только в военных ошибках консула Лонги, было легче легкого. Наверняка и Данет Ристан, и император Кладий хотели добраться до денег Илларию, его рудников и земель раньше, чем это сделает жадная родня консула. И опять же, кто не велел Илларию отдать треть своего состояния империи? Или просто посылать Данету богатые дары?

В последних письмах она весьма подробно описывала каждый шаг консула. Данет же вникал во все мелочи и однажды спросил, не кажется ли прекраснейшей, что Каст предал Риер-Де. Гермия задумалась и пришла к выводу: авантюры, подобные той, что консул решил провернуть с Брендоном Астигатом, и не приносящие ничего, кроме лишних хлопот, весьма смахивают на предательство или, по крайней мере, на преступное небрежение долгом. Именно так она и написала Данету. А почему бы и нет? Затея Илларию провалилась – перебежчиков было мало, да и те вскоре вернулись к Северу Астигату, который казнил каждого десятого. А потом вождь лонгов взял четыре прибрежных крепости – что с того, что одну отбили? – и двинул войска на Гестию. Подобного никто не ждал – ведь осень уже почти на исходе, кто же воюет по распутице? Но сама природа словно встала горой за варвара – было сухо и довольно тепло, да и сил у лонгов оказалось куда больше, чем рассчитывал Иллариус. Гермия слышала, как консул говорил Луциану: «Лазутчики врут, Северу неоткуда так быстро взять свежих дружинников, да еще в таком количестве...» А после они узнали про вернувшихся перебежчиков и про ополченцев, и Валер заметил, что первые точно будут драться, как звери. Консул вновь рванул в войска, а Гермия и Луциан остались ждать его в Гестии. Куртизанка отправила Данету последнее письмо, и тот немедленно прислал короткую записку – гонец добрался из Отца городов всего за десять дней! – с четким приказом. Император Кладий повелевал дочери империи, бывшей процеде, собрать все сведения, свидетельствующие против преступного консула, и тотчас ехать в столицу. Чем больше доказательств небрежения и измены Каста она привезет, тем выше будет награда и сильнее благодарность к верной подданной императора. Гермия собрала все, что могла: копии приказов, даже показания свидетелей, – но отчего-то медлила. Ей все казалось, что Иллариус справится и не придется бросать его, Луциана, Гестию...

Дни тянулись томительно, а однажды на заре в город влетел отряд со страшным известием. Куртизанка подслушивала под дверью доклад командира отряда Луциану и квесторам консула: варвары в трех днях пути, войска не успеют догнать их и остановить! Вся надежда на неприступные стены города, мужайтесь, подданные империи Риер-Де!.. Голосили трубы, бегали по улицам командиры милиции⁹, из домов и лавок неслись бесконечный вопль ужаса, а Гермия все записывала и запоминала, даже провела ночь с командиром отряда гонцов, чтобы узнать новости из первых рук. Оказывается, потеряв в жестоком бою недавно взятую цитадель Диокта, Север Астигат неожиданно приказал

⁹ Милиция – здесь: отряды ополчения, в мирное время занимающиеся поддержанием порядка на улицах наряду с регулярной стражей. Во время войны отряды милиции использовались как вспомогательные войска.

своему войску повернуть на восток. Консул Лонги сухо сказал своим квесторам, что он тоже ученик стратега Максима и знает такой прием как свои пять пальцев. Север Астигат бешеная тварь, но не дурак и понимает: Гестию ему не взять и тем более не удержать, так что весь маневр придуман для отвода глаз. Вполне известная и опробованная с древности имперская тактика – заставить врага броситься наперерез. Иллариий Каст не купится на стол примитивную уловку. Имперские войска закрепились в отобранной цитадели Диокта и начали осаду трех других крепостей – варвар попросту бросил тамошние гарнизоны на произвол судьбы! – а драгоценное время уходило. Не миновало и декады, как армия лонгов была уже в предместьях Гестии. Иллариий ошибся: варвар вовсе не обманывал его, он, видно, и рассчитывал на то, что консул заподозрит обман и не остановит вовремя...

Осада Гестии длилась всего пять дней. Вначале осажденные ждали подхода консульской армии, потом чуда – даже провели десяток обрядов, уповая на помощь Инсаар, но все было напрасно. На рассвете шестого утра толпы варваров проломили стену возле храма Быстроразящим и ворвались в город. Гермии тут же припомнились мрачные предсказания Луциана о гневе нелюдей за остановленный Ка-Инсаар. Самого Валера она не видела с третьего дня осады. Может, он тоже провел ночь с командиром гонцов и тоже все понял? Кто знает? Гермия пробовала убедить командира бежать с ней – ей приглянулся молодой и храбрый парень, да и спутник в дороге не помешает, – но тот едва не влепил ей пощечину. Он рвался умереть на стенах. Дурак. Впрочем, аристократы все дураки. И не ей, с рождения предназначенной для усад, вынужденной въезжать в города через Срамные ворота, показывая страже татуировку храмовой процедуры под грудью, жалеть аристократов. Хотя Иллариия все равно было немного жаль... Увидев из окна своей комнаты, как полыхают подожженные варварами предместья Матери городов Риер-Де, куртизанка методично собрала все улики, запечатала в кожаный пакет и вместе с рабыней выбралась через подземный ход, о коем знало не больше двадцати человек во всей Гестии. Когда они отъехали на риер от стен, Гермия остановила свою кобылку, подаренную Иллариием чистокровную Нарду, и даже заплакала, глядя на розовеющие в свете утра купола... Гестия, прощай!

Они неслись через городишки и деревни, где мужчины готовили оружие, а женщины орали от страха и рвали на себе волосы. Во всех храмах горели жертвенные огни, и Гермия знала: немало процедур платят сейчас своими задницами за ошибки Иллариия Каста. Имперцы пытались умилостивить Инсаар, так что жрецы и магистраты старались всюду, ведь драть мальчишек – не с варварами воевать. Лучше бы быстрее собрали людей и вели на помощь! Проезжая через Миариму, Гермия задержалась на постоялом дворе, решив позавтракать. Им долго ничего не несли, и куртизанка, разозлившись, послала рабыню поторопить хозяев. Та вернулась без еды, зато привела с собой рыдающего мальчишку лет тринадцати. Гермия сразу заметила знакомый знак под левым соском и неловкую походку враскоряку – парня долго пользовали. Бросить мальчишку просто так она не могла – он ведь почти брат ей, такой же процедур, как и сама Гермия когда-то, так что пришлось задержаться. Пока они отмывали и лечили беднягу, изнасилованного разъездом милиции, естественно, совершенно бесплатно – во время войны воинам не до таких мелочей! – куртизанка со злостью вспоминала Брендона Астигата. Юный процедур был похож на молодого варвара – такой же белокурый, с тонкими чертами лица, стройная фигурка и упругие оттопыренные ягодички. Иллариий возился с варваром, как с собственным братом, а чего ради? Девственник в шестнадцать лет – Гермия обомлела, услышав признание мальчишки, что он ни разу не проходил Ка-Инсаар. Хорошо еще, что предупредил, не то из-за глупости Иллариия, не удосужившегося узнать такие тонкости, Инсаар размазали бы ее на месте за попытку соблазнить девственника, отнять у них законное. А возможно, консул все знал и намеренно решил от нее избавиться? Но ведь самого Брендона за нарушение запрета покарали бы еще страшнее!

Консул был со странностями, вот точно, и теперь платит за них сполна. Гермия надеялась, что платит и Брендон, который так странно исчез. Правда, Иллариий был уверен, что его выкрали по приказу брата, но кто может знать? Кто может хоть что-то знать в такое страшное время, когда пылают города, по всей Лонге стоит стон, а уже взятая Гестия всего в шестнадцать дней пути от столицы Риер-Де!

Куртизанка слышала разговоры о том, что, будь у Севера Астигата больше воинов, императору следовало б отозвать легионы из Кадмии и других провинций для защиты столицы. Но слышала и другое. Иллариий и Луциан всегда говорили: империя не может послать в Лонгу еще войска, ведь в других провинциях есть свои Северы и Ульрики Рыжие... Да только, добавлял Иллариий, ни в одной провинции варвары не дерутся так отчаянно, и ни одна из них не находится так близко от столицы. Что ж, остается теперь надеяться на прославленный ум любовника императора и верить: Данет Ристан знает об угрозе, покарает консула, если того только не убьют варвары, и приведет в провинцию новые войска. А Иллариия ждут суд, изгнание, возможно, даже плаха. Топить его будут все: император, желающий наконец добраться до его денег, родня – в надежде, что им тоже что-то перепадет... А Гермии остается лишь правильно распорядиться достигнутым, не упустив ни грана честно добытых милостей. Рабы опустили носилки у кованых ворот, и куртизанка последний раз глянула на себя в зеркало. Хороша, несмотря на годы и дорогу! Полог распахнулся, внутрь носилок заглянул высокий стройный центурион, поклонился коротко и проговорил густым басом:

– Мудрый Данет ждет прекрасную Гермию.

Цитадель Диокта, бывшая цитадель Великого Брендона

В крепости был полный разгром – только и успели, что поснимать трупы со стен и смыть кровь с плит. Достойное жилище для бывшего стратега империи Риер-Де, ее же бывшего консула и в недалеком будущем государственного преступника. Иллариий улыбнулся своему отражению в огромной луже и присел на корточки. По воде пробежала рябь, утихла, а он все смотрел на себя, силясь понять – что же изменилось? Ах да, виски. У него виски поседели. Совсем незаметно, просто легкая серебряная паутинка. Он не знал, когда это случилось – когда исчез Брендон, когда сам Иллариий метался между разбросанными по провинции легионами, когда дрался за цитадель Диокта? Или, быть может, когда узнал о взятии Гестии, о своей очередной ошибке – и кинулся с отрядом в пять тысяч всадников наперерез варварам, но понял, что поздно? Ясно было одно: императорский указ, доставленный кружной, через земли остеров, дорогой – ведь прямая, через Гестию, теперь была недоступна, – точно не имел к этому отношения. Кладий отстранял его от должности консула, приказав передать полномочия самому старшему из квесторов и явиться в течение месяца в Риер-Де – одному и без оружия – для «справедливого императорского суда». Это было бы даже смешно, если б не было исчезновения Луциана, предательства Гермии, тысяч погибших... и Гестии в руках Севера – проклятого варвара, лучше запомнившего уроки преданного им Максима! Простейший тактический прием, значившийся во всех учебных трактатах как «тактика Марциев против Тирциев». Два брата Марция погибли в бою с тремя братьями Тирциями, а последний оставшийся в живых сделал вид, что бежит от врага. Тирции кинулись за ним, а воин развернулся и ударил первого мечом. Подобное отважный Марций проделал еще дважды, заслужив победу. Стратег Иллариий Каст не желал оказаться в роли незадачливых Тирциев и не побежал догонять якобы рванувшего к Гестии Севера Астигата. Но как Север мог решиться на такое и как ему удалось? Просто в голове не укладывается! Бросить на растерзание врагу своих воинов в крепостях, почти оголить собственную границу,

отважиться на безумный риск – ведь в Гестии одних мужчин, способных держать оружие, больше двадцати тысяч! Это после поражения Иллариий все взвесил и все продумал, в том числе и за своего лютого врага. И теперь решение почти оформилось, осталось получить последнее подтверждение... точнее, собственными ушами услышать, что его ждет.

Хорошо, что дни бегут так быстро, и время лечит все. Если не считать себя поверженным, все можно исправить или хотя бы попробовать. А не получится – так что ж... Если б за его ошибки нужно было бы платить только ему, бывший консул Лонги просто уехал бы в свои владения доживать дни жалким неудачником. Но, сделав тысячи подданных империи заложниками собственных решений, он имел право только на одно – в случае окончательного проигрыша броситься на меч. Узнав о взятии Гестии, Иллариий прикинул, как скоро последует императорская кара, спокойно и холодно подсчитал потери и оставшиеся в его распоряжении ресурсы. Сидел с квесторами прямо у дороги и считал, вычерчивая по карте, а душа корчилась от муки. После, уже вечером, он выбрался за лагерьный часток, сел на землю, а висевшая над лесом багровая луна словно смеялась над ним. Загубил доверившегося ему Брендона, загубил полпровинции, о Циа и Гермии – никаких вестей, а во взятом городе сейчас крик и стон до небес!.. Он видел Севера, точно наяву, таким, как запомнил его в их последнюю встречу, в бою – в полном доспехе, золотые пряди по плечам, окровавленный меч и горящие злобой глаза. В этот миг варвар наверняка пьян и любителю на своих удалых дружинников, а город уже горит, как сгорел Остриум. Только б Циа и мальчишкам-квесторам удалось уйти! Иллариий воззвал бы к нелюдам с просьбой о помощи – не себе, своим людям! – вот только никогда не верил, что Инсаар могут помочь. Нелюди способны лишь жрать. Брендон считал иначе и изрядно насмешил консула своей верой во всемогущество Быстроразящих. Иллариий объяснил тогда, что ничего божественного в Инсаар нет, они лишь вершина пищевой цепочки. Так человек может съесть козу, а лев – и козу, и человека, только и всего. Мальчик искренне возмущился, даже насутился. Что ж, в шестнадцать лет хочется верить в сказки. Брендон и верил, да где он теперь?!

В тот вечер консул Лонги просто повалился ничком на землю, набрав полные горсти прелой травы, и лежал так с час – молча, и душа его замолчала, казалось, навсегда. Наверное, тогда у него виски и поседели. А потом встал и пошел проверять караулы, и легионеры шарахались от него. От бывшего консула Холодное Сердце. Но можно стать бывшим консулом, даже бывшим аристократом – а как стать бывшим человеком? Либо нужно драться до конца, либо... выбора у него нет. И императорский приказ о его отстранении ничего не изменил, только добавил горечи. О деяниях, перечисленных в свитке, могли знать лишь находившиеся совсем рядом с ним: доверенные квесторы, Циа и Гермия. Про своих мальчишек он знал все – кто погиб, кто при деле, а вот любовник и куртизанка пропали. Уже позже он узнал от сумевшего выбраться из города центуриона, что Гермия подбивала того бежать с ней, а Луциан Валер пропал еще на третий день осады. Вот так! Они оба его предали – и куртизанка, на которую он не жалел денег, и любовник. Но Циа хватило совести уйти просто так, не нагадив напоследок. И на том спасибо. Требовать, чтобы советник остался, было бы смешно – Циа никогда его не любил. Впрочем, Иллариия Каста вообще никто не любил, даже отец и сестра. Оставалось только повторять, как заклинания, слова, некогда сказанные Максимом: «Не думай об этом!»

Но больше всего Иллариия потрясло то, как приняли императорский приказ командиры легионов и простые легионеры. В глубине души он понимал: будь все по-иному, у него просто не хватило бы сил драться дальше.

Бывший консул Лонги сидел в своей палатке и ждал. Чего угодно – что его сейчас возьмут под стражу, а то и убьют на месте, что небо рухнет на землю, что перед ним

появятся Инсаар, дабы покарать его за сорванный обряд – святотатство, коего не прощают. А дождался... ко входу в палатку пришли командиры легионов, четверо из пяти, и тридцать восемь командиров когорт – из сорока шести, бывших у него в подчинении. И командир Первого грубовато буркнул:

– Консул, когда будет совет? Солнце садится.

Вот так, нарочито обыденно. У него хватило дурости брякнуть:

– Я больше не консул. Вы это знаете.

Они в ответ загомонили разом:

– Ты нам жалованье платил, Илларий Каст!

– У меня в Гестии жена и дети!.. Илларий!..

– Плевать я хотел на Кладия и его любимчиков! Зажрались, а мы тутдохни!

– Пока новый консул приедет, Север всю провинцию возьмет!

– Ты ученик Максима, мы тебе верим! Тебе, Илларий, – не императору!

– Если я тебя предаю, меня ж собственные легионеры пришибут!.. Они за тебя горой, Илларий!

– Ты консул, Илларий Каст!.. Присяга!..

Неизвестно, сколько бы еще они кричали так, но Илларий им не дал – встал, улыбаясь, и провел совет. А наутро легионеры, несмотря на указ, принесли новую присягу. Не все – треть воинов ушла, не желая признавать его командиром, кое-кто просто отказался выполнять приказы, но таких быстро повышвыривали за частокол, заявив: пусть убираются прямо в лапы Северу! Бывший консул понимал, что заставило войска поддержать его. Легионерам все равно, где воевать – в Лонге ли, в Кадмии, в Перунии или в других провинциях, а он платил щедро. И, кроме того, у многих в Предречной были семьи, дети, дома... Лонга – их родина, идти им некуда, и потому они предпочли сохранить опальному консулу верность. Загадкой оставалось лишь одно: как они могут верить ему после всех его ошибок, но на этот вопрос ответа не находилось. Пока имперская армия приносила присягу и перегруппировывалась, пришло известие об участии Гестии. Просто чудо – но Север Астигат не сжег город и не отдал на разграбление. Больше того, части горожан даже позволили уйти – в основном, старикам и детям. Оставшимся пригрозили казнями в случае попытки восстания, потому те сидели тихо. Впрочем, варвары их почти не трогали...

Когда Илларий услышал новости, у него отлегло от сердца, а в голове мгновенно сложился план. Вернувшиеся рассказывали, что варваров наберется тысяч двадцать, а может, и меньше. Север расселил их частично в самой Гестии, частично по предместьям. Все верно – сколько-то воинов нужно было оставить во взятых крепостях, часть защищала речную границу, и еще сколько-то стояло под Трефолой в качестве резерва. Как поступит Север, если двинуться сейчас быстрым маршем к реке, объявив о намерении перейти границу, и начать захват Заречной? Усидит ли варвар в Гестии, зная, что приграничные войска могут не сдержать имперцев? План был хорош, командиры его одобрили, и

Иллариий приступил к выполнению. Но, приехав в цитадель Диокта, чтобы на месте проверить, не будет ли самоубийством форсировать Лонгу во время осенних дождей, он вдруг подумал...

Кто знает, что именно навело его на эту мысль – может, память о разговоре с Бренденом о странных лесных обрядах или вид уже по-осеннему холодной реки, величаво катившей свои воды, а может, не дававшие покоя горькие мысли. Долго ли самозванный консул продержится в провинции без поддержки императора? Сможет ли выиграть у Севера войну? Пришлось честно ответить себе: нет. Денег и снаряжения теперь так просто не получить, люди Кладия начнут охоту на осужденного – а его осудят заочно, тут сомнений нет! – да и Север вполне может плюнуть на захваченные становища и даже на сгоревшую Трефолу. Просто прикажет соплеменникам уйти в леса, и все. Дикарям не привыкать, а легионы не смогут гоняться за ними по непролазной чащобе... Нужно придумать нечто, способное вернуть утраченное – раз и навсегда. И он придумал. Здесь, в разгромленной после двух осад и штурмов комнате Брендона, откуда мальчишка пропал. Ночью Илларию приснился сон. В жизни все было так и одновременно не так, но было!

Он сам и Север в алых с золотом праздничных туниках. Сын вождя лонгов как-то сказал Гаю Арминию, что империю можно возненавидеть за одно только требование ходить с голыми ногами. Гаю пришлось согласиться, что в лесах куда удобнее воевать в штанах, хотя ни один аристократ по собственному желанию их не наденет. Но в тот день был какой-то праздник, и, уж конечно, Север не посмел явиться без формы, хотя в свободное время частенько напяливал эти самые штаны, да и Сильвия подбивал. А тогда Иллариий сидел от варвара в двух шагах и привычно злился, устало думая о презрении Севера к неженке-аристократу. И правильно презирает. Варвар прилюдно оскорбил его – да так, что не прощают, извалял в песке... а аристократ Риер-Де сидит и глаз не может оторвать от загорелых бедер под задравшейся алой тканью, от внезапно сжавшейся на подлокотнике плетеного кресла руки. Неожиданно Север ослабил хватку и легко провел ладонью по дереву, точно оно живое. И Илларию до обморока, до боли захотелось стать этим креслом. Вот сейчас Север чуть обернется к нему, жесткая, но ласковая рука ляжет на его колено, а губы прижмутся к губам... и все исчезнет – вражда и ненависть, татуировки и завитки на наручье, одинокие ночи и пробуждение на испачканных семенем простынях. Все будет не так – иначе, и будет хорошо! И Север обернулся. В серых прищуренных глазах была усталая насмешка. Над Илларием, над самим собой. Над глупым, невысказанным желанием чего-то лучшего, чем уготованная им доля...

Он проснулся со стоном и, вскочив на ноги, с полчаса бегал по комнате, натываясь на еще неубранные обломки мебели. А потом позвал квестора, писца и командира Первого легиона и сам написал письмо. Воины и старый писец в недоумении разглядывали внезапно ошалевшего консула, а он писал торопливо, не задумываясь, понимая, что эта мысль давно зрела в сознании, а теперь просто оформилась. Потом заставил писца переписать послание вождю лонгов Северу Астигату, а квестор и командир легиона заверили свиток своими подписями и печатями. Это был документ, неопровержимое свидетельство сумасшествия Иллариия Каста – или свидетельство его гениальности. Иллариий думал так и смеялся. Хорош стратег, зовущий врага не на бой – на Ка-Инсаар. Не драться до смерти железом, а любить друг друга, если это можно назвать любовью...

Пора уходить. Ветер по-прежнему гулял по двору, комкая воду, точно тряпку. Следить за этим было забавно, но подчиненные вполне могут решить, что командир окончательно сошел с ума, оттого и сидит уже час возле лужи во дворе крепости... Но Иллариий сидел не просто так, он ждал. И дождался.

Есть простые воины, коих консулы не вызывают к себе, но приходят к ним сами – в знак уважения. Фабий Лот как раз из таких. Командир декады был почти легендой – двадцать лет он пробыл в плену у лонгов и остался в здравом рассудке. Во время союза с отцом Севера старика обменяли, и он в свои шестьдесят с лишком служил, как молодым и не снилось. Сейчас консул в последний раз все уяснит для себя, и пути назад уже не будет – гонец, тот самый квестор-свидетель, понесется через выжженную войной провинцию, а спустя шесть-семь дней письмо ляжет Северу на ладонь.

Фабий переминался с ноги на ногу, хитро поглядывая на Илларию из-под нависших грязно-серых бровей.

– Скажи мне, Фабий, – начал было Илларий, но командир декады перебил его:

– Нет, это ты мне скажи, консул, – лукавый смешок, – когда нам тут бабы будут?

– Какие бабы, Фабий? Все бабы либо там, – Илларий махнул рукой в сторону реки и земель варваров, – либо в Гестии. Выбирай, какие тебе больше по вкусу. Остальных пораспугали.

– Ну и ладно, – не расстроился старик. – Пойду тогда молодняк тутошний за попки потискаю! – Силен Фабий, силен. Самое смешное, что любовники у него были действительно молодые. Особенно жались к старику деревенские парни, обалдевшие на военной службе – Фабий их привечал и утешал по-своему. Илларий невольно улыбнулся, поболтать бы, но времени мало. И потому спросил в лоб:

– Ты видел, как лесные народы заключают союзные договоры, принося жертву Инсаар? Сам, своими глазами видел? И как карают нелюди за нарушение союза? – и принялся, сжав зубы, ждать, пока Фабий покряхтит и соизволит открыть рот. Если все получится, Илларий Каст никогда больше не сможет назвать Севера варваром. Унижая того, с кем делил ложе, унижаешь себя – непреложный закон собственного изобретения. Ха, Мать-Природа величайшая, есть от чего сойти с ума!

– А как же! – воин уселся прямо возле лужи, подстелив под себя плащ, и консулу пришлось вновь опуститься на корточки. – Хорошо заключают, весело. Собираются, костры зажигают, пьют, а потом и дело делают. А жрецы ихние тож не зевают, сам видал, как Инсаар на лесные обряды приходят. Ну и карают Неутомимые, а как же! Вот один раз...

Илларий слушал пространный рассказ о том, как на нарушившего договор лонга свалилось дерево и ветви проросли внутрь тела преступника, умершего в страшных муках. Помочь ему хоть чем-то никто не посмел – воля Инсаар. Слушал и другие рассказы – внимательно, отмечая каждое слово. Договор жертвенного Дара не может быть расторгнут, а цена за предательство – смерть. Лютая смерть от руки нелюдей или самой природы. Было страшно. Очень страшно, но Илларий не позволял себе сомневаться. Мог ли он представить себе, когда десятилетним мальчишкой впервые прочел о союзе между прадедом Севера и вождем Инсаар, что через пятнадцать лет предложит лонгу заключить такой договор? После разговора с Бренденом о йо-карвире Севера Астигата, Илларий старался найти любые сведения о лесных союзах. И как было не искать, если мысли о том, что Север любит кого-то и любим, не давали спать ночами? Так он и узнал о смерти того самого лигидийца. Что подумает Север Астигат об имперском консуле, приславшем такое письмо? Баста! Север, как и сам Илларий, правитель и политик. Он станет думать не о

каких-то там чувствах, а о том, что воинов у него не хватит даже для охраны Гестии, не говоря уже обо всей территории Предречной Лонги, а впереди зима. Где брать припасы, когда ляжет снег? Зимы в Лонге суровые. А еще вождь лонгов станет думать о том, скольких воинов потерял за лето и осень и скольких еще потеряет, если жители взятой Гестии – да как же у него получилось ее взять?! – поднимутся против него. Город ляжет ему на плечи тяжелой ношей, которую не сбросишь – если уже не лег! А Иллариий Каст предложит будущему карвиру – не любовнику, ведь это случится только раз, нелюди получают жертву, и союз будет заключен! – честную сделку: Гестию в обмен на мир лесным племенам. Консул отведет войска от границы, Астигат вернет город – и император будет вынужден смириться, потому что куда как лучше иметь под боком, в шестнадцати днях пути, провинцию, пусть не смирившуюся, но хотя бы не полыхающую огнем, и консула – пусть не победителя, но союзника давнего врага. А союз на Ка-Инсаар не нарушишь. Фабий все продолжал рассказ об ужасной каре нелюдей, повествуя о первом походе Брендона Астигата Старшего против трезенов. Те обманули тогда своих союзников – племя с непроизносимым названием, – и Инсаар прикончили вождя-предателя, кинув растерзанное тело прямо под ноги преданного им карвира. Замечательно. Просто чудесно. А Север согласится! Чтобы белобрысый дикарь не принял такого вызова? Скорее небо рухнет на землю! Он же так хотел унижить и растоптать неженку-имперца и уверен, что с легкостью добьется своего. А не выйдет у тебя, тварь ты бешеная! Не завалишь! Не зря нежный аристократ три года тяжести таскал, наращивая мускулы, не зря дрался с самыми сильными воинами и никогда не прятался от боя. Сам под неженку ляжешь... отчего он никогда не может думать о Севере спокойно? Наваждение какое-то.

– Хватит, Фабий, ты меня уже достаточно запугал, – консул отстегнул с пояса флягу с гестийским и протянул старику. – А теперь скажи: те, кому надевают на бедра кожаный ремень, выглядят... хм... очень недовольными?

– Смешной ты, консул, – старый воин сделал изрядный глоток и довольно крикнул. – Лонги на Ка-Инсаар насилия не понимают, потому их нелюди и привечают больше. Давно уж сказать хотел: верно ты сделал, что наши обряды поменял. Бесятся Инсаар от крови и боли, но берут жертвы, куда им деться? А у лесных народов все по согласию – это ж праздник у них, Ка-Инсаар-то. Никакого оружия при обрядовой схватке, никаких тебе повреждений. В горло бить нельзя, в пах – тоже. Но дерутся все равно на совесть. Жертву-то Ненасытные принимают, когда... ты уж прости за грубость, да... в общем, когда верхний в зад засадил, а до того драться можно – вдруг еще победишь? Но на обряд оба добровольно идут, так что, какое уж тут насилие. Да и победивший старается любовнику хорошо сделать, иначе свои же и задразнят: что ж ты за мужик, мол, раз другого мужика взять не можешь так, чтобы он от счастья орал, не от боли. Полезный обычай.

Да, ни он сам Северу, ни Астигат ему явно не станут стараться доставить удовольствие, не тот случай. Губы будто свело в застывшей улыбке. Но союз будет выгоден им обоим, и баста! Север без потерь и с выгодой для себя избавится от Гестии, получит мир, а сам Иллариий вернет консульскую должность и не будет казнен как изменник, загубивший провинцию. Остальное неважно. К тому же неженка-аристократ победит, думать иначе просто нельзя – а ведь думается. Фабий продолжал булькать вином, и Иллариий вдруг – довольно некстати! – вспомнил свой первый Ка-Инсаар. Тогда он тоже был уверен, что будет сверху. В знатной семье иначе невозможно, ведь мальчик, начиная путь мужчины, должен почувствовать свою силу – будущую силу империи Риер-Де. А власть – так уж заведено от века – легче всего показать с рабом. Но, увидев будущего любовника, коего ему купили нарочно к первому обряду, девственник Иллариий взбрыкнул. Мальчишка-раб, почти ровесник пятнадцатилетнего аристократа, стоял прямо, но по выражению лица было ясно: боится, очень. Как он признался потом, боялся, что не угодит

и его вернут в веселый дом, где пьяные купцы имеют привычку пользоваться его скопом, а они не слишком часто моются... Мальчик был красив, стало жаль. Кроме того, тогда Иллариий носился с дурацкими идейками, подцепленными от ораторов на столичном Форуме: люди рождаются равными, и для Инсаар нет ни рабов, ни господ, ни варваров, ни имперцев. Преступление принуждать кого-либо к любви, ведь перед тобой живое, мыслящее существо, такое же, как ты сам! После глупые мысли о равенстве отправились туда же, куда и паршивые стишата собственного сочинения – в огонь! И хватило для этого всего лишь одного бунта рабов в столице, когда юный аристократ сам отбивал от обезумевших от ненависти и дешевого вина скотов дочку управляющего. Ее он отбил, им обоим в ту безумную ночь удалось выжить, а вот всю семью девочки истязали и убили страшно. Те самые рабы и варвары, о коих пекся юный дурак. После этого внук Гая Каста придумал себе другие идеалы: равенство хорошо там, где варваров держат в узде.

Но в свой первый Ка-Инсаар он желал насладиться неподневольной любовью сполна и, бросив мальчишке-рабу полный кошелек, отправился в спальню приятеля отца. Тот был изрядно пьян по случаю обряда – может, потому и не выпроводил нахального девственника восвояси. Иллариий сам разделся перед ним и обнял за шею, а после помнил только то, как ловкие пальцы долго ласкали его внутри, как он стонал и просил большего... и когда любовник взял его, задыхающегося от желания, то боль была совсем малой, наслаждение уничтожило ее. Наутро его объявили взрослым – он принес жертву, стал мужчиной...

Он всего несколько дней провел в положении йо-карвира – все с тем же приятелем отца. Потом того отослали консулом в богатую провинцию, а другие любовники Иллариия – их было немного, не везет ему с любовью – сами не желали торжествовать над его телом. Но память об испытанной радости отдавать себя все еще жила в нем. Память и неотвязные мысли: каково отдаться любимому человеку? Не случайному прохожему в твоей жизни, а тому, на кого не можешь наглядеться, кем не можешь насытиться? Никогда ему этого не узнать, никогда. Если Север согласится на обряд и союз, ничего подобного не будет! Они лягут вместе только раз – из обоюдной выгоды. Иллариий резко поднялся и ушел, не обращая внимания на то, что бубнит вслед старый воин. Он услышал, что хотел, и хватит. Решение принято.

Через час консул Лонги, проводив квестора Публия к Северу Астигату, стоял у окна со сломанной решеткой, глядя на одинокие искорки звезд в темном небе. В этой комнате точно творилось дикое и страшное. Брендон исчез именно отсюда, а ведь тогда Иллариий велел прочесать всю округу. Искавшие легионеры не нашли и следа выкрававших мальчика сородичей, даже намек на следы бегства – теперь же самому консулу в голову лезла такая муть... Он отчаянно переживал за Брендона, и даже война не могла вытеснить эти мысли. Оставалось только надеяться, что Север пощадит брата. И пощадит самого Иллариия во время обряда. Нет, нельзя, даже думать о таком нельзя! Консул в отчаянье прикусил губу. Север очень силен, но ему не победить! Нет. Нет! Иллариий прижался пылающим лицом к холодной стене и застонал сквозь зубы. Плоть напряглась под туникой, пришлось прижать ладонью... внутри что-то сжималось сладкой судорогой – неуправляемое, всевластное. Он в бессильном бешенстве ударил кулаком в стену в надежде, что хоть боль немного отрезвит. Не помогло. Приказать привезти сюда любого из тех деревенских парней, чьи попки обожал тискать старый Фабий? Иллариий знал: не поможет и это. Ему никто не был нужен, вот в чем беда... никто другой. А квестор Публий уже мчался через равнину, и в суме у него лежал вызов, написанный собственной рукой

заклятому врагу. Вызов войне, вызов судьбе. Вызов собственной горячей крови и столь же горячей крови Севера. Вызов...

Гестия, Мать городов

Вождь лонгов хорошо представлял себе, насколько может поразить воображение олухов, только что вылезших из чащобы, огромная Гестия. Сам онемел от восторга и ужаса, когда впервые махину эту увидел. Но тогда рядом были соратнички-квесторы, и он старался глядеть на три ряда массивных стен так, словно в родном лесу эдакое завести – раз плюнуть. Но Трефоле куда как далеко до столицы Предречной Лонги! Теперь старшины поймут разницу, раз и навсегда усвоят и будут стараться сократить разрыв между двумя городами. Так что пусть любуются, а то так и помрут болванами... На совете они то и дело вскакивали с мест, сиясь заглянуть в широкие застекленные окна. Не ерзали, пожалуй, только Крейдон да бывший шиннард лигидийцев Верен. Крейдону не позволяло достоинство верховного стратега племенного союза – именно так будет зваться шиннард после войны, пора дружину перестраивать, а лигидиец от природы был спокойным. Так же спокойно, как сейчас, он подошел к Северу в ночь поминок по Алеру и другим погибшим возле реки. Подошел и сказал: коль скоро род вождей лигидийцев прервался, ибо нет у Алерея, сына Абрака, братьев и сыновей, то совет старейшин племени решил передать власть карвиру погибшего вождя – правителю лонгов Северу Астигату. Север слышал от стариков, как такое бывает. Еще лет пятьдесят в лесах будут помнить о племени лигидийцев, а после уж никто не отличит их от лонгов... Он не знал, что сказал бы на это Алер, но согласился, мысленно попросив у йо-карвира разрешения. Вождь не слишком верил в Стан мертвых, просто ему тогда до боли хотелось увидеть Алера, поговорить с ним... С живым много не разговаривал.

Теперь лигидиец Верен стал старшиной войска племенного союза. Воины его уважали за рассудительность, спокойствие и немногословие. Вот и сейчас он смиренно сидел на лежанке – не прыгал, будто блоха, не трещал сорокой. Север хотел было прикрикнуть на дружинников: на город, мол, и со стен полюбоваться можно, необязательно этим заниматься в покоях вождя, но промолчал. О чем говорить, все говорено-переговорено, а толку-то? Они в Гестии как в ловушке, а скоро зима на горле петлю затянет. Ночуя в спальне Иллария, сидя со своими воинами в одетых мрамором, серебром и бронзой покоях, он обреченно понимал, насколько еще глуп – и молод, молод!.. Опыта не хватает. Что ж, опыт наживается ошибками, слезами, кровью – и погребальными кострами. Иначе никак, видимо. Так говорил отец, ставший вождем почти в тридцать. Так говорил и консул Максим, проигравший свое первое сражение в двадцать пять... Да ладно, если поражение комом в горле встает – оно понятно, а вот как быть, если победить ухитрился так, что хоть со стен бросайся? Может, он просто устал, оттого и не замечает очевидного выхода? Нет, старшины тоже не замечают – а ведь многие из них куда как опытней его! Да только такого опыта у лонгов пока не случилось! «Вы делаете историю, мальчишки», – говорил им с Ларом Максим. Делают, а как же – из такого дерьма, что и не рассказать. Но история, видно, только из дерьма и делается. Интересно, а что думает по поводу своей роли в истории сидящий у реки Илларий? Решится ли он перейти границу и начать захват Заречной, как обещал? Лонгам это повредило бы, конечно, но не так уж страшно – Север загодя приказал в случае наступления имперцев отстаивать лишь Трефолу, а прочим уходить в леса и бить имперцев мелкими отрядами. А если столицу отстоять не выйдет... что ж, камень не горит, а деревянные дома можно заново отстроить. Имперцы со своими городами куда больше носились. Вон какой вопль поднялся: варвар взял Гестию! До сих пор подобное удавалось лишь царю народа абиллов. Пятьдесят лет назад он сжег имперский город, построенный на его земле, вырезал тысяч сто имперцев, и

с тех пор Риер-Де к абилам уже не совалась. Но Абила в двух тысячах риеров от Отца городов империи, а Гестия – всего в трехстах с небольшим, есть от чего перепугаться. Только император мог бы и не трястись – воинов у варвара Астигата не хватит даже, чтоб толком Гестию отстоять, а об угрозе столице Риер-Де и думать нечего.

– Вождь, дозвожь? – прощенный предатель Пейл чуть привстал и поклонился. Новую моду завели – кланяться, надо же! Думали б лучше побольше.

– Говори, – буркнул Север, усаживаясь поудобнее. Сидеть в кресле Холодной Задницы было приятно – и потому, что он все же обставил консула, и потому еще, что это было кресло Лара. Смешно.

– Может, нам еще кого-нибудь из города выставить? И спокойнее, и припасов меньше уйдет. А, вождь? – дельно говорит, да всех из города не выпрешь. Мужчин, способных оружие в руках держать, не выгонишь – мигом потопают к Илларию или в отряды милиции, что рыскают по равнине вокруг города. А продолжать держать их в казармах, переделанных под тюрьму, тоже долго не получится – ну сколько они там просидят еще? И где еды брать, чтоб столько ртов кормить? Собственным воинам скоро есть нечего станет – подвоза-то нет, остается грабить округу. И много там награбишь? Уйти из города, оставив все, как есть? Так в спину ударят, в клещи возьмут. И сжечь Гестию нельзя – больно велика. Начнешь вырезать и жечь – горожане поднимутся, руками рвать станут. И за кем победа останется, не скажешь, пленников-то много, да половина из них воины.

– Выставить-то можно, ясное дело, – встрял в разговор шиннард. – Баб, детишек, которые остались... да только после того мужики нам в глотки вцепляться начнут.

– За любую попытку к бунту – резать, – отрубил Север. – А прежде сказать еще разок: если дергаться не станут, останутся живы. Может, задумаются, – он не слишком верил своим словам, но что еще оставалось? Только запугать пленников и готовиться к зиме. А подморозит, просохнут дороги, видно будет. Если Иллариус все же возьмет Трефолу, Гестию придется сжечь. Но как?

– Стену бы залатать, – задумчиво пробормотал лигидиец Верен. – Стены тут мощные, много камня надо...

Севера даже передернуло. Он уже слышал – и от воинов, и даже от пленников – про несуществующий пролом, да такой, что пять телег разъедутся. Все видели, как лонги ломали стену – он и сам видел, своими глазами, – а после пролома не оказалось. Его попросту не было, не существовало. Все вообще пошло наперекосяк. Они соорудили катки, чтобы без лишнего труда доволочь катапульты до Гестии, но штурмовать стены в три ряда – наружная толщиной чуть не с два человеческих роста – и попусту класть людей Север не собирался. Осада займет недели две, а то и месяц, за это время горожане вымотаются, ослабнут... а Иллариус, и гадать нечего, быстрым маршем рванет к городу. Здесь его встретят и возьмут в клещи – тем более что все легионы он не поведет, только конницу, а защитники города будут не в том состоянии, чтобы оказать помощь консулу.

Но город пал на шестой день. Север увидел с седла, как от удара каменного ядра рухнула стена, подняв тучу обломков, и глазам не поверил. Пригнулся в седле, посылая коня вперед, не думая о стрелах... Пролом был, и в него рвались воины, на ходу закидывая за спину щиты, обнажая мечи – но драться там было не с кем. Бой закипел только за вторым и третьим рядом, который лонги преодолели с помощью осадных лестниц, а за

первым их встретила тишина. Тишина и трупы. Север нагнулся над ближайшим, увидел восковую бледность, будто из человека высосали всю силу и жизнь, – и сердце замерло в груди. Раньше он считал, что выражение это просто для красного словца, теперь понял: нет. Действительно замерло, перестало биться – от понимания и ужаса. А когда в голове прозвучал знакомый ненавистный голос, заколотилось бешено, и кровь бросилась в лицо.

– Получи свою победу, утка, – он, не оборачиваясь, видел выродка без куска сердца и новые трупы тоже – выпитые досуха тела городских стражников, легионеров, ополченцев. И видел, что пролом в стене исчез. Остались только распахнутые настежь ворота да иссушенные тела. И Инсаар – их было много. Собственные воины нелюдей не замечали – морок все еще действовал на них, а на него уже нет. Завтра все скажут, что войска Севера Астигата взяли город, проломив стену, и никто не узнает, как славно порезвились здесь нелюди и какой ценой досталась ему победа. Ненужная победа! Иллариус сохранил армию, они будут драться всю зиму, потом придет весна... И Брен будет платить бесконечными муками за военные успехи старшего брата, как уже заплатил за вернувшихся предателей и отпертые нелюдьми ворота.

– Я отказываюсь от условий союза, – Север обернулся так быстро, что нелюдь даже попятился, и поднял меч – не для защиты, для нападения. Хотелось прибить карьера прадеда на месте – и будь что будет! – Мне не нужны такие победы. Верни брата, слышишь?

– Сделка заключена, утка, и пути назад нет, – Инсаар привычно погладил вмятину возле сердца. – Твой брат жив. Ты же этого хотел?

Он хотел услышать, что Брен мертв! Знать, как они истязают младшего, было... да лучше меч в глотку. Вождь лонгов сделал осторожный, совсем неприметный шаг к Ненасытному – из этой позиции проще всего садануть в низ живота. Но Инсаар не человек, он понял.

– Назад, илгу! – рев будто ударил по голове, в ушах зазвенело. Север едва не свалился в лужу крови какого-то имперца, но все же устоял на ногах. Что-то невыносимо сдавливало виски, но он сопротивлялся. Внутри словно праща раскручивалась. Серо-зеленое лицо Инсаар вдруг исказила судорога, нелюдь вскинул обе руки к небу и растекся пятном клубящейся тьмы. Но голос продолжал грохотать: – Смерть посягнувшему на союз жертвенного Дара! Назад, илгу, иначе умрешь.

– Постой, нелюдь! – Север замер на месте, поняв, что еще шаг – и ему конец. Но он все же попробует поговорить с Быстроразящим. Просить.

– Верни мне Брена, именем прадеда тебя прошу! Ты ведь любил Райна Астигата? – с чего он это, собственно, взял? А ни с чего, просто чувствовал, и все тут. Тот, кто любил сам, всегда отличит любовь в другом. Тень вновь сгустилась, Инсаар теперь сидел на зубце стены, гибкая рука гладила шрам у сердца.

– Любил, – нелюдь качнул острым подбородком, – все короткие годы вашей жизни. Ты похож на Райна и так же глупо смел, потому я и не убил тебя пока. Но берегись, илгу. – Врешь, захотелось заорать Северу. Оттого не убил, что не можешь меня прикончить, нелюдь! – Брата я тебе не верну. За все надо платить. Поверь мне, так будет лучше.

Больше всего бесила невозможность предложить себя взамен Брена, как собирался. Вождь завел своих воинов в беспросветное дерьмо и не имеет права их бросить. Он

отвечал за каждого дружинника не перед предками, не перед Инсаар, не перед Вечным Лесом – перед самим собой. Но вот закончится война...

– Нелюдь! – заорал вождь уже пустоте – Инсаар без куска сердца исчез. Север еще несколько минут стоял, бессмысленно пялясь на плоды своей победы, потом кинулся догонять замороженных дружинников. К счастью, они Инсаар не видели, но тайна, которой невозможно ни с кем поделиться, убивала не хуже стрелы в легком. Жгла и ранила, не давала собраться с мыслями. До покоев Иллария Каста он добрался только на третий или четвертый день после взятия города, нажрался гестийского, как свинья, и рухнул на тонкие простыни, даже во сне чувствуя холод браслета Брена в ладони. Перед провалом в темноту он вдруг понял: брату нужна, как воздух нужна, его любовь – она привязывает к жизни. Что за чушь? На рассвете от снов осталась единственная мысль, неотвязно крутившаяся в голове: даров не возвращают.

А вот теперь он сидит рядом со старшинами и переливает из пустого в порожнее. Лонги не могут уйти из Гестии и не могут остаться. Тупик. Ловушка. Спасибо за победу, серокожий выродок! По галерее громко затопали сапоги.

– Вождь! – И когда они отучатся вот так врываться? Дикари, как есть. Что там еще случилось? Пленники восстали, не иначе.

– Мы тут поймали одного, – десятник едва сдерживал голосище.

– Не ври вождю, не поймали! Он сам поймался... этот... как там его?..

– Квестор Гай Публий, – с торжеством выпалил третий, в меховой шапке. Зимы еще нет, а уже мерзнут. Стой! Какой еще квестор?

В зал – здесь еще Максим советы проводил – втокнули парня в синей, изрядно замызанной тунике. Доспех, видно, уже содрали. Парень был незнаком, но квесторский символ на запястье Север узнал безошибочно.

– Вот! – Воины были горды безмерно, придется награждать. – Сам сдался. Говорит, письмо тебе привез от Холодного Сердца, да врет, поди. Ну ты, чего жмешься? Подойди к вождю, не загрызет. Пока!

Квестор поправил тунику, выпрямил спину. Ну да, аристократы Риер-Де умирают с гордо поднятой головой – по большей части.

– Консул Лонги, благородный Илларий Каст... – хрипловато начал парень. Потом откашлялся и продолжил: – ...шлет вождю лонгов послание и ждет ответа! – Ну и ну! И откуда воины эдакое чудо достали? А ведь, похоже, не врет квестор Публий.

– Благородный Илларий Каст больше не консул, – с мстительной радостью процедил Север и осекся. Лару, должно быть, жутко больно от императорского указа. И то сказать: столько сил и денег вгрозил в провинцию, и так отблагодарили.

– Мы принесли благородному Илларию новую присягу, – квестор поджал губы. – По закону он правит провинцией.

– Послание давай, – уж что-что, а законы Риер-Де Север знал. То, что командиры легионов и простые воины принесли Касту присягу, означало лишь одно: сейчас Илларий

– временный военачальник на территории, оставшейся без попечения власти императора. Консулов и преторов назначал только носящий венец Всеобщей Меры, но говорить этого вслух не хотелось. Даже он, враг, понимал, что с Илларием поступили несправедливо. Дружинники торопливо протянули ему запечатанный в дорожную кожу пакет – Каст всегда любил красивое, изящное... Письмо начиналось такими словами, что сердце вновь замерло, как тогда, у ворот. Эдак и заболеть недолго, зло подумал Север, сжимая свиток пальцами.

«Север!

Я предлагаю тебе то, что ценят и люди, и Инсаар Быстроразящие. Подумай и реши. Довольно войны».

Север читал и не верил своим глазам. Сам он дикарь неграмотный, письмо толком прочесть не умеет, ведь того, что тут написано, не может быть! Не может, но было. Иллариус знал все. И то, что враг умел читать, хоть и прикидывался неучем – по принципу: чем меньше о тебе знают, тем спокойней спишь, – и то, что согласится на безумное предложение, потому что сам попал в ловушку. Точнее, согласился бы, если бы хоть на миг поверил. Немыслимо, невозможно. Надо вслух прочесть, пусть и старшины послушают, может, вместе поймут? Он передал свиток жрецу, что прибил к ним еще с разгрома Остериума, громко вопя, будто лонги освободили его от тирании империи. Жрец читал отменно, но все равно стало больно. Брен бы прочел лучше.

«Мы встретимся в таком месте, где не устроить засады. Я загодя оговариваю условия, на коих согласен заключить союз: ты уходишь из Гестии, не предав город огню и мечу, а я отведу войска от границ. Взятые лонгами приграничные крепости останутся в твоих руках. Я также готов передать тебе цитадель Диокта, буде обязуешься ты не казнить с момента договора ни одного пленного. Я готов к войне, но не хочу ее больше. Союз выгоден нам обоим, и мы больше не мальчишки, чтобы думать лишь о собственной гордости. Жду твоего решения. Ка-Инсаар! И пусть Неутомимые примут нашу жертву!»

Дружинники молчали – долго. Они не оглохли, так почему молчат?! Что ему делать-то? Впервые в жизни Север чувствовал себя настолько растерянным, впервые ждал от них совета, а олухи словно в рот воды набрали. Неужели не понимают, что союз коснется их всех, навсегда изменив жизнь едва ли не миллиона человек? И можно ли верить Иллариусу? Но проклятый император прав – если не врет, конечно. Консул предложил выход, устраивающий всех.

– Ну, что скажете? – не выдержал вождь, и по их лицам понял: не дождешься сейчас совета. Они ошарашены не меньше. Но услышать того, что услышал, не ожидал.

– Так не велел же ты пока говорить, – пробурчал шиннард Крейдон. От этих слов стены точно завертелись в хороводе. Как это не велел? На совете лесных народов никто не ждет разрешения вождя, чтобы слово дельное вставить! Разрешения вождя не ждут, а вот приказа керла – вполне. Он больше не вождь, отныне он один – как какой-нибудь дуб на берегу Лонги, на всех ветрах, под всеми ливнями. Никто ему не посоветует и не поможет. До конца жизни. Север взял письмо из рук жреца и вновь перечитал. Холодная Задница рехнулся, или тут все же какой-то подвох. Но какой? Как будто все чисто. Дружинники, словно дождавшись приказа, загомонили что-то о вечно лгущих имперцах, с которыми даже за прошлогодний снег нельзя торговаться – схитрят; о том, что лучше бы поостеречься – ведь лютый враг вызов прислал! Лигидиец Верен сказал, что Холодное Сердце задумал что-то мерзкое, не иначе, а Крейдон вдруг вставил: «Да что он может

задумать, если место подходящее выбрать? Не нагнуть ему Севера Астигата!» – «Верно, – выпалил еще кто-то, – вождь всегда на Ка-Инсаар побеждал. И уж не аристократу тут справиться, он к обрядовым схваткам не привык, это тебе не пленных драть в колодках!» – «Да ведь мы не потеряем ничего...» – «Не делай этого, вождь!» Разноголосица отвлекала, мешала, вызывала бешеную ярость. Не вам, дурни, ответственность на себя брать! Вот она, цена власти. Не вам драться с тем, кого любил больше жизни... и любишь все еще, не ври себе. Лар, задница холодная, что ж ты такое удумал, что же ты со мной делаешь?

– Замолчали все. Совет распущен, – они и впрямь примолкли, только переглядывались между собой. – Будет так, как я сам решу. Крейдон! Поговори с квестором Публием да накорми его с дороги. И решите, где обряд пройдет, все там проверь, после доложишь. Ступайте.

Старшины вышли гуськом, Крейдон утянул за собой обалдевшего квестора, и Север поглубже вжался в бронзовое кресло. Он и не заметил, как решился. Холодная Задница издевается над ним – по-другому и быть не может! Ничего, получишь ты обряд, да такой, что месяц кровью ходить будешь, гадина... нашел, чем шутить. Вождь лонгов отбросил с лица рассыпавшиеся пряди волос и бессильно выругался. Если он победит – да даже если и проиграет! – то война закончится, и можно будет искать брата. Сейчас лишь об этом и нужно думать. И впрямь, не имперцу нагнуть его на Ка-Инсаар. Он поставит Иллария на колени и отымеет всласть, чтоб знал... Дурак! Не о том опять думаешь, вот же дурак. Лучше посчитать, сколько воинов сохранит он при таком раскладе – если, конечно, в предложении Иллария нет подвоха. Считай давай! И не смей представлять себе, что впервые получишь то, чего ждал пять лет – возможность просто дотронуться до Лара. Нельзя думать о таком. Нельзя.

Близ базилики Сарториска

В иные моменты человек всем своим существом чувствует, как мироздание встало на дыбы и вот-вот понесется во весь опор, и только от человека зависит, как повести себя в эту минуту. Можешь бросить повод и визжать от страха, зажмутив глаза, а можешь ухватиться за луку седла и постараться хотя бы не свалиться на землю. И уж глупее некуда в такой миг зацепиться мыслью за какую-нибудь мелочь и думать о ней неотвязно. Илларий знал это парадоксальное свойство своего ума. Иногда оно помогало сохранить лицо, а после в копилку баек о Холодном Сердце добавлялась еще одна. Вот и сейчас, стоя на широкой, густо поросшей пожелтевшим кустарником поляне, он думал не о зажженном ритуальном костре, не о шатре из шкур и даже не о сбросившем на землю плащ Севере, а о такой ерунде, что и сказать смешно. Илларий Каст вспоминал, чем прославился этот самый Сарториск, да так, что заслужил базилику. Помнилось, что Сарториск был остером, а вот дальше в память будто туману напустили. Но консул добросовестно перебирал известных ему правителей и жрецов остеров, надеясь, что на его лице сейчас выражение государственной озабоченности, и только. А вот Брендон сразу бы вспомнил, кто такой этот клятый Сарториск...

И консул, и вождь лонгов оставили своих людей на плитах базилики. Пусть зажигают костры, ставят палатки и шатры, жарят мясо, пьют вино и ждут. Место выбрано идеально, ничего не скажешь. Подобраться к базилике незамеченным попросту невозможно – кругом все просматривалось, а наблюдатели залезли на самый верх. Кроме того, Илларий послал воинов оцепить всю округу и не сомневался, что Север велел сделать то же самое. Они здесь в полной безопасности. Не смешно. Вот ни капли. Его

командирам и дружинникам Астигата тоже смешно не было. Если консула отговаривали до последнего, то лонги под конец вошли в раж и со свойственной варварам наглостью взялись требовать полного соблюдения обычаев. В осторожности особенно отличился командир Первого легиона, прямо заявивший: «Ты проиграешь, консул! Посмотри на варвара внимательней – на плечи, на руки, на походку. Не хочу сказать о тебе плохо, но против Астигата тебе не выстоять». Так и бубнил тихонько, со злобой косясь в сторону лонгов. А квестор Публий неожиданно запел, восторженно блестя глазами, здравицу Любви, побеждающей войну и смерть. Эх, мальчик, мальчик, это только в «Риер Амориет» любовь все побеждает, а в жизни Иллариус Каст и Север Астигат лягут на шкуры, подсчитывая прибыль – и правильно.

К Северу же напоследок подошел шиннард дружины и сказал: воины желают, чтобы Ка-Инсаар прошел строго по обычаю. Пусть правители принесут жертву, как водится в лесах, в присутствии командиров войска. Север ответил что-то – зло и резко. Из тирады на лонге Иллариус понял только слово «заткнись», остальные, видно, были просто руганью.

Да, Иллариус поставил такое условие: на обряде они будут вдвоем, – и Астигат согласился. Консул, в свою очередь, спокойно принял условие Севера – Ка-Инсаар пройдет в лесу. Место выбирали долго, тщательно, даже придирчиво. Была лишь одна причина, отчего шиннард Крейдон и командир Первого легиона спорили по каждому пункту – воины не могли принять того, что должно было произойти между ним и Севером. Не могли, и все тут. Чудо, что люди, всего лишь полмесяца назад дравшиеся не на жизнь, а на смерть, вообще способны были стоять рядом, обсуждать что-то, не вцепляясь друг другу в глотки. Может быть, они устали от войны или понимали необходимость завершить ее, пусть даже такой странной ценой. Хотя в чем же странность? Именно для того и придуман жертвенный Дар – чтобы кровопролитие, резня, смерть, слезы и боль превратились в страсть и желание, отданные Инсаар. Нелюди примут их жертву, союз будет заключен, и на истерзанную Лонгу снизойдет, наконец, мир. Просто такого никогда раньше не происходило. Единственная напрашивающаяся аналогия – союз Дара между вождем Инсаар и Райном Астигатом. Наверняка тогда люди, измотанные войной с совершенно чуждыми существами, точно так же скрывали ненависть, страх и надежду, глядя на готовящихся заключить договор. И так же шумел лес в предвкушении жертвы, и готовилась взойти луна, и стоял на поляне белокурый воин, широко расставив ноги в высоких сапогах. Только сейчас перед воином застыл не неуязвимый Инсаар, а обычный человек, самозванный консул провинции, половина коей занята врагом. И так же горел костер, а ветер трепал верхушки деревьев...

Они уже добрались до условленного места в двух риерах от базилики, а Иллариус так и не вспомнил, чем прославился остер. Север шел впереди. Стратег не возмущался этим – так лонг не видел его лица. Астигат молча развел костер на поляне, на краю которой загодя поставили шатер, и выпрямился, бросив плащ около огня. Было еще светло, внимательные, настороженные серые глаза не отрывались от Иллариуса, и консул решил, что может позволить себе так же спокойно рассматривать противника. Мать-Природа Величайшая, они ведь почти три года не виделись – с той, уже последней схватки у бродов Лонги, когда Иллариусу все же удалось отбросить варваров от прибрежных крепостей, не дав с ходу ворваться на территорию Предречной. Удалось, несмотря на полный разгром армий Максима и претора Арминия. Перед битвой консул Максим отправил квестора Каста за резервами, оставшимися в его распоряжении, но, когда Иллариус, раз сто чуть не угодивший в плен, пробрался через половину Заречной Лонги и домчался до Гестии, его догнала весть о разгроме и жуткой смерти Максима. Консул спас ему жизнь. А сейчас Иллариус Каст имеет право глядеть на врага открыто. Он и Север

никогда не будут так близки и так далеки, как в этот странный, колдовской вечер. Стратег подмечал все: и простую, без вышивки, без единого украшения верхнюю тунику из мягкой темной кожи, и стройные ноги в высоких сапогах, и широкий пояс без ножен. Скрученные узлом на затылке золотые волосы, тонкое, ставшее за прошедшие три года жестким и чужим лицо, не слишком приметный шрам на подбородке – раньше его не было. Север, Север... я хотел тебя видеть – и это истина, непреложная истина. Ну что ж, смотри!

В костре треснула ветка, и Астигат невольно подобрался. Иллариий, впрочем, тоже вздрогнул. Они оба как натянутая на крючок тетива арбалета, вдруг понял консул.

– Нелюди ждут, – голос Севера стал мягче и сильнее одновременно. Пропал оттенок юношеской легкости, а вот манера выразиться осталась прежней. Коротко, грубо. Варвар. Этот варвар вот-вот станет твоим любовником. Мать-Природа...

– Ладно, подождут, – Астигат продолжал его разглядывать. Что ж, лонг тоже имеет право, и ему лучше знать, пришли ли уже Ненасытные за объявленной жертвой. Для варвара предстоящий обряд Дара отнюдь не первый, не то что для имперского стратега, который не чувствовал вокруг себя ничего необычного, если не считать, что в их положении необычно все целиком. – Прислушайся, – Север хмыкнул, – ветер по-другому шумит. И поляна... гляди! Они здесь.

Иллариий оглядел поляну. Зрение обострилось, он видел чуть не каждый листок на деревьях, чуть не каждую травинку. По спине пробежал холодок. Вокруг что-то было – неуловимое, как дыхание зимы, и явное, как нож у горла. Чтобы стряхнуть наваждение, он заговорил, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. Но вышло резко, чем хотелось:

– Прежде, чем мы начнем, ответь на один вопрос. Где твой младший брат? – и замер в ожидании ответа. Север не медлил ни мига:

– Тебе лучше знать, где Брен! Помнится, это ты объявил его вождем лонгов и взял под крылышко, – Астигат хохотнул сквозь зубы, и Иллариий разозлился мгновенно. За годы ничего не изменилось, этот белокурый змей всегда ухитрялся его задеть!

– Астигат, я помню, что ты не слишком умен, но не прикидывайся дураком большим, чем есть. – Все церемонии полетели прочь – на поляне стояли два квестора, готовые набить друг другу морду из-за неосторожного слова. Астигат ухмыльнулся еще шире, и Илларию вдруг стало легче. Все верно, еще благородная матрона, его матушка, говорила: мужчины под всеми личинами и регалиями до смерти остаются мальчишками. Отлично! Регалии не помешают им подражаться и... совершить обряд. Но вначале он узнает про Брендона. Брена – Иллариий бы не догадался, что мальчика можно называть так, но имя подходило великолепно. – Я отлично знаю, что твоего брата выкрали лонги, и прошу просто сказать, все ли с ним в порядке.

– Никто его не крал, что за чушь? Думаешь, мне делать больше нечего – только сопляков каких-то красть? – лицо Севера ничего не выражало, но Иллариий еще в квестуре научился читать по глазам варвара. Астигат зол и насторожен. За показным равнодушием, за нарочито пренебрежительным «сопляк» что-то скрывалось... вот только что? Брендон говорил, что брат любит его. Так ли это на самом деле? Может быть, мальчик по наивности ошибался?

– Я не знаю, где мой брат, – вдруг устало сказал вождь лонгов, – и, правду говоря, знать не желаю. Ищи его сам, коль он тебе так важен, а меня предатели не интересуют. Раздевайся! Мне не терпится сделать то, за чем мы пришли, и убраться отсюда.

Гадина. Змея лесная. Скотина. Варвар. Стаскивая с себя одежду, Иллариий припоминал все известные ему ругательства, и это бодрило. Север злится сам и потому старается вывести из себя противника – значит, боится проиграть! Тревожило только то, что лонг не знал или не счел нужным сказать, где Брендон. Если мальчика не выкрали сородичи, то, куда он мог деться и где его искать? Иллариий давно дал себе слово, что займется поисками по-настоящему, как только закончится война. Консул не желал верить, что Брендона больше нет на этом свете, не желал, и все тут. Пусть его братец и наплевал на мальчишку, а консул не наплюет! Или Север солгал? Но зачем? По закону, принятому, как среди лонгов, так и среди имперцев, мальчик, ни разу не прошедший обряд, являлся собственностью главы семьи – такой же, как небрежно сброшенная туника из отлично выделанной кожи. Север мог убить брата своими руками, мог приказать пытать и потом казнить, а мог выпороть и простить – все в его воле, вождя никто бы не осудил. Нет, Астигат просто ничего не знает и прикрывает насмешками свою неосведомленность. К тому же ему наверняка неприятно слышать о брате от консула, заставившего мальчика предать. Ну и получи сполна ворох неприятностей!

Разделись они по-военному быстро, но смотреть друг на друга отчего-то стало невозможно. Север разглядывал верхушки деревьев над головой соперника, Иллариий сделал то же самое. Лучше б стемнело быстрее, но вечер еще не вступил в свои права. Ка-Инсаар в лесу проводят ночью, это ему старик Фабий рассказывал, но встречаться в темноте решительно отказались и шиннард лонгов, и командир Первого легиона – и были совершенно правы.

– Кстати, – лениво протянул Север, с неспешной грацией хищной кошки расправляя голые плечи, словно не драться готовился, а вино пить, – если я так уж глуп, то отчего сплю в твоих покоях и на твоей постели? Как дурак-варвар смог добиться такого, а, бывший консул Лонги? – Иллариий не успел ни разозлиться, ни приготовиться. Астигат на последнем слове вдруг подобрался и выплюнул: – Ка-Инсаар!

Удар последовал тут же – в плечо, сильный. Следующий удар стратег уже успел отразить, выставив локоть и пригнувшись. И увернулся от третьего, под дых. Они дрались без единого звука, только кровь шумела в ушах, да нарастал странный гул – будто отзывался сам лес. Отскакивали, сходясь и снова разлетаясь в стороны, кружили по поляне, и серо-свинцовое небо вертелось все быстрее, а костер превратился в размытое пятно. Каждый раз, когда лонгу удавалось достать его, Иллариий чувствовал безжалостную силу этих ударов – скоро он оказался в синяках с ног до головы. Обе руки слушались плохо, правая нога начала подгибаться после тычка в колено. Но он тоже не жалел врага и с радостью заметил, что варвар немного задыхается. Вот только сам Иллариий начал хватать ртом воздух задолго до Севера. И, когда лонг сумел его свалить, обхватив за шею, консул понял, что проигрывает. Он все же смог вывернуться из захвата и отскочил в сторону, дыша хрипло и сорванно, как никогда в бою. Эта схватка выматывала его – ведь тут нельзя ударить всерьез, нельзя убить. Но он еще не проиграл! Иллариий кувыркнулся под ноги противнику, Север явно не ждал этого и едва не грянулся головой об землю, успев в последний миг перекатиться на бок. Стратег оседлал бедра противника, вцепился в плечи, но удар отшвырнул его так, что спина загудела от боли. Правда, он уже мало что чувствовал, просто воздуха не хватало, а так – все в порядке... Сейчас он встанет... Но Север поднялся раньше и придавил его к земле. Иллариий вырвался еще раз, но трава уходила из-под босых ног, и воздух вокруг был таким жарким. Дышать... дышать всей

грудью, не дать себе свалиться... Если Астигат его сейчас отымеет, союз все равно будет заключен! Это самое важное, не нужно думать о другом! О другом... Следующий бросок на траву стал в схватке последним. Илларию не сумел скинуть с себя тяжелое тело. Он с трудом поднял голову и вдруг увидел: темнеет. Они дрались не менее получаса, может, и больше. Все было кончено. Обрядовая схватка проиграна, а если лонг не даст ему отдышаться, то проиграна и жизнь – он попросту задохнется. Руку вывернули назад, так, что в плече хрустнуло, и Илларию сжал бедра, понимая, как глупо это выглядит. Он сам прислал Северу вызов и теперь получит то, что хотел. Дикарь его изнасилует. Баста. Но справиться с собой он не мог, тело сопротивлялось само – от жгучего стыда, от безумной боли, рвавшей легкие и сердце. Трудно думать о чем-то, когда борешься за каждый глоток воздуха, но в голове все равно вертелось: вот и все, что ты заслужил – насилие! И горше всего, что его ткнет носом в землю и отымеет именно этот человек... не надо, Север, не ломай... Безумие. Варвар всегда презирал его, всегда хотел унижить и с удовольствием растопчет давнего врага. Остается сжать зубы и перетерпеть. Нелюди проследят за тем, чтобы его унижение не было напрасным. Но смириться он был не способен, сил хватало лишь на то, чтобы не всхлипывать – точь-в-точь мальчишка, вот-вот потеряющий невинность. Илларию закрыл глаза. Так будет проще пережить позор и боль.

Сильные руки вздернули его вверх так резко, что голова пошла кругом, но дышать стало чуть легче. Астигат тоже задышался, ловя ртом воздух, белокурые пряди растрепались по плечам. В руке варвара была веревка. Откуда он ее взял? Но разгадать эту загадку Илларию не успел – тяжело думать, когда тебя тащат к ближайшему деревцу и прикручивают кисти к тонкому стволу, так, чтобы петля свободно скользила при каждом движении. Астигат отошел на несколько шагов, и консул, даже не видя, чувствовал, насколько нетверда походка варвара. Мать-Природа, только бы вдохнуть...

– Лар! – дикарь не должен, не имеет права обращаться к нему так! Они не братья, не друзья и не любовники. То, что случится через мгновение, любовью не будет. Вот так и подышают глупые, никому не нужные мечты, не убитые за целую жизнь... нужно было расправиться с ними еще тогда, когда предал отец. А уж после Циа!.. Дурак. Но сейчас мечты наконец сдохнут. Просто очень больно, что именно Север станет их убийцей. – Лар, не молчи. Выпей вот.

Он увидел, как лонг сделал пару больших глотков из походной фляги. Вода. Пить. Север хочет дать ему напиться? Зачем заботиться о побежденном, о презренном неженке, коего привязал, чтобы отыметь? Но пить хотелось безумно, а в воде наверняка нет ни яда, ни зелья, раз Астигат прежде пил сам.

– Не отравлю. Пей. – Фляжка мягко ткнулась в губы. Илларию сделал глоток, но пересохшее горло сжалось, не пропуская воду. Второй глоток дался легче, и он пил, пил не останавливаясь, чувствуя, как возвращаются силы. Нечего ныть, все идет так, как задумано. Союз будет заключен, а прочее пережить можно. Наверное. В этот миг Илларию Касту было проще покончить с собой, чем сознавать, что именно Север навсегда лишит его права на гордость. Наконец он сумел оторваться от холодной свежей воды и сделал глубокий вдох. Боль в груди почти пропала. Все хорошо. Нет, нехорошо – и уже никогда не будет. Хватит!

– Илларию, не молчи, – Север зашептал ему на ухо, сорванно, хрипло, но... с нежностью? Да, это была нежность – нежданная, непонятная. Варвар издевается, он просто придумал новый способ унижения. – Не смей молчать!

Астигат неожиданно прижался к нему всем телом – нагим, жарким, ткнулся лицом в плечо, легко потерялся горячей скулой, обнял за талию. Иллариий рванулся, не сдержавшись. К чему эта игра?! Приходилось признать: Север победил честно. Лонг, конечно, устал, но еще явно мог продолжать драку, а вот имперский консул – уже нет. Победил, ну и бери добычу, гадюка, хитрить-то зачем? Когда ладонь легла на бедро, Иллариий с силой откинул голову назад, надеясь ударить затылком, хоть нос дикарю разбить, но промахнулся. Варвар уклонился так, будто ждал. Вновь прижал к себе, руки скользили по телу, не сжимая, не касаясь ни паха, ни ягодиц – просто успокаивали. Что он делает?! Зачем? Так еще хуже – почувствовать, как все могло бы быть между ними. Могло бы еще тогда – пять лет назад, если б не дурацкая гордыня, его и твоя. Жестокие мальчишеские выходки, разбившие нечто важное в их жизнях, то, что теперь не склеишь. Но Север Астигат пытался сделать невозможное.

Крепкая ладонь прижалась к груди, подушечки большого и указательного пальца коснулись соска и принялись перекачивать – вначале мягко, потом чуть жестче. И тело отозвалось – вспышкой злости, потом желанием свободы и, наконец, томительной дрожью. Петля легко скользила по стволу, веревка натянулась, когда Иллариий сделал маленький шагок назад. Он коснулся спиной и ягодицами тела врага и тут же отшатнулся, но отпрянуть ему не дали. Жадные пальцы ласкали живот – в том же неторопливом темпе, но рваное дыхание за спиной давало понять, как тяжело врагу дается сдержанность. Север гладил его грудь уже обеими ладонями, прижал пальцами соски, заставляя прогибаться назад, пока их тела вновь не коснулись друг друга. Тогда Астигат перехватил его поперек живота, и поглаживания стали сильнее, настойчивее. Когда руки легли на бедра, Иллариий едва не ударился лицом о дерево, такая это была мука... опустил глаза и увидел собственную плоть – напряженную, ноющую. А он и не заметил... Запрокинув голову, он смотрел в темнеющее небо, чувствуя, как сводит от желания бедра. Варвар будто почувствовал что-то, и ладони вдавились еще сильнее, а после сжали ягодицы. И тут Иллариий не выдержал. Что сорвалось с его губ? Ругательство или призыв к неведомым силам? А может быть, мольба? Он не знал, просто полностью отдался ласке, такой долгожданной, невыносимо острой. Руки врага мяли его задницу, мягко поддерживали снизу полушария, разводили их в стороны, вновь сжимали – собственнически, словно давнему любовнику, а Иллариий лишь упивался этим, подставляясь, требуя еще и еще. Потом Север провел ладонью по промежности, одновременно обхватив плоть Иллариия пальцами. Невыносимо. Невозможно. Немыслимо хорошо. Головка мгновенно увлажнилась, когда пальцы принялись проделывать с ней то же самое, что с сосками и животом... Иллариий знал, что с ним сейчас станет – он просто сойдет с ума! Внутри все сжималось, раскрываясь под движениями ладони, и невозможно было решить, как поступить – не двигаться, чтобы Северу легче было ласкать его член, или податься назад, чтобы сделать проникновение доступней? О чем он думает, Мать-Природа?! Астигат сейчас прикончит его этой безумной игрой. Пусть это издевательство, но как же хорошо...

Второй раз Иллариий закричал, когда властные губы неожиданно впились в шею. Север словно хотел прокусить кожу, напиться его крови... но поцелуи были слаще вина, жарче летнего зноя, и он постарался изогнуться так, чтобы враг дотянулся до его рта. И не заметил, как их губы встретились, как жадный язык потребовал разжать стиснутые зубы, а влажный палец проник в его тело, толкнулся нежно, мягко... а когда немного пришел в себя, то увидел перед глазами пожухлую колючую траву, царапавшую колени. Плевать! На все плевать – на бесстыдную позу, на занывшие от напряжения связанные запястья. Он вновь задышался, но уже от наслаждения, рывками толкаясь навстречу растягивающим его движениям. Север спешил, и понятно почему – напряженная плоть то и дело задевала его ягодицы, чудо, что враг все еще сдерживается. Сдерживается так долго, что сам Иллариий сейчас не выдержит. Астигат быстрыми поцелуями касался выгнувшейся в истоме спины,

руки ласкали член и терзали – да, уже именно терзали! – раскрытый, готовый вход. Иллариий резко подался назад и зашелся стоном, потому что пальцы толкнулись в раскаленную точку внутри.

– Ка-Инсаар! – неужели это его собственный голос? Это он, аристократ Иллариий Каст, умоляет взять его, войти в его тело, заполнить его собой? Он захрипел, яростно насаживаясь на пальцы, и Астигат сжалился, чуть приподнял его – насколько позволяла веревка – и потянулся к губам. Накрыл рот – жадно, властно, но в этих прикосновениях было столько нежности... Иллариий чувствовал ее всем телом – непонятную, кощунственную нежность. И отдался именно ей.

– Ка-Инсаар!

Будь прокляты нелюди, пусть они исчезнут, им вдвоем хорошо. Хорошо, как ни одному мужчине больше на этой земле! Твердая плоть сломала преграду, да и не было этой преграды – одно безумное желание, и даже резкая боль почти тут же притупилась, хотя Иллариий все же дернулся, вынудив любовника остановиться.

– Нет, Север! Нет, даааальше... Север...

Он умолял, задыхаясь, а сила билась между их телами – не жертвенного Дара, их собственная. Они были едины и неделимы в этот жуткий миг пронзительного счастья обладания – разделенного, только для них двоих! *Ка-Север!* Нелюди не получают жертву, он отдал ее любовнику. Бери меня, бери сильнее. Да! Да, вот так! Астигат вцепился в его бедра, и не было в мире ничего нужнее жестких рычков и раскаленной нити, связавшей их.

– Ка-Иллариий! – ответ Севера – хриплый стон...

Неужели он вслух выкрикнул свое кощунственное желание: все – до последней капли – отдать человеку, любовнику, первому настоящему любовнику в его жизни? Должно быть, да, раз Север услышал его и повторил. И пусть! Плоть заполнила его целиком, боль была жгучей, тянущей, но радость перебивала ее. Когда Север широко развел его бедра, входя до конца, тело выкрутила судорога, и белая липкая жидкость окрасила осеннюю траву. Безумное счастье – отдать свое семя вот так, и чувствовать, как любовник кончает в тебя со стоном. Наша страсть – только нам. Нам двоим.

Иллариий почти терял сознание, когда Север отвязал его и поставил на ноги. Их обоих шатало, вновь невыносимо хотелось пить, и они по наитию прильнули к губам друг друга. Радуюсь общей победе, связавшей их неразрывной нити силы, тому, что перехитрили нелюдей. Север обнимал его, иначе консул Лонги свалился бы на траву. Рука любовника неожиданно напряглась, и Астигат выругался. Иллариий поднял глаза в ту сторону, куда смотрел карвир... да, Север Астигат, вождь лонгов – его карвир отныне, – и увидел длинную темную тень. Существо с острой головой несколько мгновений рассматривало их, потом сделало непонятный жест, и это движение отозвалось дрожью в обнаженном теле Севера.

– Жертва взята, Лар, – Астигат смотрел уже на него, и глаза его сияли такой радостью, равной которой Иллариий еще не видел. Он закинул руки на плечи бывшего врага, стремясь вжаться в него всем своим существом, чувствуя, как по ногам течет семя. Хорошо! А будет еще лучше, если удастся забрать чуть больше тепла, нежности, жара страсти и отдать свое...

– Взята, Север, – он зарылся пальцами в густые белокурые пряди, чувствуя, как уходит из-под ног земля, и позволил себе провалиться в темноту, зная: его удержат. Не выпустят. Теперь уже никогда.

Глава четвертая

Чище первого снега

Близ базилики Сарториска

До нынешнего утра Илларию Касту не приходилось просыпаться в шатре. Впрочем, чем ночь, проведенная в жилище из шкур и веток, отличается от сна в кожаной или полотняной палатке? Да почти ничем. За неплотно прикрытым пологом так же гомонили птицы, а утренний холодок заставил натянуть на себя меховое одеяло... Консул добросовестно оглядел все вокруг, ибо весьма смутно помнил, как заснул вечером. Ворох шкур, потушенный масляный светильник, небольшой мешок, ножны... Он усмехнулся. Принести сюда оружие явно было затеей Крейдона. Шиннард лонгов настаивал, что иметь при себе меч или нож запрещено лишь во время самого обряда, а оставаться в лесу безоружным – опасная глупость. Командир Первого легиона заорал в сердцах: не иначе, как стратег лонгов жаждет смертоубийства на Ка-Инсаар. И получил спокойный ответ: «В лесу еще и волки водятся, и медведи иногда, и росомахи, и... да много кто еще – нелюди, например». Хороший лес близ базилики Сарториска! Консул рассмеялся чуть не в полный голос и тут же прикрыл рот рукой. Он же сейчас разбудит Севера – и что тогда? Илларию понятия не имел, что будет делать и что говорить, когда вместо спутанных светлых прядей на затылке Астигата увидит прищуренные со сна серые глаза. С пристально болезненным вниманием стратег разглядывал перехваченные крепкой веревкой волосы – вот откуда Север ее взял! – обнаженное тело, небрежно прикрытое мехом, шрам под лопаткой. Этот шрам был и раньше, но лонг не рассказывал, откуда тот взялся... Мать-Природа, Великая, Всемиловитая! Союз заключен. Рядом с ним на пахнущих травами шкурах спит его карвир, вождь племенного союза Север Астигат. Все свершилось, все изменилось навсегда – их жизни и тысячи тысяч жизней других людей, что больше не смогут поднять друг на друга оружие, иначе Инсаар расправятся с ними!

Все, что произошло вчера на лесной поляне, не было ни бредом, ни сказкой, что рассказывают легионеры возле лагерных костров. Легкая саднящая боль внизу – честно говоря, стертые запястья и ободранные колени болели сильнее, – искусанные губы, приятная тяжесть в чреслах... Ему ничего не привиделось, не показалось, не придумалось, но Илларию все равно не верил. Разве могли двое смертельных врагов быть так счастливы, как они вчера вечером? Разве могли принести жертвенный Дар друг другу, обманув нелюдей? Разве мог Север, мечтавший унижить ненавистного имперца, вести себя так? Брать, будто не побежденного в драке врага, а обожаемого возлюбленного? Целовать и ласкать, как и императоров не... Вопросы, вопросы... Баста! Если слишком много об этом думать, он просто оденется и сбежит. А убегать не хотелось – вот не хотелось, и все тут. Вчера все вышло само собой: они едва ли не ползком забрались в шатер, Илларию вытянувшись на меховых одеялах, а Север еще несколько мгновений смотрел на него, потом буркнул:

– Если я засну, ты меня не зарежешь? – и улыбнулся. Консул еще успел ответить со смешком: хоть волк рядом с ним усни, и того не зарежет, сил нет... – и провалился в сон и, уже засыпая, почувствовал, как Астигат осторожно лег рядом, но не коснулся, не дотронулся – а хотелось!

В сознании крутилась добрая сотня вопросов. Вчера аристократ Иллариий Каст по доброй воле отдался заклятому врагу, верно ведь? Не было никакого насилия! Напротив, если бы Север внезапно передумал и руки консула были бы свободны от пут, то... лучше не думать, что Иллариий сделал бы тогда. А теперь главное решено, осталось лишь еще раз обговорить статьи союза. Но что будет с ними обоими? Лучше не думать об этом – просто лежать вот так, слушая шум просыпающегося леса, и глядеть на Севера...

– Мерзнешь? – хриплый со сна голос застал Иллариия врасплох, но лишь на мгновение. Он был рад, что Астигат проснулся. Пусть тоже голову ломает!

– Нет, конечно. – Сейчас последует неизбежная шуточка про аристократа, никогда не спавшего на шкурах и боящегося отморозить свой нежный зад. – Не так уж и холодно – не зима еще.

Север откинул полость и сел, тут же принявшись сражаться с растрепавшимися прядями. На Иллариия он не смотрел. Консул собрался было последовать примеру лонга и начать приводить себя в порядок. Горечь плеснула внутри, но Иллариий сжал зубы. Вот и все. Сейчас они оденутся и будут обговаривать сдачу Гестии, отвод войск...

– Послушай, я не мог иначе, – Астигат протянул руку и обхватил запястье Иллариия, на котором веревка оставила заметный след. – Не доверши мы начатое, нелюди нас по траве бы размазали. Они страшно злятся, если обряд прерывается... не хотел я тебя привязывать, но ты бы сопротивлялся, потому пришлось.

Все это Север выговорил, будто доклад командиру – не поднимая глаз, глядя только на руку Иллариия... а пальцы словно сами собой гладили запястье, и консул замер. Его ощутимо трясло. Понимая, что голос ему не подчинится, он просто поднял руку и провел ладонью по уже немного колючей щеке Севера. Тот быстро прижал ладонь своей, и они сидели так несколько мгновений, по-прежнему не глядя друг на друга. Потом Астигат сказал – так тихо, что Иллариий едва его расслышал:

– Здесь есть ручей. Пойдем купаться?

О ручье, где-то в трети рьера от выбранной поляны, консулу доложил дотошный командир Первого легиона – будто близость воды могла чем-то помочь во время обряда или при внезапной опасности. Видимо, шиннард лонгов озаботился такой же топографической точностью!

Ручей и впрямь бежал по камням совсем близко, и новоиспеченные союзники долго плескались в воде, не столько моясь, сколько стараясь оттянуть момент возвращения в шатер, неизбежного итогового разговора, расставания... Иллариий отчего-то знал: Астигат думает о том же самом. Больно уж сосредоточенным выглядел его карвир, и сведенные брови выдавали: невеселые это мысли. Странно все-таки... Брендон и Север – родные братья, а настолько разные. Высокая переносица Брендону досталась от матери-имперки, а жесткая линия скул и подбородка неопровержимо свидетельствовала о чистоте варварского происхождения вождя. Даже оттенок волос у них разнился, у младшего напоминая цветом пшеницу, а у Севера – золотой рир. И все-таки они похожи – этой небрежной грацией лесных обитателей; только Брендон скорее походит на оленя, а его брат – на хищную кошку. Иллариий старался думать о всякой ерунде. А когда они выбрались на берег, чтобы обсохнуть, спросил, поражаясь глупой неуместности вопроса:

– А ты не знаешь, кто этот самый Сарториск? – и отвел глаза, с интересом наблюдая, как лонг катает босой ступней крупную гальку. Вот пальцы прижали камешек, потом слегка толкнули в сторону Иллария.

– Да, должно, дурак какой-нибудь. – Легкое движение, и галька отскочила прямо к ноге Иллария, тоже босой. Консул придавил на миг голыш и отправил обратно.

– Почему же дурак?

Игра помогала согреться – в воздухе ощутимо пахло близкой зимой. Нужно развести костер или хотя бы походную жаровню зажечь, иначе ночью они тут околеют. Но с чего он решил, что останется на этой поляне до ночи?

– Так остеры все дураки, хоть и ученые, – засмеялся Север, вновь отпинывая камень от себя, но явно не стараясь обыграть союзника всерьез. – А то ты не знаешь, как они обряды проводят.

Чудно все же, что все народы судят о соседях по тому, как те проводят Ка-Инсаар! Будто нет других принципов отбора. Но в словах Севера есть и своя правда. Имперцы многое переняли из культуры остеров, хоть и отчаянно отрицали это, но вот обряды оставили собственные. Храмовые обряды остеров – дикость, да такая, что даже поведение людоедов-трезенов выглядит по сравнению с ней высокой просвещенностью. В землях остерийских архонтов¹⁰ мальчиков вначале опаивали разными настойками, поддельвая

¹⁰ Архонты – правители остеров. В настоящее время архонты фактически утратили свое влияние, и власть сосредоточена в руках остерийского магистрата, подконтрольного во многих вопросах империи Риер-Де.

морок Инсаар, потом жрец вводил им в анус изготовленный из тщательно отполированного дерева брус, отдаленно напоминающий плоть нелюдей, и громко возглашал, что первые спазмы девственника приняли Быстроразящие, а не жалкий их служитель. Только после этого жрецы сами брали расprostертых на алтаре мальчиков, а отцы лишенных девственности еще и платили за подобное кощунство немалые деньги, с коих в основном и жили храмы Остериума. Хорошо, что Астигат поубавил им спеси на долгие годы! Иллариий ни за что не стал бы терпеть такие обряды – как и вся знать Риер-Де-Лонги, видимо, держались того же мнения.

– Зато теперь их жрецы сами пойдут к магистратам или вашим поселенцам подставлять... хм, некоторые части тела, – с неожиданным для себя весельем ляпнул консул, ловко пнув гальку, которую Север тут же поймал и принялся вновь катать под ступней.

– Ну да, надо ж дома отстраивать, – Астигат тоже развеселился, и они еще с полчаса развлекались немудреной игрой. Продолжать разговор о странностях жителей Остериума не стоило – тема опасно близка к причине сожжения города ученых дураков, а касаться ее обоим не хотелось. Война, вражда, заботы и беды словно отодвинулись – было только это солнечное осеннее утро, и его постепенно сменил день. Когда солнце забралось довольно высоко и начало припекать, они перебрались в шатер и уселись на шкуры. Есть хотелось ужасно, и консул с досадой подумал, что у него с собой нет ничего, кроме походных галет.

– Держи.

Пока Иллариий размышлял, отчего он не позаботился взять еды посолидней, Север вытащил из своего мешка вяленое мясо, завернутое в тряпицу, и флягу с вином – гестийским, ха! Иллариий благодарно кивнул и принялся за еду. Астигат, отправив в рот кусок мяса, необидно хмыкнул:

– Вот всегда ты так, Лар, о самом простом забудешь. На Весенне мы из-за тебя чуть все не утонули только потому, что аристократ не привык думать о месте, где будет ночевать, – все верно. Сейчас консулу самому было смешно вспоминать то давнее приключение, но тогда разбуженные ревом воды соратники едва не прибили его – квестор Каст забыл проверить запруды на неглубокой, но вредной речушке Весенна. Все улеглись спать, а ночью часовые подняли тревогу.

– А по чьей вине мы вообще там оказались? Не ты ли перепутал значки на карте и вместо одной отметки поставил другую? – Иллариий улыбался во весь рот, и Астигат ответил ему улыбкой. Ошибки юности веселили, но говорить о службе в квестуре не стоило тем более – это могло навести на разговор о Максиме.

Поев и выпив, оба развалились на шкурах и незаметно задремали. А проснулся консул от дыхания сгущавшейся за пологом шатра ночи и пристального взгляда. Глаза Севера были почти черными, в глубине их разгорались сумасшедшие искры – опасные, жаркие. Теперь эти искры ни с чем не спутать, и противиться тоже невозможно – властному призыву и собственному безумию, сорвавшему искусственную сдержанность и оцепенение последних часов. Астигат отвернулся, чтобы зажечь светильник. Когда вспыхнул неяркий свет, Иллариий вцепился в плечо союзника, сжал ладонь и со стоном голодного зверя приник губами к коже над ключицей. И тут же понял, что мигом позже Север сам поступил бы точно так же – понял по жадности, с которой карвир стал целовать его. Они катались по шкурам, переворачиваясь, цепляясь друг за друга, и не могли

насытиться. Мало. Мало! Горячее, сильное, до боли и крика желанное тело под ним напряглось тетивой – Иллариий ласкал с торопливостью мальчишки, но Север лишь наслаждался укусами и отнюдь не нежными прикосновениями. Стратег придавил руками плечи любовника, принялся целовать грудь, прихватывая губами соски, а когда рука потянулась к паху лонга, тот вдруг опрокинул карвира навзничь.

– Подожди! – тон не приказа – мольбы! Иллариий широко распахнутыми глазами следил за движениями Астигата, весь дрожа, веря и не веря, но всем существом желая верить ...

Север несколько раз с силой провел по содрогающемуся телу, заставил любовника опустить согнутые колени – настолько откровенно разведенные, что в другое время собственная несдержанность заставила бы устыдиться, – и обхватил пальцами уже напряженную плоть. Губы обняли головку, и Иллариий застонал – коротко, громко. Не может быть... Мать-Природа! Неважно, почему бывший враг делает это – главное, делает! И как же хорошо... Он только толкался навстречу губам, заметив, впрочем, что пальцы на основании плоти Астигат не разжал, значит, хочет большего... хочет, чтобы любовник кончил под ним. Так и случится. Чувствуя, что еще немного, и бесстыдная ласка приведет к разрядке, и желая иного, Иллариий сжал плечи Севера и чуть потянул на себя:

– Подожди...– он хрипел и задыхался и не мог найти точных слов. Не имеет значения, что отныне и навсегда аристократ империи будет ложиться под варвара и идти на шаг позади на всех церемониях – так ему пояснил положение йо-карвира старик Фабий, – не имеет, если им и дальше будет так же хорошо вдвоем. Дальше?! Какое здесь может быть «дальше»? Иллариий не стал додумывать мысль до конца, просто рывком перевернулся, развел бедра шире. Север встал на колени, но, вместо того чтобы склониться к любовнику, потянулся к мешкам.

– Я... тут у тебя видел...

Договаривать, что он видел, Астигат не стал – нетерпеливо вытряхнул содержимое походной сумы консула на шкуру и вытащил какой-то предмет, в котором Иллариий с трудом признал фиал с маслом для бритья. Вот же смех – неженка-аристократ забыл про еду, но взял косметику! И как это кстати! Север зубами сорвал крышку, щедро смазал и собственную плоть, и пальцы, кои тут же приникли ко входу любовника. Иллариия колотило уже совершенно неудержимо. Он приподнял ягодицы, и Север, видно чувствуя, с какой силой сжимаются мышцы под ласковыми и настойчивыми прикосновениями, понял: не стоит затягивать подготовку. Чуть придавил карвира к ложу, притиснулся ближе и раздвинул ладонями полушария. Проникновение было плавным, медленным... отчаянно медленным и сильным! Ошутив, как заполнила его плоть, Иллариий выгнулся сильнее, слегка приподнялся было, но руки любовника удержали его в прежнем положении, и тогда он просто вытянулся на мягком ложе, комкая шкуры взмокшими ладонями. Немного больно, но тем острее и ощущения, и пронзительное чувство давления на то, что сокрыто в теле каждого мужчины – пульсирующий сгусток желания... Движения стали резкими и короткими, Иллариий услышал долгий, протяжный стон, с которым Север проник в него до упора, и сам отпустил прикушенную губу, почти сорвавшись на крик.

– Что ты?.. Больно? – от искренней тревоги в голосе Севера на глаза чуть не навернулись слезы.

– Нет! Сильнее... – он знал, что умоляет, и ему было все равно. – Да, так... хорошо!..

Иллариий не пожалел о своей мольбе. Ни когда толчки стали яростными, жесткими, каждый раз выбрасывающими его на грань между болью и блаженством, ни когда Астигат просунул руку ему под живот и сжал свою ладонь поверх ладони Иллариия, от нетерпения ласкавшего самого себя. Ни когда, уткнувшись лицом в шкуры, перепачкал их собственным семенем, подставив ягодицы напору любовника, задыхаясь, содрогаясь от стонов – его и своих. Ни когда семя толчками выплеснулось в глубину его тела. И уж тем более не пожалел после, когда Астигат порывисто прижал влажное от пота тело к себе и целовал закрытые глаза, губы, скулы... терзал ненасытившимися губами его рот... и так сладко было отвечать тем же.

– Мне мало тебя. Мало тебя, карвир, – пробормотал Иллариий, даже не поняв, что сказал, но это было неважно. Он просто вцепился пальцами в густые волосы на затылке лонга, не давая тому отвернуть голову, вздохнуть – и целовал, целовал, до головокружения. Серые глаза блестели под черными стрелками ресниц, пляшущий огонек светильника превращал Севера в лесного духа – из тех, что, по легендам, в древности служили Инсаар. Лонг еще раз коснулся его губ – уже нежно, даже бережно – и приник лицом к животу Иллариия.

– Лар, ты еще от меня устанешь, – руки сжали его бедра, погладили – не столько успокаивая после соития, сколько требуя еще и еще. И консул пожелал, чтобы эта ночь не кончилась никогда.

Чада от светильника немного, но все же нужно откинуть полог. В палатках легионеров есть отверстия, куда дым уходит, в шатрах – нет, а Лар к духоте не привык. Но встать сейчас, оторвать от себя теплую тяжесть лежащего Иллариия было выше сил... не насытишься никак, даже если ночь тянется сто лет! А ведь хотел отодрать имперца – так, чтобы долго помнил, и на Ка-Инсаар с такими мыслями собирался, нарочно себя накручивал. Но, увидев того возле базилики – в простой светлой тунике, без доспеха, даже без наручней, – едва не растаял. Хотелось быстрее остаться вдвоем и смотреть на Лара... точеные черты, брови вразлет, губы сжатые – красивые, когда он их от злости не сжимает... Север привычно одергивал себя и бесился – да что ж такое, отчего он мается, точно девка влюбленная, которую замуж в другую деревню отдадут, а милый дома остался? А когда Иллариий сбросил плащ и сам на противника таращиться принялся, Север испугался всерьез. Эдак же он не то что отыметь – и ударить Лара не сможет... когда тот вот так молчит и смотрит глазищами окаянными. Дурак, как есть дурак. Не Север Астигат и Иллариий Каст стоят на поляне близ базилики ученого остерийского развратника – консул Предречной Лонги и керл Заречной. Но драться расхотелось в миг. Он даже попытался предупредить консула: после обряда пути назад не будет. Иллариий-то многое только по свиткам своим знает, где ему понять, что нелюди все запомнят, и придется свою ненависть и отвращение к варвару до конца дней прятать, если жить хочешь... Это после Север уверился, что нет никакого отвращения – мужик в таких делах никого не обманет, а перед схваткой, услышав оскорбления, с облегчением разозлился. Вот сейчас Холодная Задница в свою задницу и огребет. Север дрался с одной мыслью: если он проиграет, к презрению аристократа к дикарю добавится презрение победителя к проигравшему – потому и победил, наверное, сил ведь нет эту улыбочку ледяную видеть, убить хочется. Победил, но ни один Ка-Инсаар не давался ему так дорого – а ведь их немало было! Ни один его противник не дрался так упорно, и ни над кем Север не желал победы сильнее. Но помогло все же не желание – выносливость. Сам Иллариий в юности стихи на столичных собраниях читал – это еще Гай Арминий рассказал, – а Север с двенадцати лет воевал. И все же... имперец был очень силен, вымотал врага неимоверно, но дерись они не

на кулаках, а умом и волей – неизвестно еще, кто бы носом в траву ткнулся. А после, когда Север привязал побежденного противника, у того такое лицо стало... каменное, застывшее, словно мертвое. Только глаза жили, а в них – горечь горькая, и все намерения – отодрать как можно жестче, унижить – разом вылетели из головы. Какое там, он дышать рядом с Илларием не смел, хоть и задыхался после драки. Казалось, что, не виси над ними нелюди с расправой, просто отвязал бы его и ушел, потому что хуже нет, чем взять любимого, когда тот не хочет. Но Инсаар такого не простят, и пришлось... и, только увидев, что Лар давно уже сам льнет к нему, наслаждаясь каждым прикосновением, он вдруг понял простую истину: плевать, что аристократ говорит словами, телом – не соврешь! Иллариий был горячий, нежный, покорный и властный... ухитрился остаться господином, став рабом – неведомо как... А уж услышав между громкими стонами это «Ка-Север» – когда они уже едины были, – вождь лонгов будто с ума сошел. Принести жертву друг другу в их положении – опасней некуда, нелюди такого не спустят. Но иначе было нельзя, потому что вот уж пять лет Север Астигат молился на этого безумного, что дрожал в его руках, чье нутро сжало плоть, точно кулак хороший. У Лара, видно, давно никого не было – узко так, что даже больно, но лучшего в жизни Севера не случилось. И не случится – разве что когда он помирать будет в окружении наследников, зная: государство лонгов ныне сильно и богато... Он выкрикнул в ответ свое «Ка-Иллариий», и плевать ему было на все, кроме счастья, что дожил до этого мига. И вот уже сутки не верит, что аристократ Каст ведет себя так, будто и для него случившееся – вершина жизни, то, чего он желал сильней победы, да только признаваться не хотел. Лар и говорил, и смотрел так, словно они и впрямь любовники, а не просто союзники, словно для консула ничего лучшего нет, чем вот так нежиться под ласками – не только, когда отдается, но и когда они просто лежат и разговаривают... да пропади все пропадом! Лар сейчас с ним – так что о будущем и думать не стоило. Но все равно думалось: что будет дальше – и с ними, и вообще...

– А твои люди составили списки пленных?

Только Иллариий мог спросить такое. Может, еще и всех имперцев, запертых в казармах Гестии, переженить, а заодно и приданое выдать? По имперскому порядку полагалось тут же после боя подсчитать пленных, составить списки, указав там имя, возраст и куда отправится человек – в рудники, на поля или на Ка-Инсаар. В армии даже отдельный писец на это выделялся – полезно, надо завести... да война-то кончилась, три раза через колено! Лонги и имперцы больше не враги, отныне Север Астигат будет воевать только с трезенами – а тех переписывать необязательно, и так в расход пустить можно. Он не желал думать о том, как император Кладий отнесется к союзу, заключенному опальным консулом с варварами, и чем это будет грозить самим варварам. Не сейчас, когда Лар рядом, когда можно коснуться пальцами его волос – коротких и жестких, дотронуться до кожи за ухом, отчего Иллариий каждый раз жмурится... так что шел бы Кладий куда подальше. Не сейчас, когда Север еще не нагляделся, не понял, не поверил до конца... но зачем отказывать себе? Вот же Лар, совсем рядом! Вождь чуть привстал на шкурах, заглянул в лицо любовника, в глаза под тяжелыми веками, оглядел чуть нахмуренные темные брови, крупные, слегка приоткрытые губы... Поцелуй вновь был долгим – и вновь таким жадным, что где-то под сердцем защемило. Север оторвался ото рта Иллариия только для того, чтобы коснуться губами его живота и прижать ладонью пах. Лар тут же приподнял бедра, положил руки на плечи. Они оба до сих пор голодны. А ночь только началась!

– Получишь своих легионеров неслитанными, с тебя и этого хватит, – смешок прямо у крупной головки заставил Лара выгнуться сильнее. Север дразняще провел языком по плоти и вновь взглянул на... так, вот это он решит сейчас, не откладывая ни

часа, ни мига. С Алером сразу не понял, а после стоял и выл на луну, точно волк. Больше такого не будет. Он не даст собственной тупости взять вверх, не будет больше пялиться дождливыми ночами в темноту окон. Много, очень много тут зависит от Лара, но то, что зависит от него, Север сделает – хотя бы затем, чтобы не жалеть потом, мучительно и страшно.

– Хитришь, змей лесной? Не забудь, за живых пленных тебе обещана цитадель Диокта! – Иллариий чуть приподнялся, сильнее сжал ладони на его предплечьях и улыбнулся, явно придумав что-то. Улыбка – ясная, светлая – делала его моложе, Лар уже Инсаар знают сколько времени не улыбался так... Инсаар. Не стоит о них сейчас думать – а думается. Выродок без куса сердца показал им: я все видел и все запомнил. Углядев нелюдя на поляне, Север вдруг понял то, что до него, болвана эдакого, целую вечность не доходило: он нажил себе врага, могущественней коего не сыскать, наверное, во всем свете. От Быстроразящего несло такой лютой злобой, что внутри вновь раскрутилась праща, точно защищая его и Лара, и откуда-то пришло понимание: вместе они сильнее. А сила им потребуется – Ненасытный станет следить за новым союзом так, что ни одно нарушение мимо не пройдет. Ладно, двум смертям не бывать! Был уже такой, один из трех вождей Быстроразящих – и где он теперь? Сто лет назад Райн Астигат вырезал его сердце, да еще кусок сердца того выродка, что Брена забрал!

– Север, не смей мрачнеть в моем присутствии. Я ведь могу заподозрить, что ты жаждешь надуть союзника – с вами, Астигатами, никогда не угадаешь, – Лар все еще улыбался, но уже с оттенком вопроса. Нельзя портить эту ночь, она только их – такая вот странная, будто выгрызенная у всего мерзкого... Север тряхнул волосами и быстро поцеловал лежащую у него на плече руку.

– Цитадель Диокта, говоришь? А я еще подумаю, стоит ли она того – там же камня на камне не уцелело.

Иллариий, дождавшись момента, резко дернул его на себя, и Северу ничего не осталось, как усесться верхом на грудь имперца. Пора делать то, что решил, но – вот же смех! – было страшно. Вождь завел руку за спину, дотянулся до паха любовника... тот прищурился довольно. Что, Север Астигат, время тянешь? Боязно за собственную задницу? А как иначе, коль от воспоминаний, как был под мужиком, до сих пор передергивает? Той осенью Северу еще и пятнадцати не стукнуло. Отец сам в поход на трезенов пошел, да только у Поля Камней разбили лонгов чуть не наголову. Отступали в спешке, целая тьма народа в плен попала – и старший сын вождя среди них. Трезены в скалах жильё устраивают, и пленников туда же посадили. Мешок, с трех сторон запертый каменными стенами... а четвертой стены не было. И охрану не поставили – нужды нет. Озеро пленных стерегло – здоровенное, по-осеннему уже стылое, да далеко внизу. Вот старшина один – могучий мужик, Север ему тогда едва до уха макушкой доставал, хоть сам на рост не жаловался – и предложил бежать. Остальные его на смех подняли: с такой высоты, да на камни, что тут и там торчали, верная смерть получится – а Север и еще один воин решились. Так и так терять нечего было – дознайся трезены, что в руках у них сын вождя лонгов, ему долго помирать пришлось бы. Лучше уж в воде околеть! Старшина хотел было на сопляка рывкнуть, но смолчал – видно, о том же подумал. Они и бежали. Третий тогда о воду убили, а старшина и Север выплыли. Точнее, старшина только и выплыл – и Севера за волосы выволок. Сын вождя замерз так, что ни рук, ни ног... воин взвалил его, бесчувственного почти, на плечи и потащил, да еще бегом. Только рьеров через пять на землю швырнул и давай руки-ноги растирать, пока сопляк сам идти не смог. Как же долго и страшно они до ближайшего становища союзного племени добирались! Осень же, ночами уже подмораживает, а на беглых только штаны драные да туники. И все

же добрались... поели в теплом шатре, хозяева им шкуру медвежью дали – одну на двоих – и предупредили: с собой-де забрать не позволят, самим нужна. А ночью, прижимаясь тепла ради к старшине, Север поклялся: потребует от отца любых наград для того. Опытный воин десяти мальчишек стоит, Брендон Астигат всегда это говорил, а старшина его не бросил, как должен был, а на себе выволок. И тут ягодиц восставшая плоть коснулась. Хотел его старшина, понятно же, хоть и отодвинулся сразу. Сын вождя стиснул зубы, завел руку за спину, направляя член в себя, еще и назад подался, сам насаживаясь. До земель лонгов еще шагать и шагать, могут и не дойти, а долги платить надо как можно быстрее. Он заплатил – и в ту ночь, и в следующие, когда они лязгали зубами под украденной у хозяев – не подышать же! – шкурой. Отдавать себя было больно и мерзко. А когда добрались до своих, старшина остановил Севера и заявил: понимает он, мол, что сыну Брендона Астигата мало чего предложить может, да только в одном шатре им хорошо будет, все равно ж говорят, что с женой Север плохо живет. Сын вождя тогда рассмеялся старшине в лицо, да еще и пригрозил: хоть словом дома дорогу помянет – вообще никому больше ничего сказать не сможет, у теней в Стане мертвых языков не бывает.

Север старался не вспоминать о заплаченном за жизнь долге, хоть и вытребовал с отца награду для спасителя. А сейчас собирается вновь сделать то, чего решил никогда больше не делать. Да только это же Лар его возьмет. Больно будет – и пусть, но не противно же.

– Не собираюсь я тебя надувать, – ну как объяснить этой бестии имперской, что хочешь разделить с ним все: и войну, и хлеб, и кров, и душу? Да и поймет ли, когда сам себя не очень понимаешь... Север откинулся на согнутые колени Иллария, засмотрелся, как напряглись на животе и бедрах литые мышцы. Как же красив, не наглядеться. – Не хочу я завтра ремень тебе на бедра надевать. Понял? – будто в ледяную воду с головой, и то тогда проще было.

Илларий поднял на него глаза, взгляделся пристально – аж в горле пересохло. Не понимает. И слов объяснить не хватает, проклятье.

– Это наше дело, кто кого первым взял на Ка-Инсаар. А больше о том никто не узнает. Никогда. Завтра всем скажем, что мы принесли жертвенный Дар друг другу и отныне равны во всем. Мы с тобой карвиры, Илларий, сын Марка. Я не стану надевать тебе ремень, и ты никогда не встанешь позади меня, а только рядом. Ну? – Север подался вперед, вцепился в плечи имперца, а тот глядел на него такими глазами, как вчера нелюдя не рассматривал.

– Но ты же победил в обрядовой схватке! – так и есть, не понимает. Ему неважно, кто победил, впервые в жизни неважно. Северу Астигату наконец досталась половина того, чего он от жизни хотел... нет, пожалуй, треть, потому что две остальных трети: свободная страна лонгов и живой братишка. И Илларий Каст, имперский консул, на ложе, за столом, на поле брани, на совете – везде рядом. И душа, и сердце, и мысли этого безумного – бывшего врага, придумавшего заключить такой союз! Сделавшего первый, самый важный шаг, после которого все станет проще. Сейчас Север верил в это, как в то, что на дворе осень стоит.

– И как мы это объясним? Разве такое возможно? – Лар уже целовал его – горячечно, быстро, словно что-то чуял. – Мне говорили, что в паре союзников всегда есть старший и младший, карвир и йо-карвир...

– Чушь тебе говорили. И раньше такое бывало, старики помнят, последний союз равных, кажется, заключили выродок без куса сердца и прадед, но думать об этом сейчас не стоит.

– Север, – от слов Иллария, медленных, четко произнесенных, будто таял лед в груди, – я совершенно не против ремня на бедрах. Я сам затеял все это и ни о чем не жалею. Не жалею!

Да что ж кричать так?! В глазах Иллария металось что-то – аж жуть брала, – он еще крепче вцепился в плечи Севера, рванул к себе, зашептал в самые губы:

– Дураком нужно быть, чтобы о таком пожалеть... хоть сейчас ремень надень... мы принадлежим друг другу, и я тебя не отпущу, – тело Лара словно горело под ним, руки легли на бедра, подтолкнули ближе, заставляя выпрямиться. Шальные глаза, раскрытые, ждущие губы... все здесь, не исчезнет. Илларий улыбнулся хищно, и Север запрокинул голову, не веря, а через миг застонал глухо – когда любовник языком напряженной плоти коснулся, губами обхватил, пропуская глубоко в глотку. Застонал – и заставил себя остановиться, скатиться с Лара, но тот тут же навалился сверху. Придется говорить, словами объяснять, чего хочешь... ладони сами накрыли ягодицы карвира – мяли, ласкали так, что не оторваться. Илларий засмеялся тихонько, шепнул прямо в ухо:

– Ну что, очень холодная у меня задница?

Вот это да! Север не удержался, расхохотался в голос. Горячее Лара никого на свете нет, но нужно решаться.

– Ты давно знаешь?.. Про то, как я тебя звал? – и оборвал сам себя. Еще чуть-чуть, и все пойдет по накатанной, он толкнется в подставленный вход, а ему нужно иное. – Это от злости, Лар...

– Давно. Вот тебе за это, – легкий укус в плечо, и следом – в губы. Решай. Сердце колотилось бешено, но Север сказал – громко, внятно:

– Бери меня, слышишь? Сейчас, – и попытался перевернуться, но любовник остановил его. Обхватил лицо ладонями, взгляделся пристально, потом выдохнул:

– Нет, я хочу видеть твое лицо. Лежи смирно!

Север вновь засмеялся, хотя губы словно одеревенели.

– Я тебе что, баба? Мужчину только сзади берут! – А сильные ладони уже обхватили его ягодицы и принялись ласкать – медленно, неторопливо, словно пробуя.

– Ты не баба, ты дикий варвар! Надо же придумать такое, – Лар засмеялся, потом вдруг сорвался на шепот: – Тебе хорошо будет... поверь, пожалуйста... – и ну ласкать. Губы и руки – в паху, на бедрах, на коленях – творили такое... Север, уже задыхаясь от нетерпения, следил, как Лар, отыскав в шкурах давешний фиал, пролил несколько капель масла ему на промежность. Заставил себя расслабиться, хотя пальцы вцепились в мех, как в рукоять меча, когда Илларий коснулся его входа... вначале боль была, а потом?.. Тоже была, но другая – тянущая, раздвигающая мышцы... он никогда не понимал своих «нижних» – что за удовольствие они в этом находят? – а вот теперь понял. Лар вошел в него и замер, а Север, запрокинув голову назад, дрожал всем телом, чувствуя в себе плоть,

стараясь ощутить сильнее, каждой частичкой... Потом Иллариий шепнул, коротко, властно: «На меня смотри!» – и выпрямился. Встал на колени, поднял ноги любовника повыше и начал двигаться – неглубоко вначале. Север смотрел в горящие чем-то неведомо жутким и нужным глаза и словно падал в пропасть при каждом движении. А после – когда Лар, приподнявшись, толкнулся сильнее, входя до конца – заорал, не сдержавшись. И больно, и... мать его имперскую, как же хорошо! Он подался навстречу, стиснув внутренние мышцы на плоти, что подчиняла его себе, Лар выгнул спину, зашелся стоном, и все полетело в какую-то раскаленную вертящуюся воронку. Север мотал головой, кусал губы, но все равно не мог сдержать стонов, а плоть карвира двигалась в нем в едином ритме с ладонью на собственном естестве. Нить натянулась, как никогда раньше во время обрядовой любви – а ведь он слышал про эту связь между отдающим и принимающим... неважно! Натянулась и тянула из него что-то, и он сам цеплялся за нее, чтобы тянуть в ответ, и огни метались перед глазами, а жар между ног стал нестерпимым. Он кончил, стиснув ногами бока Лара – как у того еще кости не треснули? – но карвир вошел в него еще несколько раз, и семя заполнило собой. Немного жгло внутри и хотелось кричать – от счастья. Он победил себя, свой страх и свой гонор, и все теперь будет так, как они того захотят. Баста. Верно, Лар?

– Так ты этого хотел, Север? – любовник лежал рядом, гладил его по лицу, заглядывал в глаза. – Хотел доказать равенство делом?

– Телом, – буркнул вождь лонгов и прижал ладонь Иллариия к губам. – Мы карвиры, а весь мир пусть утрется.

Вот и все – пора уходить. Иллариий никогда бы не подумал, что дикарский шатер на обычной лесной поляне близ базилики остера станет дороже покоев Гестии и вообще любого жилища, в котором консул ел и спал – а их насчитывалось немало. Просто раньше он всегда был один, сколько б людей рядом не оказывалось. Лежа рядом со спящим карвиром, консул старался уверить себя, что ничего не изменилось: они просто договорятся о союзе и разойдутся в разные стороны, а следом вновь придет одиночество, – и не верил себе. Потому что Север во сне прижал его к себе, потому что невозможно приятно ныло все тело и пела душа – точнее, хотела петь, просто он ей не давал. Север Астигат добровольно положил ему под ноги абсолютно честную победу, доказав тем самым... а что, собственно, доказав? Что презренный аристократ ему дорог и нужен? Что вождь лонгов действительно хочет разделить с бывшим заклятым врагом и ложе, и кров, и сердце, а не просто территории? Ничего путного в голову не приходило. Потом Север проснулся, и они играли в гляделки, как вчера играли с галькой. Сидели на шкурах и смотрели друг другу в глаза, намертво переплетя руки. Мать-Природа, у них обоих просто не осталось сил, иначе они доказали бы союз на ложе еще раз – который за эти дни? Казалось, что он узнал все тайны тела любовника и тайны собственного тела, но все равно от мысли о расставании становилось холодно. Мало, не хватает! И никогда не хватит.

– Не хочу уходить, – пробормотал Север, сжимая сильнее его запястье, – но они там передерутся. Проклятье!

Иллариий думал о том же. Их нет уже третий день, и воины могут решить все что угодно. И переругаться, и даже поубивать друг друга. Консул знал своих людей, знал выдержку командира Первого легиона, но за лонгов не поручился бы. Судя по всему, Север за своих тоже не ручался, но собираться в путь – к делам, к такой куче дел, что и представить невозможно без содрогания – не хотелось мучительно. Оттягивая расставание,

они вновь отправились к ручью, искупались, потом долго целовались, стоя по колено в воде. А сейчас неторопливо одевались. Илларию даже засмеялся, взглянув на любовника – тот выглядел так, словно на него напала стая бешеных кошек: весь в синяках и отметицах, небритый, растрепанный, с мутным счастливым взглядом... Наверняка сам консул выглядел точно так же. И это было хорошо! Север, натянув тунику и штаны, встал позади Илларию на колени и помог ему застегнуть фибулу на плаще.

– Вставай, консул Лонги, – Астигат усмехался, – нам еще церемонии остались. С чего начнем?

Илларию попытался представить себе, как они станут объявлять о союзе, но необычность происходящего – они впервые советовались друг с другом – отчаянно мешала. Все же нужно привести себя в порядок, иначе люди вместо заключивших союз правителей узрят двух одуревших от страсти мальчишек. Тогда времени на убеждение уйдет больше.

– С Гестии, конечно. И отвода войск. А потом я объявлю об обмене пленными. Согласен? Кстати, где тот фиал с маслом? Там же осталось немного...

Астигат прервал его смешком и поцелуем. Ну да, именно что немного – все масло извели совсем не по назначению.

– Я про бритье говорю, Север! – Илларию закинул руку за голову, притянул любовника к себе, потерся скулой о колючий подбородок. Сам наверняка тоже зарос, как трезен...

– Я эту штуку в свою суму бросил, чтоб не потерялась, – засмеялся Астигат, поднимаясь и опоясываясь мечом. – Погляди там.

Потянувшись за чужим мешком, Илларию вспомнил слова Фабия Лота: у заключивших союз жертвенного Дара – и уж тем более Дара равных – отныне нет своего и чужого. Ни войска, ни имущества – ничего, что не делилось бы пополам, на двоих. И потому он спокойно может пойти на вопиющее нарушение правил приличия и залезть в суму Севера – как тот вчера вытряхнул на шкуры содержание его собственной сумы. Илларию так и сделал, не чинясь. Огниво, пустая фляга, еще одна веревка... а фиала не видно – наверное, сунул еще куда-то да забыл, и неудивительно... блеснуло серебро, о, нашел! Крышка-то была с серебряной насечкой...

Только на ладони – Мать-Природа Величайшая! – вместо ожидаемого фиала оказался серебряный браслет. Илларию заметил вещицу еще в первый вечер знакомства с Бренденом – мальчик не снимал безделушку, и в вечер исчезновения она тоже была у него на запястье. Как же так? Илларию рассмотрел браслет внимательнее – точно, тот самый. Но откуда? Проклятье!..

– Север... – консул не закончил вопроса, поняв все по лицу любовника, вмиг потерявшему всякое выражение, как в вечер Ка-Инсаар. Лжец! Змей лесной солгал, что не видел брата, но это не так страшно, пусть только скажет, что мальчик жив! – Где Брендон?

Астигат молчал. Илларию вскочил на ноги, сам не заметив как.

– Где он? Ты меня слышишь? Вот же... – не в силах говорить связно, консул сунул вождю лонгов браслет под нос, тряхнув им в воздухе. Теперь Астигат не отвертится,

вынужден будет сознаться! Только б не услышать, что мальчишку казнили... Север вдруг протянул руку, буквально вырвав браслет из некрепко сжатой ладони Иллария.

– Не ори!

А он орет разве? Хотя да... но тут кто угодно заорет! Болван! Обрадовался, разнежился на шкурах... солгал союзничек, а раз солгал в одном, значит, и в остальном может обмануть. Это же твой лютей враг... о, Мать-Природа! Илларий, задохнувшись от боли, от понимания, посмотрел в злые серые глаза напротив.

– Не знаю я.

– Ты совершенно не умеешь врать, Север. Но, если ответишь на вопрос о местонахождении Брендона, я, пожалуй, забуду... – губы несли какую-то чушь, слова причиняли боль, но он заставит Астигата признаться!..

– Да тебе-то что за дело? – Север шагнул к выходу из шатра, но Илларий преградил ему путь. Если будет нужно, он удержит лживого варвара силой! Тот рявкнул: – С дороги!

Серые глаза – только что еще веселые и ласковые, а теперь совершенно чужие – жгли огнем, внутри что-то рвалось... оказывается, он успел поверить, будь все проклято... но ярость и страх застлали все. Точно, мальчика убили – потому Астигат и лгал. Вождь знал, что смерть невинного станет серьезным препятствием к союзу, выгодному и лонгам. Но откуда Северу известно о том, что его брат не был просто игрушкой в руках консула Лонги, что Илларий хотел Брендону лучшей доли, действительно хотел, как ни глупо?

– Ты никуда не пойдешь, пока не объяснишься, – собственный голос показался чужим и настолько холодным, что самому противно. Вот и все. Мир не сошел с ума, все вернулось на круги своя. Враги.

– А ты знаешь, что бывает с теми, кто встает на моей дороге? И задает дурацкие вопросы? – Астигат тоже почти шипел – ну, точно змей! – Отойди.

– Угрозы? Как интересно. Ты велел запороть мальчишку до смерти, потому что тебе не достало храбрости спросить ответа с меня? Или ты мстишь только детям? – Ярость метнулась по лицу варвара, рука легла пояс. Но Илларию было наплевать. – Где Брендон? Я тебя последний раз спрашиваю!

– Заткнись и пропусти. Размажу, – Север едва сдерживался, но и сам Илларий чувствовал себя так, словно стал центром снежного урагана, а всеильной стихии все безразлично. Единственный способ узнать правду – вывести Севера из себя, тогда он проговорится. И потому Илларий процедил:

– Лживый трус. Не ждал, что спросят? Где Брендон?! Говори! – и отступил на шаг, зная привычку варвара бить точно в челюсть, не медля ни мига. Но все же не успел, получил тычок в плечо – да такой, что едва не свалился на траву у входа в шатер.

– Чего заладил: где, где?! Не твое дело, собака имперская! – на Астигата было страшно смотреть, но Илларий вновь подскочил ближе. Сейчас он сам разобьет эту наглую рожу... мерзкая дрянь, посмевавшая каждым словом врать! – Не убивал я его! Ты что придумал, мразь тупая?! – варвар уже орал в голос, и последние слова точно ударили с

размаху по голове: – Не убивал! У нелюдей Брен! Отдал я его, слышишь ты, тварюга?! Из-за тебя отдал! Да почему ж ты не сдох!..

Север вдруг осел на траву и закрыл лицо руками. Что он сказал? Что?! У нелюдей? Илларий, верно, ослышался, этого просто не может быть.

– Я... я не понял тебя. Повтори, – Илларий бухнулся на колени рядом с Астигатом, потрянул его за рукав. – Как – у нелюдей?

– Вот так. Заткнись, скотина, – глухой голос лонга дрожал от ненависти. – Отдал я его – за победу. Этот... выродок, что вчера... он пришел ко мне тогда, сказал: отдай – и победишь... и я отдал. Сволочь! – Север рывком поднял голову. Глаза были совершенно больные, и это отрезвило на миг. Они союзники. Нужно иначе... – Сволочь ты, Каст. Все из-за тебя.

Илларий крепко взял любовника за плечо, встряхнул. Если здесь кто-то и рехнулся, то явно не он. И потому произнес медленно:

– Не понимаю... ты испугался? Нелюди тебя заставили? Как ты мог отдать им брата? Разве ты не знаешь для чего? – в голове не укладывалось, что услышанное им – правда. Даже Астигат не настолько жесток и подл, чтобы сотворить такое с родным братом, шестнадцатилетним мальчишкой! Ведь самое малое, что грозит Брендону – быстрая смерть от истощения под толпой всегда голодных Инсаар. Это куда страшнее, чем оказаться наедине с собственными охочими до насилия легионерами!

– Выродок мной, конечно, пол повытирал, но я сам... понимаешь?... сам согласился. И все из-за тебя! – лицо Севера вновь окаменело, только побелевшие губы двигались, да глаза жили – огромные, страшные. – Отдал его карвиру прадеда, ну, тому, ты его видел, – жутковатая усмешка скользнула по губам. – Я не хотел брать Гестию, да еще так быстро, мне нужно было тебя выманить, а нелюди нам помогли – потому что получили то, что хотели. Перебили стражу, отперли нам ворота, а всем показалось... морок навели, твари... показалось, что ядро проломило стену. И вернули мне перебежчиков, и те дрались отменно... а Брен... а Брена... Выблядок!

Астигат отпихнул Илларию от себя и вскочил, вынудив того тоже подняться.

– И кто же тут выблядок? – почти ласково пропел консул. Нельзя так лгать, верно? И Север не лжет. Вот как ты проиграл, Илларий Каст! Но Астигат тоже проиграл – правда, мальчику это не поможет, им рассчитались за ненужную победу. – Ты не о себе, случайно, говоришь? Кто же еще способен отдать тварям родную кровь? Да как ты мог только... лучше б сам его прикончил! – он представил себе Брендона растерзанным, окровавленным – как пленные на Ка-Инсаар, и перед глазами потемнело. Мальчик так хотел жить, в нем было столько чистого... какие же все гады, Мать-Природа...

– Как мог, говоришь? – яростно прохрипел Север. – А ты треть воинов на погребальных кострах видел когда-нибудь?! Я видел! И Беоф, и Алер... собака ты имперская! Кто вас вообще сюда звал?!

– О, какая патетика! – самое мерзкое, что и сам консул Лонги приложил руку к тому, чтобы с Брендонам случилось такое. Но думать об этом сейчас нельзя, иначе он убьет Астигата на месте. А потом и себя, ведь все равно подыхать. А убить хотелось

просто нестерпимо. – Я пережил всех, кто был мне дорог, в том числе и консула Максима! Или о собственном предательстве ты предпочел позабыть?

– Я ухожу, – Север смотрел куда-то поверх его головы, а рука дергала рукоять меча, видно, лонгу тоже хотелось пролить кровь. Чудесно! – Все сделано, уже не поправишь. А отчитываться перед тобой, тварь, много чести. Устроил тут... из-за предателя...

– Заткнись! – Иллариий заорал прежде, чем подумал. Просто Брендон стоял перед глазами, и сердце не выдерживало. – Ты хотя бы поговорил с ним перед тем, как отдать на расправу?! Он не предатель, слышишь, ты, тупой дикарь? Твой брат рисковал жизнью, пытаюсь спасти сородичей! Даже ударил меня, понял? Требовал остановить Ка-Инсаар после боя на реке...

– Ты!.. Ты бил его? Или?.. Что вы там с ним сделали?! – Север вмиг оказался рядом, едва не поднял Иллариия над землей, схватив за плащ. – Узнаю, что... мразь, я тебе глотку вырву!

С царапающим горло смешком Иллариий скинул с себя чужие руки. Выпрямился. Сейчас они убьют друг друга, и этим все кончится. Может, и к лучшему.

– Бил? Я не бью детей, варвар! Я остановил Ка-Инсаар, потому что твой брат был лучше, чем мы с тобой вместе взятые. А ты поступил с ним хуже, чем поступают с врагами. Надеюсь, тебе снятся его глаза, а? Раз браслет носишь, снятся...

– Твою мать имперскую!..

Вождь лонгов подхватил с травы отброшенный мешок и поправил оружие на поясе. В серых глазах было столько тоски и ярости, что Иллариий возликовал: он пробил броню этой скотины. Пусть помнит и мучается. Так вот!

– Союз заключен. Прибил бы тебя, да страшной смертью из-за такой шавки шелудивой помирать неохота, – Север рубил слова, будто дрова топором. – А мой брат – мое дело, и только мое. Я все равно буду искать его и найду! Понял?!

Не дожидаясь ответа, Астигат чуть не бегом кинулся прочь. Иллариий влетел в шатер, схватил собственную суму, зачем-то дернул рукоять меча. Можно все-таки догнать и убить... Хороши союзники, чей союз не продержался и трех дней, но передумывать поздно, жертвенный Дар – не сделка за лен или рабов. Нелюди им не спустят, и потом... Разве в тот день, когда квестор Каст узнал о разгроме имперских армий и смерти Максима, он не отдал бы все на свете, чтобы победить и отомстить? Да он бы и матери не пожалел! Иллариий знал это – хотя бы потому, что помнил, как рыдал тогда, как переворачивалось все внутри от бессильной ярости... как велел казнить несколько трусов, заявивших, что имперцы должны уйти из Лонги. Погоди-ка... что сказал Север? Что хочет искать брата? Выходит, верит, что тот еще жив? Но откуда такая уверенность?

Прежде чем выскочить наружу, Иллариий посмотрел на смятые шкуры. Они любили друг друга эти две ночи и два дня – не может быть сомнений. И в том, что случилось с Бренденом, они виноваты оба. Как там сказано? Карвиры все делят пополам – и горе, и радость, и войну, и победу. Отчего бы не разделить и поиски мальчика, раз Север верит, что его можно отыскать?

Догнать Астигата удалось не сразу. Тот даже не обернулся, и потому Иллариий просто пошел рядом. Тянуть с разговором не следовало – скоро они доберутся до базилики, – но консул все равно тянул. Ссора вымотала его, и одни Инсаар знают, как ответит Север на неожиданное предложение.

– Скажи... откуда ты думаешь начать поиски? Где ты его отдал? В Заречной?

Север молчал, продолжая идти размеренным и быстрым шагом человека, привычного к лесным походам. Когда-то давно лонг первым попытался перепрыгнуть через разделяющую их пропасть. Теперь очередь Иллариия. Кроме того, нельзя упускать единственную возможность найти Брендона, а Астигат знает о нелюдях гораздо больше! Консулу не доводилось читать о сделках, подобных той, что Север заключил с загадочным «выродком», – а ведь он был уверен, что знает о Быстроразящих много больше прочих смертных.

– Так в Заречной? – Ответа так и не последовало. – Тогда оттуда и нужно начинать. Или возле цитадели Диокта искать – он же там исчез, вдруг следы есть какие-то?..

– Не твоя забота. Я сам его найду, – заговорил наконец-то! Полдела сделано. Не только у тебя, аристократ Каст, есть гордость, но гордость для умного человека – всего лишь последнее прибежище, когда уже не за что драться. А пока бой не проигран, можно и поступиться обидой.

– Послушай, – Иллариий мягко взял Севера за плечо, заглянул в сумрачные глаза... и вдруг совершенно ясно понял: он не хочет видеть карвира таким, раз судьба позволила увидеть совсем другое – радость и счастье обладать и отдавать. И еще первые проблески доверия. Какое, должно быть, облегчение верить кому-то и знать, что тебе тоже верят. – Вдвоем мы найдем Брендона скорее, больше людей можно отправить на поиски. А если он все-таки на территории Предречной? Завтра же отправим разъезды...

– Иллариий, – Север не попытался вырваться, но до победы было еще далеко, – тебе-то Брен зачем? Опять обмануть его хочешь? Попользуешься тем, что парень в храме этом – эх, жаль, еще раз не сжечь! – всякой дури нахватался? Брен Астигат – лонг, сын и брат вождей. Не вари ты над ним воду, ничего б не случилось...

– Я хочу его найти. Хочу, чтоб он жил. И все. Ты веришь? – Иллариий прикусил губу и все-таки выдавил: – Я тоже виноват. Оставил без присмотра, вот и случилось... но и твоя вина есть, не отрицай. Расскажи мне про этого «выродка», пожалуйста. Ты сказал, он тобой пол вытер?

– Это-то мелочь! А вот вопрос твой – где Брена искать... да если б я знал! – Север тоже положил ему руку на плечо. Теперь лонг стоял, опустив голову, и Иллариий неожиданно для себя коснулся губами светлых волос. Астигат поднял глаза, сжал пальцы на плече. – Я расскажу все, что знаю о Брене, а ты ответишь на мои вопросы, карвир. Согласен? – ссора и лонгу даром не прошла, губы до сих пор белые.

– Согласен, – консул заставил себя улыбнуться. – Приступай, до базилики время еще есть. Но только не ври, змей лесной!

Еще на подходе карвиры услышали шум – две сбившиеся в кучу стаи рычали друг на друга. Волки, да и только, но волки не носят с собой коротких, остро заточенных мечей и кинжалов шириной в ладонь. Иллариий хмыкнул, поймал ответную усмешку. Вовремя успели – еще час, и плиты базилики окрасились бы кровью. Лонги и имперцы переругивались ожесточенно, явно надеясь, что противная сторона первой схватится за оружие, и, похоже, в своем увлечении не замечали никого.

– Вон тот длинный сказал: мы, мол, засаду устроили, ждать больше нечего! Сами, небось, и устроили, а теперь искать не хотите. Знаем вас, гадов имперских!

Рыжий парень, выскочив вперед шиннарда Крейдона, едва не схватил за тунику командира Первого легиона. Тот огрызнулся в ответ:

– Чего вы орете, дикари? Я же предлагал начать поиски! Вы сами вопили, что мешать в таком нельзя – а теперь чего хотите? Назад, сказал! Пришибу!

– Давай! Если союз заключен, так пришибешь и тут же на месте сдохнешь, тварь! А я погляжу и порадуюсь.

Крейдон, правда, удержал рыжего, но и сам был зол. А квестор Публий придвинулся ближе к командиру Первого легиона и потянул из ножен меч. Пора!

– А зачем искать – не иголка, – Астигат успел вмешаться первым. Грозный рык заставил вздрогнуть всех разом. Воины выглядели совершенно ошеломленными – словно и правда не рассчитывали уже увидеть своих предводителей живыми. Это было бы смешно, если б Иллариий не знал точно: союз потребует от каждого таких невероятных усилий, что станет не до смеха. Голова закружилась внезапно и резко, как в юности – от пьянящего ощущения остроты жизни, от близости того, с кем разделил самые лучшие ночи, от сознания начала великих дел. Но консул заставил себя погасить радость. Ему уже не двадцать, впереди много работы – а еще опасностей и тревог. И пропасть непонимания. Иллариий оглянулся на рассматривающего взъерошенных воинов Севера, протянул руку, чуть коснулся сжатых в кулак пальцев. Астигат ответил таким же быстрым прикосновением, а после, уже не таясь, стиснул ладонь консула и вздернул вверх. Двойное приветствие вышло весьма убедительным. Иллариий заметил, как вытаращились воины – глаза что плоски! – и улыбнулся, не сдержавшись.

– Ка-Инсаар! – рявкнул Астигат.

– Ка-Инсаар! – повторил за карвиром консул, решив довериться союзнику в вопросах обрядовых церемоний. Эх, вместо ругани им бы тщательнее статьи договора обсудить! Но странное дело – ссора, от которой оба чуть не сошли с ума, помогла понять главное и дала дикое, невероятное чувство свободы. Ритуал свел их вместе, они связаны навсегда и должны учиться понимать друг друга, а благодаря ссоре сделали первый шаг. Он рассказал все, что знал о Брендоне, и надеялся, что союзник тоже не солгал. Да такую историю просто невозможно придумать!

– Ка-Инсаар, – по лицу шиннарда Крейдона было видно: он жалеет, что союз заключен и нельзя прикончить проклятых имперцев на месте.

– Ка-Инсаар, – командир Первого легиона разглядывал консула Лонги так, словно никогда его прежде не видел. Иллариий с запоздалым смущением понял: он впервые

предстал перед своими людьми в таком виде – небритый, в мятой одежде. Мать-Природа! Но это были лучшие дни в его жизни.

– Ка-Инсаар, – донеслось с разных концов; и консул представил на месте потрясенных воинов Кладия и его любимцев. Скоро весть о невероятном союзе разнесется по всей округе, пересечет границу Лонги, и носящему венец Всеобщей Меры станет тошно. Он не получит провинцию – и жизнь Иллария Каста тоже не получит. Вот так.

– Я, Север Астигат, по воле Инсаар объявляю этого правителя и воина своим карвиром. Отныне я и Илларий Каст, что познал меня на ложе, едины и неделимы. Мой кров, моя война, моя добыча станут его кровом, войной и добычей. И тот, кто причинит зло Илларию Касту, станет моим врагом до смерти. Ка-Инсаар!

Север говорил уверенно и четко, но отчего-то Илларий знал: карвир на ходу изобретает ритуальные слова. И верно – союза равных не было давно, очень давно, и в этом они тоже вступают на неизведанную тропу.

– Я, Илларий Каст, по воле Инсаар объявляю этого правителя и воина своим карвиром. Отныне я и Север Астигат, что познал меня на ложе, едины и неделимы. Мой кров, моя война, моя добыча станут его кровом, войной и добычей. И тот, кто причинит зло Северу Астигату, станет моим врагом до смерти. Ка-Инсаар!

Консулу казалось, что ритуальную клятву произнесли не губы, а запевшая душа – как она не пела много лет. Вновь попытался стащить себя с небес за землю, но не получалось, хоть убей. Мраморные стены базилики, высокое небо, голые ветви деревьев – все вокруг вторило песне, словно мир радовался союзу... какая глупость, какая упоительная, невероятная глупость. «Мы карвиры, а весь мир пусть утрется». Пусть сбудутся твои слова, карвир. Ты смелее меня, а я боюсь. Страшно поверить.

Рыжий лонг выругался – от избытка чувств, видимо. Кто-то громко прошептал: «Да как же так?» Командир Первого легиона прижал стиснутую в кулак руку к сердцу, а потом – к бедру, и легионеры повторили за ним жест приветствия. Отлично, пусть Астигат воочию убедится в том, что имперские воины куда вышколенней варваров – это был их давний спор, еще с квестуры. Но квестор Публий немедленно отнял у консула возможность уесть союзника:

– Консул, а я вон того, с рассеченной губой, на поединок вызвал. Что, теперь нельзя уже, да? – парень растерянно хлопал глазами, и Илларий опять засмеялся. Много чего отныне нельзя, но зато как много можно! Только бы получилось так, как он просчитывал в цитадели Диокта. Тогда будет все: общие дороги, торговля – а какие в Заречной лен и лес, таких в Предречной нет! – своя монета, огромные доходы и живой Брендон. Будет все – но как же нескоро и так тяжело, что неизвестно, доживут ли они до осуществления своих мечтаний.

– Отчего ж, можно, – шиннард лонгов, похоже, пришел в себя и подошел к ним, кивком позвав командира Первого легиона. – Вызывай. Только если проиграешь, следом придется задницу подставить.

Гай Публий удивился еще больше, но Илларий понял шиннарда. Старик Фабий рассказывал: после того как участники обряда заключили договор, их воины тоже могут и даже должны принести жертву. Представив, как это будет, Илларий тут же решил, что

«добавочные» церемонии можно и отложить, а то вместо любви здесь случится смертоубийство.

– Вождь, так что ж теперь, нам тоже идти... с этими? – Крейдон побуравил Илларию глазами, потом попытался поймать взгляд Севера. Астигат только плечами пожал. Лицо его ничего не выражало, но в серых глазах прыгали задорные искры – вызов войне, вызов судьбе, отчаянная дерзость...

– Ну, как хотите, – буркнул Север, – дело ваше. А мы – есть и спать. И побриться бы...

Шиннард и командир Первого легиона дружно замотали головами – похоже, даже просто находиться рядом было уже выше их сил. Пора обговорить подробности соглашения и разъезжаться, а через десять дней они с Севером встретятся в Гестии.

– Кроме перечисленного в моем послании, я объявляю об обмене пленными, – радостные вопли не дали Илларию продолжить. Командир Первого легиона прикрикнул было на подчиненных, но Илларию знал: его обмен интересует, как мало кого другого, в Гестии осталась его семья. Шиннард вдруг совершенно непочтительно дернул Севера за измятый рукав и громко зашептал:

– Вождь, спроси его, что с теми, кого после боя у реки в колодки забили? Может, выжил из них кто, а?..

– Сам спроси. Нет тут больше собаки имперской! – Астигат рассмеялся уже откровенно, но шиннард насутился и только кивнул. А Илларию дал себе слово первым делом заняться теми пленными, что они взяли в начале лета. – Я думал, вы потише себя вести станете. Не то вернулись бы мы – а тут куча трупов. Ты знай, Крейдон: нелюди нам любую ошибку припомнят!

– Да я что?.. На Ка-Инсаар и не положено задираться-то, да они сами как начали голосить! И то – и искать не пойдешь, и ждать уже невозможно. Вчера вон все мирно было, даже об заклад бились...

– Об заклад? – Север заинтересованно оглядел своих дружинников. – И кто ж проиграл?

– Все проиграли, – неожиданно вставил командир Первого легиона. – Тебе... эээ... роммелет Север, в драке легче должно было быть, уж прости, консул, но и благородный Илларию мог победить. Только кто же мог догадаться, что вы о союзе равных объявите? Я вот десять риров проиграл.

– А я двадцать, – шиннард передернул плечами. – Дважды на тебя ставил, вождь. Да кто ж знал...

Илларию даже прикрыл рот ладонью. Все ясно! На ближайшие месяцы вопрос, кто кого первым поймел на Ка-Инсаар, будет занимать умы и лонгов, и имперцев, и, может быть, даже императорского двора. Он вдруг представил себе, как Астигат надевал бы ему среди этой толпы ремень на бедра, и понял, насколько умным и верным было решение Севера о равенстве, сколько в нем оказалось... Любви? Илларию поднял глаза на союзника. Тот с жаром обсуждал сроки вывода войск из Гестии и не смотрел по сторонам. Но через десять дней они вновь останутся вдвоем, и... и будет все. Все теперь будет так, как они

этого хотят. Да, Астигат ведет себя так, что порой его хочется убить, только теперь убьешь и себя. И не всеведущие нелюди будут тому причиной.

Вечный Лес

Что-то острое впилося в бок, мешая уснуть. Нужно подумать что – тогда Ланий услышит мысль и уберет... или не уберет. Да пусть остается, он и так заснет. Энейле заснет и во сне будет ждать. Только завернется получше в шкуру... у него только шкура, и больше ничего нет. Ее оставил Ланий – после того, как непослушный аммо сорвал с себя другую шкуру – тонкую, белую... ах да, рубаху!.. и чуть не разодрал ее... и катался по земле, и кричал. Просто... Флорена слишком долго не было, и энейле думал, что умирает, а ему хотелось умереть с любимым. Но аммо не должны кричать. Не должны протестовать. Не должны знать и думать. Люди вообще не должны этого делать, а аммо – тем более. Аммо – Даропринесители, предназначенные в жертву, они поят Инсаар – Дарособирателей, а те – весь мир: реки, поля, горы... что такое горы? Энейле не помнил. А река? Река – это длинная широкая вода. Или нет? Нет, река – это то, что Флорен отдает ему в обмен на обильную жертву силы. То, что течет внутрь его тела, когда любимый берет его... не кричи, не кричи, Ланий придет и будет недоволен. Аммо нельзя кричать, но одиночество давит, и боль рвет на куски. Больше не могу! Не могу! Пожалуйста! Пусть любимый придет!

Надо завернуться в шкуру, сжать край зубами и молчать. И постараться заснуть. Но как заснешь, когда так трясет и так больно? И что-то острое по-прежнему колет в бок... это потому, что Ланий сегодня принес его... одежду. Одежда – это то, что носят все люди: аммо, и илгу, и раф. Раф – пустышки, они не могут ни дать, ни выпить. Просто ходят по земле, а она их поит и кормит. А энейле – аммо, и это большая радость. Он отдает силу Флорену и другим Дарособирателям – много силы, очень много... в тьелах появились новые Дарособиратели, этого почти сто лет не случалось. Так сказал Флорен, когда они пошли на праздник... нет, праздник – это когда костер, танам, вино и все кричат. А здесь было... зачем Ланий положил рядом эту тряпку?! В ней что-то острое, а у аммо нет воли, и он не может вытащить мешающую штуку. Ничего – брат любимого придет, и достанет, и выкинет тряпку, – в шкурах тепло. Шкуры нужны, потому что зима. Зима – она холодная и... В проеме полога падает что-то белое, бело везде, куда ни посмотришь... а зачем смотреть? Флорен придет не скоро, а снаружи все белое и холодное. Но это ненастоящий холод. Настоящий – это когда умираешь от того, что нет рядом любимого. Энейле будет послушен. Он хороший аммо. Он не станет кричать и просить, а будет лежать и думать о любимом.

О том, например, как однажды Флорен сказал, что они пойдут на праздник – тогда за пологом еще не было белого. Любимый был счастлив – аммо сразу это почувствовал, – он долго целовал энейле, но не взял, несмотря на все просьбы, а потом они пошли вчетвером – Флорен, и его братья, и аммо. Большой праздник, да... туда нельзя было попасть с помощью ноо – клуба тьмы, в котором путешествуют Дарособиратели, а нужно было идти ногами. Флорен обещал, что энейле сам все увидит, что сегодня соберутся Дарособиратели всех краев, ведь того, что случилось, не происходило уже очень давно. Энейле сам все увидит, когда они придут. И правда, то, что увидел аммо было прекрасно. На деревьях в ряд качались тьелы, и их было много. Очень много, и в каждом темнели зародыши – свернувшиеся клубком новые Дарособиратели. Они зародились из силы энейле, самого щедрого аммо в этом мире, так сказал любимый. Им еще долго зреть, набираясь силы, но теперь у Инсаар есть кому продолжить род и дальше кормить мир, передавая Дары. Самому Флорену и его братьям по человеческому счету двести пятьдесят

лет, и за это время они видят лишь четвертое Рождение. Раньше такое случалось чаще, но люди – жадные, слабые – отдают теперь слишком мало, и потому энейле – драгоценность. Это он вызвал Рождение. Аммо впервые видел столько Быстроразящих разом, но не боялся. Чего бояться, если любимый рядом, если наполнит энейле своей любовью, когда они вернуться? Телу давно не больно, нутро растянулось. Телу не больно... но все равно, каждый раз, стоит Флорену уйти, энейле умирает. Отчего любимый не останется с ним, почему не возьмет его с собой туда, куда уходит сам?! Энейле просил об этом, умолял, но все зря – Флорен бережет его, он же драгоценность, он обильный аммо.

На празднике был и Главный – Амплиссимус. Рядом стоял еще один Дарособиратель, и одного взгляда на него хватало, чтобы понять, насколько он стар. Флорен, прижав энейле к себе, ответил на мысленный вопрос: это один из Трех Старейших, он живет далеко, за тысячи риеров, в царстве Абила, но сегодня и он почтил праздник своим присутствием. «А где же третий, если их двое?», – удивился глупый аммо. Любимый только посмотрел коротко, потом сказал: «Его убил твой прадед». – «Пра-дед... что это?» Флорен быстро спросил: «Как тебя зовут? Как зовут?» – «Меня зовут энейле... аммо...»

Инсаар молча глядели на тьелы, в которых шевелились зародыши. Разве это праздник? Праздники веселые... хотя энейле помнил, что на тех праздниках ему тоже не было весело. Он был там чужим. И те, другие, его отдали... аммо не помнил за что – помнил только, что это было очень больно. А любимый никому его не отдаст.

Потом Главный и второй из Старейших подозвали их с Флореном, и они подошли. Старейшие долго глядели на него, и энейле вновь чувствовал, что Амплиссимус его ненавидит и боится. А тот, из Абила, вдруг сказал: «Страшись!» И ткнул когтистой лапой во Флорена. Страшиться? Чего? Что может грозить любимому? А потом энейле поставили посередине поляны, и все Дарособиратели запели тихонько, а он стоял среди них – единственный Дароприноситель здесь. Это – честь. Давно, страшно давно илгу с синими глазами и короткими волосами сказал ему: «Честь – это когда ты делаешь, что должен, а остальное не в твоей власти». Да, этот человек был илгу... странно, раньше энейле не знал суть человека, не понимал, кто перед ним – илгу, аммо или раф – и что он дает миру. Но это же так просто! Теперь энейле видел и различал нити силы лучше, чем все, что видел вокруг. В середине существа илгу пылает солнце. Солнце – жадное, его нужно кормить, и илгу пьет всех, кого видит, забирая силу любого, кто слабее его, и даже не думая об этом. Из илгу получают лучшие завоеватели и правители – так говорит Флорен. Хорошо, что илгу мало – слишком много женщина должна взять у мира, чтобы породить такое существо, а обделять мир нельзя. Иначе все умрут – и люди, и Инсаар, и сам мир, ибо некому будет питать землю, на которой они живут.

Илгу своенравны – ведь они сильны, а сила порождает гордыню – и сопротивляются любому давлению, скидывая морок Дарособирателей, даже не задумываясь, как такое происходит. Но, если илгу отдает силу по своей воле, от этого потока можно даже захлебнуться. Предок энейле был могучим илгу, рассказывал Флорен по дороге к шатру. Он выпил напавшего на него старшего Инсаар, а потом вырезал у ослабевшего Быстроразящего сердце. Дарособиратели решили наказать своенравного, посягнувшего на равновесие мира, но он собрал людей, похожих на себя, и научил их пить Инсаар. Узнать, кто есть кто, возможно – нужно только увидеть пылающее солнце в глубине естества... Была война, а потом Ка-Инсаар, союз. И по договору Дароприносители обязались за защиту отдавать свою силу Дарособирателям, чтобы те могли отдать ее всему миру. И когда прадед энейле и Амплиссимус принесли жертвенный Дар друг другу,

в тьелах зародилось последнее поколение Инсаар – такова была сила Дара. Но илгу редко отдают, они копят силу и не делятся.

Другое дело – аммо. Их тоже немного, но больше, чем илгу, иначе мир бы погиб. О них Флорен рассказал, когда они уже дошли до поляны, где жил энейле... нет, жил он только рядом с любимым, а без него просто... ждал. Кричал от боли, плакал, умирал каждый день разлуки, но ждал. Быстроразящий уложил его на шкуры, ласкал, давая жизнь телу и душе, и говорил – словно самому себе, ведь энейле его почти не слушал, просто наслаждаясь лаской и мягким низким голосом в голове. Аммо – кормящая основа мира. Отданная ими сила позволяет рекам поить землю, полям и деревьям – приносить плоды, облакам бежать по небу, оживляет даже камень, когда в глубине скал зарождается огонь... Инсаар предпочитают пить именно их, но сильные аммо встречаются слишком редко, и приходится брать силу тех, что послабее, и даже пить раф – а этого не хватает! Флорен вдруг перестал его ласкать, и энейле сказал: «Я отдам все, что могу!» Но любимый зажал ему рот рукой и запретил говорить так. Он сказал: «Наш Старейший и так хотел забрать всю твою силу разом, но я уговорил его, вот только...» – и опять замолчал. А потом целовал, как безумный, и клялся, что никому не позволит причинить энейле вред, выпить его, что энейле защищает союз Дара, что Главный не посмеет нарушить договор, иначе умрет сам! «Старейший ждет, чтобы союз нарушил илгу, а твой брат способен на такое, энейле, потому что глуп». Брат? Энейле не понял слова. «Да-да, – твердил Флорен, – твой брат не понимает, что Главный боится схватки с ним, боится, что они оба умрут, выпив друг друга, и страшится навлечь на себя гнев мира, нарушив договор. Мир принимает жертвенную клятву и уже не отпустит давших ее. Но рано или поздно зарвавшийся илгу поставит Старейшего перед выбором. Лучше б в твоей семье были одни раф и ты, энейле!»

У раф силы почти нет, но иногда Инсаар выпивают их, надеясь достать крохи. Все лучше, чем позволить погибнуть себе и миру или гоняться за илгу и драться с ними. Если б люди хоть что-то понимали, они держали бы сильных аммо рядом с собой, не давая тем работать и воевать, и брали бы их силу небольшими частями – как Флорен берет энейле. Если быть осторожным, то искру, что горит в сердцевине аммо и в миг соития разгорается ярче звезды, можно использовать долго, и люди способны делать это куда бережней, чем Инсаар. Люди не нуждаются в силе другого для поддержания жизни – если только не умирают... «Твой брат – обуянный гордыней глупец, – почти рычал Флорен. – Ему достался сильный аммо на ложе, но илгу погнал его бегать с железом, и тот погиб. А теперь илгу требует назад тебя, мой энейле. Илгу жадны невероятно! Все им мало!» – «Как и Инсаар», – вдруг сказал энейле неожиданно для себя самого. Разве не с той же жадностью Флорен пьет его на ложе? Но любимый не разозлился, просто поцеловал его еще раз и сказал, что не причинит энейле вреда большего, чем обязан, но вовсе не брать его силу не может. Если б можно было пить женщин... но те выполняют другую задачу. Их сила направлена внутрь, чтобы тело и дух женщины могли породить и выносить дитя. Энейле сразу понял, о чем говорит Быстроразящий. Как-то раз они выбрались через ноо с поляны и заметили много женщин, полоскавших тряпки в большой воде. В глубине их существа отчетливо виднелась вязкая колыхающаяся темень. Женщины закрыты для мира, они отдают только Матери-земле, потому что сами – матери. А сила мужчины течет свободно, ее можно собрать... и потому Инсаар берут только мужчин. И будут брать – иначе миру конец. «Отец энейле, довольно слабый илгу, породил нескольких раф и такую драгоценность, как ты. А про твоего брата я даже говорить не желаю, даже думать! Зачем он еще раз взбесил Старейшего – он и его карвир?! Они принесли Дар друг другу – как умно! Миру все равно, а Главному не досталось того, что он желал. Но мир принял Дар, ведь оба илгу, новые союзники – его часть, как и все остальные существа. Так какая же

была разница? А теперь Старейший злится еще сильнее и может причинить энейле вред... не закрывайся от меня, счастье мое, иначе я не услышу тебя, если придет беда...»

Флорен приподнял бедра энейле, заполнил его собой, брал неистово. Аммо жил только этими мгновениями, отдавая всего себя – каждый раз, как в последний. Любимому нужна его сила, и он отдаст без звука, ведь это такое счастье – в миг соития наблюдать глазами Флорена, видеть, как через любимого он, аммо, поит весь мир...

А потом Флорен ушел, и энейле вновь чуть не умер. Он бился в корчах прямо на поляне, хрипел, задыхался, рвал эти тряпки... Ланий тогда поднял его на руки, покачав пушистой головой, долго старался успокоить, отобрал порванное, укутал в шкуры, велел лежать смиренно, и напоил той настойкой, от которой все вокруг окутывал золотой туман. А после стало совсем холодно, и в измученном теле ныла каждая кость. Недавно Ланий вернул ему отобранное и наказал не высовываться за полог – там с неба падает белое. И энейле лежал и старался не скулить, иначе Ланий скажет Флорену, что аммо непослушен, и любимый рассердится и долго не будет приходить. Настойки ему не давали уже давно, и отупелое блуждание в тумане вновь сменила острая тоска. Он просто больше не может лежать вот так – как сочащаяся болью колода! Не может!..

Аммо закричал – пронзительно, дико, но ответом был лишь голос леса. Можно орать, можно биться головой о землю – все бесполезно, любимый не придет, пока не захочет сам. Но пусть хоть Ланий... что-то острое впилося в бедро – да так, что даже боль чуть отступила. Собравшись с силами, он приподнялся, нащупал в ткани твердое, жесткое, поднес к глазам. От острой штуки тянулась нить силы – тонкая, но вполне различимая. Энейле почти не видел очертаний беспокоящей находки, как не видел и того, что за пологом – отвык смотреть глазами и разговаривать словами. Он смотрел в сердцевину... вещи? Не еда и не питье, так что это? Загнутое острие, холод... железо? Железо – это война, железом убивают, и потому Флорен, как и другие Быстроразящие, ненавидит железо... Откуда оно здесь? Нужно убрать, пока любимый не заметил... Энейле сосредоточился, стараясь заглянуть в самую суть непонятого предмета – любимый учил его поступать именно так. Глаза слезились, голова разламывалась, но исходящая от вещицы нить все крепла, и наконец он увидел...

Два Даропринесителя на зеленой траве, и от обоих струится мужская сила – та, которую можно и взять, и отдать миру. Мальчик и юноша. Аммо и илгу. Аммо еще закрыт, он не знал соития, ибо силе должно вызреть и лишь тогда ее можно брать. А илгу... старший из Даропринесителей был счастлив, в глубине его существа пылало солнце, и аммо смеялся от радости, глядя на это. Они оба радовались. Силы было так много, что ее хватило бы на годы, и мир жадно поглощал ее... Тот год, то лето – лучшее лето в его жизни... Мальчик смотрел на старшего, потом протянул ему раскрытую ладонь. Илгу взял острый предмет из железа, поднес к глазам... и вдруг обнял аммо – порывисто, сильно. Прижал к себе и держал так, не отпуская, а младший грелся в лучах солнца. Аммо редко получают так много силы, ведь они рождены, чтобы отдавать.

– Брен! Ты... спасибо! – голос звучал в его голове – ликующий, свободный. Так говорят илгу, ибо они не ведают и половины страхов аммо и раф. Нет, так говорил лишь один илгу на свете. И энейле закричал в ответ:

– Север!

Боль разодрала внутренности, заставляя сжаться в комок, поджать колени к животу. Аммо словно боролся с вязким мороком, не желавшим отступить, но вещица из железа

помогала ему, дав нить, крепнувшую с каждым мигом. А потом нить превратилась в меч – огромный, сияющий меч силы, закрывший его от боли. Воздвигший стену, не дающую боли пройти. Человек сел на ложе из шкур и увидел за пологом снег. Снег. Зима. Зимой идет снег, а его брат – илгу. Север!

– Подойди, Брендон, – юноша-илгу давно вырос. Солнце внутри его существа стало огромным и пылало так, что глазам больно. На этот раз радости не было, боль вновь драла на куски – но было понимание. Человек понимал, где находится и что сотворил. Он сотворил непоправимое – предал. И илгу его отдал. Брат отдал его Флорену. Для того, чтобы сила ammo питала мир и породила новых Дарособирателей в тьелах. Так доят корову. Он обильная, жирная корова!

– Я не животное, Север, не надо!

Илгу не услышал. Илгу – человек, он может прожить и без силы, хотя берет ее много, а вот Флорен не может. Солнце илгу пылало, серые глаза смотрели прямо в душу.

В них не было гнева и боли – только приказ: сопротивляйся, брат! Ты мой брат, ты Астигат, живи! Ты не корова!

– Брен! Спасибо тебе! – юноша вновь прижимал его к себе, и сила текла между ними, а в ладонях – маленькой, детской и уже жесткой, мужской – был зажат железный крючок для ножен, соединивший их нитью... лишь так братья могут брать друг от друга. Но могут – и казалось, через годы его родной брат, Север Астигат, отдавал ему свою силу.

Он не корова, не жертва. Он человек по имени Брен Астигат. Брендон – хоть так его не звал никто, кроме илгу с синими глазами... Иллария... консула Лонги. Лонга – родина Брена, родина его племени. Брендон Астигат, его отец, был вождем, а теперь вождь – его брат. Брен вытянул руку, раскрыл ладонь. Теперь у него есть меч. Оружие. Защита. Мама рассказывала им с Севером...

Мама! Женщина с усталым, добрым лицом. Темно-русые густые волосы. У него самого волосы светлее, и все его братья были белокурами – в отца. Дом, мама, брат. Как хочется их увидеть! Что он делает здесь, на этих шкурах? Он любит Флорена, но, если бы брат знал, что для Инсаар аммо просто корова, ни за что не отдал бы Брена, несмотря на предательство. Страшно любить того, кто всего лишь живет твоей силой, но Брен любит – и будет любить... только больше не отдаст ни капли. Меч защитит его.

Покои их дома в Трефоле... деревянные лежанки, красивые мягкие шкуры – не то что шкура, принесенная Ланием. Мама сидит на лежанке, и у нее в руках прялка – мама не любит сидеть без дела. А они с Севером на полу – играют с резными фигурками, видно, взятыми кем-то из воинов во время набега у имперских детей. Фигурки забрали, а детей убили на войне... Инсаар ненавидят войны, отбирающие у мира силу и ничего не дающие взамен. А мальчишки любят играть в войну. Играл и Брен, но ему было интереснее представлять, что еще могут делать эти фигурки. Он не знал, как строить деревянных солдат, и Север показывал ему, а потом легонько толкнул в плечо и принялся щекотать. Брен радовался тому, что брат рядом и не уйдет на настоящую войну, как часто бывало, смеялся в голос, и мама, чтобы они не мешали ей возней, начала рассказывать им имперскую сказку про крестьянина и трех его сыновей, которых он решил приставить к делу. «Да, – хмыкнул Север, – прямо как наш отец». – «Все отцы так делают», – возразила мама и принялась рассказывать дальше. Стрый крестьянин, как оказалось, отдал среднего учиться шить, старшего – ковать, а младшего послал учиться воевать. Через много лет братья собрались вместе и решили показать свое умение. Старший творил молотом чудеса, одежда, сшитая средним, не рвалась и не изнашивалась... а когда дошло дело до младшего, тот выскочил на улицу, под проливной дождь, и принялся вертеть над головой меч, и на него не попало ни капли. Чем заканчивалась сказка, Брен не помнил, но это было уже неважно. На его ладони лежал меч – старый крючок для ножен. Глупый маленький аммо думал, что илгу вырос и перестал его любить – кто же станет любить предателя? – но ошибся. Север дал ему оружие. Из крючка тянется нить, защищая аммо. Он научится владеть своим мечом так, как тот воин из сказки, добьется, чтобы сила встала вокруг стеной, не давая читать его мысли и делать из него корову. Северу грозит беда: ведь самая огромная сила – ничто без знания, а брат ничего не знает. И, чтобы предупредить и искупить свое предательство, маленький аммо должен вернуться...

В шатер вошел Ланий. Черные непроницаемые глаза Инсаар уставились на Брена, но аммо только улыбнулся. Он почуял приближение Пушистого и спрятал крючок обратно в тряпки. Дарособиратели не найдут его оружие. Быстрозащипав постоял несколько мгновений, потом дотронулся до его лица и вышел. Не заметил, не понял! Брен скорчился

под шкурами, сжал крючок в ладони и зажмурился. Он впитывал и впитывал тоненький ручеек силы, а оружие росло и крепло.

Трефола

А отец еще считает имперцев хваткими хозяевами – дескать, все взвешают, подсчитают и учтут. Ну да, как же! Поставь имперца оружейной заправлять – так там после ржавого обломка не сыщешь. И где его носит, этого Фабия Лота? Не доищешься, кто хочешь, бери оружие да выноси. Еще и свиней тут развел, хрюкают по углам, тьфу, Кэль Хисб¹¹...

Райн, сын верховного стратега племенного союза, заглянул в темный угол оружейной, откуда доносилось громкое хрюканье – не там ли Фабий со свиньями возится? – и сплюнул на грязный пол. И с чего он так разошелся? Ворчит, точно старик, и все потому, что даже Север уже не верит... ну и пусть не верит! Пусть все верить перестанут, а он будет искать Брена. И найдет. Да только Север приказал сегодня собрать декаду и ехать к реке – купцов имперских встретить... сами они, видишь ли, боятся! А чего бояться, когда часть имперских легионов стоит в Трефоле и все мирно? Ну, не то чтоб совсем мирно, но война уж полгода как закончилась. Вот и ехали бы себе – так нет, встречай, время трать. И папаша очумел вконец. Север велел всем командирам срочно родовые имена себе придумать, вот отец и отличился. Мать его засмеет, как узнает: и сам Крейдон, и сыновья его отныне зовутся Рейгардами – Защитниками. Долго, чай, придумывал... Север, конечно, прав, и Брену бы тоже такое понравилось. Не годится войско возглавлять, если тебя даже толком в списки эти длинные не запишешь; и тем, кто имена родовые получил, все завидовали, хоть и подшучивали. А что? У вождя Райна, тезки его знаменитого, тоже вначале только прозвище было – и вот уж век все потомки вождя носят имя Астигатов. Да кто ж, провались все, тут хрюкает? Зачем старикан свинью сюда притащил и куда сам девался? Новые ножны срочно нужны, ехать вот-вот – а тут бегай за имперцем, пока сам не захрюкаешь. Ой!..

А хороша свинка! Только задница великовата, а так ничего. Фабий Лот – первый гуляка во всей армии союза, это уж точно. А хрюкает-то именно Фабий, хотя не его шпарит в зад, а он сам шпарит. Так чего ж?..

– Ты, парень, погодь... – и дальше сопеть. Ну, старикан! А под ним... это ж Секст, с пятой когорты Четвертого легиона. Райн теперь тоже служил в Четвертом, только Заречном, а Секст – в Предречном. Легионеров поровну почти, но в Заречной армии семь легионов, а в Предречной – только пять. Верно Север карвиру своему говорил: десять когорт в легионе больно много, лучше делить по восемь, и не будь Иллариус Каст упрям, как трезен... Консул тогда ответил, что сам Север упрямее любого трезена, а, как известно, упрямей них только бараны... ух, все думали, что переругаются они, но обошлось. Когда карвиры ругаются, близко лучше и не подходить. И все равно, лучше стало. Отец, конечно, жалеет немного о дружине и бляхе шиннарда, но вождь прав: легионами и когортами командовать удобней, особенно в бою. Легионерам теперь платят, и от власти старейшин войско освободили – никто не спорит, куда вождю воинов слать... ну, кроме карвира... Да сколько ж Фабий может Секста-то драть? Темнеет уже! Холодное Сердце еще и за подробностями к нему явиться приказал – это когда же они уедут? Интересно, а что сделает Север, если обратиться через его голову к консулу и попросить не слать сына верховного стратега купцов встречать, а позволить еще раз со своим разездом скатать

¹¹ Кэль Хисб – лонг.: Лоно неродившее (бесплодное), прозвище злого духа – распространенное проклятье.

вдоль правого рукава Йоны? Ну, а вдруг – там ведь еще не искали почти. Зато в других местах чуть не все обшарили – всю зиму разъезды совместные искали и почти всю весну, – но и следа не обнаружили. Нет, нельзя так думать, нельзя, и все тут! Пока хотя бы три человека в Лонге верят, что Брена можно отыскать, его найдут. Райн верил. А Север и Иллариус... они просто виду не показывают, но Райн своими ушами слышал, как карвиры о поисках говорили, мол, в Предречной еще попробовать нужно. Вождь, правда, уверен был, что брат его в Заречной где-то – да только где? Да и лицо карвирам держать приходится, ведь не станешь вечно воинов посылать одного человека искать. А Райн – не вождь, не консул, ему можно. Ведь виноват он перед Бреном, и перед братом его тоже. А в чем виноват – и не объяснишь, слов таких не придумано.

– Ну, чего тебе, парень? – Фабий, похоже, отхрюкал, и пока Секст свою тунику поправлял, да семя с голых ног вытирал, оглаживал круглую задницу любовника. Вот же задастый тип! Среди имперцев такие редкость, все больше жилистые, поджарые – как и лонги. Это остеры многие задницами славны. Райн вспомнил, как они с Бреном смеялись над привычкой остеров есть по четыре раза на день, как друг рассказывал о храме своем клятвом, и смеяться над Секстом вмиг расхотелось. Вообще смеяться не хочется, как подумаешь... карвиры никогда не говорили, куда девался младший брат вождя, но отец точно знал. Да только не говорил, и Райну велел не допытываться – поручили, мол, искать, ну и ищи себе. Нехорошее там что-то было, ой, нехорошее...

– Ножны новые, да быстрее! А то ждешь, ждешь...

– Потерпи – не видишь? – занят был, – и старикан снова пропал куда-то. Опять ждать!

Фабий, не в пример прочим имперцам, быстро с лонгами отношения наладил – недаром столько лет в плену провел, а вот Секст тут же насупился. И пусть себе дуется, а полезет – и огрести может. Морду набить чары Инсаар не мешают! Вот убить – это да, не дадут. Точнее, дадут, но после убийца мало проживет. Поначалу никто почти в толк взять не мог – как же так? Дрались, дрались, шавки имперские нашу землю разоряли, в каждой семье кто-то да погиб или в плен попал, а у некоторых так вовсе никого из родни не осталось. А теперь, выходит, и прибить нельзя? Вот учудил вождь! И убивали. Имперцы тоже постарались, понятное дело, у них свой счет есть, и длинный. Райна тогда только-только обменяли, и он в Трефолле три такие схватки видал – до смертоубийства. Первый раз прибежал старшина один – и чего его Север старшиной поставил, дурака эдакого? – и давай орать: имперца, дескать, убил, отомстил за отца и братьев, под Гестией polegших! И дальше убивать будет – и Инсаар ему не указ! Как спятил, словом, все слюной брызгал. За вождем послали, но главный жрец Греф прежде подоспел, велел нарушившему союз Дара заткнуться, если он гнев Быстроразящих не желает призвать тут же... да не замолчал старшина, все вопил: «Ну где, где ваша кара?!» Все молчали, и подумал Райн тогда, просто всей кожей почувствовал, как и лонги, и имперцы, рядом стоящие, хотят... хотят, чтобы и правда не убило! И резать их, резать! Не все имперцы такие, как Иллариус Каст, что приказал Райна и других из колодок вытащить, ох, не все. Что, разве Райн забудет когда, как командир Первого имперского легиона, с которым теперь отец и Север за одним столом едят-пьют, животы вскрывал пленным, а прежде... Не хотел Райн помнить о том, что видел на имперском Ка-Инсаар, но до сих пор во сне приходило, не избавиться! Потому и думал: не убьет сейчас старшину – сам пойдет и глотку командиру Первого легиона перережет. И вот тишина повисла, а старшина все орал, а после стал вина просить. Ему кто-то дал флягу, он отпил и даже повернуться не успел, как балка, что семнадцать годков тихо-мирно крышу подпирала, рухнула ему на голову, чуть в землю не вбив. А Греф только руки вверх воздел, пробормотав: «Воля Инсаар». А ведь у самого Грефа двое

сыновей на войне погибло, и ненавидел он имперцев люто, да толку? Против союза не попрешь, так что нужно жить – а потом и жизнь начала налаживаться. Райн знал: молодые лонги к имперцам под боком скорее привыкнут, да и сам был бы рад многое перенимать, что полезно, только все мысли его были далеко – там, где Брен. Вот найдет его, и вместе станут новой жизни радоваться. Как будто знал Брен, как чуял, потому и говорил о Риер-Де так, а вот Райн не понимал и до сих пор корил себя, что не отлупил друга тогда – три года назад, после битвы у Трефолы. Надо было отлупить или Северу рассказать – и не случилось бы ничего! И чем только думал? Да не думал, вот в чем беда, на Брена любовался, в рот ему заглядывал.

В другой раз уже имперцев прибило. Они-то, может, и хотели скрыть, что двоих лонгов порешили, но Инсаар не дали. Одного из нарушителей союза две тени пополам разорвали и нарочно трясли внутренностями перед глазами людей, а второй сам себе от страха нож в живот воткнул... В третий раз кара задержалась, и вновь все затаили дыхание, ожидая – вот-вот сцепиться можно будет. В пьяной драке лонг имперца прибил, но тот не сразу помер, наутро только. Расплата задержалась на месяц, а потом нарушителя союза нашли в выгребной яме с выпотрошенным животом... и как отрезало! Перестали люди союз на прочность испытывать. Поверили. И стали думать, как жить вместе, раз судьба такая. К весне уже можно стало купить у имперца чего без смертоубийства. И совместные разъезды по лесам помогали, и маневры учебные, что Холодное Сердце придумал. Да чего за примером далеко ходить – вон в разъезде Райна было пятеро имперцев и четыре лонга, и искали они все вместе, на совесть, потому как и консул, и вождь строго велели: искать! Карвиры огромную награду обещали тому, кто найдет, а Райн был согласен сто плетей вместо награды получить – есть за что! – только бы найти. Живым. Только б увидеть улыбку, от которой вначале серые глаза светлеют, а потом чуть не в серебро превращаются... Брен всегда улыбался словно сам себе, но как на сердце-то легко становилось от его улыбки.

– Ты что, парень, уснул? – Фабий протягивал ему ножны – как раз такие, как нужно. Все ж знает старик толк в оружии – ветеран, он ветеран и есть. И в оружейной ему самое место, а то большинство опытных воинов сейчас занято: кто с новобранцами возится, кто уже с трезенами сцепился. Райн своими ушами слова Севера слышал – хорошо, мол, что трезены первым имперское поселение сожгли... вот смех, Холодное Сердце вождю договорить не дал. Нет, сказать ничего не сказал, но так губы скривить лишь Илларию может! А Север смеяться начал: «Не делай ледяного вида, я не о том!..» И правда, не хотел вождь карвира задеть. Просто трезены на имперцев напали, и те обозлились, а лонги все как один встали рядом с бывшими врагами – людоеды-то всем поперек глотки! Вот о чем Север говорил. Тогда же и первый Ка-Инсаар провели. Лонги отдельно, имперцы отдельно – но все рядом, под Трефолой.

– Спасибо, – буркнул Райн и снова задумался. Вождь трезенов, Ульрик Рыжий, должно, шапку свою съел с досады, узнав о союзе. Лазутчики доносили, что людоеды еще прошлой весной выступить собирались, но, прознав о похищении Брена Астигата, подождать решили. Вот и дождались! Илларию тогда заявил: «Ульрик мало отличается от императора Кладия. Проявил осторожность, решил подождать, пока враги измотают друг друга, а потом сожрать по одиночке. Испытанная тактика, но иной раз храбрость дает больше. Напади Ульрик тем летом, а лучше весной – неизвестно, как дело б повернулось». Север взвился в миг. И сказал: пусть имперец себе не воображает, будто лонги трезенов испугались и оттого на союз с Риер-Де пошли. Вот тут они и поругались – страсть. Но Райн в главных покоях на посту стоял и видал, как при первых звездах карвиры помирились и пили вино, сидя на полу, на шкурах. И как Илларию, запустив пальцы в волосы любовника, со смехом спрашивал: «Прошлым летом, после боя у реки, вождь

лонгов, наверное, старыми сапогами трезенов закидал бы? Или прошлогодним снегом напугал?» И Север, который никому не позволял так с собой разговаривать, хохотал, привалившись спиной к груди консула: «Вот теперь Ульрик утрется! Пусть в другой раз не тянет с войной, больше ему не драться с одними лонгами, против него союз встанет. У трезенов дружина хоть и велика, да толпа дикая это, не воины». Карвир с вождем был согласен, опьянев, наклонялся близко-близко, шептал что-то, но этого уже Райн не расслышал... вот тебе и Холодное Сердце!

– Эээ... Райн! – сын стратега уже повернул было к выходу, пусть Фабий со своей «свинкой» дальше тешится, но Секст его сам остановил. Гляди ты, смирил имперский норов, по имени обратился. Поначалу кое-кто из имперцев просто «эй, ты» лонгов звал, пока Север, которому никто и не «тыкал», морду одному командиру когорты не разбил. – Ты же к бродам едешь? Возьми меня с собой, мне отец из Миаримы кой-чего передал, хочу забрать. Я быстро смотаюсь, пока вы с купцами там...

И боком-боком к Райну придвинулся. Видать, не погнушался бы и ему зад подставить. Ладно, пусть себе едет – какая разница, десять человек в разъезде или одиннадцать? Вот только едут не туда, куда надо.

– Если тебя твой десятник отпустит, отчего нет?

Секст хохотнул и быстро легионерский плащ накинул. Почти все молодые лонги с первого жалования себе такие заказывать начали, удобна имперская хламида походная – и спать на ней, и даже палатка получается маленькая. Столько заказов было, что Север приказчика отдельного взял, и тот мастерскую большую устроил, только на армию шьет. Раньше в племени такого не было – что из дома взял, в том и ходишь, – да раньше они и риров не видали. А сейчас вот Райн, как десятник, шесть риров в месяц получал, а в походе – целых девять! Богатство. Фабий вон говорил, что, накопив риров двести, можно в Гестии мастерскую прикупить с рабами. Да на кой ему такое? Он воин. И все равно, жалование – это здорово... только откуда Север золото берет?

– Мой десятник со вчера еще не протрезвел толком, – Секст довольно прижмурился – на совесть его, видно, Фабий ублажил. Все верно, вчера был второй со времен союза Ка-Инсаар, и то потому, что третьего дня случилось жуткое: Неутомимые досуха выпили имперскую деревню, погубив полтора ста душ. Ничего нового, поселения Риер-Де и раньше часто опустошали, но после этого карвиры объявили Ка-Инсаар и молчали весь день, словно даже друг на друга глядеть не желая. Не по нутру им нелюдей ублажать, так отец рассудил.

– А чего твой десятник так упился? Непривычно без колодки-то? – Райн чуть язык не прикусил, но Секст оказался не обидчив. Чуть толкнул Райна в плечо и пробурчал добродушно:

– Да ваш командир Второго легиона вчера под кустом мальчишку какого-то любил у всех на виду! Тоже нетрезвый...

Любил, верно. Второй общий Ка-Инсаар уже проще прошел. Но все равно Райну даже глядеть в сторону имперских палаток не хотелось, хоть и знал он, что там нынче никого не насилуют и не убивают. Иллариий перед обрядом созвал всех своих командиров и еще раз предупредил: уличенный в насилии будет заперт насмерть, и никакие наручни аристократов не спасут, никакая родня. И слопали командиры это молча, потому как те, у кого родня против союза, давно сбежали уже. Остались только те, кому Лонга дорога, как

бы ни звалась – Заречной или Предречной. Тут их дом, а в общем доме законы общие для всех. Так-то.

– Мы через час едем, не опаздывай. А я – к Холодному Сердцу, – он кивнул на прощанье Фабию и помчался по двору. Главные покои Трефолы, где теперь карвиры правили и жили, за день толком не обежишь – чуть не больше всего города. Так что поторопиться бы, консул не терпит опозданий. Райн вылетел на широкую галерею, пробежал еще несколько лестниц и привычно остановился на балюстраде. Он всегда здесь останавливался, что днем, что в сумерках, – на город посмотреть. В Трефоле они с Бреном оба родились, и как же хотелось думать: однажды вместе тут стоять будут. И, может быть, он Брена даже за руку возьмет...

Они росли, словно братья, и, когда Райну тринадцать стукнуло, он пошел к жрецу Грефу с вопросом: если правнук Райна Астигата и правнук его родной сестры сойдутся, не покарают ли их Инсаар? Греф скривился и ответил: не покарают. Быстроразящие наказывают, только если отец с сыном ложе делят или родные братья. Но младшего сына вождя сыну старшины Крейдона все равно в своем шатре, на своем ложе не увидеть. «Не для тебя добыча», – так и сказал. Райн разозлился, потом долго думал о словах жреца, а в день битвы у Трефолы понял: прав Греф. Брен был... не для кого. Ни для кого из лонгов. Когда Брена в храм Трех Колонн первый раз провожали, Райн всю ночь ревел под шкурой. И правильно ревел. Потому что сделали с его другом у остеров что-то – точно ум другой вставили. И каждый раз, когда Брен домой приезжал, сын Крейдона видел: все дальше друг, все больше в нем чужого, непонятного, ненужного. Райн старался обиду подавить,

пусть на сына вождя временами и братья обижались, и отец с матерью. Вот сидят все за столом, а Брен не ест и такими глазами смотрит на то, как едят с одного ножа, что лучший кусок поперек горла встает. Или скажет что-нибудь, да пренебрежительно так, хоть в морду ему дай. Если б не Север, ох и били бы его, а так сторонились только. Старшины в открытую ворчали: распустил Брендон младшего сынка, старший тоже не мед, но от него польза большая есть – а этот сопляк что себе позволяет? Ни в одном бою не участвовал, а туда же – воинов судить! А Райн кидался друга защищать – и зря кидался! Когда после боя у Трефолы Север на брата наорал, ударил даже, друг сыну старшины с три короба наговорил. Что лонги дики и невежественны, что имперцы верно их варварами называют! Что Риер-Де – лучшее государство на свете и все должны законы имперские соблюдать... слушать тошно было. Райн ведь тогда только из боя выбрался, к другу пришел, а друг, все битвы в безопасности просидевший, нес такое, за что убивают. Но с Бреном всегда так тепло было, что душа нежилась – оттого и пропустил мимо ушей болтовню дурацкую. Ясно одно было: небывалое ждет того, кто познает младшего сына вождя на ложе. Райн хотел предложить Брену стать его первым любовником на Ка-Инсаар и, согласись тот, выложился бы так, будто перед ним сын сказочного керла. Но обряд проходил за обрядом, Брендон-старший не велел сыну в них участие принимать, да и Брен после ссоры с Севером все больше молчал. Райн по дури все на ссору и списывал – братья ведь друг в дружке души не чаяли, вот Брен и обиделся, оттого и предал потом. Да, видно, все сложнее было.

Когда Райн попал в плен, то думал: и скотина же ты, Брендон Астигат, – но хоть молчал, зато вокруг Брена все так кляли, что тому сто раз помереть и то мало. Потом их погнали на консульскую площадку, построили в три ряда и начали выталкивать вперед. Райну тогда увидеть довелось такое, отчего седеют и руки на себя накладывают. Но он не орал, не ругался – просто стоял и смотрел, будто оцепенел. А перед тем, как его самого в колодки забивать наладились, на площадке появился Иллариий Холодное Сердце. Про консула разное болтали, и сын шиннарда думал, что тот и впрямь огнем дышит. И правда – как бы сейчас карвиры ни ругались, а таким страшным, как в день имперского Ка-Инсаар, Райн Илларию больше не видел. Консул не кричал, но глядел так, что командиры легионов чуть на колени перед ним не падали. Перепугал он их жутко, и тем жизнь и честь спас и Райну, и сотне других пленных. Райн так отцу и сказал: век он не забудет того, что консул сделал, и, если кто Холодное Сердце при нем хулить станет, по морде огребет. Отец крикнул и выдал, что, кроме вождя, никому ругать его карвира и не положено; только после боя у реки и сам шиннард, и вождь иначе думали... отец весь вечер мрачным ходил, и понимал его Райн. Сложно все, ох тяжело...

Когда всех, кого обменяли после союза, Север отправил в родные становища – с матерями и женами повидаться, Райн даже ехать не хотел. Он слышал, что Сабина отказалась от сына, что родная мать требовала Брену проклятья. Мать винить не получалось, но и Брена забыть не выходило. Тем более что Север ему сам сказал: Брена искать будут – не для суда, не для расправы, а потому, что на войне всякое бывает, ошибка вышла. А Иллариий объявил воинам, что это Брен, душой за свой народ болевший, уговорил его союз заключить, и теперь карвир вождя лонгов, много выигравший от союза, станет брата вождя искать так, как родного брата искал бы. А потом Холодное Сердце еще сильнее к себе привлек. Тогда Райн, вернувшись из очередного разезда, доложил: нет ничего, пусто. Сам от горя едва не подыхал, Север молчал, голову опустив, а у Иллариия такое лицо стало... и впрямь точно за брата дергался!

А когда Райн в становище приехал, мать, вдоволь наплакавшись, оттолкнула его вдруг, понеслась через проселок к шатрам покойного шиннарда Беофа и кинулась в траву на колени. Зарыдала: «Сабина, подруга, прости! Сын – вот он, живой из плена вернулся!

Прости, что твоего сына проклясть требовала». Бывшая наложница Брендона Астигата вышла к матери, подняла ее, обняла, и пошли они в шатер. В тот вечер Райн и остальные мужчины долго ужина дожидались, а женщины сидели одни... потом мать вернулась и сказала: «Ты дурачок, Сабина младшего своего ждет и не винит. Ты уж его найди. И Северу передай: мать наказывает искать».

Райн еще раз глянул на город, прежде чем нестись в покои карвиров. Вокруг один за другим загорались огни, море огней – армия союза готовилась к ночлегу. Что сказал бы Великий Брендон, знай он, что легионеры Риер-Де стоят под стенами Трефолы и даже внутри стен города живут? Что его старший сын ложе делит с консулом Холодное Сердце?

Север и Иллариий опять спорили из-за количества когорт в легионе, а отец и командир Первого легиона, Тит как-его-там, какую-то карту разглядывали. Лавки мраморные и бронзовые, свет яркий, мясо на столе, вино хорошее. Все мирно. Вот только Брен...

– Чтоб ты знал, трезены в бой идут, точно вода плотину прорывает. Оглянуться не успеешь – уже копьё в боку или топор боевой в черепе. И фланги отрезаны. Не стану я такой машиной неповоротливой, как имперские легионы, командовать, – Север – в простой черной тунике, без оружия, волосы светлые по плечам... не похож вождь на брата, но сразу вспомнилось, как они с другом кораблики в ручье пускали, а Север им помогал запруду строить. И от воспоминания сердце еще сильнее защемило. – На восемь когорт легион делить надо. Что, спорить станешь, что Заречные легионы быстрее маневры выполняют?

– С чего ты решил, будто я не знаю, как атакуют трезены? Я с ними год воевал, – на консуле тоже туника простая, белая только. А говорит Иллариий коротко, отрывисто – видно, тревожится, или случилось что-то.

– То-то же, что год! А я – всю жизнь, – Астигат взялся за кубок и кивнул Райну: – Сядь, поешь.

– В боевом порядке десять когорт не так мобильны, согласен, зато фронт мощнее... ну сколько можно возвращаться к этому разговору?! Райн, ты опоздал, – консул всегда так. Спокойный и будто вроде Брена – в облаках вечно витает, а сам замечает все.

– А пока не согласишься.

– Я не соглашусь.

– А я не отцеплюсь.

Вот ведь Кэль Хисб! Вечно цапаются, а стоит поглядеть на них, ясно становится: все ссоры до того, пока в спальне наедине не остались. Вот и сейчас переругиваются, а сами глаз друг от дружки не отводят.

– Консул, прошу прощения, может быть, мы новости обсудим? – Тит, гад мерзкий, встрял. Лощенный такой, тьфу! Аристократ, как же, воспитанный, будто отродясь пленных не насиловал!

– Новости хороши, – пропел Иллариий, улыбнувшись.

– Хороши? Ну, как сказать, – и Север доволен. – Только если надеешься, что мой братец Марцел трезенам всю правду о нас не выложит, ошибаешься. Он меня ненавидит.

– А много ли брат твой знает? – Значит, Марцел Астигат, предатель куда похлеще Брена, у трезенов всплыл! Плохо, конечно, но не смертельно.

Север вдруг встал и принялся кубки наполнять. Налил всем и положил карвиру руку на плечо:

– Ну что, давай за императора твоего, Лар? Дурак дураком, да советников умных выбрал, – о чем это вождь? Райн взял кубок со стола и устоял на Астигата. Другие тоже смотрели, а Холодное Сердце руку карвира на плече сжал, и голос его чуточку, но дрогнул:

– За нас с тобой. За Заречную и Предречную. За союз. Иначе Кладий бы не так со мной поступил, – и выпил залпом. А Тит вдруг рявкнул:

– За консула Каста! – вот это да! Значит, император вернул Илларию должность?! Вернул, похоже! Испугался! Хорошо-то как, значит, с империей войны не будет, только с трезенами.

– Райн Рейгард, – консул Лонги уже пришел в себя. Тьфу ты, вечно он так. Вот уж точно – Сердце Холодное! Нет бы отметить, как полагается, да в честь такого события разрешить купцов не провожать! – Ты поел и выпил, получи пакет и отправляйся. И возвращайся быстрее. Нужно еще у правого рукава Йоны поискать.

Да, сейчас просить бессмысленно, но хорошо, что карвиры ему верят больше, чем другим командирам поисковых разъездов. Север-то всегда знал, что Райн будет искать Брена, как никто другой, а консул понял, наверное. Быстрее бы от купцов отвязаться – и назад!

– Служу Лонге! – Райн прижал сжатую в кулак руку к плечу и вышел прочь. Ночь пахла весной, и влажная холодная еще земля точно ждала тепла. Так ждала, как он сам Брена ждал.

Вечный Лес

Зима была долгой. Брен не мог припомнить таких длинных зим, ему все казалось, что весна задерживается из-за него. Он – ленивая корова, непослушный аммо, что обманывает своего любимого. Во всем мире нет человека более никчемного, чем Брендон Астигат. Вначале он предал родного брата и все племя, принес матери страшное горе, потом подвел Илларию, хотя сразу должен был сказать, что ненужная затея с вождем не даст ничего доброго. Затее действительно не принесла консулу добра, раз, по словам Флорена, Север побеждает. И теперь, готовя побег, Брен вновь подведет того, кто заботится о нем, Флорен не виноват...

Он не знал, когда точно решился бежать, хотя теперь помнил почти все. Помнил, как на следующую ночь после того, как он нашел крючок, вернулся златоглазый. Брену

отчего-то показалось, что Ланий позвал брата, заподозрив что-то, и эта уверенность крепла. Пушистый странно поглядывал на пленника, принося еду и помогая ему, но ни разу ничего не сказал. Усиленное внимание Пушистого было очень некстати. Если бы не оно, Брен писал бы буквы на земляном полу, а так приходилось восстанавливать их очертания в памяти. Когда же Флорен пришел, юноша впервые не кинулся к любимому, не припал к его ногам – словно найденный крючок не давал сделать того, что отчаянно хотелось. Златоглазый подошел сам, поднял любовника, поцеловал сомкнутые губы, потом позвал: «Энейле!» Брену хотелось крикнуть: «Меня зовут не так! Я не обильная корова!», – но он промолчал. Еще и потому, что любимый начал ласкать его – жарко, сильно. Положил на живот, заставил приподнять ягодицы, коснулся языком постоянно растянутого, воспаленного входа... и закружился золотой морок, и наступила вязкая тьма, и Брен кричал. А потом Флорен взял его и начал двигаться – это было как удар молнии, и все его существо содрогалось от наслаждения. Но тут Брен обернулся через плечо, и нить порвалась. Перед глазами звенело и пело острие меча – оно появилось само, будто что-то внутри сопротивлялось отъему силы. Брен не хотел быть животным! Ни за что! Никогда больше. Волшебная красота стекла с лица Быстроразящего, точно краска в дождь, и юноша понял: любимый не снимал чары, они развеялись сами. А следом пришла жгучая боль. Огромная головка драла его внутри, словно между ног воткнули раскаленный штырь... Брен и подумать не мог, что это так больно – без морока! Он попытался вытолкнуть из себя чужую плоть, но Флорен, будто рассердившись за порванную нить, прижал его к ложу и принялся вбивать себя в распахнутое нутро. Но связь не вернулась. Его насиловали, впервые брали против воли, но не доили, как корову! После того, как все закончилось, он всхлипывал, уткнувшись в шкуры, но не потерял сознания – и это было чудом. И златоглазый не ушел сразу – долго сидел рядом в своем истинном облике Дарособирателя и смотрел в лицо аммо. А когда любимый исчез в ноо, Брен достал из туники крючок и прижал его к залитому слезами лицу.

Наутро он не смог сесть. Просто лежал в подсохшей крови, смотрел на падающий снег и повторял про себя: «Я Брендон Астигат. Я вернусь домой. Меня ждут». Повторял, как заклинание, снова и снова, отгоняя тоску и боль. Он заставлял себя не думать о златоглазом, но все равно ждал, понимая с отчаяньем, что любовь не даст ему осуществить задуманное. О нет, это ему сейчас казалось, что он сразу все решил! На самом деле вся зима была наполнена длинными, вязкими днями и ночами, когда он метался между осознанием того, что творится вокруг, и уже привычным бредом. Да, именно так ведет себя корова, которую доят, а после забивают на мясо – мирно жует себе жвачку на лугу и смотрит влюбленными глазами на своих палачей. В то утро Брен выпил настойку Лания. Она принесла отдых телу, но после туман забытья вернулся вновь, и он чуть не потерял крючок. И так испугался, что больше ни разу не пил волшебной настойки Инсаар. Собственными руками сделанный крючок от ножен – вот все, что привязывает его к миру. Давний подарок превращается в оружие против нелюдей, стоит лишь захотеть. Как брат мог знать, что Брену понадобится оружие, и как мог выбрать настолько верно? Брен только недавно решил загадку: Север ничего не знал, конечно же! Просто брат хотел показать, что простил, и любит, и не забудет. И сила дара была такой, что сделала простое железо неуязвимым оружием. Позже Брен научился отгораживаться от Инсаар так плотно, что они теряли его – и Ланий, и Флорен. Принося еду, Пушистый не мог сразу отыскать его на поляне. А Флорен однажды пошел в другую сторону и даже звал своего энейле – раньше такого не случалось. Правильно, ведь раньше они читали его мысли, а теперь нет. Крючок был разом и щитом, и мечом.

Тяжелее всего было, когда Флорен брал его. Любимый точно старался не замечать, что энейле сопротивляется, но Брен знал: он замечает. И не наказывает. Почему? Но не страх наказания был мучителен – осознание, что захоти, и все вернется: безумное,

беспредельное счастье близости, радость отдать себя любимому... и не менее острая радость – поить своей силой, силой ammo, весь мир. Однажды Брен не выдержал. Прокляв себя за низость и слабость, выбросил крючок под дерево, сам встал на четвереньки перед Флореном, развел ягодицы в стороны и прошептал: «Бери меня, я не стану противиться!» Он хотел вторжения, слияния, отдачи... какая же мука жить без этого! Но, когда Флорен взял его, ничего не изменилось. Брен рыдал под тяжелым сильным телом. Рыдал от тоски и боли. Что-то в его существе сопротивлялось само, помимо воли. Морок не возвращался.

После этой встречи он пролежал ничком несколько дней, даже плакать сил не осталось. Ничтожество, раб, скотина на лугу. Таким ты никому не нужен – ни брату, ни любимому, ни миру! Дерись. Ты – Брендон Астигат, Ведущий Против, ты рожден драться! Он нашел крючок и целых полмесяца старался добиться того, чтобы меч вырастал выше крон деревьев, с которых уже сошел снег. И представлял это оружие силы в руках илгу – своего брата или Иллария, консула Лонги. Ammo могут только отдавать и потому должны защищаться, не позволить нелюдям пить их силу, а илгу могут разить оружием и пить сами.

Брен помнил сказание, которое почти у всех народов звучало одинаково: сначала было так, что ничего не было. Ничего, кроме Вис, которое еще называют Виртус, что соединяет в себе все силы мира, какими бы они ни были. Но силы, противоположные друг другу, нельзя держать вместе слишком долго, ибо они поглощают друг друга, уничтожая себя и рождая что-то новое – так вода загасит огонь, но и огонь высушит воду, а на месте их появится что-то третье. И разделились силы, и от разделения их появилась Мать-земля, Мать-Природа, Натура, как зовут ее имперцы, и тени, и Инсаар, кои тогда были Даропринесителями, ибо Природа была пуста, как женщина, живущая одна. Даропринесители отдавали ей свою силу – и появлялись реки, и изливались дожди, и зеленели деревья, и гнулись от тяжести плодов их ветви, и населяли землю звери. Но нельзя отдавать вечно, не получая взамен, ибо хоть велика сила Быстроразящих, но не бесконечна... и тогда тени оделись плотью и превратились в людей, чтобы не кончился мир, чтобы было кому кормить и поить его. Но люди не знали, как отдавать силу, и некому было их научить, и потому Инсаар стали Дарособирателями. Они познавали людей, собирая их силу и передавая миру, и решили не брать больше силу у себя. Так потянулись века Жертв. Правда ли это или нет, не знал никто – даже Флорен, а ведь Брен спрашивал. Любимый ответил, что Инсаар рассказывают об этом немного иначе, но всей правды не знают даже Главный и старейший из Абилы – и убитый прадедом Брена Инсаар тоже не знал. Трое – старейшие в своем народе, они видели Вечный Лес юным, но и они не помнят начала времен. По человеческому счету Главному было около восьмисот лет, но все, что Флорен узнал от него: мир нужно кормить, иначе придет смерть всем в нем живущим. Эту простую истину Брен понял и сам, пока морок еще действовал... но больше ему никогда не напоить мир силой. Он убедился в этом.

Снег потихоньку таял, в полдень уже всю звенела капель, а Брен учился жить заново. Считал дни и ночи, складывал мозаику, старался не обращать внимания на то, что не узнает собственных рук – такими они стали тонкими. Если б не присмотр Лания, он бы попробовал те имперские упражнения. Север высмеивал имперскую гимнастику, но все же соглашался, что она помогает человеку не превратиться в грудку жира. Грудкой жира Брену стать не грозило, он буквально заставлял себя есть, но мышцы исчезли полностью, словно их и не было никогда. А ведь это не так, раньше они с Райном, сыном теперешнего шиннарда, бегали наперегонки, и Брен нередко обгонял. Он был сильным и ловким, и тогда у него ничего не болело.

Брен по-прежнему часами лежал у входа в шатер, но теперь не плакал, не корчился, – нет, он учился. Заново давал название всем предметам, вспоминал, что рассказывали ему в храме Трех Колонн, что говорили дома, какими знаниями делились с ним Илларий и его язвительный любовник, Луциан Валер. Вспоминал, как пишутся буквы – не только простые и удобные значки имперцев, но и более громоздкие и сложные письмена остеров, и руны лесных народов. И каждый день мысленно писал на трех языках: «Я Брендон Астигат. Я вернусь домой». Флорен, уходя, предупредил аммо, что не придет долго, и Брен лишь кивнул в ответ, хотя в душе был готов завывать. Нет, больше он не завоет. Но златоглазый впервые не сдержал своего слова и пришел быстрее, чем обещал, – пришел вчера.

И вот теперь Брен полулежал на освещенной солнцем поляне рядом с шатром и не знал, что ему делать. Весна наконец пожаловала в их края – на деревьях давно появились первые листочки, зазеленела трава, и Процерит, всю зиму просидевший в своем тьеле, начал куда-то уходить. И звонко пели птицы по утрам, а ночами Брен иной раз скидывал с себя шкуру, которой укрывался. Можно уходить, возвращаться домой. Рассказать все, что узнал брату, а уж илгу найдет, как защититься и защитить их народ. Младший сын Брендона Астигата знал: Главный Инсаар со шрамом возле сердца ненавидит Севера и потому, видимо, ненавидит и его брата. Каждый раз, видя Амплиссимуса, юноша сжимался от страха. Он боялся, что именно карвир прадеда поймет все и помешает ему уйти. Да и как уйдешь после вчерашнего?!

Каждый раз, корчась от боли после соития, Брен задавал себе вопрос: как прадед и Главный столько лет могли быть любовниками? Флорен видел тот давний Ка-Инсаар своими глазами и рассказывал энейле, что после него карвиры почти не расставались. Об их любви до сих пор складывают песни, ведь когда на землю лонгов пришли имперцы, Райн Астигат стал вождем и повел свое племя против захватчиков, а Старший, презрев обычай Быстроразящих не вмешиваться в войны людей, помог ему. Он заявил, что карвир ему дороже всего и что война карвира – и его война. И убивал имперцев – да так, что они боялись соваться в леса лонгов. Карвиры любили друг друга до самой смерти Райна, но тот умер рано. Это не удивляло – за десять-пятнадцать лет любви с Инсаар вполне можно стать калекой, Брену ли не знать! Тела людей и нелюдей не предназначены друг для друга, морок только не дает испытывать боль, не избавляя от последствий. Но Райн был илгу, а илгу легко добиваются того, на что у маленького аммо ушли месяцы – быть собой. Не раствориться даже в яростной любви Инсаар. Да, Главный не мог быть любовником, как Флорен пьет его; илгу сам способен выпить Быстроразящего, и они просто отдают себя друг другу, с каждым разом становясь сильнее. Два илгу будут любить один другого так же – но они редко сходятся, пояснял Флорен. А после смерти Райна Амплиссимус превратился в злобное существо, ненавидящее все вокруг – оттого, может, что его любимого много лет нет на свете?

И вот вчера Брен понял, как можно любить Инсаар без морока. Флорен появился внезапно и просто сел рядом с энейле. Было мучительно стыдно перед любимым, и страшно от того, что тот все поймет, и горько – от того, что не понимает. Юноша встал на колени и коснулся губами темно-серой щели рта. Он любил Флорена всяким и проклинал мироздание за то, что оно разделило их от рождения. И себя тоже проклинал. А когда любимый обнял и поцеловал его в ответ, а после уложил на траву, что-то случилось. Он вглядывался в черты Быстроразящего и видел следы муки, терзавшей того. И не мог не откликнуться, не помочь. Ему хотелось отдавать – он же аммо, он предназначен для этого! Брен развел колени в стороны, заставил себя раскрыться. Тело отозвалось на чужую плоть привычной болью, но, когда Флорен задвигался в нем, пришло наслаждение. В первый раз

после того, как он научился закрывать свою душу и разум – и оно было острее всего, что происходило раньше.

– Я люблю тебя! Люблю! – Брен то ли шептал, то ли кричал, подаваясь навстречу, и кончил прежде, чем успел ощутить, как набухает в его теле наверхие естества любимого, готовясь принять силу. А после обнимал Флорена – молча, и тот молчал, и молчание было страшным, словно они прощались. Не может быть! Энейле не мог произнести этого вслух и знал, что теперь любимый не слышит его мысли, но если бы мог... Я люблю тебя, но я не способен любить только тебя! Я не животное, я человек, мне нужны мои мысли и мои чувства, мне нужен мой мир. А тебе в моем мире места нет, как и мне – в твоём. Пойми, любимый... но как же я люблю! Утром вновь было больно, но Брен заставил себя сесть и даже походить немного. Потом съел принесенную Ланием еду и попытался приняться за свои занятия. Он прочтет мысленно «Риер Амориет» – в который уже раз? – потом повторит расположение городов в царстве Абила и назовет приграничные с Риер-Де реки... но он не мог думать ни о чем, кроме последней встречи с златоглазым. Что же теперь делать?! Он мог уйти ночью, собрав немного еды – ведь Ланий не услышит его, но как оставить любимого?

По поляне прошла тень, замерла рядом, сгустилась неотвратно – как ожившая беда. Главный привычно гладил шрам, и огромные страшные глаза затмили весенний день. Брен не мог встать, ноги точно враз отнялись... слабые у него теперь ноги! Он пополз прочь от карвира прадеда по мокрой земле, а тот двигался за ним, пока не загнал в угол между двумя толстыми стволами.

– Ты меня не погубишь, ammo. Ты – ошибка, большая ошибка. Жаль, что твой глупый брат-илгу не прикончил тебя, когда я потребовал. Так было бы лучше...

Голос в голове был усталым, совсем не злым. И Брен спросил, как когда-то Иллария Холодное Сердце, спросил непослушным языком, не мыслями – зачем притворятся коровой, если Главный все понял?

– Ты убьешь меня?

Страх не было, но... Север ничего не знает! И погибнет, если не узнает! Брат-предатель обязан вернуться, все рассказать, дать Северу меч силы...

– Убью. Я должен, – когтистые пальцы вспороли кожу, но из-под лапы ударила другая – такая же гибкая и сильная. Пушистый, брат любимого, встретил и отбил удар, но чуть опоздал. Брен смотрел на правый бок, где набухла кровью широкая полоса, и понимал, что, если бы не Ланий, карвир прадеда распорол бы ему живот.

Двое Быстроразящих стояли друг напротив друга, их серые тела словно облепила тьма, и юноша чувствовал, что Пушистый страшно зол. Когти вновь взвились в воздух, но Брен не стал ждать, чем все кончится. Страх гнал его прочь. Отныне он сам – оружие и должен бежать. Он и побежал – точнее, поковылял прочь. Ноги не слушались, живот скрутило судорогой, нутро ныло, и кровь текла на траву... но он шел. Последнее, что он увидел, обернувшись: Ланий, стоявший на краю поляны с шатром и глядящий ему вслед.

Я Брендон Астигат, я лонг и рожден в лесу. Неправда, смеялось над ним эхо, ты рожден в деревянном городе Трефола, и ты – слабак. Ты не варвар, не имперец, ты ошибка.

Умри ты раньше – все давно бы закончилось, и твои мучения тоже. Как же больно! Сколько он уже идет? День вокруг или ночь? Почему Пушистый не догнал его? Брат любимого его отпустил? А Флорен и не догонит! Любимый не услышит его... *«Не закрывайся, иначе я не услышу, если придет беда»*. Беда пришла, но Брен принял ее за освобождение. Карвир прадеда напал на него и разорвал союз. Теперь Север может ответить тем же, но он ничего не узнает, если никчемный младший братец не выберется из чащобы. Пока Брен еще ясно соображал, он поглядел на сияющие в темном небе звезды. Река Лонга находилась на западе от него, а значит, он сможет добраться до становищ своего племени раньше, чем умрет от голода. Сможет? Большая река тянула к себе, он чувствовал, как вода несет свою могучую силу... а где река, там и люди! От удара о землю помутилось в голове, боль стала такой острой, что он долго не видел ничего вокруг. Да и зачем видеть? Он должен идти дальше – и пойдет. Север! Брен звал брата, шептал сквозь тьму, пытался подняться, но только в кровь стер себе колени... да, он давно ползет, на коленях и локтях, и все болит, болит... Позли, ползи, маленький аммо, докажи, что ты – не корова.

– Я человек. Я жить без тебя не могу, Флорен, но я человек, – шептал он распухшими, совершенно сухими губами и полз. Силы не могут кончиться, пока человек не сдался, и он доберется... Вспышка света перед глазами – это смерть? Или просто сон? Морок? Неважно. Двигайся! Его найдут, обязательно найдут – здесь есть люди, много людей, он их чуял, как чуял собственную скорую гибель... Жирная, влажная, уже теплая земля забила рот. Смилуйся надо мной, Вечный Лес – я твоя плоть и кровь, и я хочу жить.

Трефола

Где-то в чаще шумно треснула ветка. Север крепче сжал поводья, но не позволил себе повернуться и посмотреть. Иллариий на своем вороном тоже не шелохнулся, и вождь лонгов подумал, что привычка изображать статую въелась в них обоих намертво. Помирать будут с теми же масками идолов вместо лиц...

– Сколько от Десты до этой развилки? – Иллариий говорил, едва двигая губами, но Север мог бы поклясться, что карвиру тоже впору орать в голос.

– Ты пятый раз спрашиваешь.

От деревни Деста до развилки дорог в трех рьерах от столицы Заречной было пешим ходом четыре дня пути. Верхом – меньше двух. Вчера в Трефолу вернулся задастый легионер Секст и сообщил, что Райн нашел Брена. Райн. Нашел. Брена. Хоть еще сотню раз повтори, хоть по буквам произнеси, а все равно поверишь только тогда, когда своими глазами увидишь. Неужели Райн – именно Райн, ночами не спавший из-за разъездов – нашел Брена?! Должно, Мать-Природа, в которую так верил Лар, сжалилась над ними, простила вождя лонгов, отдавшего родную кровь нелюдям. Первым делом он повезет брата к матери. Северу никогда ни перед кем не было так стыдно, как перед Сабиной в этот год, потому он к ней и не поехал после союза, хотя небольшая передышка в делах была – до тех пор, пока Ульрик не объявил им войну. Как он матери в глаза посмотрит, что ей скажет? Север знал: не сможет ни правду рассказать, ни солгать. А теперь все будет хорошо, Сабина увидит сыновей – и родного, и выкормленного, и они ее увидят... Нет, нельзя загадывать! Сколько надежд сдохло вот так же – в часе от осуществления? Вот увидит своими глазами вихрастую макушку, обнимет, и тогда... А пока только и остается, что идолами замереть на одинаково угольно-черных жеребцах гестийской породы.

– Я подумал. Про когорты, – Иллариий говорил отрывисто, без этой своей аристократской певучести – такое с ним разве что на ложе случалось. – Выгоднее, когда вторая линия подвижнее первой. Тактика Порфирия – ты же слышал про нее?

Они не часто понимали друг друга, но сейчас Север почувствовал: Лар и его, и себя отвлечь старается, успокоить. С трудом припомнил, кто такой Порфирий – а, точно, полководец из Остериума... кругом одни остеры, проклятье. Да, именно остер Данет Ристан выбил Илларию помилование, и должность вернул, и Лонгу от войны с Риер-Де избавил, но это не повод всех ученых развратников возлюбить. И потом, война с империей еще может случиться. Данет не вечен. Вдруг сожрут его или любимчик Кладия закапризничает? Зимой, когда императорским судом Иллариий Каст был заочно осужден и приговорен к казни, они многое передумали. Однажды Лар даже наорал на него – нашипел, точнее, аристократ же орать не умеет... ну, почти не умеет... Потребовал, чтобы союзник бросил его и отступил за Веллгу, если император из Кадмии легионы выведет и в Лонгу направит. За рекой лонгов, дескать, никто не достанет, а опальный консул сам со своими сородичами разбираться будет. Союз был его идеей, ему и отвечать. Север разозлился было – да кем его любовник считает? трусом последним? – но посмотрел на глаза карвира, на виски седые и прикусил язык. Дорого Лару это отстранение от должности стоило, и прочее, о чем он карвиру и не докладывал, тоже. Север просто обнял Илларию и сказал: день, когда он союзника одного оставит с врагами драться, последним его днем станет – Инсаар такой случай не упустят. И про себя добавил: да и не жить мне без тебя, нелюди там, не нелюди... Но им повезло: болван Кладий вместе с Ларом и Данета под суд отправил – тут уже другой любовник императора постарался да императрица. Ристан, мол, вступил в сговор то ли с изменником Кастом, то ли с варваром, его союзником, то ли с обоими разом и продал Риер-Де за три телеги золота. А самому Северу ужесточили приговор, вынесенный всей семье Брендона Астигата еще три года назад. Теперь вождя лонгов должны были не четвертовать, а в кипятке сварить, кажется. Смехота. Но Данет, не будь дурак, понял, что их судьбы связаны, и процесс выиграл. Обвинения с него и Илларию сняли, должность консульскую вернули, а в отношении Севера Астигата объявили: буде варвар сам явится в Риер-Де, то до представления императору его никто схватить права не имеет, а после носящий венец решит. Словом, вольноотпущенник славно постарался, шкуру свою спасая.

– Не молчи, Север. Когда обсуждаешь, лучше думается. Порфирий поступал так: ставил первые когорты по фронту в две линии, а третью и четвертую уже дробил для подвижности... да сколько же от этой Десты?! – Иллариий шевельнул поводьями и прикусил губу: – Послушай... а этот выродок без куса сердца не может устроить нам неожиданность? Засаду? Мы же так и не поняли, зачем ему нужен Брендон – а ведь это важнее всего, – верно, не поняли. Тысячу раз, не меньше, все, что Брена касалось, обсудили, но так и не придумали, зачем прадедов карвир парня выпросил и почему прежде смерти для него требовал. После обряда жертвенного Дара вождь Инсаар больше на глаза не показывался, но Север, просыпаясь ночами, все равно как наяву видел перед собой черные провалы глаз, с ненавистью глядящих на них с Ларом. И вчера видел, хоть они и вовсе не ложились. Сидели, разговаривать пытались о глупостях всяких, и оба верить боялись. А сейчас даже руки холоддели. Нет, терпи! Мальчишке, чай, побольше вытерпеть пришлось – по вине брата родного. И то, что вождь в ту ночь в Приречной башне не брата отдал, а предателя, ничего не меняло. Прав союзник, лучше бы сам убил.

– Лар, не могу я говорить.

Только рот открыл – зубы начали постукивать, и сердце закололо. Давно вот так хватать стало, кажется, с ночи сделки с Инсаар. Ничего, мать какие-нибудь травы посоветует, только бы Брена к ней привезти... Илларий покосился на карвира и прошипел:

– Так постарайся. Глупо так трястись.

– А я не трясусь...

– Едут! – дозорный заорал вовремя. Миг еще – и поругались бы, а сейчас только ссоры не хватало... Север в каком-то оцепенении смотрел, как Лар послал коня вперед – навстречу темным фигурам верховых. В отряде Райна десять человек, и должен быть одиннадцатый – Брен... Должен. Вот двое верхами, вот еще четверо... и позади коней еще четверо – пешие, почти в строевом порядке... Декада. Выблядки! Если сын Крейдона и задастый Секст соврали или напутали, он обоих своими руками удавит. Как есть удавит гадов. Точно, нет одиннадцатого!.. А Лар спешился уже, и... проклятье! Ветер хлестнул в лицо, четверть риера вороной пролетел в миг, перед глазами будто пелена стояла, видеть мешая, но он увидел. Одеяло между двух толстых жердин привязанное – носилки. Те четверо их и несли, просто за кустарником незаметно было. Земля прыгнула навстречу, Север поднял голову, уперся взглядом в лицо Райна – осунувшееся, мертвое, точно из десятника душу вынули... да выпитые нелюдями и то краше были! Потом посмотрел на носилки, на худое тело, завернутое в шкуры... Брен?

– Север, осторожнее, – голос Лара был хриплым. А пошло все!.. Север приподнял верхнюю шкуру, взгляделся в источившиеся, высохшие черты. Синяки вокруг прикрытых глаз... обметанные коркой губы... заострившийся нос... это его брат, верно? Это Брен? Может, он рехнулся – полгода ж с лишком не виделись – и младшего братишку не узнает?

– Что с ним? – Пусть доложат немедленно, а он еще раз посмотрит.

– Роммелет Север, – это легионер из армии Предречной, – я немного в лекарских делах понимаю. Тень смерти, видишь сам? Думали, не довезем...

– Молчи! – это Райн. Парень жестом велел носилки на землю положить, и тут Север поверил. Он еще слышал четкие вопросы Лара, слышал и ответы десятника – как они ехали к реке Лонга, как имперский легионер заметил след, точно раненый зверь полз, как решили посмотреть: может, добить удастся и зажарить? Как голову ломали, что это, на кабана непохоже вроде... как пошли по следу и вместо зверя издыхающего наткнулись на человека. Слышал и про ободранные колени и локти – Брену, видно, долго ползти пришлось, когда идти не смог, и про гноящуюся рану от правого бока до предплечья, и про то, как они пару глотков воды умирающего сделать заставили. И как отвезли в Десту к знахарке местной, а та велела побыстрее в Трефолу везти – там, мол, лекари имперские да свои знахари лучшие, а она ничего уже не сделает, раны вот промыла, только помрет малец. Как повезли, с дороги Секста отправив, чтобы предупредил... Все это слышал Север Астигат, но до разума не доходило. Он не заметил, как рухнул на колени перед носилками, как худое тело оказалось в его руках, только в памяти мелькнуло: Брену лет шесть было, когда он болотную лихорадку подхватил, тогда тоже думали – умирает. Сабина за те дни почернела, Север выгнал мачеху из шатра и сам с мелким возился, на руках таскал – а что еще сделаешь? Жар у Брена был страшный, но после отступил, и братишка ему улыбнулся, а потом заснул спокойно. И сейчас вождь так же прижимал к себе брата, чувствуя, как колотится под ладонью, под шкурами грязными маленькое слабое сердце. И завертелась внутри та самая праща, которую он столько раз в себе самом чуял – в бою и когда с нелюдем без куска сердца цапался, – закрутилась, выворачивая его

наизнанку. Неведомая, страшная сила вырвалась из него и точно накрыла плащом его и мелкого... Север закрыл глаза, и пылало солнце под веками, обжигая до боли, до крика, но Брена-то грело, силы отдавая. Сколько он так сидел, неведомо. В себя пришел, когда ладонь Лара на плечо легла.

– Север. Ехать нужно. Вставай, – Иллариий нагнулся, помогая ему положить невесомое тело обратно на носилки. Глаза карвира были темными, будто грозное небо.

– Консул, прости, я так купцов и не встретил... пакет в Десте оставил, чтоб местный один до Приречной башни довез, – Райн, кажется, реветь наладился – вон скукисился как.

– Десятник! – сын Крейдона от окрика вождя дернулся, но спину выпрямил, так-то вот! Не все потеряно, Брен дышит, а значит, будем драться. – Пошли человека в город. Чтобы к нашему приезду лекарь Пилий и лекарь...

– Брациус, – быстро подсказал Иллариий.

– Да, Брациус... в покоях наших были. А Грефу пусть скажут: если через полдня Ивановны-знахарки в Трефоле не окажется, болтаться ему на воротах. Понял? Выполняй.

– Служу Лонге, – бормотнул Райн и кинулся куда-то. Север посмотрел на слипшиеся волосы, на перевязанные тонкие руки, на худую шею и ввалившиеся серые щеки брата – и стиснул зубы, отворачиваясь. Показалось или нет, что Брен дышать ровнее стал?

Пилий и Брациус – лучшие, по словам карвира, лекари в имперской Лонге, нашли у Брена столько болячек и повреждений, что Север даже слушать их не желал. Все едино – плохо! Рана на боку гноилась, и они хором гадали, откуда такое быть может. Не меч, не нож, не копьё... на коготь похоже, в конце концов понял вождь. Точно – коготь. И пусть выродок без куска сердца молится, чтоб коготь зверю какому принадлежал, а не нелюдю. Да и других ран хватало, лекари только головой качали, зашивая. Скрывать, в чьих лапах побывал брат, уже не получится – любой, кто целительством хоть когда занимался, знает, какие повреждения оставляет у изнасилованного много раз человека плоть Инсаар. А кроме ран, еще и синяки по всему телу – может, и нутро отбито, – и еще много что... но страшнее всего было истощение – это Север и Иллариий сами понимали. Брат, видно, не ел и не пил толком дней десять. А к самой знаменитой в Заречной знахарке Иванне вождю в итоге чуть не на коленях ползти пришлось. Старуха ни в какую ехать не хотела – за правнучкой, только родившей, ухаживала. Но умолил все-таки. Согласилась Иванна – того-де ради, чтобы вождь и дальше врагов бил, за брата не дергаясь, а так всех предателей не нажалеешься. Но, приехав, бабка осмотрела Брена, пошамкала беззубым ртом и выдала: никуда она теперь отсюда не двинется, пока парня на ноги не поставит. У нее, оказывается, внука так же нелюди выпили. Пусть ей вождь только шатер где-нибудь во дворе справит, потому как в хоромине каменной она жить не станет, чай, не девочка, сто второй годок идет, поздно уж в горожанку переучиваться. И прибавила: «Не отходи от брата, вождь. Ни на шаг не отходи, лучше ему с тобой». Он за хлопотами не заметил важного, но послушал и так и сидел рядом. Дел прочих невпроворот было, конечно, да только его бы и запряжка из четырех быков с места не сдвинула.

К ночи ему донесли, что лонги и имперцы опять поцапались, да серьезно. Север руку брата отпустил, хотел встать с лежанки, чтобы пойти дурням головы поотрывать, и

вдруг понял, что худые пальцы Брена держат его запястье. Слабо, но держат! Он снова взялся за ладонь мелкого, а братишка вдруг захрипел и вцепился намертво. Иллариий, заметив это, кивнул и вышел. Север не знал, сколько карвира не было. Устав сидеть, он рядом прилег, обнял Брена да так и задремал. Ночью союзник вернулся, они поговорили шепотом, и Иллариий с другой стороны пристроился. Север просыпался каждые полчаса, поил брата настойками, но всякий раз, как руку отнять пытался отнять, Брен метаться начинал, будто помешанный – выгибался дугой, и они его к ложу прижимали, стараясь не поломать чего. Утром знахарка и лекари велели больному между зубов деревяшку вставлять – чтобы тот в припадке язык себе не откусил и не задохнулся. И вторая ночь так же прошла, и третья... карвир на него просто рявкнул шепотом: чтоб не смел отходить, раз брату нужен, консул сам все делать будет – и дела решит, и настойку подаст, и накормит, и морду небритую умоет. А на четвертое утро Брен пришел в себя.

– Север... илгу, Север... илгу!

Чего угодно Север от брата ждал – проклятий, плача, но не того, что тот его уткой обзовет, повторив слова выродка... А губы потрескавшиеся все шептали:

– Ты илгу!.. победишь...

Он старался не думать: может, брат с ума сошел, как сходили многие, кого Инсаар отведали? Просто сидел рядом, гладил по лицу, следя, как подживает рана, из которой вычистили гной, и как затягиваются порезы. Но к концу шестого дня вдруг понял: ему нужно выйти, иначе сам сознание потеряет. Все, что было в нем, брату отдал, и сейчас пока нельзя больше рядом быть. Брену это повредит – Север точно знал, а откуда знал, и не понять. Он сказал о том Илларию и знахарке, и бабка кивнула: раз чувствуешь так – иди. Они с карвиром трюк проделали – потихоньку поменялись, Лар свою ладонь Брену в пальцы всунул, понадеявшись, что брат не заметит подмены. Руки-то у них одинаковые почти. Так и есть, не заметил, не забился в припадке. Север ушел и до вечера рыскал по лагерю. Ух, и досталось же многим! На несколько дней без присмотра оставить нельзя, дурью маются. Когда вернулся – и карвир, и брат спали. Он долго смотрел на них, чувствуя, как оживает надежда в душе, а ночью Брен разбудил их стонами.

– Север? Север! – братишка вскрикивал, метался. Север приподнял его, прижал к себе, тот и притих. А потом открыл глаза и попросил пить. Это была почти победа. Мелкого все еще лихорадило, но запавшие глаза стали осмысленными. Напившись, он оглядел покои и уперся взглядом в Лара. Тонкая кисть метнулась к лицу.

– Консул? Что?.. – Брен растерянно смотрел в лицо брата, и тот вдруг понял. Ну конечно! Мелкий решил, что бредит: откуда взяться в Трефоле консулу Лонги? Ведь расстались-то они с Бреном в день того самого Ка-Инсаар, который Иллариий по, хм, просьбе мелкого остановил. И неважно расстались, Иллариий полгода про это вспоминал, аж кривился весь, когда рассказывал. Жалел, что не оставил тогда Брена при себе, пока Север ему не сказал: и хорошо, что не оставил. Нелюди брата все едино забрали бы, а вот консулу тогда точно не жить. И – впервые с того момента, как Брена нашли – подумал: а отчего ж нелюди сбежавшего вернуть не требуют? Может, они сами мальчишку выкинули, когда выкачали из него все до капли, и он им просто больше не нужен? Хорошо бы, коли так! А иначе... иначе придется разорвать союз Дара, заключенный с Инсаар сто лет назад, а сотворившему такое смерть полагается. Ну что ж... значит, смерть.

– Нет, братишка, не мерещится тебе, – он ласково провел рукой по взлохмаченным волосам и принялся рассказывать, стараясь говорить медленней и понятней, потому как

видел, что брат временами силится сообразить – и не может. А потом Брен еще раз на Илларию поглядел и засопел тихо – заснул. Утром знахарка и лекари объявили: смерть удалось отогнать, и, если чего еще не случится, Брен выживет. А вот сохранил ли рассудок – неведомо. К ночи Брен вновь заговорил, но карвирам казалось – бредит:

– Меч... Инсаар... стена из меча... третий брат – дождь... илгу... Север – ты илгу... пей меня, пей!... меч возьми и победишь... из себя меч возьми... можешь... сделай... ты илгу... я – аммо, я только стену, а ты – меч... Север, ты должен... – и диким криком: – Не уходи!.. придут... рассказать... не успею... заберут... не уходи!

И так часами, словно из кошмара вырваться не может. Север брата и так и эдак уговаривал: не придут, мол, не заберут, он, мол... а что он?! А если впрямь придут? Илларию, скотина, вдруг бросил со смешком:

– Ты его вновь нелюдям отдашь? – да чтоб тебя!.. Север выволок союзника в галерею и чуть об стену не пришиб. Они орали друг на друга шепотом, пока хрип из спальных покоев их с места не сорвал. Брен опять бился в судорогах, и до них вдруг дошло: они сами виноваты, что мальчишке хуже стало. И вновь отпаивали его, боясь отойти, а потом Лар сказал – тем голосом, что говорил в бою:

– Вот что – пусть приходят. Поторгуемся, а если им пленные трезены не нужны, тогда пусть берут нас обоих. Вместо Брендона. Я так решил, и не спорь, – глаза у Илларию за эти дни запали чуть не так же, как у брата, но Север знал карвира: консул почуял драку, а драться внук Гая Каста был рожден.

– Отдавать Брендона больше нельзя, его это убьет. Они его уже и так почти досуха выпили, еще чуть-чуть – и... Я такое видел. – Они оба видели. Оставалось только драться, надеясь, что, прежде чем сдохнуть, удастся хоть пару нелюдей за собой утащить, а уж как – вопрос другой. А брат вновь бредил, все повторял свое про меч, стену, уток и каких-то аммо.

На двенадцатый день Брен окончательно пришел в себя, но рано союзники обрадовались. Братишка поел, сидя в постели, потом поспал, вновь поел, даже поболтал с ними о пустяках каких-то, а потом вдруг схватил Севера за руку:

– Они придут, знай, и я должен успеть рассказать тебе. Ты можешь убивать их, пить... понимаешь? И обязан научиться. Пей пока меня – мне уже все равно, а ты научись. Ты илгу, ты сумеешь. Научись на мне, а потом и их...

Север чуть на пол не грохнулся. Все, рехнулся мелкий – родному брату поиметь себя предлагает! А Илларию вдруг властно махнул рукой и твердым голосом спросил:

– Брендон, объясни, а как Север должен тебя выпить?

Брен глядел на них страшными своими глазищами – блестящими, горячечными, какими-то... безвозрастными? Будто вся юность сгинула, вся радость исчезла... долго глядел, потом сказал:

– Надо... почувствовать и взять. Это несложно, он же илгу, и ты – тоже. Вы можете пить людей и нелюдей, и вы научитесь. Можете учиться на мне – мне все равно умирать, а их вы убьете, – вот это да! В другое время Север живот надорвал бы над подобными заявлениями: две утки победят Инсаар. Чудно. Нет, спятил мелкий, точно...

– «Илгу» значит утка, верно? – Иллариий говорил все так же взвешенно, спокойно, и вновь захотелось союзника прибить.

– Нет, при чем здесь утка? – Брен вскинул глаза, но руки Севера так и не выпустил. – Илгу – это «пьющий». Он способен выпить чужую силу. Забрать ее. Почувствовать в себе и притянуть. Проще всего это сейчас сделать со мной. Ты должен научиться, Север, – и добавил шепотом, помолчав: – Я предатель. И хочу...

Он плакал. Тихо, без всхлипов, только слезы по щекам текли. А они смотрели на него, силясь понять. Потом Иллариий взял со стола настойку с сонным зельем, что знахарка приготовила от припадков, и протянул мелкому:

– Выпей, Брендон. Тебе нужно больше спать. А мы пока подумаем над твоими словами, – но Брен так Лара по руке ударил, что зелье на ложе пролилось. Сел, выпрямился, серые глаза гневом полыхнули:

– Нет! Я не стану спать! Не тратьте себя на мое лечение – вы и так много потратили, вам нужно пить, пить других... чтобы силы были, с меня теперь много не возьмешь! Слушайте меня! – он хватал их за руки, яростно шептал, и они, против воли, слушали. Такого наслушались, что голова кругом пошла. И Север все время их разговора задавал себе вопрос: можно верить хоть одному слову Брена или братишка спятил все-таки и чушь полную несет?

Иллариий вошел в спальный покой босиком, сбросил у двери тунику, оставшись в одной набедренной повязке. Лицо его было строгим, замкнутым... а жаль. Брен сегодня их чуть не впервые от себя отпустил и спал спокойно, они могли бы... ну, ладно. Лара иной раз тронешь – сто раз пожалеешь. Север поставил кубок и бросил:

– Я – спать.

– Подожди, – консул сел на край широченного ложа. Если Иллариий его снова когортами или чушью подобной донимать начнет, получит серебряным кувшином по голове. – Так что ты решил насчет Инсаар?

Так и есть. У Севера тошнотворно ломило в висках, и думать о чем-то сил просто не было. Даже о брате думать сейчас не мог. Он должен решить – с холодной головой. Легко сказать: нелюдям взамен себя отдадим. А как же те, кто за ними – солдаты, купцы, ремесленники, крестьяне? Сабина, Иванна и куча ее правнуков? Все жители Лонги зависят от союза, от жизней его заключивших. Это истина. И потому он не смеет думать только о себе. Только о долге перед братом, о том, что не имеет права второй раз отдать его на муки! Как там говорил отец? Долг перед племенем важнее всего. Ради этого долга Север убил Максима, ведь согласившись, он все равно что сам его убил... да, он был согласен с Брендонем Астигатом, но с той поры умный и властный человек перестал быть ему отцом и стал просто вождем. И ради племени вождь хотел смерти Брена – ни по какой другой причине папаша не согласился бы убить младшего, слишком уж много в него вложил... одно обучение в храме сколько стоило! Следовало решать, а Север не мог, сию минуту – не мог. Завтра, наверное, сумеет, только карвиру ответ нужен сейчас.

– Что я могу решить? У тебя обязательств перед вырожденком нет – это мой прадед союз заключил, не твой...

– И что из этого следует? – вот же манера гадостная – эдак расспрашивать, поглядывая с отстраненным интересом. Видел как-то Север, что так же имперские лекари на лягушку распотрошенную смотрят: исследуют, разбирают.

– Отстань, – почему он никогда не может сказать Лару, что его бесит и чего ему хочется? Потому что все еще боится показать слабость? Потому что знает: сам он карвира любит, а тот его – нет? Да, хочет, да, привязан, да, выгодно. И все. И этого довольно, но иногда мало. Иногда хочется просто заставить любовника голову потерять и самому в омут рухнуть. И иногда даже получается у них. А в другой раз – словно стена стоит.

– Не отстану, потому что ты, кажется, не понял, – ишь ты, аристократ Каст изволит быть недовольным тупым варваром. – По словам Брендона, союз Дара разорван...

– Это ты про то, как вырожденком тот его ударил, живот хотел вспороть? Бредил мелкий, Лар. Разве может Инсаар собственный закон поправить?

Консул встал и принялся нарезать круги по спальне, с каждым шагом все быстрее. И вид все тот же – словно дела ему до происходящего нет. Задница Холодная... и всегда таким будет.

– Значит, может. Мне слова Брендона бредом не кажутся – большая их часть, во всяком случае. Вспомни, что было с теми, кого нелюди насиловали толпой? Разве можно сравнить? Значит, он говорил правду, – вот тут Илларию прав. Конечно, на вход брата жутковато глядеть было, но у тех, кого нелюди кучей поимели, входа вовсе больше не было – одна зияющая рана. Выходит, Брена впрямь один только нелюдь драл, его любовник... но тогда Север должен поверить, что может выпить Инсаар! И Лар тоже. Потому что они илгу.

– Не советовал бы тебе смеяться, – Илларию остановился внезапно, нахмурился, глаза вдруг синью полыхнули.

– А ты меня заткни.

В следующий миг карвир прижал его к ложу. Зашептал в губы яростно:

– И чем же тебя заткнуть? – вот это как раз то, что ему сейчас нужно! Север просунул руку между их телами, сжал ладонью плоть любовника, нарочно грубо – тот даже вздрогнул.

– А вот этим.

Илларию приподнялся, сдернул повязку с бедер, подсунил ладони ему под ягодицы, тоже стиснул – сильно, с жаром... Лар, Лар... и тобой вертеть можно, хотя ты мной чаще вертишь. Да, так всегда было, с самого начала. Илларию его не ласкал – лапал, грубо, как десятник мальчишку-новобранца. Хорошо! Только маленькая складка между бровей все не разглаживалась... Выбить из него эту дурь – на ложе думать! Не со мной, Лар. Со своим советником, удравшим задницу остеру Данету подставлять!..

– И это все, чем ты меня заткнуть можешь? – Север рассмеялся аристократу в лицо. И развел колени в стороны, а Иллариий будто с ума сошел, что и нужно... намотал волосы на руку, оттянул голову назад, зарычал:

– Не смей мне хамить, – и в губы губами – властно, как раба целуют. Пальцы в него всадил так, точно не ласкать собирался, а насквозь проткнуть, но Север все смеялся. Тогда Иллариий и впрямь ему рот заткнул – своим, вздохнуть не давая, губы ему кусая. Потом приподнялся, ближе придвинулся и плоть ко рту подставил:

– Так тебя заткнуть?

Красив, как... как Иллариий Каст! А внутри, в самой глубине существа что-то скручивается спиралью, словно кокон вокруг него строит, не давая добраться, отнять, забрать... И рвется навстречу чужой силе, отбирая, забирая – мой, мой... Север чуть прикусил любовнику кожу под мошонкой, тот выгнулся дугой, подставив ягодицы под ладони, словно умоляя – сожми. Север и стиснул руки, впуская член в глотку, провел языком еще несколько раз. Отстранился. Спираль внутри сжалась до упора и ждала рывка. Карвир рухнул на него сверху, втиснул в ложе, улыбнулся надменно. А потом выпрямился, заставив коленями обнять себя за талию. Чуть коснулся смоченными слюной пальцами растянутого входа – и вовсе оскалился. Сам на себя не похож! Хотя нет, похож. Таков на самом деле Иллариий Каст и есть, когда Холодной Задницей не прикидывается.

– Я тебе буду хамить, буду тебя драть, и ты меня будешь... как угодно, – Север шептал, задыхаясь, а нутро сжималось, ожидая вторжения. Пусть грубее сделает, пусть! И ждала нужного мига скрученная праща-спираль. Иллариий тоже дышал с трудом, еле сдерживаясь, но выдохнул:

– Молчи, молчи! – и вошел, одним толчком. И впрямь драть принялся – вбивая член грубо, жестко, а Север только рад был. Боль острая, но такая нужная... все смоеет, сотрет, все исчезнуть заставит в этой раскаленной воронке соития. Праща хлестнула, точно жгут. Он над собой уже не был властен, а нить, что всегда между ними натягивалась во время любви, звенела и пела. И наматывалась на пращу – так странно, все в голове путается... И не давала тянуть из него что-то, а только он тянул – из любовника, хотя тот брал его, точно раба. Лар сжал его колени, развел шире, он весь дрожал, лицо было страшным... остановился, глаза распахнулись...

– Север! Ты... понял?! – Нить ослабла. Иллариий вжался в него до упора, застонал, и Север вскрикнул даже. Не останавливайся! Что он должен понять?! Он сделал усилие над собой, заставив нить вновь натянуться, потащил из любовника нечто... так нужное ему сейчас, и праща-спираль вновь улеглась на место. Она его защитила. Иллариий снова задвигался, наклонился, поймал его губы, и, когда семя выплеснулось внутрь, Север понял... чувствуя горячее, вязкое доказательство в себе – он принадлежит этому безумцу, а тот принадлежит ему – понял... Это оружие. Эта нить – их оружие. Потому что они илгутьки, как твердит его рехнувшийся братец. И праща их оружие, если у Лара есть такая же... но карвир уступил. Иллариий скатился с него, сжал плоть Севера ладонью, заглянул в глаза:

– Ты понял? Я хотел тебе показать и сам понять... прости.

За что прощать-то? Иллариий опять невозможное сделал – и прощения просит?! Север дернулся, сел на ложе. Прижал руку любовника к своему паху и прохрипел:

– А теперь я...

Нить тянулась медленно, будто нехотя... ну ясно, Лар же только что спустил в него семя, и жар потух, как огонь в очаге... а если так? Я хочу его. И он будет моим. Я его возьму. Выпью. Праща вновь ожила, закружилась и потянула... Лар прижал руки к лицу:

– Сильнее! – перед пращей была стена, но Север знал, что эта дикая сила снесет ее. Если он сам захочет – снесет. Но он не хотел. А если вместо любви его клятой перед ним Инсаар окажется? Выродок, что Брена драл или позволил кому-то драть? Тот, кто брату кишки хотел выпустить? Тварь! Снесу! Насмерть.

– Север!.. – Иллариий вцепился ему в плечи, надавил. Лицо карвира было белым, руки тряслись, но он улыбался. Безумец. Север же только что чуть его не убил, а он улыбается... не сумел бы остановиться – точно убил бы. Нельзя такое делать с теми, без кого жить не можешь. А как иначе? Не пойдешь же на солдатах пробовать, кто из них кто... как там Брен их называл – илгу, аммо или раф? А почему не пойдешь, собственно? Вот сейчас и пойдет! Если б вместо нелюдей ему завтра драка с трезенами предстояла, пошел бы он отбирать тех, кто к драке лучше всего пригоден? Пошел бы. И тех, кого нужно во второй и третьей линии держать, потому что они слабее, тоже отобрал бы. Как брат говорил? Пить, отбирать силу и жизнь могут только илгу. Аммо только отдают, поэтому их нужно беречь, а илгу вперед ставить. Ну да, передовой отряд...

– Север, – карвир опять улыбался, хотя губы еще подрагивали, – ты бы надел штаны, прежде чем нестись куда-то. И может быть, дашь мне закончить? – любовник кивнул на его все еще напряженную плоть, потом наклонил голову, приник губами... Как я люблю тебя, если б ты знал... но ты не знаешь... или знаешь? Безумно хорошо, и легко, и семя на губах Лара – как дар. Чуть позже они лежали, обнявшись, и вождь лонгов позабыл о желании нестись к легионерам охраны главных покоев. Успеется. Он еще немного побудет с Ларом, а потом они вместе пойдут.

– Ты самый умный человек в этом проклятом мире.

Консул посмотрел на него, как на помешанного, а Север бережно коснулся пальцем губ любовника. Нет ничего дороже, чем Лар вот так рядом... Лар и Брен – и он их никогда не отдаст.

– Запоминай, карвир, я повторять не стану. Без тебя, твоего ума ничего б не было – ни союза, ни мира. И я бы не знал, как брата спасти, как нелюдей убивать. Ты... – пришлось замолчать. Иначе следующими словами станет признание, а связывать так человека нельзя, Лар свободен.

– Но ты понял главное, Север? – Иллариий приподнялся на локте, откинул ему волосы с лица и принялся играть прядями. – Ты сильнее меня, и, возможно, сможешь выпить этого своего выродка.

Это Север понял – еще в тот миг, когда чуть не снес стену, что Лар внутри себя поставил. Просто говорить об этом сейчас не хотелось. Он, словно проклятый выродок, словно нелюдь, пил того, кого любит! Но ведь и Иллариий его пил, чтобы показать... только люди не должны так поступать друг с другом – вон Брена во что превратили. Это мерзость. А если другого выхода нет? Он станет тянуть жизнь и силу сознательно – как тянул всю жизнь, не замечая того? Из Брена, отца, Сабины, товарищей, врагов? Из леса,

дождя, реки? Безумие. Нет, не безумие – оружие. Оружие в страшной войне, и они ее выигрывают.

– Одевайся! Я вспомнил. Пойдем.

Лар засмеялся и вытянулся на ложе. Под гладкой кожей заиграли мускулы.

– Что же ты вспомнил, Север? – когда карвир поет вот так, хочется его ночь напролет целовать, но время!.. Кто знает, может, нелюди завтра за братом придут?

– Когда предатели вернулись, ну, те, которых Инсаар мне пригнали, один из них – он сейчас в Третьем легионе командир восьмой когорты, Пейлом зовут... – так вот, он сказал: нелюдь его илгу прозвал... понимаешь? Мы вдвоем не справимся, но илгу еще есть. Пусть, как говорит Брен, их мало. Мы на Пейле проверим...

– Стой! – Лар, смеясь, принялся натягивать одежду. – Нужно вначале самим все как следует понять. Ты же не собираешься отыметь этого Пейла, а потом и выродка своего? Твоя плоть – только моя!

Издевается, конечно, но он прав. Не в постель же Пейла укладывать, да и с Инсаар ложиться он желанием не горел. Ничего, на месте решат, как эту силу вне ложа и соития использовать.

– Да моя плоть ни на кого, кроме тебя, и не поднимется. Но, если будешь копаться, я этого Пейла-илгу поймею, так что догоняй!

Север торопливо одевался, жалея, что у лонгов не принято услугами рабов пользоваться, чтоб тунику и штаны нацепить. Иллариий проснулся раньше и уже ушел – к Брену, наверное... а карвира разбудить не позаботился! Ну, ничего, сейчас они у мелкого сойдутся. Вот только с ремнями разберется и... В следующий раз братишка поверить заставит, что земля круглая и вокруг пылающего шара вертится... или что за то, кем родится ребенок – мальчиком или девочкой, отвечает мужчина, его зачавший, а не женщина. Хотя что-то такое Брен и нес, когда Ари девчонку родила, и Север сказал с досады: и так, мол, стерва, так хоть бы парней рожала... на самом деле ему было совершенно наплевать, кого келлитка там родила, он все равно ребенка не видел – воевал. Да и не увидел толком. Но как ни крути, а чушь редкая: что заставить мужика за исконно бабское дело отвечать, что бегать и легионеров трясти, выпытывая, кто они – «пьющие» или «отдающие». И все же вождь поверил в рассказ брата, сам не заметил, как поверил – от начала до конца. А Иллариий даже какую-то теорию вывел, дней пять ходил с таким видом, точно на ходу спит, и шептался с мелким. Брен уже вовсю сидел на кровати, но вставать ему знахарка Иванна пока не велела, и лекари имперские ее поддерживали, говорили, что с такими повреждениями лучше подольше полежать и что слабость – не шутка. И впрямь Брен еще очень слаб... но как же здорово было видеть брата. Просто смотреть, как он спит, ест... голос его слышать. Север убеждал себя, что и все остальное наладится – пройдет время, и станет братишка улыбаться, а там и смеяться, как прежде. Но Брен чаще всего лежал, словно мертвый, иногда даже на вопросы не отзывался, и все, что его интересовало – оружие! Иллариий по вечерам часами говорил с ним. Север слушал, а мальчишка просто молчал, глаза закрыв, и руку старшего брата не выпускал... а третьего дня ему будто хуже стало. Утром он не узнал Иллариия, потом и Севера перестал узнавать и только твердил: «Ты илгу, ты сможешь, выпьешь, победишь». И плакал: «Не отдавай

меня больше!» Потом очнулся и сказал твердо – как припечатал: «Я трусливая дрянь. Ты теперь знаешь все, и надобности во мне больше нет. Придут – отдай». Север даже выругать его хотел, но больно уж страшными, неживыми глазами у братишки стали... и лицо такое, точно его все еще терзают... Карвиры старались его поменьше теребить расспросами, до многого сами доходили, но Лар вчера штуку придумал. Привел в покой десяток легионеров, построил у стены и попросил Брена сказать, кто из них сможет драться с нелюдьми. Брат быстро ответил: «Никто, – помолчал и выдал: – других тоже приведи». Но они не решились, потому что после такой пробы мальчик до ночи впал в беспамятство.

С отбором людей у них вообще страшная путаница выходила. Про самих себя они многое поняли, научились нить, что во время соития между ними возникала, и помимо ложа вытаскивать. Иллариий после сказал, что давно удивлялся – ни с кем другим такой связи не было... впрочем, у него и любовников негусто. Север даже хмыкнул, чем вызвал у карвира улыбочку ледяную, и тут же поспешил пояснить: смеется он не над тем, что у консула мужиков было мало, а над тем, какие они оба дураки. Ведь как есть дураки. Север слышал от стариков – перед первым обрядом своим еще, – что только Ка-Инсаар связь нерасторжимую дает, жар и страсть, отданные нелюдям вместе. У самого вождя, как у многих лесных жителей, обрядовых любовников набралось бы не меньше восьми-десяти, но ни с кем, кроме Алера и Иллариия, он не проводил дольше одной ночи, а об обрядовом соитии обычно мало чего помнишь. Иллариий кивнул и ответил, что у него обрядовый, выходит, был только один – тот, кто девственности его лишил, и о той ночи он правда мало запомнил. «Да как же ты обряды справлял-то?» – удивился Север. Лар и в квестуре сторонился имперских Ка-Инсаар – это Север хорошо помнил, но не обязательно же насиловать, можно и по согласию! И ляпнул сгоряча: «Я думал, ты в квестуре с кучей аристократов ложе делишь!» Лар аж позеленел и выдал: «Это ты, Астигат, в квестуре аристократов имел как подстилок. Сильвий, Гай... как ты мог с Гаем Арминием спать?! Мерзость!» Вождь даже растерялся на миг. С квестором Сильвием они и правда ложе делили долго, но Гай?! Да у него б плоть раньше отсохла, хотя имперец и предлагал. Он хотел все это Илларию объяснить, но промедлил, и консул дверью хлопнул. Север тогда обозлился страсть – не иначе, Лар еще и у Брена странностей понабрался, вдобавок к своим собственным! Вечером того дня Иллариий напился, что с ним бывало очень редко. Сидел на лежанке, молчал, а когда Астигат присел перед ним на корточки, вдруг ткнулся лицом ему в плечо, зашептал что-то... «Прости, прости», – только это Север от карвира и услышал.

Словом, с нитью раскаленной они все выяснили и хорошо ею пользовались. Вождь лонгов припомнил после байки стариковские, что с юности слышал: о том, как обрядовые любовники слышат друг друга на расстоянии; как один чувствует, если с другим беда; как при долгой связи на другого может и не встать... ну, а больше всего баек было, конечно, о Даре равных – о Райне Астигате и Амплиссимусе, как Брен выроodka прозвал, – и байки эти в половине случаев оказывались совсем не радостными. Не хотелось Северу всем этим карвиру голову забивать, ведь Дар равных, если по рассказам судить – штука страшная. Якобы, если долголетнюю связь внезапно оборвать, то и в Стан мертвых отправишься. Да чушь все это! Выродок же не помер – эх, жаль! – а прадеда-то вон уж сколько на свете нет. Лар к тому же говорил: «Нечего байкам верить, про нас с тобой их тоже целую телегу насочиняли», – и прав был. Север сам уже слышал, что близ базилики Сарториска не то он консула сонным зельем опоил и отымел, не то консул – его; не то Иллариий какого-то имперца похожего нанял обряд вместо себя справлять, а сам только и ждет, когда предать; не то Север то же самое сделал... тьфу. Делать людям нечего, вот и выдумывают. Но куча слухов союзникам на руку. Пусть враги головы ломают.

А вот с отбором «передового отряда» – таких же илгу, как сами – головы пришлось ломать им. Да так, что проще было Брена в охапку и удрать на границу с трезенами, от нелюдей подальше. Только от Инсаар никуда не сбежишь, вот беда-то в чем. Объяснить людям, чего карвиры от них хотят, было сложно, хоть топись. И посеючас смешно вспомнить, как они с консулом вломились в тот вечер в казарму к бывшему старшине-предателю Пейлу, как подняли его с постели и принялись во все стороны вертеть... Уж на что тот мужик спокойный, а тарасился на них, как на чудо лесное, и боком-боком пятился, стараясь сбежать от помешавшихся карвиров. Промучившись эдак с час, вождь вдруг зацепился взглядом за неубранное оружие, рывкнул на Пейла, и тут... стоило командиру когорты испугаться да обозлиться – пусть даже самую малость, – как встала перед пращей, внутри крутившейся, стена. Севера даже рассердило на миг, что попробовать нельзя, что станет, если стену ту сломать, а сломать ее он мог. «Ты его пил, а он защищался, но пить тебя в ответ не стал, – так сказал Иллариий. – Почему не стал, а, Пейл?» Командир когорты, бедняга, только глазами захолопал, и консул сжалился. «Ты, – говорит, – вождя уважаешь, верно? Благодарен ему за прощение, так? Ценишь свое жалованье и место командирское?» – «Ну да, ромметет Иллариий, – протянул Пейл и, помолчав, добавил: – а еще Север Астигат просто воин хороший и справедлив – так чего еще лонгу от вождя желать?» Иллариий сжал ему руку и, крикнув, чтоб Север еще раз попробовал, унесся куда-то. Как потом оказалось – к Брену, расспрашивать да писать что-то. Уже в ту ночь они выяснили: илгу за ammo принять возможно, а вот наоборот – нет. У ammo внутри стены не было – почти никогда... ну, у Брена вот была, да ведь он сам ее под муками жуткими выстроил... а так на ammo можно шипеть, орать, бить – все без толку. Защищаться самим у них не получалось, этому учить нужно. Слабая стена выходила только у Райна, сына Крейдона, да у Фабия Лота, консульского любимца – старик тоже ammo оказался. Иллариий хмыкнул довольно: как же иначе, мол, первый признак ammo – когда люди тянутся, а уж как тянутся к легионеру Лоту, всем известно. Рядом с ammo всегда хорошо, так хорошо, что и отойти трудно – они же силу отдают, щедро, ничего себе не оставляя. Вот те, кто рядом и пользуются – как Инсаар, что Брена пользовали. Сколько же в братишке силы должно было быть, что нелюди из нее коконы свои поганые выродить смогли?! Твари! А теперь у брата ничего почти и не осталось – все выжрали!

Признаки илгу были иными. Отвратными, правду говоря, но не Северу Астигату судить подобных себе. Он всегда привечал таких и сейчас понял отчего – они были ему сродни. Предатель Пейл, Тит Плавтий, командир Первого имперского легиона, отец, Крейдон, даже скотина Гай Арминий... и Иллариий, проклятье! Север всегда безмерно ценил в людях способность драться, ни перед кем не опускать голову, никому не уступать, если нужно, пойти по трупам. Как назвать пьющих чужую силу? Бессовестная сволочь, и никак иначе – все илгу таковы, ха! «Пьющие» рвались наверх, кто честной дракой, кто подлостью расталкивая соперников, и жрали, жрали, но все ж не так, как Инсаар. Привечал, верно, но порой и ненавидел люто – именно похожих на себя. Соперников в вечной войне за силу, разлитую в мире. После «беседы» с Пейлом, вождь вошел в раж. Вломился в столовый покой, где командир Первого имперского легиона мирно вино цедил и с ходу врезал тому в челюсть. О, этот стал пить мгновенно! Север был готов расцеловать имперца, хотя Тит меньше всего был расположен к лобзаньям – но когда раскрутилась внутри праща, сцепившись с такой же... Здорово. Третьего нашел и приволок Иллариий. Астигат даже загоготал в голос: карвир притащил Крейдона, кого ж еще! На скуле верховного стратега расцвел небольшой синяк – видно, Лар тот же способ выяснения попробовал. Четвертый и пятый оказались слабее, но пить они все равно могли, шестого – тоже достаточно сильного – нашли под утро, и опять среди командиров. Ну конечно, Брен ведь говорил, что илгу стремятся к власти. За пару дней они перебрали кучу народа, уже зная, что искать, но илгу нашлось немного: всего двадцать один человек. Больше прочих – в точности по словам Брена – среди воинов было пустышек-раф. В них

плескалось неглубокое озерцо силы, отдавать они почти не могли – не сравнить с сияющим потоком, струящимся из ammo. Ammo тоже оказалось немного, хоть и побольше, чем илгу. Отдавать их нелюдям нельзя, но как это сделать? Их нужно учить закрываться, но научить такому со стороны трудно, если не невозможно. Человек сам должен понять, что использовать его нельзя – он не корова, – сам захотеть защитить себя.

Отобрав «передовой отряд», карвиры кое-что объяснили пьющим – треть примерно того, что Брен поведал. И предупредили: илгу могут, конечно, пойти напиться от радости или с горя удавиться, но, судя по всему, союз с Инсаар расторгнут, и людям придется драться. Вот им и придется, а как – карвиры сейчас покажут. Легко сказать! Показать было чудовищно сложно, люди не очень-то понимали, как действовать, и Север сомневался, что хоть половина из них выживет под ударом силы Инсаар. И Лар, провались все, ведь Лар тоже понятия не имел, каково это – когда на тебя сила нелюдя давит, когда морок перед глазами и тьма клубится...

Но как же их мало!.. Север затащил последний ремень, выругался коротко, прицепил к поясу меч и расправил плечи. Карвиры решили смотр сегодня провести, оттого и вырядились эдак: в одинаковые белые туники, серебряные доспехи... ну Север еще и штаны на себя натянул. Люди должны видеть вождей во всем блеске. Этого отец ему не внушал, он сам понял – сопляком еще. Никакой пользы не будет, узнай народ, о чем у вождя голова болит, только вред один – слабого не боятся и не уважают. Потому пусть глядят и лонги, и имперцы на союзников во всем великолепии, а что у тех на сердце... Астигаты перед дракой не дрожат. Да и не будет сегодня драки – вон утро какое красивое.

Едва он вышел в галерею, до него донесся визг. Эге, да там кто-то уже дерется – но явно не с нелюдями. На каменном полу покоев Брена валялся подергивающийся, визжащий куль в плаще легионера. Раньше б Север точно знал, имперец или нет перед ним, а теперь потребовалось разглядеть голые ноги под туникой, ведь свои нынче тоже похожие плащи носят. Иллариий сделал шаг вперед, и Север услышал в голосе карвира знакомые и до судорог неприятные нотки:

– Если кто-то считает, что у меня есть время возиться с трусами, пусть сдает бляху легионера и возвращается в Гестию, – глаза у консула были не просто холодные – ледяные. – Еще раз услышу о подобном, разжалую всех, вплоть до командира когорты.

Повизгивающий легионер с трудом поднялся на ноги. Север его оглядел, заметил внушительный зад и понял, что перед ним тот самый Секст, которого Райн отправил с дороги предупредить о находке. Вождь нередко думал, отчего придурок не сообщил им, насколько Брену плохо. Теперь все выяснилось: легионер просто побоялся, что за принесенные сведения получит наказание вместо награды, и промолчал. Райн Рейгард, вернувшийся в Трефолу пару дней назад, отловил труса и избил в кровь. Тот побежал жаловаться командиру, а командир решил потребовать у консула наказания для обнаглевшего десятника Заречной армии. Но карвир решил иначе и вместо суда только добавил Сексту еще.

– Мы задерживаемся, Север, из-за такой мрази! – Иллариий был как взведенная тетива. Отчего? Подумаешь, дурак какой-то! – Десятник Рейгард поступил совершенно правильно. Этого – под арест, – и прибавил уже шепотом: – Ведь можно было сразу лекарей привести! А если бы Брендон там, на поляне, у тебя на руках?..

Он не договорил, но вождь понял любовника. И отчетливо почувствовал, как крутится внутри Иллария знакомая спираль... потом собранная сила будет отдана братишке, ведь Лар над тем трясется, как над собственным братом.

– Ты у Брена был? Как он? – Север положил ладонь на локоть карвира, и тот чуть притих, будто вслушиваясь.

– Он спит. Пойдем?

Север еще успел глянуть в сияние весеннего утра за окном, в синие глаза Иллария, как на плечи рухнули злоба и ужас, а по галерее понесся крик. Теперь орали хором. Так кричат на пожаре, но вождь лонгов знал – не пожар это. Не пожар.

Нелюди – больше трех десятков, в истинном облике – стояли, сгустившись пятнами тьмы, прямо в середине главного зала. Перед ними сбились в стайки оцепеневшие от страха люди. Вот и все – Инсаар нашли, где прячут Брена, и явились за ним. Только сейчас Север понял, какой страх терзал его с минуты, когда он видел умирающего брата. Страх, рожденный неуверенностью в собственной правоте. Но неуверенность прошла, и он не боялся больше. Быстроразящие не имеют право гнуть людей, словно хозяин раба, не могут забирать то, что считают нужным, точно у бессловесных тварей. Мы не рабы и не коровы. И брата они не получают. Только бы Брен не напутал с тем, что Неутомимые давно перестали его замечать. Север оставил весь «передовой отряд» в покоях брата, заявив «пьющим», что, если твари до мелкого доберутся, мало защитником не покажется – мечь вождя их и в Стане мертвых достанет. А теперь они с Ларом стояли на верхней ступени лестницы, и блестело серебро на доспехах. Вождь откинул с лица светлую прядь и поднял глаза на тьму. Ну, где ты, выродок? К утке пришел? Вот она, утка!

– Я желаю видеть старшего правнука моего карвира Райна Астигата! – выродок без куска сердца услышал, и в голове загремел низкий, звучный голос: – Я требую того по праву жертвенного Дара, принесенного сто лет назад! Покажись, отступник!

– А я и не прячусь, – Север произнес это вслух. Он не сомневался, что выродка – хоть тот и говорит, не разжимая губ – слышно во всем главном покое Трефолы, а может, и во всем городе. Ничего, не обломится ему! Тепло Иллария рядом – обжигающее тепло поддержки равного, и натянувшаяся нить... они выиграют!

Нелюдь, видно решившись, выплыл из клуба тьмы. Ударит сразу или начнет торговаться? Высокий, серокожий, опасный, как все армии на свете – и еще опасней. Черные дыры прямо напротив лица, хотя Инсаар только что стоял у подножия лестницы. Держись, Лар!

– Скажи, правнук Райна, разве не поменялись мы с тобой? Обмен был честным, я дал тебе победу, а ты за нее отдал мне человека своей крови. Верни его, Астигат, и мы уйдем, – Быстроразящий вновь растворился в своей тьме – ноо, так это Брен называл.

– Поменялись. Но я предлагаю тебе новый договор, карвир прадеда, – церемонии есть церемонии, хотя Север и не верил, что выродок согласится. – Возьми взамен моего брата пленных трезенов. Они уже есть, и их будет еще больше.

– Нет. Ты отступник и лжец, Астигат! Ты разорвешь союз, не выполнив того, что я требую, – вновь загрохотал голос. Иллариий незаметно сдвинулся, становясь почти вплотную, и запела нить, натягиваясь между ними. Даров не возвращают, выродок, сейчас поймешь!

– Это ты лжец, – консул Лонги лениво шевельнул рукой. Для человека, ни разу не видевшего Инсаар, Лар держался отменно. Ну да, чего еще от него ждать? – Ты уже разорвал союз Дара, напав на того, кто одной крови с твоим карвиром. Соглашайся на то, что дают взамен, и мы не станем взывать к собственному закону Быстроразящих.

Вот сейчас они поймут, бредил Брен или нет! Братишка говорил, что законы придуманы не нелюдьми, что сам мир может покарать нарушивших их... так ли это?

– Ложь, – огромная тень зависла под потолком. Прочие Инсаар стояли смиренно, но станут ли они и дальше так стоять? – Ты лжешь, курица! – та-а-ак, выходит, Север – утка, а Иллариий – курица? И что обиднее? Вождь засмеялся, представив, как они с Ларом мечутся по двору, крикая и кудахча. Консул тоже улыбнулся – нехорошей улыбкой. Но тут тень взвилась вверх, и из тьмы появился человек. Лишь мгновение карвиры видели Главного в людском обличье – высокого темноволосого мужчины... потом морок исчез, но Север не сомневался, что прочие, застывшие толпой в главном зале, по-прежнему видят вместо твари, жрущей их жизни, человека. Но смех прекратился сам собой, и шальное чувство уверенности тоже схлынуло. Ладно. Бредил там Брен или нет, а они его не отдадут.

– Я позволю тебе уйти, курица. Это касается лишь потомка того, с кем был заключен союз, и ты, и подчиненные тебе тут ни при чем. Астигат попрам наш закон. Ты волен оставить его, мы тебя не тронем, – Инсаар неотрывно глядел на них, и нить внутри тела словно почуяла прикосновения черного мертвого взгляда, натянувшись так, что сильнее, кажется, и нельзя. Но нелюдь пока не пил. Иллариий Каст только рассмеялся в ответ – так, как умел только он: он-де аристократ с двадцатью четырьмя завитками на запястье, родич императора Риер-Де, а все прочие – убожество, ха!

– Ты, может, и отпустишь меня, дашь мне свободу от клятвы в обмен на предательство – но мир не даст. И я не предаю. Мой карвир не разрывал союза, ты сам его разорвал, – и чуть помолчав, процедил: – Мелко врешь, нелюдь. И глупо.

– Так знайте, что в ничтожестве, за которое вы встали сейчас, таится лютая гибель для всех, кто рядом с ним и кто выше него! – Инсаар наклонился вперед и поднял руки. Он на что-то решился, Север ясно чуял крепнувшую уверенность выродка... и праща хлестнула жгутом. Твари попользовались мальчишкой, выпили едва не до дна и еще ничтожеством называют?! Ах ты, гнусь! Праща начала раскручиваться быстрее. Выродок без куска сердца распахнул свои жуткие глаза:

– Глядите! Знайте: именно это видел внук Райна! Он согласился убить свое отродье и поручил это тебе, Астигат, а ты нарушил его волю! А ты, курица, помни: этот никчемный первым погубит того, с кем ты делишь ложе! Глядите же – вот что уже случилось оттого, что не оборвана жизнь младшего Астигата. И вот что случится вскоре, если вы не оборвете ее или не вернете его нам.

В первый миг их не спасло ничто – ни нить, ни свернувшаяся жгутом сила. Север не знал, стоит он все еще или уже валяется на земле, бессмысленно вопя... боль и ужас нахлынули стремительной волной, захлестнули с головой. Картины сменяли одна другую:

кровь на железе, и нетронутое лицо шиннарда Беофа, и распятый в колодке лонг, а за его спиной – имперский легионер и рядом такие же... кровь, дерьмо, вопли... лицо Иллария – красивое, страшное, безжалостное... его смех – именно так смеется Холодное Сердце... и он сам, весь в крови, в своей крови, а за спиной огонь – столица Заречной Лонги горит, полыхает, как вязанка, и смеется его карвир... Лар!

– Север! – стон совсем рядом. Ничего, они выдержат. Вождь лонгов рванул раскаленную нить к себе.

Трефола горела, а Север Астигат, по пояс обнаженный, с разметавшимися на черном ветру волосами и горящими злобой глазами, был залит кровью... и звенела нить, раскручивая пращу, и вставала стена силы, и огни вертелись перед глазами. Нить потянула что-то огромное, чуждое... жуткое, будто смерть, и великое, как время. Инсаар! Сила Инсаар противостояла им, а они пили ее, пили бессмертную жизнь... Пей! Бери все. Мы не коровы, пусть впервые за век нелюдь станет кормом для человека. Пей. Пей. И рухнула чужая защита, и потекла сила – тяжело, мучительно тяжело, но так сладко. И в упоении властью и мукой илгу Север Астигат увидел...

Грязно-белые мертвые коконы, еще недавно сиявшие как первый снег. В них больше нет жизни, она выпита, а новое вызреет так нескоро. Мы умираем, мир! Мы не нужны тебе, мы, сотни лет приносившие тебе Дары? Люди тебе нужнее, мир? Они ничтожны, они не могут. И собственное тело – скрюченное, обугленное, узнаваемое только по вмятине возле сердца. Нет у меня давно сердца, сгорело век назад в пламени Ка-Инсаар, умерло вместе с любимым, а я выжил – почему, мир? А теперь погибну в новом пламени, разведенном руками человека, руками аммо! Такого обильного аммо, коего я за все свои долгие годы не видел, не пил, не знал... В аммо – причина гибели... отчего так, мир? Аммо убьет меня, я уже мертв. И пусть, но мой народ выживет. Новые Дарособиратели уже зреют в своих тьелах, а я уйду тихо. Хоть такую милость я заслужил, мир? Ответь! Молчишь.

И прямо в лицо неслась огромная волна, заливая поля и дома... и люди, и Инсаар стояли в немом ужасе, задрав к небу головы. Неужели ты погибнешь, мир? Я не смог тебя спасти! Под землю ушел целый город – с храмами, улицами, живыми огоньками силы... и все из-за аммо. Зачем ты родился из чрева, зачем ты выжил, маленький обильный аммо? Ты несешь гибель, аммо, гибель нам всем! А меня ты уже убил.

– «Горела пламенем заря... и погибали города, рождался в муках целый мир... сверкающий и новый, огромный и пустой... и полный силы...»

– Илларий?

Карвир бредил. Остановившийся взгляд и эти слова!

– Что ты говоришь, Лар?

– Это Квинт... Квинт так сказал. Он гениален, Север, я же говорил, что его стихи гениальны. А теперь мы видели, мы знаем... «Горела пламенем заря...»

– Консул Каст!

Лар вздрогнул, очнулся. Не спятил – и то хорошо, а твари где? Где они?! Главный зал был пуст... то есть, казался пустым, потому что там остались только выродок без куска

сердца и люди... но люди были такими маленькими. *Горела пламенем заря, и погибали города...* из-за Брена? Выходит, все это выродок отцу показывал? Или часть только, а остальное они сейчас насильно вытащили?.. А, проклятье, потом!..

– Я разрываю союз Дара. Ты... – слова давались тяжело, а Неутомимый молчал. Смотрел, глаз не отводя, молча. Мы пили тебя, выродок! И выпили, да жаль, не досуха. Но как же страшно то, что ты носишь в себе! Такая кара хуже смерти. – Ты поднял руку на кровь карвира, и ты умрешь, – вот, сказал наконец. Север едва на ногах стоял, а Иллариий так и вовсе... у него по губам, по подбородку тонкой струйкой текла кровь... что с ним? Вождь протянул руку, подхватил союзника. И вовремя – тот тяжело навалился на плечо. Похоже, Лар остался совсем без сил – но они выстояли. Да, сегодня выстояли, а завтра?

– Пошел прочь!

И выродок убрался. Просто растаял в клубах тьмы, а Север Астигат глядел ему вслед.

Глава пятая Ярче солнца

Трефола

Севера рядом уже не было – ушел, забрав себе слабость и страх и оставив взамен силу. Он всегда поступает так, проклятый варвар, до последней своей белобрысой прядки любимый... Стоит только поверить, дать себе волю, и больше его не увидишь, только память останется – обжигающая память близости и страсти. Она причиняет боль, и хочется стать травой в поле, птицей в небе, кинжалом на поясе – сущностью, памяти лишенной. Но трава помнит солнце, в чьих лучах грелась, птица – порыв ветра, а кинжал – тепло ладони человека. Не избавиться от силков, не сбежать от себя, не забыть... Иллариий так и не забыл – многое, слишком многое – и оттого знал: верить нельзя, ибо все может и должно исчезнуть. Память до сих пор хранила красные плиты императорского дворца. В тот день они пришли туда всей семьей – да, тогда у него была семья, точнее, пятилетний мальчишка считал, что она у него есть. Всю ночь в городе полыхали огни, кричали люди, а утром отец угрюмо сообщил: «Переворот, ублюдок Кладий получил венец». Мама кивнула, и Иллариий знал, что ей страшно. А ему было смешно, он все спрашивал: «Что, дядя Туллий, со смешным прозвищем Курносый Нос, и дядя Кладий катались по полу в обхватку – потому и получился переворот, да?» Мама в ответ только прижимала его к себе и шептала: «Молчи». Потом позвала воспитателя, раба из Перунии... сейчас Иллариий понимал, что воспитатель был первым человеком, которого он любил – не считая мамы, конечно. Но маму он видел редко, она всегда всего боялась и нечасто с ним разговаривала. Зато с перунийцем Пом-Помом можно было поговорить обо всем на свете...

Тем же утром он узнал, что переворот – вовсе не игра. Стоя на мраморных плитах, Иллариий все пытался понять: с чего это они вдруг поменяли цвет? Ведь всегда были разноцветными – белыми, розовыми, песочными, коричневыми, – так почему стали красными? И отчего мрамор пачкает нарядные сандалии? Вся семья Кастов стояла на лестнице: отец с дядями, за ними – их жены, а позади – дети с воспитателями; и Пом-Пом стоял рядом с ним. Они ждали, потому что случился переворот и дядя Кладий получил золотой венок на голову. А потом к ним вышли несколько мужчин в измятых туниках, и среди них шел дядя Кладий. Золотой венец – это красиво, конечно, но лицо у дяди отчего-то серое... совсем серое, и руки трясутся. Один из мужчин – высокий, в

доспехах – объявил: «Всеобщая Мера обрела ныне достойного правителя, пусть все склонятся перед императором!» Как же так, ведь императором был Туллий Курносый Нос, молодой, веселый, смешливый, – и он громко спросил: «А где дядя Туллий?» И сразу же все завертелось – несколько преторианцев¹² кинулись к нему, один схватил его за руку, вывернув так, что в плече хрустнуло... Пом-Пом с силой оттолкнул воина. В следующий миг мальчик понял, отчего плиты сменили цвет – кровь Пом-Пома пролилась на мрамор... Кладий так и трясся, а отец кричал, и другие мужчины кричали тоже... потом все они встали на колени, рядом с телом Пом-Пома, а дядя Кладий поднял руки... Нельзя верить, нельзя! Не верь, не люби, не жди – исчезнет! Исчезнет Брен, и Север тоже... но может быть, если произнести это громко: «Я люблю тебя, упрямое чудовище!» – ты не исчезнешь? Высокая серая тень со шрамом возле сердца предсказала твою смерть, но я вырву тебя зубами, я буду драться за вас обоих. И не отдам, не отпущу! Север. Брендон. Что здесь?!.. Зачем?!

Откуда эта лежанка? Почему под головой что-то мягкое? Что он здесь делает? Где Север и Брендон? Север только что был тут, иначе Илларию не очнуться бы. Консул рывком сел. Нелюдь чуть не убил их обоих, но они пили его жизнь! Потому-то Илларию так плохо... было плохо, а сейчас все в порядке. Голова вот-вот перестанет кружиться, и слабость исчезнет. Не нелюдю управлять их жизнями. Пусть попробует добраться до Севера и его брата... Но серый выродок говорил: «Первым брат погубит того, с кем ты делишь ложе». Брендон погубит Севера? Чушь! Инсаар лгал – так лгут врагам, надеясь запугать и перессорить. Но видение не желало уходить, и оно было правдой. Нелюдь – Брендон называл его Амплиссимусом – не хотел показывать им всего. Про высохшие отвратительные шары на деревьях – тьелы, как говорил мальчик, тонущие в воде деревни и смерть Ненасытного они узнали против воли врага.

Илларию поднялся на ноги, и комната поплыла перед глазами. Главный ведь тоже пил их и едва не выпил полностью. Если б не Север, консул был бы уже мертв. Нить объединила карвиров – оттого они и выстояли против Инсаар, и оба пока живы. Нужно лишь добраться до двери... он увидит свою семью – Севера и Брена. Нет, нельзя так думать – исчезнет! Кто-то вбежал в комнату, поддержал, не дав грохнуться на пол... квестор Гай Публий. Хороший мальчик, умный, только взбалмошный... илгу Илларию пьет его сейчас, и Гай отдает, потому что сочувствует консулу. Пить кого-то, питаться чужой жизнью – мерзко, но илгу все равно пьет. Потому что хочет жить.

– Консул, тебе нужно еще полежать...

– Где роммелет Север? Что происходит?

Квестор чуть нахмурился, видно, испугавшись чего-то, и струйка слез тут же истончилась. Голова сразу заболела нестерпимо. Раньше илгу Илларию хотя бы не ведал истины, и жить было чуть легче. Брендон говорил, что защищаться ему помогал меч, сотворенный из собственной воли и старого крючка от ножен, Север рассказывал про пращу, а Илларию представлял себе тонкий узкий кинжал. Сейчас воображаемый нож был не тверже куска олова, и оттого мир качался в кровавом тумане. Карвир совершенно прав: все илгу сволочи. Илларию хотелось, чтобы квестор Публий перестал пугаться и вновь начал отдавать...

– В чем дело, Гай?

¹² Преторианцы – императорская гвардия.

Мальчик подал ему вина, и консул жадно припал к кубку, стараясь дышать ровнее. А ведь они еще не дрались с Инсаар! Все только начинается...

– Консул, они вернутся? – в глазах Публия был страх – извечный человеческий страх перед неведомой мощью. Нужно выкорчевывать из душ ужас и покорность, словно сорняки с полей. Не будет больше обрядов, люди станут любить только для себя, а нелюди пусть утретя!

– Не смей бояться, Гай. Иначе нам не победить.

Мальчик гордо вскинул голову, но страх в нем не уходил. И потому консул заставил себя идти к двери. Он ненавидел себя и все-таки шел, принуждая думать о том, что станет делать сейчас. Ему плохо, но он должен – иначе как драться? Аммо и раф сражаться не могут, а Инсаар вот-вот вернутся. За порогом оказалась старуха-знахарка, лекари Брендона и несколько человек охраны главных покоев. Иванна не была напугана, хорошо. И верно, чего пугаться той, что прожила на свете век? Пить ее нельзя – женщины не отдают силу, – но смотреть на старуху все равно было приятно... если бы только не подкашивались ноги. Зато можно пить воинов, коих тут много. Вон Цесар, например, командир его охраны. Вначале они с Севером считали парня илгу, потому как сволочью Цесар был изрядной, но командир оказался очень сильным аммо. Таких нужно убирать из Трефолы в первую очередь. Больше нелюди никого не получают, хватит с них Брендона и выпитой недавно деревни!

– Цесар! Подойди!

Командир охраны приблизился, и сразу стало легче – сила, горячая, как огонь, ее много... не так, как Север, но с тем вообще никому не сравниться, и все же...

– Где роммет Север? – ответят ему, наконец?! Цесар моргнул, и перед потоком вдруг встала стена... проклятье! Аммо редко умеют защищаться, но этот умел. Должно быть, парень пережил что-то страшное – как Брен, как Райн, как Фабий. Если ты один на один с врагами, и все над тобой, все могут тебя пить, то стену внутри себя построить просто необходимо – иначе умрешь. Цесар откашлялся:

– Роммет Север в покоях брата. Он передал, что запрещает тебе входить туда – пока сам с тобой не поговорит. Сказал, что ты поймешь.

Ну да, конечно! Нельзя ему сейчас подходить к Брендону – то, что не повредит ни Гаю, ни Цесару, ни любому другому человеку в главных покоях, может стоить мальчику жизни. Илгу пьет исключительно в поле своего зрения, стоит встать рядом – и ослабевшее тело само начнет питаться. Отвратительно. Хорошо, что они об этом знают, но это знание пробудило к жизни и другие чувства. Дом был напаян тревогой, ожиданием жуткого, точно императорский дворец в детстве. Консул смотрел на неровные плиты пола и видел их красными. Нужно убрать мальчика отсюда, вот что! Вообще увезти его из города, ведь Трефола невелика. Это в Гестии без точного знания будешь искать человека полгода и, если его прячут, не найдешь, а в столице лонгов Инсаар перероят каждый дом и отыщут. Иллорий кивнул, тяжело опустившись на ближайшую лавку. Сила текла, воины щедро отдавали ее – все, кроме Цесара. Странно... Север решил бы, что командир затаил недоброе, ведь старый вождь приучал сына к такому – жить во лжи и обманывать самому.

А вот Иллорий Каст, как оказалось, излишне простодушен. Он презирал Кладия, надевшего венец после убийства племянника, но до поры не думал о том, что император

ненавидит его. Не принял мер, даже ответных, хотя ему предлагали. Просто хотел навсегда избавиться от столицы, и Максим дал ему такую возможность – честно служить Риер-Де в чужих краях. Подумать только, ведь Иллариий, прямой потомок Диокта, мог сам претендовать на престол, а вместо этого умирает от слабости в полудеревянном варварском городе и готовится к войне с нелюдьми. Ничего другого он от жизни и не хотел. Дядюшка Кладий, вытасченный преторианцами после убийства Туллия из кладовой, где прятался от расправы, ныне уверен в незыблемости своего положения и полагает, что может карать и миловать того, чья ветвь старшая в роду. Ха! За полгода Илларию стало совершенно безразлично, вернет ли император ему должность консула или нет. Высочайшую милость он воспринял как плевок, хотя даже Северу о том не сказал. Консульская бляха на груди означает мир с Риер-Де – и это важнее всего, но как же мерзко ощущать себя должником, прощенным из милости. И кто прощал, главное? Жалкий трус Кладий и вольноотпущенник Данет.

Три года назад Риер-Де бросила консула Каста на растерзание варварам, не дала ни легиона подкрепления, урезала содержание армии Лонги... Он выкрутился сам, потому что незаслуженная обида отошла в сторону, уступив место тому главному, чего добивался Максим – миру в провинции, безопасности живущих в ней. Иллариий пошел на союз ради Лонги, а вовсе не ради консульской бляхи – и вполне может отказаться от символа, если обстановка потребует. Север говорил: при покушении можно будет предъявить претензии Риер-Де, даже напомнить Кладию, что на наручье консула Каста завитков больше, чем на императорском... точнее, должно было быть больше, если бы преторианцы не надели новому императору браслет убитого Туллия. Поэтому пусть радуется, что Иллариий не желает трона. Астигат прав. Покушений, правда, пока не случилось, но это не значит, что можно верить хотя бы одному из приближенных к нему людей.

Консул сам не заметил, как стал доверять лонгам больше, чем имперцам – сородичей Севера от посягательств на его жизнь удерживал союз, своих же ничто не ограничивало. После предательства Гермии, после отступничества Луциана он ждал чего угодно – тот же Цесар вполне может оказаться наемным убийцей – и частенько ловил себя на мысли, что сменил бы всю охрану, но нужно соблюдать паритет. Карвиров охраняло равное количество воинов из Заречной и Предречной армий, а на башне главных покоев ветер рвал два знамени: алое с золотом имперской Лонги и зеленое с серебром – лесной дружины. Бывших врагов держала вместе прямая выгода. В день Ка-Инсаар командир Первого легиона Тит заявил: «Союз – отличное дело!» Консул знал причину этой радости – аристократ Тит Плавтий владел изрядным куском земли в Предречной, доходными домами в Гестии и Миариме и совершенно не верил, что кадмийские легионы приведут провинцию к покорности. При власти карвиров и Тит, и прочие не только сохранили свое добро, но и приобрели новое – уже заключались первые сделки по покупке земли в Заречной, а несколько лонгов купили мастерские и надельные участки возле Гестии. Север смеялся: никакого права продавать кому бы то ни было земли своих сородичей он не имеет, но что поделаешь? Чеканить риры он тоже не правомочен, за такое в Риер-Де живьем в кипятке варят! А вождь лонгов вот уже три месяца платит жалованье своим воинам – и частично воинам Иллариия – деньгами, изготовленными с помощью казначейских оттисков с закрытого лет двадцать назад монетного двора Гестии, и золота, добытого на реке Веллга. Они готовились к войне со всем миром, но только сейчас консул понял: они совершенно не готовы к войне с Быстроразящими!

Инсаар со шрамом первым нарушил союз. Неужели нелюди тоже способны сходить с ума? Союзники рассчитывали на торг, на обмен, но вышло так, что им грозит самая страшная война из всех возможных в этом мире – куда там трезенам и кадмийским легионам! Необходимость решать насущные задачи невероятно мешала подумать о

главном: отчего нарушен союз Дара? Из-за Брендона – Инсаар со шрамом ненавидел мальчика и боялся как причину... причину гибели мира. Не только Севера и самого Главного – всего мира. Может ли такое быть правдой? Илларию тряхнул головой, тотчас пожалев об этом – в затылке вновь заколотилась боль, и испарина выступила на висках. Он слаб, как котенок, несмотря на отобранную силу! Инсаар, наверное, многие тысячи, а в распоряжении людей всего двадцать один илгу, больше они пока не нашли. Нужно искать, и немедленно. Но прежде всего – вывезти из города всех ammo, а главное, Брендона.

Север буквально вылетел из спальни брата, остановился на пороге. В лице карвира была та самая пустота, лучше всяких слов сказавшая Илларию: дело плохо. Очень плохо.

– Ты!.. – Север отстранил кинувшихся к нему людей, присел рядом с любовником на корточки. Положил руки ему на колени: – Зачем встал? – шепот хриплый, а глаза застывшие от страха и злобы. – Ты едва не умер, Лар...

– Ну, не умер же, – Илларию с трудом поднялся, стараясь не цепляться за Астигата, хоть и очень хотелось – при прикосновении можно взять больше силы. – Как Брендон? Нам нужно поговорить – и сейчас же!

– Поговорим, – отстраненно буркнул Север и сам придвинулся, без слов предлагая: пей. – Только о чем говорить? Ты видел, как нелюди берут города? Стены от них не спасают – Гестию же не спасли.

– Что с Брендонем?

Астигат молчал. Только тут Илларию заметил, что правая ладонь вождя наспех перевязана не слишком чистой тряпичей и на грязно-белой ткани проступили кровавые отметины.

– Откуда кровь?

– Брен... зубами...

Консул отстранил карвира и шагнул к двери в спальню покои. Сейчас он сам увидит! И у него достанет воли не тянуть из мальчика силу.

– Почую, что пьешь, выкину вон, – рявкнул вслед Север и крикнул кому-то: – Немедленно сюда верховного стратега и Тита Плавтия! Пусть собирают совет через час.

Иванна уже сидела на постели, где они провели столько жутких часов. Так хотелось верить, что мальчик поправляется, и что – снова? Консул подошел к ложу, стараясь все трезво оценить, продумать... и не мог. Не мог видеть вихрастого мальчишку таким – белое лицо, синяки под глазами, прокушенные губы... Брендон был без сознания, скрюченные пальцы мертвой хваткой вцепились в покрывало... что с ним?!

– Корчи его бьют, – Север, появившийся в дверях, подошел ближе, присел на край ложа, – а с чего – не знаю. Началось, пока мы с выродком беседовали. Лекари хотели ему палку в зубы вставить, чтоб язык себе не откусил, а я не дал. Только не пойму пока, чего он несет – а вдруг важное что?

– Север, его нужно немедленно вывезти из Трефолы... – договорить консул не успел, худое тело вдруг подбросило на постели, и он, не помня себя, кинулся вперед.

– Отойди!

Север и Иванна с двух сторон вцепились в плечи мальчика, а Иллариий замер на месте, в отчаянии сжав кулаки. Карвир прав, прав, проклятье! Лучше бы совсем уйти – помощи от него сейчас не дожидаться, скорее, он навредит и Брендону, и себе, силы возвращаются слишком медленно. Мальчик корчился, бился, несмотря на держащие его руки, его тело выгибалось дугой, белокурая голова металась по белой простыне... за что ему такое, он же почти ребенок... Мать-Природа!

– Совсем как золото... Флор... люби меня, я отдам... Фло... рен... – и крик животной муки, который они надеялись никогда больше не слышать: – Не уходи! Не уходи... Флор...

Голова просто раскалывалась, ноги подгибались. Консул поплелся к двери. Нужно уйти, заняться обороной, оставаться здесь, пока он не пришел в себя – преступление... а не прийти он не мог. Увозить Брендона в таком состоянии нельзя, но оставлять в Трефоле нельзя стократ. Иллариий выбрался из комнаты, вцепился в плечо подбежавшего Цесара:

– Принеси карту Предречной... военную. Быстрее, – он найдет крепость, которая может стать убежищем. С мальчиком необходимо отправить самое малое двух илгу и еще Райна...

Когда Астигат-старший вышел из покоев брата, Иллариий уже отыскал то, что нужно. Крепость Тиад в ста рьерах от реки Лонга – уединенное, малоизвестное место. Нелюди мальчика не чувствуют, и при условии, что тайна будет сохранена, им и в голову не придет искать его там.

– Нам нужно поговорить перед советом.

Командиры уже собрались, сидели на лавках, и одна Мать-Природа знает, о чем судачили между собой. Вполне возможно, готовились предать ополоумевших карвиров, вознамерившихся драться с нелюдями. Иллариий встал и жестом позвал Севера в соседний столовый покой, благословляя про себя строителей Трефолы – стены здесь были толстенными. Никто не подслушает.

– Ты понял, что говорил Брендон? Я был уверен, что хорошо разбираю ваш язык, а вот ведь... весна, цветы¹³? Что за чушь?

Астигат двигался, точно деревянная кукла из уличного балагана – какими-то замедленными рывками, глаза у карвира были совершенно стеклянными. Еще немного – и Север сам начнет хватать чужую силу горстями. Иллариий уже чувствовал, как внутри любовника крутится безумная воронка, и слишком хорошо помнил, что будет, если подобная мощь вырвется наружу. Но именно на это и была надежда. Север сможет убить Инсаар, а вот насчет себя и других илгу Иллариий пока не был уверен. Что ж, не попробовав, не узнаешь!

– Он еще упоминал золото. Есть такая поэма – «Цветочное золото»... может, стихи вспоминал? – Иллариий развернул свиток с картой. – Посмотри сюда.

¹³ Игра слов: ривск. «Флор» созвучно с «флора» (весна) и «флорус» (цветок, цветы)

– Нет, похоже, звал кого-то – то ли Флора, то ли Флоруса... а зачем тебе эта карта, Лар? Мы ж в Заречной! – Астигат вдруг сдернул с себя плащ, швырнул на пол и пнул тряпку ногой. Серые глаза горели злобой. – Твари поганые! Нужно было постараться убить выродка, а я испугался! Мать его...

– Послушай меня! Брендона необходимо увезти. Немедленно. Я покажу куда...

– Увезти? Ты что, спятил?!

Консул отлично знал это выражение лица – выражение упертой дикарской ненависти, четыре запряжки с места не сдвинут. Иллариий произнес нарочито спокойно и медленно:

– Они же придут за ним, понимаешь? Брендон им нужен, и мы пока не знаем точно зачем. Можно ли верить этому видению? Если можно, значит, твой брат угроза для выродка. Инсаар его найдут – всю Трефолу по бревнышку разнесут, камня на камне оставят и найдут...

Север его не слышал – не хотел слышать. А сил убеждать просто не было... ни у него самого, ни у Астигата. Иллариий понимал бессильное бешенство, охватившее любовника, но времени так мало!

– Его нужно вывезти, – устало повторил консул и твердо встретил полыхнувшую серую молнию в прищуренных глазах.

– Вывезти? – протянул Север. – И куда же? В Предречную?

– Именно. И оставь этот тон, пожалуйста...

Договорить он не успел. Пустота на лице союзника стала просто осязаемой, тот шагнул к нему и выплюнул сквозь зубы:

– Стало быть, не забыл про свой план?

«Какой еще план?» – хотел спросить Иллариий, но опоздал. Следующие слова хлестнули, будто бичом:

– Предатель, – спокойно, ровно, холодно, а следом уже срываясь на крик: – Предатель!

Ах, вот как?! Дрянь! Тупая дрянь, вечно поступающая так, как в данный момент левая нога хочет! Ничему не научился!.. Пружина сжалась внутри, раскрутилась с бешеной скоростью, и консул, чуть отведя плечо назад, впечатал кулак в скулу любовника. Ответный удар – точно в челюсть – швырнул его на ковер. Комната вновь поплыла куда-то, но Иллариий привычным движением воина перекатился на бок, стараясь встать...

– Лар! – жесткие ладони придавили его к меховому ковру, стиснули плечи. Север стоял перед ним на коленях и прижимал его к себе. Наливающийся краснотой след от удара и совершенно растерянные глаза... Услышал нечто, не понравившееся – и тут же поспешил обвинить в предательстве. Вот так. Не верь – исчезнет.

– Дай мне встать, – и что теперь делать? Да ничего особенного, просто задавить привычную боль – нужен ты любовнику как прошлогодний снег, ему лишь выгоден союз! – и думать о брате этой скотины. И еще о тысяче дел... а после видно будет. – Убери руки.

– Нет! Лар, я... – Астигата трясло. Он вдруг с силой провел по лицу ладонью и ткнулся головой Илларию в плечо. До слуха консула донеслось глухое: – Прости! Просто... ты чуть не умер... потом Брен... дурак я. Прости.

Что-о?! Север Астигат просит прощения? Не может быть! Мир рехнулся, перевернувшись в своей звездной колыбели, и реки потекли вспять! Белобрысый змей, шагу не способный сделать без своей неимоверной гордыни, просит его простить?! Илларий решил было, что ослышался, но мягкие пряди по-прежнему щекотали лицо, и Север не отпускал его:

– Ну, прости... я без тебя не выдержу, Лар... я все отдам, пожалуйста, только...

– И брата увезти дашь? – челность болела ужасно. Хороши они оба будут на совете! – Пойми же ты, в Предречной его никто не найдет!

Север помолчал, потом произнес, не поднимая головы:

– Он не выдержит дороги. Врачи говорят, что следующий припадок отправит его в Стан мертвых, и я не могу... отпустить его, снова потерять... Лар!

– Понимаю, но придется рискнуть, – консул сам не заметил, как его пальцы вплелись в волосы любовника, как начали перебирать светлые пряди.

– Ты прав. Пусть уж лучше в дороге помрет, чем опять в их лапах окажется, – Астигат, наконец, выпрямился, потер глаза ладонью. – Напоим его сонной настойкой, что Иванна от припадков дает.

– Нет, не нужно, он же это ненавидит. Если Брендон без сознания – увезем и так, а если очнулся, я с ним поговорю, – Илларий встал с пола, с трудом сдержав стон, и подумал: еще одна драка сегодня – и он сам отправится в Стан мертвых, если, конечно, имперца туда впустят.

Брендон силился сесть на ложе, а знахарка и врачи ему не давали. Увидев мальчика, Илларий потряс головой – показалось, что морок Инсаар все еще действует. В этот нескончаемый жуткий день все может случиться, вдруг Быстроразящие уже вернулись, только люди их не видят? На постели сидел злой дух – иначе не скажешь. Консул слышал легенды о безумно жестоких слугах Инсаар и теперь был склонен думать, что пресловутыми духами были всего лишь люди-илгу, просто в старину человечество лучше понимало неведомое. Горящие яростью и болью почерневшие глаза буравили его и Севера, прожигая насквозь, на истончившемся лице кривился судорогой рот, зубы лязгали. Ничто в этом существе не напоминало наивного и чистого мальчика, что меньше года назад взхлеб читал «Риер Амориет» и верил в Любовь и могущество знания.

– Север... у тебя солнце... пойдешь и... – Брендон захлебывался, едва выговаривая слова, и карвиры с трудом его понимали. Но подошли и сели рядом. Мальчик вцепился им в руки, потребовал: – Догони его, брат! Догони и убей. – Кто-то рассказал Брендону о

приходе Инсаар, о разрыве союза Дара, а может, он сам почувствовал. – Догони, он еще не ушел далеко! Убей его. Ты сможешь, ты сейчас все сможешь, у тебя солнце вот здесь.

Тонкая рука дотронулась до груди Севера, и тот быстро сжал пальцы брата.

– Мы решили увезти тебя, братишка. Так будет безопасней...

– Нет! – из выпитого досуха мальчишки хлестала ярость. Илларию не чувствовал в Брендоне ни малейшего отзвука того сверкающего мощью потока, что помнил по первым встречам. Тогда он еще не знал, отчего его так тянет к младшему Астигату, но память о наслаждении жила в душе и теле – наслаждении быть рядом с обильным ammo. Илгу все твари, верно. Но какие же твари Инсаар!

– Я сказал: не возитесь со мной. Мне уже все равно... Флорен... я – с ним. А ты, вы оба – идите! Убейте Главного – все из-за него! Оставьте меня... догоните! – Брендон – тот самый Брендон, что не желал никому зла, пытался остановить насилие – приказывал, требовал убийства, и на лишенном возраста лице сухим огнем полыхали страшные глаза. Нелюди сожрали его юность и радость – сожрали навсегда, думал Илларию, понимая: больше всего на свете ему сейчас ненавистны серокожие твари, сотворившие такое с почти ребенком.

– Убейте! – Брен захлебнулся криком и рухнул на покрывало. Помертвевшие губы шептали: – Все из-за него... я б не ушел, не оставил... Фло.. рен...

Мальчик бредил, вновь звал свою цветочную весну. И глядя на мечущиеся исхудалые руки, консул Лонги поклялся: сколько б ни прожил он на свете лет, а война с нелюдями для него – навсегда. Пока сердце бьется. За искалеченного Брена, за сотни таких же... ammo не могут драться, но илгу могут! И только так гнусные сволочи, живущие чужой силой, в состоянии отплатить миру за постоянную жрачку.

– Нужно дать настойку, – сквозь зубы выдохнул Север. – Иванна...

– Дай я поговорю с ним.

Астигат чуть подвинулся, давая место. Карвир сидел, опустив голову, и мог думать о чем угодно, но консулу казалось, они сейчас думают об одном и том же. И пусть между ними нет любви, зато есть общее дело, а это, как ни горько признавать, иной раз важнее.

– Брендон, – Илларию взял мальчика за руку и неожиданно для себя коснулся губами влажного виска. – Брен!

Тот поднял на него больные, ненавидящие глаза. Совершенно сухие глаза.

– Илларию, заставь моего брата. Тебя он послушает, – безнадежный шепот отчаянья. – Догоните и убейте! Пусть Главный сдохнет, пусть он сдохнет в муках!..

Мальчик захлебнулся стоном, захрипел, и Север крикнул почти испуганно:

– Брен, да что ты!.. Он сдохнет, конечно, сдохнет! Не думай о нем, мы справимся, а ты уедешь в Предречную, там безопасно...

– Мне все равно, что будет со мной. Убей эту тварь, я требую! – судороги вновь подступали, мальчишка едва дышал. Север беспомощно посмотрел на знахарку, все это время хранившую молчание, потом перевел взгляд на Илларию, и тогда консул встал возле ложа:

– Брен, я клянусь. Слышишь? Клянусь, что рано или поздно мы убьем и Главного, и все его племя. Эти серокожие твари – мои враги до смертного часа. Я буду преследовать их там, где встречу, пока ни одного не останется. Ты мне веришь? – Иллариий Каст с рождения не клялся более искренне. Даже в тот день, когда принес присягу империи Риер-Де. Даже в базилике Сарториска, где поклялся хранить верность союзнику. Тогда его терзали сомнения, теперь все отступило перед простой истиной: либо мы, либо они на Матери-земле. – Веришь?

Мертвые глаза мальчика смотрели прямо в суть его существа и видели правду. Наконец Брендон медленно кивнул. Поверил.

Знахарка Иванна и одна из ее многочисленных правнучек перекладывали какие-то мешочки и тряпочки, а консул Лонги смотрел на опустевшее ложе мальчика и думал: если Север не поторопится, он рухнет на постель Брена и заснет. Но союзник не рвался спать, все распекал кого-то в зале совета. Люди приняли их решение спокойно, точнее, сделали вид, что спокойны, поправил себя Иллариий. Единственное, о чем можно говорить наверняка – с нелюдьми не договариваются о предательстве. Никто не пойдет к Амплиссимусу и не предложит открыть ворота Трефолы... не смешно. Всегда можно прирезать их с Севером спящими и тем доказать, что люди действительно не лучше коров и хотят оставаться таковыми! Карвиры объявили командирам, купеческим и ремесленным старшинам, что отныне в Лонге – ни в Заречной, ни в Предречной – не будет Ка-Инсаар, люди больше ничего не должны племени Быстроразящих. И еще раз подтвердили: союз Дара разорван, и нелюди придут их убивать. Непременно придут. Когда? На этот вопрос союзники отвечали так, словно речь шла о трезенах: вышлем разведку – узнаем. А что еще оставалось делать? Перед ними в большом обшитом деревом зале собралось человек двести, но всех илгу поблизости от себя они уже вычислили и больше найти не смогли. Двадцать три человека против тысяч нелюдей. Немыслимо. Но безумный день, наконец, кончился – и то хорошо. В достижения можно было записать непонятное видение, вытянутое из Главного, отъезд Брена в крепость Тиад – Райн вывез его на своем седле, обоих сопровождала сильная охрана – и полученное от аммо обещание сидеть тихо, когда нелюди все же пожалуют. Никогда не засыпавшая холодная часть сознания твердила: все бессмысленно, аммо не спрячешь, а илгу – не Инсаар. Людям не выстоять. Но какая-то лихая бесшабашность закрывала собой трезвые доводы. Иллариий всю жизнь ненавидел обряды, сам страх перед нелюдьми, необходимость совокупляться на потребу чудовищам. Больше этого не будет! И клятва, что он дал Брену...

– Зря ты, консул, мальчика обманул. Нехорошо помирающему врать, – старуха Иванна цыкнула за что-то на правнучку – рослую веселую девушку с толстыми косами – и присела на ложе.

– Я не обманывал, знахарка, – Север называл Иванну просто «бабулей», у Иллариия так не выходило. Впрочем, сейчас он едва ли вообще был способен говорить хоть что-то – язык едва ворочался, а челюсть отваливалась. – Будет война.

– Не о том я. Мать мне рассказывала... а ей – муж, отец мой. А он знаешь, кем был?
– И кем же был отец Иванны? Ясное дело – охотником-варваром, из тех, что дрались с войсками Диокта, так удачно угодившего на трон Риер-Де прямо из преторов Лонги.

– Отец мой при самом Райне Астигате был, так-то вот. Знай, консул: недаром Райн на союз с Неутомимыми согласился. Что думаешь, не было всем боязно, и самому вождю – первому? Ты б пошел с Инсаар драться, зная, что, коль проиграешь – зад ему придется подставить, а?

– А кто тогда выиграл?

Старуха пошамкала беззубым ртом. Как ему еще сегодня Север зубы не выбил?

– А на вашем Ка-Инсаар кто кого поимел? – шустра Иванна! – Так-то, консул. Вот и тогда никто правды не знал. Да и разница-то невелика. Мыслю я, что поиметь нелюдя не слаще, чем самому под него лечь.

– Что ты хочешь от моего карвира, бабуля? – Астигат вошел очень тихо, обнял Илларию за плечи, легко погладил по щеке. – Ну все, вроде угомонились. До утра нас не зарежут. Я велел объявлять, что те, кто в легионах не состоит, могут из города уходить, да купцы и ремесленники отказались...

– Кому война – а кому и прибыль, оно всегда так, – кивнула старуха. – Только не убьете вы всех нелюдей – даже если сможете. Не выйдет... Потому-то прадед твой, вождь, на союз и пошел. Мать говорила, тогда и поля не родили, и вода в реках тухла, и детишки в колыбелях мерли подряд – как Райн обряды отменил...

– Да-да, и небо стало камнем и рухнуло на голову. Прадеду моему и рухнуло, – зло отгрызнулся Астигат. – Нет бы вырезать их всех, тогда еще! Забот бы не было.

– О чем и толкую, вождь. Нельзя всех. Нельзя. Да дурни вы оба, – и бабка отвернулась, вновь шикнув на правнучку, что искоса поглядывала на Севера карими глазами.

– Спать пойдем. Сейчас подохну, – Астигат чуть толкнул его в плечо, а девушка вдруг бросилась перед вождем на колени.

– Вождь! Разрешишь ли за имперца замуж пойти? – вот уж точно, кому война – а кому... каждому свое. Сил удивляться не было. Иванна только головой качнула, но промолчала. Илларию еще раз поглядел на пустое ложе Брена. Лишь бы довели живым!

– Разрешу, отчего нет? Только не прямо сейчас же! А так, если человек достойный...

– Может быть, дела великой государственной важности мы утром решим? – процедил Илларию. Карвир – о, чудо! – не обиделся. Кивнул, улыбнулся виновато. Как же тяжело понять друг друга, Мать-Природа! Тяжелее, чем выиграть сто войн.

В вязком тумане сидело что-то жуткое, большое, тянуло к нему руки – не угрожая, а словно умоляя спасти, протянуть ладонь, не дать утонуть в колыхающейся жиже... Илларию застонал, перевернулся на бок, и тут же удар в спину – жесткий, безжалостный –

разбил сонное марево. Удачно не наворачнувшись головой, консул перекатился, сел. Посмотрел на кровать – та была пуста. Север? Что-то огромное рухнуло на постель, в лицо полетели мелкие обломки, погас масляный светильник... Дурацкий сон. Рассеченная лодыжка заныла болью, рядом раздалось:

– Лар, не вставай!

Кто-то схватил его за горло – руки гибкие, безволосые, гладкие... мерзкие! Давят. Душат. Иллариий перекинул врага через плечо, темное тело бухнулось на пол, и тут же вокруг шеи обвились чьи-то еще руки, а первый противник вскочил и вцепился в грудь когтями.

– Охрана! – заорать он успел, но услышат ли? На него насело сразу трое – не меньше, и он отбивался, слыша, что рядом вот так же дерется Север. Темнота тошнотворно колыхалась, грозя бедой не хуже врагов... Они слепы, а тварям не нужно видеть. Когти раздирали кожу, но уворачиваться все же удавалось, тело просыпалось, вспоминая долгие часы упражнений и настоящие схватки. Вот так тебе! Иллариий услышал хруст и понял: у Инсаар все-таки есть кости, раз их можно сломать, а вот шея тонкая, не ухватиться! Сумел свалить еще одного нелюдя и прыгнул ему на голову, жалея только, что босой сейчас... хорош прием уличных бойцов Матери городов Риер-Де! Свет резанул по глазам... Северу удалось добраться до огнива, вспыхнул факел, и в багровом свете консул увидел, как Инсаар со сломанной миг назад шеей медленно приближается к нему. Конечно! Их так не убьешь!.. Нужно выпить...

Он попробовал сосредоточиться, но на него набросились сразу трое или четверо – трудно разобрать в тусклом свете... Оружие! На стене, прямо над кроватью – их оружие. Иллариий рванулся изо всех сил, оттолкнув от себя пронзающие кожу когти, прыгнул на то, что было их ложем. Поверх постели лежала расколотая каменная плита. Как Север успел проснуться и столкнуть его?! Две тени кинулись следом, одна запоздала, наткнувшись на камень... Консул схватил ножны с крюка, другой рукой стиснул спату¹⁴ союзника:

– Север! Лови! – нить между ними натянулась даже раньше, чем он позвал – пылающая, сокровенная... только для них двоих, теперь спасающая их жизни. Должна спасти! Он не видел Астигата под кучей темных вертящихся тел, но нить говорила о движениях союзника. Вот сейчас встанет... Иллариий швырнул меч через весь спальный покой, окровавленная рука поймала рукоять... кинжал шириной в ладонь оказался как нельзя кстати, и консул пустил его в ход. Тени замерли на миг. Все верно, Брен же говорил, что Инсаар ненавидят железо! А острыми железками в вас еще не тыкали, любезные ублюдки?! На! Получи! Короткий меч легионера вошел прямо под сердце твари, будет еще один выродок без куска... но нелюдь повис на острие и медленно отступил назад. Кровь текла – темная, не человеческая... Они дрались, голые, с такими же голыми тварями, от свалившегося факела тлели шкуры, и постепенно занимался пол...

– К выходу! – Астигат выполнил свой приказ первым. Выкатился из кучи тел – нелюдей не меньше дюжины, в тесноте они мешают друг другу – и кинулся к двери. Илларию пришлось прорубаться, остро дергало выбитое в начале драки плечо, но Инсаар явно боялись оружия. Только долго ли они будут бояться? Сейчас поймут, что серьезного вреда оно им пока не приносит...

¹⁴ Спата – прямой меч средней длины, родоначальник европейских мечей.

Они остановились в галерее – спина к спине, оба в крови. Толпа теней лезла на них из охваченной огнем спальни. Где-то позади раздался дикий крик, топот, шум борьбы... вот почему не идет охрана! Напали не только на них.

– Бежим, – прохрипел Север. В одной руке у карвира была спата, в другой – острый деревянный обломок, с которого капала темная кровь. – Вниз. Там помощь...

Да, внизу, в других покоях – илгу. Но Инсаар не дураки и наверняка напали и на пьющих – на всех разом. Да и бежать было поздно – тени, попав на простор галереи, кинулись скопом. А нить, драгоценная сверкающая нить рвалась, точно старое гнилое полотно...

– Пей, Лар!

Легко сказать! Его душили, топтали, драли когтями, лапа нелюдя вспорола воздух в пальце от его живота, но Иллариий успел ударить мечом, и отрубленная кисть повалилась на плиты... Консул вытянулся на каменном полу, пытаясь собраться, но времени было мало, тени наступали, и вновь пришлось вскочить, тут же рухнув на колени от удара по голове. Следующий удар когтей разорвал ему плечо, кровь полилась сильно... плохо! Правая рука совсем онемела. Он всадил кинжал в горло ближайшего к нему ублюдка, перехватил меч в левую и ударил еще раз – коротко, как в строю второй линии... Попал! Но... проклятье! Он увидел Севера. Тот тоже стоял на коленях, и на нем висело сразу трое Инсаар, а оружие валялось на плитах... и тут Иллариий почувствовал, как чужая сила выворачивает его наизнанку. Нелюди пили их. Стена пока еще защищала, но Инсаар ломали ее, врываясь в голову, в тело... Мать-Природа!

Топот ног по галерее, тошнотворная муть слабости, нависшая тень... больше враги не двигались, замерли истуканами... действительно, зачем двигаться, если есть оружие куда более действенное?

– Консул! – это Цесар, командир консульской охраны. Проклятье! Ну что за болван! Аммо не место здесь, парня просто убьют, и нелюди получат подпитку...

– Пошел прочь! Беги! – он едва хрипел, но надеялся, что Цесар его услышит. Меч выпал из ладони, сознание пропадало, он не видел, как это случилось... и пришел в себя от жгучей боли. Тело словно драло на куски, но нить натянулась, завибрировала, а Цесар шел на нелюдей, и внутри его кружилась знакомая мощь. Илгу! Как можно было так ошибиться?! Сучий потрох!.. Зад раскоряченный!.. Пей! Пей! Иллариий пнул ближайшего истукана в поясницу, тот покатился к ногам, а рядом поднялся Север. Они почти не видели друг друга, но нить вела, Цесар дал им передышку... только вот командир охраны свалился на плиты, и отблеск огня, уже охватившего спальню, высветил его лицо – запрокинутое, белое...

– Выблядки! – Астигат всегда умел рычать. – А ну повернись, сука!

Так и стояли – друг напротив друга, они и враги, а общая мощь крутилась в его теле и теле Севера. Пей! Пружина вертелась, воображаемый узкий нож давно вырос до небес и, должно быть, разорвал ему внутренности, потому что было так легко, словно он уже умер. Иллариий еще успел заметить, как вывалилось из клуба тьмы скрюченное тело – не успел удрать, мразь! – а дальше свет ослепил его. Нить тянула силу врагов, кажется, они оба орали, а что именно – он бы и под пыткой не вспомнил. Спираль скрутилась в тугой комок и улеглась где-то внутри.

– Имел я вас! – у ног Астигата валялось шесть... нет, семь скорченных тел. Иллариий все же не удержался и рухнул на колени. Но слабости не было, он сейчас был полон мощью до краев – и это было прекрасно! Да, так всегда и бывает: убить своего – мерзость, убить врага – доблесть. Как говорил консул Максим?

– И пусть рыдают не наши братья! – Только где ж остальные ублюдки? Их же было не меньше дюжины!

– Верно, пусть рыдают! – Астигат пнул ногой темный труп и поднял меч Цесара с пола. Сделал привычное движение – сунуть в ножны, но ножен на месте не оказалось, ведь оба дрались в чем мать родила. Север засмеялся – торжествуяще, радостно – и протянул Илларию руку.

– Мы их пили. И выпили. Хорошо!

Консул склонился над Цесаром. Парень был еще жив, но очень плох – ведь именно он принял на себя удар, предназначавшийся им с карвиром.

– Нужно позвать кого-нибудь, – его трясло – то ли от пережитого, то ли от сознания огромной силы внутри себя. Каково же будет выпить Амплиссимуса?

– Слышишь? – Астигат отошел к перилам. – Проклятье... там бой идет!

– Вождь! – заорал кто-то снизу, и Иллариий подскочил к союзнику. Внизу и впрямь дрались – отчаянно, страшно. В скопище тел – темных, вражеских, и светлых, человеческих – было не разобраться. А позади горела спальня, и консул чувствовал, что и огонь сейчас питает их. Север вскочил на перила, уцепился за балку обеими руками, светлые волосы намокли от крови из располованной спины...

– Твари, слушать меня! Прадед вас так же драл?! Мы вас выпьем, выродки! Барра! Барра! Бей! – боевой призыв понесся над схваткой, чуть не оглушив Илларию, и консул даже позавидовал мимолетно: он так и не смог выучиться перекрывать шум битвы собственным воплем, приходилось прибегать к помощи «голосил». Север добавил – спокойно и неожиданно тихо: – Видишь? Сюда бегут – по четвертой лестнице. Видно, у них приказ – нас придавить.

Иллариий всмотрелся в ночь и увидел движущиеся тени. Точно – к четвертой лестнице. Он помчался по галерее, Астигат – за ним следом... если консул и жалел о чем-то в этот миг, то только о том, что на нем нет сапог. Но первый, с кем они столкнулись на лестнице, был командир Первого имперского легиона. Тит Плавтий вытирал кровь с лица, но был полон сил, внутри илгу вертелась воронка и жрала, жрала, требовала своего... Хорошо!

– Они здесь! Не выходите на открытое пространство – им так легче, – командир говорил быстро и четко – и гордость проснулась в сердце. Люди не сошли с ума от ужаса, они дрались, как на обычной войне. А опыт воина так и наживается – в боях. Север прыгнул вперед, и консул увидел, как блеснуло лезвие спаты – наискось, через шею и до сердца... знаменитый варварский косой удар – страшная штука. Но, прежде чем разрубленный едва не пополам нелюдь рухнул на ступени, Иллариий почувствовал, как нить влила в него выпитую Севером силу.

– Держи! – Тит ткнул ему в руки рукоять «медвежьего» кинжала. Отличная вещь. Они трое повернулись как раз вовремя и встретили удар Инсаар вместе – и выстояли. Безумная, всемогущая... как назвать такое?! Слов в человеческом языке нет! Мощь рвала его на части, но они пили, Мать-Природа, пили эту серокожую плесень. Когда поток схлынул, не встречая больше препятствий, он сам, Север и Тит одновременно рванули вперед, точно их учил сражаться один наставник... «Медвежий» вспорол серую глотку – вот тебе! За Брена! За выпитые деревни! За мой детский страх! За вековую покорность! Мы не рабы! Баррра! Бей!

– На крышу... они на крыше...

Глаза Тита бешено сияли, Север вытер лезвие о мертвое тело – еще три серых трупа. Сколько всего нелюдей? И где Главный? Отсиживается и ударит после?

– Нужно найти еще илгу, на крыше против них будет тяжелее. – Чем больше места, тем лучше дерутся твари.

– Некого звать, консул! – Тит потрянул отращенными по варварской моде волосами. – Внизу почти все убиты – они напали внезапно... Крейдон вроде жив был, Пейла вот видел и еще кого-то...

– На крышу, – Астигат взял его за руку. Ладонь карвира казалась нестерпимо горячей. – Знаешь... вот сейчас понял, о чем Брен говорил. Я на тебя смотреть не могу, Лар, у тебя внутри солнце! Это – сила. И у тебя, Тит, но у консула – больше. Выхода нет – мы их выпьем. Идем!

Они помчались наверх, и Иллариус еще успел подумать: как жаль, что Север не может увидеть себя – карвир еще на галерее показался ему солнечным божеством. Там и человека сейчас не было – только пылающая, все пожирающая сила. Удар встретил их на первой площадке. Нелюди стояли в ряд и жрали. Теней оказалось восемь или десять... консул еще не успел сосчитать, как натянувшаяся нить вновь дала ему крылья... даже Квинт этого не опишет! Полет и падение, радость и боль, свет и тьма. Пей! Рядом раздавался хрип – Тит не выдержал... Жаль! Как же жаль! Он никогда не уважал командира Первого легиона – тот был жестокой тварью, насиловал пленных... было время, даже считал Тита полным болваном... но сейчас на крыше главных покоев Трефолы погибал человек, его брат-илгу... Твари! Просто у Тита не было спасительной нити, как у них с Севером – сотканной из десятков ночей на ложе, в горниле разделенного восторга отдавать и брать, в муках одиноких дней, когда одной памяти хватало, чтобы мир исчез... Нить стала толще корабельного каната, вела их – навстречу теням. Баррра! Еще корчащееся в агонии тело, взмах клинка – и второй удар, «медвежьим» в серый живот... Лети, рви, бей! И еще один издыхает – насаженный на острие варварского меча... Выдохнете – ибо мы, люди, хотим жить и пить.

– Иллариус! – Астигат нагнулся над Инсаар, толчком ноги перевернул тело лицом вверх. Враг еще жил, грудь слабо двигалась. Жил, мразь, но долго жить не будет. Черные провалы смотрели прямо в душу, враг приоткрыл серогубый рот. Отчего нелюдь не говорит с ними без слов – как Главный лишь вчера утром? Не может пробить стену, как рассказывал Брен? Хорошо бы!

– Утка... курица... глупцы... губители... проклятые...

Север наступил ногой на грудь Инсаар, меч вошел точно между глаз, хруст – и тишина. Они молчали – оба залитые кровью, своей и чужой – и вслушивались в далекий шум внизу. Там еще дерутся? Или просто люди кричат? В ушах шумело так, что консул не мог сообразить.

– Что ты делаешь?

Север еще раз склонился над телом, ярко сверкнуло железо. Потом показал раскрытую ладонь, спросил буднично:

– Сам отрежешь или помочь? – и тут же добавил, глядя прямо в глаза карвиру: – Пусть все знают – мы победили. Сегодня. Потому что самого страшного еще не было, Лар. Но оно будет, и все должны верить и знать: так мы поступим с врагами. А Максим мне врагом не был, я б не позволил отцу, да толку говорить сейчас?.. Но это – не люди!

Иллариий Каст, аристократ и племянник императора Риер-Де, еще несколько мгновений смотрел на серые комки плоти на ладони любовника – уши Инсаар, потом глянул на труп Тита Плавтия – иссушенное нелюдями тело человека – и, подняв «медвежий» кинжал, шагнул к другому ублюдку, убитому им самим. Серое ожерелье на груди? А почему бы нет?

Ругань поднялась еще во дворе – широченном, вымощенном плитами дворе главных покоев, где шагу нельзя было ступить по грубо выделанным камням, не наткнувшись на труп. Чистый, светлый весенний рассвет словно издевался над людьми, показывая: мне нет дела до крови и смерти, вы, жалкие людишки, уйдете с лица Матери-земли, а я все так же буду золотить кроны и поля... Порог усталости был давно перейден, Иллариий вообще сомневался, сможет ли когда-нибудь уснуть – сила молодым вином бурлила в крови, – но опьянение победой прошло. Они вышли к воинам – оба обнаженные, с «ожерельями» на груди, и люди вначале тупо разглядывали их, потом завопили радостно, прославляя вождей... а потом кто-то первым отрезал у ближайшего серого тела свой трофей. Когда «проводжатые»¹⁵ стащили трупы врагов в кучу, то из сорока двух нелюдей ни один не мог бы похвастаться наличием ушей. Выяснилось, что на город напало около шестидесяти Инсаар, но Амплиссимуса среди них не было – или его просто никто не заметил. В основном драка кипела в главных покоях, досталось и казармам, но Пейл сумел убить там двух тварей, потеряв двадцать человек... На лагерь легионеров и дома горожан Быстроразящие внимания не обратили, но никто не сомневался: это временно.

Страшнее всего то, что союз Лонги потерял за ночь около тысячи человек убитыми и ранеными. Некоторые, как командир консульской охраны Цесар, находились на грани жизни и смерти, и лекарств от иссушения не было – кроме одного. Иллариий сам сидел возле Цесара, отдавая ему выпитую у врагов силу, ведь они с Севером обязаны храброму парню жизнью. Консул наконец сообразил, отчего они не заметили илгу так близко от себя, приняв его за ammo. Пьющий отдает накопленное, только когда любит кого-то или просто хочет помочь, а Цесар любил – ту самую правнучку Иванны, что просила у вождя разрешения на брак с имперцем. Теперь девушка сидела рядом с консулом и плакала, убиваясь о том что «никчемная баба жениху помочь не может». Иллариий прикрикнул на нее, и нахалка, утерев слезы, попросила разрешения «сказать умное». Он невольно улыбнулся и кивнул. Женщины лонгов и других лесных народов вообще нравились ему –

¹⁵ Провожатые – похоронная команда. Слово произошло от поверья, согласно которому души умерших в Стан мертвых (у лесных племен) и в Дом теней (у имперцев) сопровождают некие духи – проводжатые.

в них не было остервенелой жадности многих имперок из высших сословий, и они, несмотря на подчиненность мужчинам, умели показать характер, не вступая в спор. Правда, Север, услышав рассуждения карвира, усмехнулся и заметил, что консул просто еще не видел его женушки Ари и матери беглого братца Марцела – и не увидит, будем надеяться... Предложение правнучки Иванны и впрямь было довольно умно: привести в лекарские покои «отдающих». Она, мол, слышала, как роммелет Брендон говорил об ammo и их способности возвращать утраченное. Илларию только удивился – и как он сам не додумался до такого? Должно быть, за прошедшие сутки у него что-то непоправимо изменилось в сознании. До него перестали доходить простые вещи, зато он неотступно думал о том, о чем человеку думать не положено. Только вот кем не положено?

Услышав за стеной лекарских покоев голос Севера, консул даже зажмурился на миг. Он боялся, увидев карвира, понять, что они оба превратились за эту ночь в чудовищ. Но Астигат выглядел так же, как и всегда, даже успел одеться и смыть кровь с лица и рук. Самому Илларию лекари велели завернуться в плащ, чтобы не двигать перевязанной рукой – плечо, разорванное когтями до кости, болело ужасно. Союзник уже с кем-то ругался, и консул усмехнулся запекшимися губами: даже нападение нелюдей не вылечит вождя лонгов от привычки драть глотку на подчиненных. Но стоило выбраться наружу – и пришлось признать: орать было отчего. Перед вождем стоял охромевший, весь в ранах и синяках, верховный стратег Крейдон – и только что ядом не плевался. Илларию не понимал и половины сказанного, хотя, судя по тому, что Север, даже заметив карвира, продолжал разговор на лонге, спор для чужих ушей не предназначался. Наконец Крейдон замолчал, смерил вождя недобрый взглядом и ушел.

– Понял? – Север злился, серые глаза горели неуголимимым огнем. – Выпить бы выbledка, и дело с концом! Второй раз хочу его убить, да мешают... – Астигат вдруг осекся, вздохнул и спросил, понизив голос: – Лар, у тебя есть дети? Ну, сыновья?

Ужасно своевременный вопрос, хотя... а почему несвоевременный, собственно? Глядя на огромный двор, где слуги и «проводяты» продолжали убирать трупы, а к лужам крови уже сбегались собаки, он думал: смерть всегда рядом. Дурацкий бред про давний переворот оказался пророческим. А что будет дальше? Из двадцати трех илгу ночь нападения пережили пятеро, в лучшем случае шестеро – если Цесар выживет. Дело складывается не в их пользу, так что самое время о продолжении рода подумать, ха!

– Нет. Насколько я знаю, детей у меня нет, – у него было мало женщин, впрочем, мужчин тоже. И ни одна имперка не стала бы скрывать – уж в этом Илларию был уверен! – что понесла от богача Каста. Скорее бы присочинила. – А у тебя? – почему он раньше не спрашивал? У Севера и Брена совершенно другое отношение к семье, не такое, как у него самого. А все потому, что братья могли сказать: у меня есть семья, – а консул о таком и мечтать давно перестал. Врешь, не перестал...

– Есть. Дочь, – Астигат вновь вздохнул и торопливо продолжил, словно признаваясь в том, что его долго мучило: – Вот стыд-то, верно? Мне двадцать три, а всего и детей, что одна девчонка. Она с матерью осталась, я отбирать не стал, хоть и положено было. А то Ари и ее бы придушила, как сына нашего...

– То есть как придушила? – Зачем законной жене душить собственных детей? Странные у лонгов нравы!

– Да, наверное, я сам что-то не так делал... ну, как всегда, – Север поправил пояс с оружием и хмуро посмотрел на цепочку командиров, тянущуюся к залу совета по мокрой

от крови лестнице. Вот так – бой, потом совет, потом снова бой. Жизнь идет. – Она два раза рожала, Ари-то. Два года прожили... а мальчишку она, видно, от ненависти придушила. Вот и не хотел, чтобы она и дочку... Лисса... точно, Лиссой ее звать!

– Ты только что вспомнил? – Илларий улыбнулся, с удивлением заметив багровые пятна на скулах Астигата. – А сколько ей лет?

– Не знаю. Не помню. Вроде бы восемь... или семь... не мальчишка же, чего помнить! Правда, мальчишку отец забрал бы, меня б не спросил. Он и так мне чуть башку не оторвал, когда я Ари выгнал. Келлиты могли обидеться и разорвать союз.

– Да, верно, – консул кивнул. Станный разговор давал передышку, и хотелось стоять так вечность: просто смотреть на утро, на Севера и думать только о том, что они пока живы. – Как лонги без келлитов смогли бы разбить армию Максима и претора Арминия? Твой отец был потрясающим стратегом, нам до него далеко.

– Да уж и без келлитов справились бы! Лар, не зли меня, хорошо? А то пришибу – Крейдона или еще кого. Просто так захотелось увидеть девчонку эту – ну, Лиссу... а еще лучше, если б она мальчишкой была... Брена моим наследником не признают. Никогда. И вот еще что...

Астигат потащил его за руку к середине двора. Порядком потрепанная и поредевшая за ночь охрана потянулась следом.

– Вон туда погляди, – Север махнул рукой на башню единственного в Трефоле храма Быстроразящим – вечно пустующего. Совсем недавно один купеческий старшина умолял Севера устроить в храме торговые ряды – чего, мол, месту пропадать, раз все равно обряды в лесу справляют? А теперь обрядов больше не будет совсем, несмотря на бредни Иванны. Кто может знать, отчего Райн Астигат в итоге заключил союз с Амплиссимусом? Возможно, по той же причине, что и карвиры – просто бойня зашла в тупик, и мир стал много выгодней войны. Конечно, вполне может быть, что Инсаар заморочил вождю голову... нет, илгу надолго не заморочить, с ними не бывает того, что случилось с Бреном, ставшим рабом искусственной страсти. Тем больше честь для мальчика!

– Смотри, Лар. Перед храмом я сжег тело Максима – сам факел к дровам поднес. Он как герой ушел, ты не думай... пожалуйста, – Север не отрываясь, смотрел на башню храма, точно не желал глядеть в лицо карвира. – Просто... мы оба можем завтра помереть, и ты не знаешь, а тебя это дергает, знаю.

– Спасибо, – негромко ответил Илларий. Его действительно мучило сознание того, что консул Максим умер как собака, с отрезанными ушами, и слова Севера будто закрыли какую-то брешь в душе. Только брешей этих так много...

– А Крейдон вот чего требует, – Астигат повернулся и вдруг начал говорить совсем иначе – собранно, властно. Все же эта белобрысая гадюка – настоящий правитель, надо признать. – Он пригрозил, что перед всеми подтвердит рассказ главного выроodka – что я сам по договору Брена нелюдям отдал, а теперь нарушил условия союза. Тогда люди озвереют. Брена не очень-то любят... я потому и не хотел, чтоб знали, где он был полгода.

– Я думал, ты не хотел, чтобы тебя обвиняли в жестокости.

Север передернул плечами. Все же приятно сознавать, что ошибался в союзнике, приписывая тому несуществующие недостатки. Астигат – хитрец и лжец, но подлости в нем нет... ну, почти.

– Кое-кто скажет, что мы должны просто выдать Брена нелюдям – и тогда они от нас отстанут. Но я Крейдона предупредил: если проболтается, отправится в Стан мертвых раньше, чем воины меня самого туда отправят. Как же хорошо, что братишку увезли! – Да, до Брена теперь никому не дотянуться: ни Инсаар, ни мстительным сородичам. Люди просто неблагодарные твари, можно подумать, для консула Лонги это большая новость.

– Мы должны объявить, чем обязаны твоему брату. Во-первых, пусть до них дойдет наконец, что война кончилась благодаря Брену – это вранье, но куда лучше, чем вдаваться в наши маленькие тайны, верно?

Астигат недоуменно нахмурился. Одна Мать-Природа знает, о чем он подумал, но консул имел в виду лишь то, что помимо выгоды от союза, у базилики Сарториска оба с ума сходили от желания отведать друг друга.

– И во-вторых, нужно доказать людям, что союз с Инсаар был разорван не нами и без Брендона сегодня в Трефоле некому было бы встретить рассвет!

Они доказали. После долгих криков и даже нескольких драк. Одеваясь на самый бурный совет в своей жизни – если не считать того, что они с Максимом пережили в Кадмии, когда легионы отказались воевать, пока им не выплатят жалованье за два года, – Иллорий собрал в уме все аргументы. И, несмотря на дикую боль в плече, ему удалось изложить доводы настолько веско, что Крейдона почти никто не поддержал. Не нужно отрывать верховному стратегу голову, убеждал консул союзника, бывший шиннард напорется на собственную дурь. Так и вышло. Крейдон взял слово и орал, что никчемного предателя Брена Астигата, опозорившего имя отца и брата, нужно убить самим или выкинуть нелюдям – пусть тешатся! Такие только и годятся, чтобы задом работать. Мальчишка уже загубил сотни воинов в бою у реки, а теперь загубил триста – не меньше! – воинов и жителей столицы лонгов. Вождь отдал брата Неутомимым, и правильно сделал, и пусть выполняет договор – тогда все будут живы. Как же хорошо, что Райн Рейгард не пошел в отца и не оставит Брена, думал Иллорий. Он понимал Крейдона, ведь тот был илгу, а пьющие всегда стоят за собственную выгоду, и только. Крейдон честно дрался ночью, но ума особого у него не было – ума, потребного верховному стратегу Заречной армии. Бывший шиннард напирал на грядущее нашествие трезенов, ведь оно уже началось! Передовые отряды людоедов уже вовсю шуруют по Лонге, к лету легионы союза должны стать щитом для обеих провинций. Когда Крейдон отвопил свое, и несколько командиров высказались в том же духе, Иллорий поднялся с лежанки. Они загодя договорились с Севером, что без крайней нужды вождю лучше не вмешиваться в спор, ведь речь идет о его родном брате, и все знают, насколько тот ему дорог.

Не думает ли верховный стратег, что Инсаар не найдут его и других на границе с трезенами? И не станут мстить всем илгу? Никто не виноват, что Мать-Природа Величайшая разделила людей от рождения, дав одним возможность пить, а другим – лишь питать других своей силой. Никто не виноват в том, что Инсаар подло нарушили союз жертвенного Дара, покусившись на жизнь правнука Райна Астигата. Если люди не верят карвирам, пусть заслушают слова знахарки Иванны – женщина, перешагнувшая столетний рубеж, не станет лгать в угоду правителям! И еще: только благодаря знаниям, добытым

Брендоном Астигатом – добытым ценой здоровья и своей юности – он, консул Лонги, племянник императора Риер-Де, стоит сегодня здесь и говорит с ними. Как и все прочие, пережившие ночь. И посему та неблагодарная свинья, что станет порочить имя брата его карвира, станет ему врагом и сдохнет под толпой Инсаар – консул клянется в том именем собственного деда, Гая Каста! И Касты, и Астигаты не проигрывают войн, если люди поверят карвирам, то все останутся живы – и слава союза Лонги воссияет в веках!..

Поправив всем напоказ трофейное «ожерелье» на груди, Иллариий сел рядом с союзником. В последнем пункте своей речи он совершенно не испытывал уверенности, но что подделаешь? Астигат вдруг шепнул:

– Где ты так понаторел-то, Лар?

Консул только плечами пожал. Ораторы с Форума Отца городов Риер-Де, должно быть, высмеяли б его речь, но для Трефолы сошло. Вначале стояла тишина, а потом поднялся командир Третьего имперского легиона и заявил: он верит консулу, но лучше уйти в Гестию, а лонги пусть сами разбираются. Но тут вмешался командир Пятого, у которого лет шесть назад нелюди прикончили сына – на глазах у всей семьи, – заорав в голос: «Я не уйду! Давно рассчитаться хотел – и рассчитаюсь!» Бывший старшина-предатель Пейл, подскочив к Крейдону, врезал ему в ухо... и началось. С полчаса в зале совета стоял такой гвалт, что стража едва успевала растаскивать драчунов, а карвиры только головами вертели, следя за спором. Наконец в дело вмешался Верен, бывший шиннард лигидийцев, а ныне командир Первого Заречного легиона, проревев:

– А ну, молчать, дурни! Заткнитесь! – сдержанность Верена была известна всем, подобного рыка от него просто не ожидали, видно, потому и замолчали. А лигидиец продолжил густым басом: – Ну и толку что от вашего воя? Ненасытные вернутся! Они хотят нашей крови и придут за ней, и уже неважно: мальчишка там, не мальчишка... в том бою у реки, где Брендон вроде как предателем стал, мой вождь голову сложил, и товарищей я много потерял, потому и говорить право имею. Вы вот что поймите: малец – он вроде как... ну, вот когда жена мужа пилит, что мясо в шатер плохое принес, а на самом деле злится, что он все семя на любовника тратит, не на нее...

– Повод! – крикнул с места квестор Гай Публий. – Брат вождя – просто повод! Нелюди и раньше убивали – нас, наших братьев, друзей. Не так?!

– Так, парень, – степенно откашлялся Верен. – Даже если отдадим мальчика, Инсаар все равно союз порушили, и никуда мы не денемся, придется воевать, как с трезенами. Потому ты, вождь, и ты, консул, скажите лучше: как больше бойцов отыскать? Илгу этих самых, а мы все займемся...

Сам Верен был раф, жаль! Но говорил дело – нужно находить илгу, прятать ammo, составлять отряды, ведь драться кулаками могут и раф. Вырабатывать тактику войны с Инсаар, искать Амплиссимуса... может быть, прочие нелюди отступятся, если убить их вождя? И подумать о словах главного жреца племенного союза Грефа и жреца цитадели Диокта, которого Иллариий прихватил с собой в Трефолу: отменить обряды совсем и навсегда нельзя. Жрецы не могли внятно объяснить причины, но все равно твердили: обряды проводятся веками, ломать порядок, установленный предками, нельзя. Но здесь они с карвиром уперлись: никаких больше даров врагам! Отдавать им жертвы – значит поддерживать их силы. Ни за что. Иллариий пихнул в бок зазевавшегося Севера и поднялся. Союзник встал рядом.

– Барра! – рявкнул консул. – Мы победим!

– Победа! Инсаар подохнут, их уши будут на наших доспехах болтаться! – Астигат, как и полгода назад, в базилике Сарториска, сжал его руку и тихо добавил: – А Крейдона я все едино удавлю.

– Удави. Не смею мешать мудрой политике вождя лонгов, – процедил Иллари, вслушиваясь в крики людей. Он знал, что мнение командиров чаще всего совпадает с мнением воинов, и, если воины также ответят на призыв к войне – совсем не худо.

– Барра! Бей! – орали командиры. – Пусть твари сдохнут!

Они боятся и потому станут драться насмерть, размышлял консул, когда верховный стратег, изрядно потрепанный в драке и, видно, почувывший, что дело для него запахло жареным, первым крикнул:

– Славься, Север! Славься, Иллари!

Его поддержали весьма дружно. Карвирам пока верили, и консул не удержался:

– Славься, Брендон! – вот так! Пусть знают.

Крепость Туад

Я умираю. И, видно, потому мир сжалился надо мной, позволив прийти к тебе, энейле. Это великая милость, величайшая. Не знаю, достоин ли я ее, но она дана мне, ведь чувствовать тебя – такое счастье. Нить порвана, энейле, а я все еще вижу тебя таким, каким ты был – и еще будешь. Вернись! Я не трону тебя, больше ни капли не возьму, только вернись!.. Я умираю.

Нет, не слушай меня – я лжец. Не слушай меня – живи! Нить порвана, и ты закрыт, и не откроешься мне, и никому из нашего народа не откроешься. Умирать обоим глупо, и потому я уйду один. Старейший объяснил мне... дал увидеть... он умирал так же, когда тело его карвира сгорело на погребальном костре, и нить порвалась. Лежал и смотрел на свой высохший тьел – они высыхают после смерти Дарособирателей, рожденных в них – и звал к себе смерть, потому что жизнь без нити, без силы карвира была мукой. Корчился на земле, призывая долгожданный покой, но дождался лишь Жертвы. Его спас союз Дара и Ка-Инсаар, что устроил сын его карвира, ставший вождем – это было одним из условий договора, и сын илгу Райна строго их придерживался. Старейший выжил, питаясь силой жертв, и навсегда возненавидел и семя своего карвира, и все племя лонгов, приговорившее его к жизни. Вечной жизни без половины души.

Меня не спасет ничто. Союз Дара разорван, а ты от меня закрыт. Нет, энейле! Лежи! Не кричи! Не зови! Ты сейчас ни капли отдать не сможешь – разве что спустя годы... может быть. Не кричи, солнечный лучик, лесной ручеек, счастье мое... ты должен жить! Не зови!.. Как же больно... меня уже нет, одна часть ушла с тобой, а вторая издыхает на поляне рядом с твоим жилищем, энейле. На шкурах твой запах... Вернись! Не могу больше, пусть быстрее... Вер... нись...

Не слушай... прости... не кричи... не зови... и я не стану звать... прости... живи, энейле. Время вылечит все, твои раны затянутся, и ты снова будешь поить мир собой. Два илгу упрямы и глупы, но сохраняют тебя, ведь они тебя любят. Спасибо твоему брату хотя бы за это... позови лучше его, не меня, я не могу прийти... я далеко, я не могу... нет, энейле, я пока не приду, но ты потерпи. Скоро нить порвется совсем, и боль пройдет. Тише, тише, лучик мой... лучше я расскажу тебе кое-что. Это просто сказка – вроде тех, что Дароприносители рассказывают у костров... тише, энейле! Слушай...

Один могучий вождь устроил Ка-Инсаар. Он много воевал, этот вождь, и не раз бывал ранен, а прямо перед обрядом началась лихорадка, и потому его старший сын заключал союз вместо отца. Оба участника обряда были молоды и сильны – могучий илгу и обильный аммо, и сила обоих была из тех, что мир порождает не чаще чем раз в столетие. Илгу познал аммо с огромным желанием, а аммо с радостью отдавался любовнику, и Старейший... Дарособиратель принял в тот вечер достойную жертву. Мы редко видим будущее – а лучше бы не видели никогда, и видения чаще всего приходят в миг, когда люди приносят Дары. Аммо в шатре принял в себя плоть илгу, и Дарособиратель увидел... страшное. Он видел сидящего у костра аммо – другого аммо, брата илгу, справлявшего обряд. Мальчик был закрыт, он еще не знал соития, но сила желания бурлила в нем – он созрел для жертв. К маленькому аммо сходилась столько дорог... и все вели к беде. К огромным бедам для всех – и для Дарособирателей, и для Дароприносителей. Старейший увидел, как из-за маленького аммо гибнет мир – как выходят из берегов реки, заливая поля, как умирают люди в своих домах, а Инсаар – возле своих тьелов, как пересыхают озера, гибнет лес, как уходят под землю города. Старейший прожил на свете много веков, и он решил бороться, не дать маленькому аммо пройти предназначенными дорогами и погубить все живое. Дарособиратель пошел к отцу мальчика и велел ему убить сына. Но старый вождь уже не мог подняться с ложа и возложил порученное на сына своего, илгу... и за это я тоже благодарен твоему брату, энейле, хотя, убей он тебя, я не умирал бы сейчас... но тогда я не узнал бы тебя, мой лучик... Но слушай...

Илгу не стал убивать брата, и маленький аммо пошел своей дорогой – прямо к общей гибели. Тогда Старейший нашел другого Дарособирателя, плохо знавшего людей – слишком плохо. Я думал: люди слабы. Я ошибался. Ты силен, мой лучик, я не знал, что настолько силен. Дарособиратель по приказу пришел к ложу маленького аммо, не ведавшего своей судьбы. Веление Старейшего было простым – пей его несколько ночей, медленно, пока слабость не истощит тело... и он не умрет сам. Мир простит нам такое нарушение союза, ведь Старейший и Райн договорились обменять прекращение войны на обильные жертвы, а твое племя часто отлынивало, энейле. Маленький аммо спал, и Дарособиратель, глупый Дарособиратель коснулся его губ... и захлебнулся силой! Мне никогда не забыть!.. Такая мощь, искрящаяся суть бытия, поток – огромный, всевластный. Маленький аммо мог кормить собой весь мир. Люди не зависят от силы так, как зависим мы, но что ты сказал бы о человеке, полюбившем хлеб, воду, воздух? Верно, назвал бы его глупцом. Я пил тебя. Пил... и это было лучшее, что случилось со мной. Энейле... Верни... нет-нет, не слушай меня. Живи.

Дарособиратель вернулся к Старейшему и сказал: аммо нельзя убивать, ведь такого Дароприносителя Мать-земля не рождала долгие годы. А Старший в ответ проклял кровь карвира своего, давиую такие плоды. Я умолял его... уже любя твою силу, пусть и не зная о том. Умолял так горячо, что Старейший согласился. Маленького аммо забрали от людей, чтобы гибельная дорога прервалась, а его мощь перешла миру. И было так – о, как радовался ей мир! Каждый раз, когда я брал тебя, я чувствовал эту радость и будто сам становился миром – и ты вместе со мной. Ты ведь чувствовал это, энейле?

Как ты поишь реки, леса, горы и поля? Как рождаются грозы, бегут облака, распускаются цветы... счастье – вы зовете это счастьем. Отдавать и брать. Любить. Но ты силен духом, маленький аммо, и я люблю тебя за это, хотя этой силой ты меня убил – так пусть она поможет тебе жить. Живи, заклинаю – живи! Ты лучшее, что у меня было, лучшее, что я видел... как я жил без тебя больше двух веков?! Не знаю. Мне мало осталось... в воздухе кружится паутинка, я помню, как тебе нравилось смотреть на это дерево. Все помню...

Ты закрылся, энейле, закрылся от меня. Когда я почувствовал это в первый раз, мне было больно и страшно – словно у меня вырвали часть того, что вы зовете душой. Отняли воздух и воду. Мне казалось, что я умираю. Я мог сломать твою хрупкую защиту, даже попытался... тебе было очень больно, но ты выстоял. Глупый, маленький аммо... гордость моя. А потом стало поздно – ты еще был со мной, но уже ушел. Я боялся за твою жизнь, боялся быть с тобой долго – всегда. И каждый раз, когда уходил от тебя, энейле, мне хотелось умереть. Но я знал, что вернусь и снова отведаю твоей мощи... тебя, лучик. А сейчас... я отпустил тебя, зная, что разрыв нити меня убьет. Старейший не сказал мне сразу, что так бывает, я сам догадался об этом – после. Но иначе я не мог. Жизнь за жизнь, и я выбрал твою – ты важнее... останься ты со мной – и рано или поздно мы погибли бы оба. Я не виню Старейшего, и ты тоже не вини, он запутался... да и как можно винить того, кто дал миру так много Даров? Но тогда я чуть не убил его. Он вновь провидел и понял, что ничего не изменилось, что ты по-прежнему погибель мира, и поднял руку на кровь карвира, но ты сильнее пророчеств!

Поклянись мне, энейле!.. Скажи, ты видишь меня? Видишь?! Моих сил надолго не хватит – твоя защита очень крепка... видишь... да, сейчас я с тобой, и это моя рука... не кричи, лучик, не плачь, не зови... клянись! Обещай! Тебя не сломал даже Старейший, тебя ничто не сломало, так обещай мне, что выживешь и станешь поить мир. Пусть не сейчас – сейчас ты пуст, но все вернется... я вижу: вернется. Если будешь пытаться... люби жизнь, люби лес, свет солнца, свои значки на пергаменте, гордецов-илгу – и сила вернется. И еще... энейле, убеди илгу прекратить войну. Скажи им: не все Инсаар хотят воевать, мои братья не хотят, Старейший первым нарушил союз... Эта дорога гибельна, но с нее еще можно свернуть. Не дай гордыне сгубить все вокруг – мир важнее нас всех, ты же знаешь... прости, лучик, я должен... отпусти меня, не держи... иначе я потяну тебя за собой... не кричи, умоляю, не кричи... не трать силы... у меня больше нет ничего, потому ты больше не видишь меня... но я здесь, с тобой... я не хочу уходить... энейле, поклянись!

– Флорен!.. Нет! Нет... Нет же...

Клянись... умоляю... я ухожу. Видишь... я радуюсь... радуйся и ты, лучик... так быстрее... отпусти меня... я... ухожу... энейле... живи!

Брен проснулся без слез, зная – это теперь навсегда. Он больше не мог ни плакать, ни кричать. И жить тоже не мог. Зачем? Что ему за дело до мира, что выкачал из него все и отобрал любимого? Златоглазый, умирая, приказал ему жить... отчего так жестоко, Флорен? Но Брен не поклялся – просто не успел – и потому может уйти, когда илгу Север и его карвир научатся сами отбирать людей для войны. Иллариус говорил, что они путаются, определяя силу, а ведь это так просто. Он поможет им и уйдет. Люди, которые рядом с ним, когда-нибудь отвернутся, а тут достаточно веревок... и крепость окружает ров, где внизу – острые камни... есть и лекарский тонкий нож. Просто нужно постараться, чтобы не заметили – и тогда Брен больше не будет слышать во сне и наяву голос златоглазого, больше не увидит его умирающим на знакомой поляне... нет, они увидятся с

любимым в Стане мертвых и уже не расстанутся. И любимый будет таким, как раньше – змеи темных волос по плечам, полные твердые губы на губах маленького аммо, белоснежная кожа, не знающие мозолей руки на его теле... и золотые искры в глазах. Теперь Брен знал, что значили эти нечеловеческие искры – то была нечеловеческая любовь. Но златоглазый любил его, как умел... а Брен Астигат – подлая тварь. Зачем ему жить? Он губит все вокруг, он погибель... но как Север и Иллариий станут воевать, как узнают, зачем Главный начал войну и как ее закончить? Может быть, смерть Брена просто все решит? Причина вражды будет устранена, Амплиссимус успокоится и сдохнет. Брен не мог не ненавидеть, хотя любимый и просил. Амплиссимус знал, что связь с человеком губительна для Быстроразящих, что разрыв может убить... знал... и все равно послал Флорена за жизнью «маленького аммо»! А потом попытался убить... не напади он, Брен, может быть, и не ушел бы, не оставил бы любимого. Да, умер бы от истощения – и, наверное, очень быстро – но умер бы рядом... а так разрыв связи, раскаленной нити причинил неисчислимые страдания тому, кто был ему дороже всего...

Высокий парень с темно-русыми волосами и карими глазами вошел в комнату. Райн. Его друг Райн. Что значит это слово – друг? Отчего он не плюет в сторону предателя Брена? А все просто – Север и Иллариий приказали, вот Райн и возится, ведь сын Крейдона всегда уважал Севера и консула тоже стал уважать... Иллариий очень умен и справедлив. Можно убедить Райна вернуться в Трефолу – как удалось убедить двух командиров-илгу, приставленных к нему братом и консулом для охраны. Илгу все на счету, Мать-земля слишком редко рождает их, хоть мужчины рождаются чаще женщин. Брен просто сказал имперцу и келлиту, что в Трефоле без них погибают их братья, и они послушали... нет, не сына и брата вождя – человека, говорящего разумные вещи. Он хотел их убедить – и убедил. Нечего сидеть тут, где ему ничего не грозит, когда идет война. Почему он не рассказал брату и Илларию все сразу?! До того, как его увезли? Когда златоглазый... ушел, простившись, Брен не мог дышать от боли, но должен был сообразить: карвиры не поймут, им нужно объяснить, отчего он требовал смерти Амплиссимуса. Тот был виноват во всем и развязал войну, которая прекратится лишь с его смертью. И даже гибель маленького подлого аммо уже ничего не изменит...

Но объяснить это брату Брен не мог. Просто был не в состоянии говорить о Флорене – ни с кем. Кое-что рассказать все же пришлось – следы соития с Инсаар скрыть невозможно, карвиры все равно бы догадались... но он просил не мстить его любовнику, не искать того – ведь Брен позволил взять себя добровольно. Флорен никогда, никогда не делал ему ничего плохого! Его выслушали и даже поняли вроде... а потом Север пробормотал: «И что? А этой твари обязательно было иметь тебя, точно процеда?». Едкие слова брата словно хлестнули по открытой ране, марая нечто сокровенное – то, что они с златоглазым делили на двоих... зачем же так? Брат же ничего не знает, так зачем?! И Брен больше ничего не стал рассказывать, даже о последних словах Флорена сказать не смог – а ведь это важно! Дурак несчастный! Мальчишка, неженка, воспитанный в храме на деньги, собранные отцом у всего племени, отобранные у войны! Неудивительно, что его так ненавидели – и старики, и мужчины, и дети, даже женщины. Их сыновья месяцами охотились, воевали, погибали, а младший сын вождя жрал в три горла и учился... и все для чего?! На слова брата обиделся, видите ли... да ведь Север ничего не знал и не хотел обидеть. Брат дважды, а то и трижды спас ему жизнь. Это мама рассказывала: когда Брен родился, она плакала над ним часами, даже смотреть на ребенка боялась – думала, что умрет, как умирали ее предыдущие дети, и до полугода не дотянув, он же четвертым у нее был! А Север все время тянулся к колыбели брата, сидел рядом, забывая про игры, дотрагивался до лица и маленьких рук. И кричал: «Мама, смотри, он меня за палец схватил, он сильный!.. Мама, смотри, он мне улыбнулся!.. Мама, а он меня зовет!..» Сабина говорила: «Брат вырвал тебя у смерти».

Тогда Брен думал: это лишь слова, – но теперь знал... да, илгу вырвал его у смерти своей силой и любовью. Трижды. Так какая разница, что именно он сказал? Север и Иллариус начали войну ради Брена. Ради того, чтобы никто больше не был дойной коровой. Однажды младший Астигат уже совершил подобную ошибку – поддавался обиде, решил вылезти вперед и предал. Дурак! Глупец, возомнивший о себе невесть что! Север гораздо лучше знает, что нужно лонгам и другим племенам лесного союза, недаром именно его избрали вождем на совете в Лесном Стане – а могли избрать любого, того же Крейдона... И теперь брат с консулом строят новый мир. Разве никчемный аммо на такое способен? Конечно, нет. Но он должен помогать, он обязан, только бы знать как!.. Не навредить сильнее – Северу, Иллариусу, их воинам, Райну вот... А ведь Север рассказывал, что Райн был в плену... хорошо еще, что пожалел, не прибавил: из-за тебя! По твоей вине друг, не сделавший тебе ничего дурного, попал в плен! Должно быть, сын Крейдона пережил такое, что и не снилось Брену Астигату, которого кроме любимого никто не брал... а Райну пришлось пройти через имперский Ка-Инсаар. Но друг не держал обиды – возился... нашел в лесу, привез к брату, хотя мог бросить там... Но уж лучше бы он умер в лесу или потом, от лихорадки – тогда бы не пришлось видеть, как умирает Флорен...

– Брен, ты поел бы. – Ах, да, время обеда, труба давно пела, воины в крепости Тиад закончили трапезу и заступили на дневную стражу, а Брен задерживает Райна. – Лекарши говорили, что тебе сил надо набираться. И Иванна-знахарка так же сказала, а она бабка умная, столько вылечила!

– Да, спасибо. Конечно. И, Райн... не нужно, я и сам могу принести еду, у тебя ведь столько дел. – Пусть поставит и уйдет, не надо с ним возиться, не стоит того тупой аммо...

– Брен, слушай, я тут спросить хотел... ты уж точно знаешь... объясни мне, отчего солнце всегда встает на востоке? Я всегда думал: и чего оно по небу так быстро бежит? Выспаться не успеваешь! Только лег, оно уже выползло... а зимой почему оно медленнее ходит? Потому что мерзнет? – зачем взрослый воин прикидывается ребенком? Даже дети знают, почему зимой рассвет наступает позднее... Флорен говорил: мой лучик... не заплакать теперь больше... наверное, никогда уже. Слезы бы не помогли, но, может быть, ком в горле стал бы не таким твердым, а то не проглотить... Любимый приказал жить – а как?!

– Брен, нет, я и правда не знаю, я ж не учился. Слушай! Может, ты меня пока значкам имперским выучишь? Все равно делать нечего, пока в Трефолу не вернемся, скучно ж так сидеть... а буду грамотным, смогу командиром когорты стать – Северу воины нужны, что карты читать умеют. Ну, Брен... вот тут что написано?

Что это, склянка с лекарством? Зачем они тут? Лихорадка давно прошла, а уродливый шрам через все тело не исчезнет никогда, как не исчезнут и другие шрамы – те, что никому не видны. Пусть будут, другой памяти о Флорене у него нет...

– Настойка лесной хризисы.

– Хризисы? А, слышал о такой... слушай, а говорят, что ее больше трех капель пить нельзя... и то с водой мешать – а почему так? – Райн смотрит на него своими теплыми глазами. Только у аммо бывают такие глаза. У раф они пустые, а у илгу – злые.

– Потому что, если выпить больше, можно отравиться. Хризиса ядовита, если не разбавить ее сильно, – вот ее-то он и выпьет. Всю склянку. После того, как придумает, как

передать карвирам слова Флорена и при этом не утянуть никого на свою погибельную дорогу. Обязан придумать! А пока почему бы не попытаться вернуть хотя бы часть долга тем, кому уже навредил? Пусть Райн станет командиром когорты, даже командиром легиона! Он храбрый и умный парень, куда лучше Брена, такие люди нужны союзу Лонги. Только вот...

– Скажи, Райн, а тебе разве не трудно говорить со мной? С предателем, которого толпой имели нелюди? – Брен усмехнулся – он слышал, как о том, что с ним сделали, шептались воины и слуги в Трефоле, когда карвиров не было близко, – и увидел, как побелел Райн. Стало стыдно. Ему же все равно, что о нем думают и говорят, так зачем мучить друга? Тому и так наверняка противно выполнять такой приказ, пока другие воюют.

– Брен!.. Да если хоть кто про тебя так скажет... своими руками удавлю. Хоть отца... Брен! – и теплая ладонь на плече. Немного греет. Райн попытался обнять... а вот этого не надо! Не надо!.. Слишком напоминает... нет! *Лучик мой, не кричи...* я не кричу, не плачу, любимый, только почему все так?!

– Брен, прости, – темноволосая голова опущена, десятник Рейгард сам едва не плачет... что ты делаешь с людьми, погибель? Не смей. Никто не виноват. – Так я принесу обед, ладно?

– Принеси. Вместе поедем. Да, и вот еще что, – говорить трудно. Жить вообще невыносимо трудно. Сил нет совсем, внутри все пусто и мертво, но сердце пока бьется, и он еще не придумал...

– По надписям на склянках читать не выучиться. Но у часовых внизу есть списки, там фамилии... ну, родовые прозвания. Принеси их, и я покажу тебе буквы. Хорошо?

Райн кивнул, вскочил на ноги. Крутнулся на месте – не военным, а прежним, мальчишеским движением – и вылетел прочь. Брен тут же забыл о нем. Как жаль, что он потерял старый крючок от ножен в лесу, сейчас бы сжать в ладони... В зарешеченное окно светило весеннее солнце. Он заставлял себя думать о деле – так долго провалялся без чувств, столько всего нужно успеть... но в голове крутилось неотступно:

Ты выбрал жизнь, так живи! Заклинаю – живи! Ты лучшее, что у меня было, лучшее, что я видел... как я жил без тебя больше двух веков?! Не знаю. Мне мало осталось... в воздухе кружится паутинка, я помню, как тебе нравилось смотреть на это дерево. Все помню... Живи...

Трефола

Консула Лонги – это уж как пить дать! – в детстве ни разу не пороли, а следовало бы. Самому, может, выпороть? Вчера гонец привез письмо от Брена. Мелкий чуши понаписал... так всегда кажется, когда его слова только услышишь, а потом задумаешься и поймешь: а ведь не чушь вовсе! Север хотел перечитать то, что ему карвир прочел – пусть медленно, по складам, но самому, – только письма на месте не оказалось. Союзник уволок. Пойти бы, отыскать Илларию, попросить вернуть, но идти не хотелось. Снова ведь поругаются, как третьего дня. Да и сил говорить не было...

В их спальне было холодно. Вот уж полмесяца, как лили дожди, а после того, как Иллариий, поссорившись с ним, перебрался в казармы, Север велел перестать топить. И так поспит, не неженка... Тьфу! Дурацкое лето – то жара с засухой, то наводнение... и война тоже дурацкая по самое не могу. И Лар еще... когда карвиру надоест его терзать и самому терзаться? Ведь видно же: и Илларию плохо от ссор, от холодности, что вот-вот перейдет в былую ненависть. Да полно, былую ли? С мужиками так бывает – можно ненавидеть человека и спать с ним, потому что хочется. Но Север устал. Устал биться башкой о непробидаемое – глупость и гордыню аристократа... И умен ведь Лар, а иногда – дурней младенца. И больно очень знать, всегда понимать, что плевать он на тебя хотел. Консула волнуют тысячи вещей, да только не любовник – тот просто средство для исполнения задуманного. Больно.

Вождь лонгов развалился на широченном ложе, закинул руки за голову. Сегодня они не поедут в разведку – может он позволить себе отдых?! Все равно сейчас ввалится какая-нибудь сволочь с очередным вопросом – Крейдон, или Цесар, или командир разведки... Не поедут они сегодня никуда, потому что Север Астигат будет думать! О войне, а вовсе не о скотине этой! Тем более что война идет плохо. За такую войну консул Максим и родной папаша оторвали б союзникам головы, не спросив что и как. Нелюди сунулись в Трефолу дня через три после первого нападения – посчитали, видно, что люди ослаблены и настоящего отпора Инсаар не встретят. Но оставшимся пятерым илгу удалось за эти дни сделать многое, правда, потом Иллариий свалился от истощения рядом с Цесаром, и Север в который раз благословил нить, между ними натягивающуюся. Живую нить страсти. Благословил, но и испугался. Иллариий лежал в беспамятстве, а Север чувствовал, как любовник тянет из него силу. Ему не было жаль – что может быть жаль для Лара?! Разве только гордость, проклятую гордость... не дававшую ему прямо сказать: пожалей меня, и я тебя пожалею! Не хочу я ссор, не хочу вранья между нами... не могу больше рот на замке держать, я ж люблю тебя, сволочь имперская. Как Иллариий очнулся, Север ему выложил все байки, какие о Даре равных слышал. Для того выложил, чтоб союзник мог, пока не поздно, нить разорвать. И добавил: знай, ты б в себя не пришел, меня бы рядом с собой уложил – слабость или смерть одного из нас второго может за собой потянуть. После того, что видел, Север был готов поверить в любую сказочную чушь. Пусть выродок без куса сердца не умер после смерти прадеда, но ведь Главный – нелюдь, у него сил больше. Иллариий выслушал молча и после с Севером чуть не полмесяца не разговаривал толком, пока до вождя не дошло: обидел он карвира. Вот же дурак консул! Решил, что любовник боится нити, боится умереть из-за разорванной внезапно связи...

Второе нападение они отбили с помощью лучников, а уж стрелки в Заречной и Предречной есть отменные. В третий раз Инсаар снова напали на город ночью. Их было штук двести, и как этот ужас закончился, Север уже не помнил. Очнулся он под голос Иллариия. Консул говорил кому-то ледяным тоном, как он один и умел: «Если мой карвир умрет, я сожгу все леса кругом Трефолы, готовьте промасленные фитили». И робкий вопрос Крейдона: «Как же так? Леса жечь? Духи предков, лесные духи не простят!..» – «А меня не интересуют никакие духи, – ответил Иллариий, и горячая ладонь сжала руку Севера. – Инсаар в наш дом входят без спроса, и мы к ним придем – не успеют свои поганые тьелы вытащить». Крейдон еще что-то говорил, но Лар так взбеленился, что верховный стратег почел за благо убраться. Теперь, после гибели Тита Плавтия, бывший шиннард лонгов командовал и Заречной, и Предречной армиями и дрожал за свое место да за двойную долю в добыче. Командиров – да еще илгу – сыскать было трудно, оттого так и решили. Воевал Крейдон на совесть, да в ином совести у него не оказалось... но за Брена они позже, после войны посчитаются. Когда стратег ушел, Иллариий посидел еще недолго изваянием, потом вдруг ткнулся стриженной головой Северу в живот и зашептал:

«Императорский дворец я за тебя сожгу! Только очнись...» Вождь тогда смалодушничал, ничем не показал, что пришел в себя – будь он в сознании, таких слов ему от любовника не услышать.

Леса жечь пришлось очень скоро, потому как Инсаар больше в город не совались. Понятно отчего – полегло их тут достаточно, одни карвиры могли на свой счет полсотни с лишком убитых тварей записать... только сколько нелюдей всего? Союзники не знали – даже предположить не могли. Брен рассказывал, что на «празднике» по случаю созревания новых коконов видел примерно тысячу Быстроразящих, но вдруг это всего лишь верхушка, вожди? Север с Илларием создали и отряды раф – много силы от них не получить, а дрались опытные воины отменно. Но в каждый отряд нужно ставить хотя бы одного илгу, пьющих же насчитывались единицы. Консул, вождь и другие илгу обшаривали деревни и становища, ездили в Предречную – искать, учить... Теперь пьющих набралось человек шестьдесят – капля в реке Лонга. Люди действовали по испытанной в боях с имперцами тактике: выслеживали Инсаар, окружали, поджигали лес с четырех сторон, а потом шли в бой. Иногда, впрочем, это нелюди их выслеживали.

После одной из таких вылазок, карвиры ввалились в свои покои довольные, как мальчишки, – удалось убить дюжину тварей, не потеряв ни единого илгу, такое редко бывало. Развалясь на полу, они пили вино, хвастаясь друг перед другом, и тут вошла бабуля Иванна. И пристыдила их так, что у Севера до сих пор уши гореть начинали при одном воспоминании. «Ну, и чему радуетесь? – спросила знахарка. – Думаете, первыми на такой способ набрали: по лесам мелкими отрядами за нелюдями гоняться? Райн Астигат и его дружина то же самое делали, а потом поняли, что эдак войне никогда не кончиться. Неутомимые всегда на шаг впереди будут – вы ж в клубах тьмы по миру раскатывать не умеете... отсидаются где-нибудь и снова нападут, где не ждете». И верно, это имперцев такой тактикой можно измотать, они ж люди, а с Инсаар трюк не прошел. Враги поняли опасность и исчезли внезапно, долго носа не показывали, а потом ударили там, где никто и не подумал бы... Вверх по течению Лонги большая деревня стояла... именно что стояла. Севера и поныне передергивало, да и прочие блевать рвались, только увидав, чего там твари поганые учинили! Пятьсот душ... и на этот раз твари не пожалели и баб – что имперцы, что лонги такое впервые видали. Женщин твари убивали просто для потехи, пить же их нельзя! «Нет, не для потехи – из мести», – сказала им Иванна после. Таким же манером Инсаар порезвились еще в двух деревнях, потом на имперские поселения нападать стали и, наконец, до Миаримы добрались и выпили там семьсот душ.

Сказать по правде, вот тут карвиры растерялись. Враг был везде – и нигде. Городов Инсаар не строят, расстояния им не указ, вызвать их на открытый бой в чистом поле – немыслимо. Обозлившись, пятеро илгу с отрядом раф полмесяца просидели в засаде на одной поляне, где были замечены Инсаар, и отловили там десяток тварей. Нелегко было, слишком много силы требуется плотную внутреннюю стену удерживать, зато за ней нелюди могут и не заметить врага. Так и получилось. Шестеро выродков в схватке полегли, а четверых карвиры, выпив предварительно, чтоб сопротивляться не могли, своими руками пытали, надеясь вызнать, где искать Амплиссимуса. Но так ничего и не выпытали – нелюди на все повторяли: утка с курицей глупцы, проклятые, губители мира. Да пошел бы этот мир куда подальше! Трезены уже жгли приграничные села, два Заречных легиона и два Предречных с людоедами не справлялись, требовалась подмога, а основные силы завязли под Трефолой, и хоть плачь.

После пыток Иллариий ходил сам не свой. Напился, стихи читал, а после шипеть принялся: так, мол, только дикари воюют! Ему надоело таскаться по чащобе! Он не понимает, отчего в век просвещения люди столь примитивны! А потом, глядя

несчастливыми, пьяными глазами, понес и вовсе странное: «Две расы живут в одном мире, значит, так нужно Матери-Природе?! Вот скажи – нужно? Отчего же Быстроразящие не понимают?..» Успокоить любовника можно было только одним способом. Север и успокоил. Толкнул на шкуры, подмял под себя горячее, сильное тело, заставил лечь на живот и взял без всяких ласк. Иллариий отдавался так, будто ему пятнадцать – захлебывался стонами, в руку зубами себе вцепился, чтоб не орать, но все равно кричал, кончая... а после Север целовал распухшие губы и говорил много странного... сам от себя не ожидал. Он – лонг, рожденный на шкурах в шатре. Его мать, Вольга, дочь Изейи Храброго, до замужества с другими девками – отец так рассказывал – в лес ходила приносить дары Инсаар, пела нагая на лесной поляне при высокой луне... Лес и Инсаар связаны накрепко. И весь мир с ними связан, и тошно было Северу Астигату серые тела кромсать. Вот ведь... нелюдей ненавидел люто, а все равно тошно! В детстве он, как и прочие, верил в Неутомимых истоно – а как иначе? Союз Дара хранил племя... а имперцев нелюди не терпели, отчего так? Иллариий отвечал: вроде из-за жестоких Ка-Инсаар, где силой, не добром жертвы брали. Вот! Так почему же они вместе сейчас такое творят, от чего тошно?.. карвиры заснули, обнявшись, оба пьяные в дым. А наутро консул Лонги вновь заявлял холодно: обряды они не вернут, на мировую не пойдут, и нечего раскисать! Что-нибудь придумаем. Да уж, придумали.

Всего полмесяца назад отряд возвращался из очередной вылазки, где в драке с одним, но на диво сильным Инсаар союзники чуть головы не сложили. Остановились поесть и передохнуть на берегу Лонги. Днем на привале костер пришлось развести, так холодно было – невидаль просто, конец лета же на дворе! Накрапывал мелкий дождь, охрана судачила о неурожае: такого, мол, недорода даже старики не припомнят... а они с Ларом вечную тему обсуждали – поимку Амплиссимуса. Север сказал: выродок без куска сердца помер давно, небось, он же союз нарушил. Ищут его, ищут, а ублюдка и на свете давно уже нет, а Ненасытных другой ведет... Брен же говорил, что у нелюдей еще один вождь имеется, из самых старых – в царстве Абила его логово... «Да, – хмыкнул консул, – давай напишем царю Абила Арамею послание с просьбой о выдаче вождя Инсаар, посольство вышлем... – и сам себя перебил: – А отчего нет, кстати? И напишем, и дары пошлем. И Кладию тоже напишем, призовем и по всей Риер-Де Ка-Инсаар отменить. Хватит нелюдям обжираться».

Север глядел на союзника – небритого, с глазами горящими, – глядел, как у того губы кривятся и пальцы по железу доспехов постукивают... для Лара война с нелюдями была чем-то... он словно сам с собой дрался, будто жрала его бойня изнутри, а вот Север уже сомневаться начал. Но додумать вождю река не дала. Часовой с воплем прибежал: «Тревога, наводнение! Спасайся!» Они вскочили, понеслись как угорелые, а вода ломала деревья за спиной... повезло, что холм высокий чуть в стороне оказался, да и не рядом с берегом они лагерь разбили. И все едино – трое из отряда утонули, а прочим пришлось вплавь спасаться, а потом в грязной воде еще риеров шесть топтать, где по пояс, где по колено. Когда выбрались, поняли с ужасом, что их только военная выучка и спасла. Привычны воины при опасности не пожитки хватать, не стоять, рты разинув, а дело делать. А вот мирные жители... берега Лонги-то сплошь народом заселены, да после заключения союза люди еще гуще селиться начали. По обе стороны реки смыло деревни, залило поля, люди тянули к карвирам руки, умоляя о помощи – они потеряли близких и дома, да и голод грозил нешуточный, а ведь и так недород. Союзники выделили легион в помощь пострадавшим, приказали раздавать еду, но погубило-то сколько! Только вернулись в Трефолу – град пошел, да какой! Градины едва не с яйцо голубиное!

Вечером к карвирам заявили жрецы – и Греф с помощничками, и имперцы, что из Гестии припожаловали – и, помявшись, выложили: нужно вернуть обряды. Иллариий их

слушать не стал, вышиб вон. А не прошло и пары дней, как к Северу прикатил брат бывшей женушки – первый любовник, стало быть, старший сын вождя келлитов. Естигий ввалился в главный покой, наелся, напился и заявил, что отец его послал с разговором важным. Мол, вождь келлитов – а в армии Заречной келлитов насчитывалось не менее трети, да и земли племенного союза на ту же треть землями тестя были – беспокоится, не повредился ли бывший зять в уме? Сейчас келлиты мало что стали живым заслоном от трезенов, так еще и доход в казну Заречной от них поступал нехилый, все начеканенным золотом не окупишь. Пришлось к словам обрядового любовничка прислушиваться, как бы ни хотелось навернуть по толстой шее. Проклятье, и как только Север мог десяток лет назад эту гору мускулов и жира драть-то?

«Зачем вождь лонгов и карвир его отменили Ка-Инсаар? – спрашивал Естигий. – Нелюди нелюдями, раз губят они людей, нужно воевать, а обряды-то при чем?» – «Как при чем, – отвечал Север, – разве ты станешь, убивая трезенов, дань им слать?» Тут Естигий прямо заявил: «Это тебе любовник-имперец на ложе чушь вбивает – в зад, видно, мозгов-то нету... В общем вот тебе наше слово, родич любезный: обряды для себя можно справлять, а вы с союзником твоим людей запутали-запугали. Для себя, понял, не для нелюдей! Мы с тобой хоть друг друга не терпим, да связал нас давний Ка-Инсаар, вместе мы жертву принесли – или ты в чары обрядовые не веришь? Ну и дурень, коль так! Ответь-ка, вождь племенного союза, ты на меня руку поднимаешь, а? Я на тебя – нет, святотатство это: предать того, с кем ложе делил при свете ритуальных костров». Север, конечно, обозлился и отрубил: «Вот именно! Не Естигий вождь племенного союза, не папаша его – Север Астигат! Вождь, законно избранный, ему и решать, что и как для племен лучше! Слово сказано, не будет больше Ка-Инсаар, а уличенный в нарушении огребет, мало не покажется». Но поругаться как следует мешало понимание: келлиты правы. Что плохого сам Север от обрядов видел? Ничего, кроме хорошего! Алер ему до смерти верность хранил, как и поклялся лунной ночью, не мог этого вождь лонгов забыть. Не забывалось успокаивающее прикосновение к бедру, когда Алерея перед битвой у реки просил не выступать в бой – и прав был. Обрядовый любовник дурного не посоветует, это невозможно. Ка-Инсаар скрепляет души, связывает народы, дает телу куда больше, чем просто соитие. Им с Илларием обряд жертвенного Дара дал не просто близость на ложе – наградил силой, подарил огромную, сверкающую, раскаленную нить, что уж сотню раз их жизни спасла. И это даже если о выгодах от союза Заречной и Предречной не вспоминать – нерушимого союза, благодаря обряду нерушимого. Прав был Естигий, словом, и жрецы правы... а самое страшное, может, и Иванна права: нельзя жертвы перестать приносить, это погубит все живое. Погубит быстрее, чем «погибель» из видения в голове Главного – его братишка Брен. А вдруг так оно и есть? Из-за Брена ж война началась... проклятье!

Север, не в силах лежать, подскочил на ложе, сел, уставился в окно. Увидеть бы брата, посмотреть – как он? Вдруг бы подсказал мелкий чего путного? А и не подсказал бы – тоже не страшно. Братишка душу умел лечить, а душа у вождя болела. И не только из-за войны, что скрывать. Третьего дня он попытался объяснить Илларию, отчего нужно Ка-Инсаар восстановить, но консул взвился, как подброшенный. «Ни за что. Ни капли силы нелюдям. У тебя гордость вообще есть, Север? Твоего брата твари выпили почти досуха!» Прошипел и выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Север запустил в деревянный косяк сапогом, и в голову пришла мысль... отвратная мысль, его самого напугавшая: эх, ну отчего не Алер рядом? Уж тот бы вмиг понял то, что Илларию вовеки не поймет. С вождем лигидийцев Север был одной крови – в одних лесах рожден, на одних сказаниях воспитан, а имперец всегда будет чужим. Оттого и не понимает самого простого, оттого много говорить приходится, и ссоры эти, бешеные, выматывающие, тоже из-за чуждости... Да вот беда – Север Астигат любил, больше жизни любил именно

Иллария Каста, и никого другого. А любовник – точно глыба льда, не растопишь, не знаешь, с какой стороны подойти к нему...

Под окном кто-то загоготал весело, и вождь наклонился поглядеть кто. Воины-разведчики – два илгу и с десяток раф – сидели на бревнах во дворе и передавали друг дружке флягу с вином. Вот один из них отпил большой глоток и потянулся... к губам товарища. Воин, которого целовали, облапил соратника за плечи и вдруг, подпрыгнув, повис на нем. Обхватил талию ногами, задрал голые колени – имперец, видно, только туника на нем – и выглядело это все ну до того... призывно – бери, мол! – что дальше некуда. Мужчинам нужна мужская любовь. Всегда была и будет нужна. Хоть тысячу приказов напиши, хоть заотменяйся, а люди хотят любить...

Воины продолжали гоготать и ласкаться, а Север сел на ложе. Так и не придумал, как воевать дальше, только голова от мыслей разболелась. Просто... ну, не думается ему без карвира. Отвык, ха! Точно всегда союзниками были, но вражда застарелая нет-нет да и полыхнет огнем...

– Как ты посмел?! – какой-то хам из воинов Заречной – голый по пояс, в штанах, сразу понятно, что лонг – влетел в спальню и зашипел... голосом Иллария. Небо с утра хмурое, в спальне темно, и Север не сразу разглядел, а когда всмотрелся... Закружился огненный морок, желание сжало комок в животе, и бешеным восторгом перехватило горло. Иллари Каст... да полно, Лар ли это? Вот это чудо встрепанное – чуть отросшие, блестящие шелком волосы... полуобнаженное тело – сильное, непокорное, близкое до боли, зацелованное тысячи раз... и штаны, варварские штаны на бедрах низко... светлая полоска кожи над поясом – губами бы к ней прижаться, а потом ниже... темные кружки сосков... на глазах напряглись... и задышал рвано. Север вскочил. Он и сам задышался, не в силах оторвать глаз. Аристократ надел штаны, немыслимо... но таким Лара он никогда не видел, и потому... словом, пошло оно все!

Они столкнулись на середине спального покоя, и Север тут же сжал ладонями крепкие ягодицы, со стоном приник к приоткрытому рту, к полным, твердым губам.

– Лар, – сердце колотилось, он ласкал, не думая ни о чем больше, – что ж ты вытворяешь?..

Не договорил – о чем тут говорить? Иллари, когда руки обхватили его внизу, принялись мять сквозь ткань, выгнулся, откинув голову. Глаза полуприкрыты, яркая синь под черными ресницами... ах ты ж!.. видно, желание и у Лара смело сомнение и обиду... Выпрямился, посмотрел любовнику в глаза, вцепился в плечо, застонал:

– Север... ты... ну же!..

Севера подгонять не требовалось. Сжал пальцами обе темных горошины, покатав, слыша, как дыхание становится совсем уж рваным, а после через штаны дотронулся до головки, потянул пояс... чуть отстранил карвира от себя – наглядеться. Скулы горят, плоть напряжена, и штаны эти... можно было бы вот так взять, не раздевая – взял бы, не раздумывая! Но вместо нетерпеливой грубости чуть коснулся губами горла Лара – легко, бережно, прося разрешения... Чаше, гораздо чаще Иллари под ним бывал, чем наоборот, им обоим так нравилось, но вот это чудо – лесное, близкое, понятное – хотелось на коленях умолять. Как всегда... с самого первого мига, когда уразумел – Лар забрал его сердце и у себя держит, не отдаст. Иллари понял союзника. Сжал руки Севера на своих

бедрах, шагнул к ложу. Встал на колени, изогнулся, обтянутые штанами ягодицы приподнялись призывно. Обернулся через плечо:

– Хочу, – сквозь зубы, резко, низким, «темным» голосом, и голос этот во всем теле Севера дрожью отозвался. Он прижался занывшими, пылающими чреслами сзади, Лар чуть подался назад, и Север резко сдернул штаны эти клятые... Потянулся за маслом, влажными пальцами приласкал вход... Ему всегда казалось перед соитием, что чище Лара мужика на свете нет, мало кто брал это тело... только Астигату оно принадлежит, и пусть попробует коснуться его кто-нибудь еще!.. Недолго тот счастливец проживет, а сам Иллариий... Север стиснул зубы, чувствуя, как подается любовник навстречу, как сжимается его нутро, и понял – пора. Сам разделся торопливо, смазал себя и вошел – в жаркую тесноту – и задвигался тут же, под глухие, тяжелые стоны... потолок вертелся над головой, и не было ничего важнее на земле... пропади пропадом война... пропади пропадом сомнения... он берет Лара, а тот отдается – самозабвенно, впуская в себя до конца, так, что, кажется, сам себе не принадлежишь, и тянется нить – от одного к другому. Навсегда. Навеки.

Зная, что до разрядки любовнику всего ничего осталось, видя, как Лар обхватил себя рукой, как еще сильнее изогнулась сильная узкая спина и напряглись мускулы на бедрах, помогая войти глубже, Север понял: он хочет видеть лицо этого безумного, сейчас, когда он такой... чтобы в придумку свою верить хотя бы – они близки. Ему довольно. Север отпустил содрогающиеся бедра, Иллариий вскрикнул требовательно... подожди, подожди... миг любовался на раскрытый, желанием горящий вход, уложил карвира на спину. Встал на колени, задрал любовнику ноги повыше, прижался губами к животу, потом дотянулся до рта – поцелуй злым вышел, жадным... Ну же, Лар!.. Иллариий чуть сдвинулся, сам насаживаясь, вцепился руками в покрывало, задвигался – резко, сильно, кусая губы. Распахнутая синева глядела прямо в глаза, и вдруг вслед за стоном Север услышал:

– Еще, сильнее... слышишь... хочу чувствовать, что я – твой, – карвир закрыл лицо руками, приподнялся, колени сжал и еще резче задвигался... ничего не соображал Север в эти мгновения, и весь мир лежал перед ним – нагое загорелое тело... и ничего не хотелось, только бы не отпускала сжимающаяся узость...

Разрядка накрыла обоих разом, оглушив беспредельным счастьем отдавать и брать. Север провел ладонью по животу любовника, по белым, еще горячим каплям, потом навалился сверху, обнимая... Иллариий, перестав терзать губы зубами, выдохнул тихо:

– Не вставай. Я люблю тебя, – и повторил громче – с неистовой страстью, с мукой и болью: – люблю, и мне плевать, что ты не любишь! – раскинул руки по покрывалу, сжался весь под Севером, а потом вцепился ему в волосы и застонал протяжно, с каким-то диким облегчением. Так вначале кричат, а потом стонут раненые, у которых стрелу вынули. Север приподнялся рывком: не ослышался? Нет?! Иллариий Каст, гордец-аристократ ему о любви сказал?.. Что сказал? Что Север его не любит?..

– Да. Ты слышал. Прости, – Иллариий смотрел прямо, но так, будто его пытали. Север выругался растерянно. Его трясло, и с глазами было неладно – жгло, резало, точно попало что-то... а потом по лицу потекло мокрое... он с досадой провел по щеке ладонью, пытаясь прогнать пелену, мешавшую видеть Лара, и вдруг понял: он от этих слов ревет... лежит на любовнике, на клятой судьбе своей, и ревет. Точно. Он рванулся – сесть, но Лар не отпустил. Прижал голову к своему плечу, спросил растерянно, хрипло:

– Ты... почему плачешь? Я не хотел, забудь...

Как – забудь? Как?! Спятил имперец проклятый! Не забуду – никогда.

– А ну, повтори! Повтори, что сказал, – нельзя так говорить, но иначе Север не мог.

– Люблю, – глухо, прямо во влажную от пота шею, – люблю тебя со всеми твоими дикарскими мерзостями... мне ночами твой запах снится. Я дурак, знаешь, Север... я же не верил... и сейчас не верю, но... ты – мой, моя семья, мое все. Ты и Брен.

ИллариЙ дышал теперь ровно, будто все решилось, что-то для него настолько важное, что и мука показалась ерундой, а вот Север... он не мог справиться ни с телом, ни с голосом. И потому лежал молча, зная, что колотит его, как в лихорадке. Руки карвира сжались на плечах, и тогда Север все же приподнялся, вытер мокрое лицо и выдал:

– А ты знаешь, что после этого я не отдам тебя – никому? Раз ты сам сказал... я этого шесть лет ждал, Лар... никому не отдам больше, коснуться не позволю. Узнаю, что ты с кем... убью того гада... убью, знай. И не отпущу больше, имперская ты бестия, счастье ты мое...

Он шептал еще что-то, не помня себя, а ИллариЙ все гладил его по плечам, по спине, потом потянулся к губам, и вновь закружился морок – не страсть, Инсаар наведенная, настоящее, принадлежащее только им. Это они у судьбы выгрызли. Когда Лар почувствовал, что плоть в его теле вновь налилась желанием, то застонал коротко и бедра приподнял, открываясь – ему было мало! Обоим всегда будет мало. Север еще раз прижался к податливому, искусанному рту, привстал и толкнулся во влажную тесноту...

Потом они лежали рядом, молчали. И Северу было так легко, словно впрямь стрелу вытащили – а уж это ему было знакомо. Случалась с ним такая рана – под лопатку. Он смотрел на макушку Лара у своего плеча и думал: он ничем не заслужил его, консула Лонги, умнейшего из людей. И незаслуженный дар будет беречь, как бережет самое дорогое – Лонгу и брата. Вот так. Утерся император, утрусся нелюди и трезены, а самое важное – их глупость собственная да гордыня утерлись, подавились...

– Лар, а чего ты в штанах-то?..

Консул засмеялся звонко. Перевернулся на живот, положил локти Северу на грудь, хмыкнул:

– Я мылся – в твоём дворце...

– В нашем дворце! – быстро поправил Север. Хоть главные покои пока и близко дворцом назвать нельзя, но это их дом – общий.

– Да, верно, дворец у нас в Гестии, а тут, прости меня, скорее казарма. Так вот, в Трефоле и помыться нельзя спокойно. Посмотрел, как разведчики на улице пьют и ласкают друг друга, и решил, что ты им Ка-Инсаар устроить позволил. Мы же спорили об этом, и я все время думал... А кроме твоих штанов рядом ничего не оказалось. Меня, знаешь ли, воспитывали так, что даже с любовником ругаться голым нельзя, а я хотел, по твоему милому выражению, оторвать некую белобрысую голову с корнем...

Они смеялись долго. А потом опять целовались и вновь смеялись, и Север решил пока обрядов не касаться. Только ж помирились, не приведи Мать-Природа, вновь поругаются. Нужно еще раз со жрецами потолковать прежде... А вот война не ждала. Пока они тут нежатся, нелюди деревни выпивают.

– Лар, вот помнишь, как нам Максим говорил? Про варварскую тактику. Я думаю, мы тут с Инсаар как бы местами поменялись, – он заметил недавно, что Иллариий перестал при любом упоминании погибшего консула превращаться в Холодную Задницу. Хорошо. И Севера стыд перестал жечь, Максим стал общей их памятью... может, и нельзя так, но уж случилось...

– Ты имеешь в виду, что раньше Риер-Де бегала за лонгами по лесам, а это регулярной армии невыгодно, а теперь мы так же за нелюдями бегаем? – консул даже сел на ложе. Как он примет задумку союзника?

– Да. Вот я подумал...

– Знаешь, – вдруг перебил Иллариий, – а про тебя Максим говорил: из молодого Астигата выйдет отменный полководец. И тебя мне в пример ставил. Я злился, – и улыбка, лукавая, виноватая. Неужели Максим действительно так говорил? Не верилось даже. – Он все твердил, что ты задачи по тактике щелкаешь, как орехи, и понимаешь, как осуществить задуманное на местности, а это для стратега важнее всего. Ну, и обаяние...

– Ладно тебе, с обаянием тем, – Северу было приятно, но дело – прежде. Сейчас карвир засмеет его, полководца доморощенного! – А что, если мы тварей в одно место заманим, а? Приманить их нужно, и еще лучше – чтоб Амплиссимус тоже попался на крючок... как в прошлом году, когда я тебя чуть к Гестии не выманил. И всех – разом! – вождь стиснул кулак перед носом любовника. Консул прижал его руку к губам, помолчал, а после медленно проговорил:

– Хорошо, если получится. Но на что мы их заманивать станем?..

Они просто посмотрели друг другу в глаза, и слов не потребовалось. Одинаковая мысль – залог ее правильности. Приманка найдена, осталось место выбрать.

Трефола

Север дал ему отличную лошадь, но даже выносливая и спокойная скотина вроде Пайта рехнется в эдакой похлебке! Трефола напоминала огромную посудину, что булькает над очагом, а в посудине такое варево, что и не захочешь, а проглотишь. Райн с превеликим трудом пробрался через целые деревни из хижин, палаток и шатров – да что там, люди просто на земле спали! – но внутри стен и вовсе обалдел. Откуда что взялось? Лагерь легионеров в другой стороне, да и не похожи эти оборванцы на воинов... но тут навстречу попало несколько нищих, и сын Крейдона уразумел: это ж те, у кого Лонга дома смыла! Видано ли, чтобы лонги подаяния просили?! Но побирушки оказались имперцами. А эти что тут делают? Дальше – больше, перед одной из палаток на брошенных шкурах чинно сидели люди в таких одеждах, что нищему сроду не сыскать. Судя по одежде, один из мужиков был остером, двое – имперцами и еще двое – лонгами. Купцы! Райн с седла услышал, как имперцы торговались за лен и дерево, а остер громко

причитал, что ему нужна руда, но полтора рира за фальд¹⁶ – это ж грабеж! «Будешь возмущаться, получишь по два рира за фальд», – ответил один из лонгов. А второй прибавил: своими, мол, ушами слышал, как Холодное Сердце велел ниже чем за три руду не продавать, так что поторопись, остер, а то ни с чем останешься... На площадке перед другим шатром прыгали два голых парня, вокруг стояла толпа и кидала им медяки – асы... и за что платят? За зад выставленный? Кто-то заорал поверх голов на двух языках, люди принялись разбегаться в стороны – по грязи между палатками и хижинами ползли быки, целая вереница быков и повозок... «В Гестию везут, – сказал кто-то. – Дерево, руда, лен, пенька – все имперцы покупают, да задорого». Райн пропустил купеческий караван и двинулся к воротам. Брен велел ему не мешкать, да попробуй, проберись!

Под самими стенами был порядок. Видно, что тут армия заправляет, все как положено: частокол, рвы, большая площадь расчищенная, катапульты на стенах, дозорные... но едва он подъехал к Главным воротам, как пришлось Пайта в сторону отводить – еще быки! Сотни две, не меньше... толстый мужик орал на старшего в выезде, на лонге орал, потом на имперский перешел:

– Как это к Гнилому Броду везешь?! Там же размыло все, тупица! Мост решено десятью риерами выше строить – у Скотного Брода, понял ты? Туда камень вези.

Старший вяло отбрехивался, а Райн чуть с седла не рухнул. В повозках, запряженных быками – камень из мастерских Трефолы, что еще Великий Брендон закладывал. Мосты через Лонгу строить будут, Кэль Хисб! Мосты – от бывших врагов к нам... Не верилось.

– Райн, ты зря здесь стоишь, – к нему подошел приказчик толстого распорядителя – долговязый остер, которого Север выискал неведомо где. Приказчик знал то ли три, то ли четыре языка и хорошо писал. Прав Брен: пока своих не выучим, придется остерам доверять. Райн бы и имперцам доверять поостерегся, но союз Лонги жил... дышал полной грудью, быстро билось молодое сердце, и бежали по жилам вместо крови лес, пенька, уголь, железо, лен и золото. Золото! Когда Райн увозил Брена на своем седле в крепость Тиад, лепешка хлеба стоила один асс, а сейчас – все восемь. Что за притча? А «вязок» пеньки подорожал в пять раз... надо будет все Брену рассказать, он пояснит, но не дело это! Эдак и сам Райн с его шестью рирами жалованья, и даже папаша – стратег верховный с долей в добыче – на бобах останутся!

– Вон там пропускные ворота сделали, а эти – для торговли и грузов, – остер почесал стилосом за ухом и поправил сумку с пергаментами. – Езжай, там стража, они одиночек пропускают.

– Спасибо. – Остер не остер, а не будь его, Райн до ночи перед воротами стоял бы, потому как за первым бычьим выездом мордой в хвост последнему быку новый пристроился. – А карвиры в городе?

– Обоих утром видел. Да и куда им ехать, если роммелет Север брата в город вернул? А роммелет Илларию недоволен, потому...

– Чего? – оторопело спросил Райн и вытаращился на остренькое личико приказчика. На солнышке остер перегрелся, не иначе! – Как это – брата вернул?

¹⁶ Фальд – мера веса в «промышленных», оптовых расчетах, в отличие от бытовой: рира.

– А ты откуда едешь, Райн, что не знаешь ничего? С дальней разведки? А, ну тогда ясно... а то все уже знают. Мне вон Марцел, командир шестой когорты из Первого Предречного рассказывал: его брата любовник, который из Третьего, сам роммелета Брендона привез, – остер говорил неторопливо, а у Райна аж голова кругом пошла. Он сам, своими глазами видел Брена в крепости Тиад семь дней назад, и другу никак было не поспеть в Трефолу раньше десятника Рейгарда! Да ведь сам Брен его и отправил! Дескать, странно карвиры на письма его отвечали, ну, то есть Холодное Сердце отвечал... вот и велел ехать и передать им все на словах. И все твердил: не открывайся, держи все время стену, ты ведь ammo, тебе опасно! Легко сказать! Стенка же внутри себя лишь от страха выставляется, сама собой, а по желанию только илгу могут...

– Что ты плетешь? – спросил он, наконец, у приказчика. Тот равнодушно пожал плечами:

– Да мне все равно, лишь бы деньги платили. Но я бы на месте карвиров поостерегся роммелета Брендона в город привозить. Тебя не было, а мы тут такое пережили! Инсаар мигом прознают, что он тут, они же мысли читают, верно? Вот прочитают и явятся по наши души! Я все три нападения на город видел – это, я тебе скажу... да и Холодное Сердце недоволен, опять же. Говорил, что роммелет Брендон на всех беду накличет, что выдать его нужно...

– Да что ты болтаешь?! – Как это Холодное Сердце Брена выдать хочет?! Слухи все это, бабья болтовня! И привезти карвиры Брена не могли, знают ведь, как Инсаар его заполучить хотят, да и невозможно оно так быстро... а вдруг возможно? Что он, этих клубов тьмы не видал, в которых расстояния вовсе нет?! Кто знает, может, карвиры ими пользоваться научились? Нужно быстрее до Севера добраться, уж тот точно брату зла не желает.

– Я вовсе не болтаю! – взвился остер. – Мне командир когорты рассказывал! Карвиры десять разъездов послали в деревню Марсию – представляешь, они его, оказывается, там прятали! Девять фальшивыми были, обманками, а один привезти должен был...

– Марсия не деревня, а город, – губы двигались словно сами собой, а сердце зашло от страха. Брену может что угодно грозить, а он стоит тут, языком мелет!

– Да какой же это город, три тысячи жителей всего? Вот Трефола – город. Вчера только городские старшины сосчитанные списки карвирам подали: около двухсот тысяч человек кругом Трефолы и в ней самой... Воины, потопленцы, купцы, приезжих сколько! В Гестии такого нет, а толпе, сам видишь, жить негде. Аристократы Риер-Де в шалашах живут...

– Ты погоди. Привезли Брена, а дальше-то что?

– Так из десяти разъездов четыре Инсаар перехватили! Но пустых, а разъезд, что вез, до города добрался. Вот Иллорий и недоволен, – остер привстал на цыпочки и продолжил шепотом: – Говорят, консул в лес ходил с Быстроразящими договариваться, чтобы те забрали парня, а то война дорого обходится...

Тьфу ты! Вроде и чушь мелет, а страшно! Райн торопливо кивнул приказчику и повернул каурого к пропускным воротам. В Марсии – втором городе лонгов, заложенном Великим Брендонном – младшему сыну вождя делать точно нечего, там же все на виду! Не

могли карвиры Брена вернуть – намеренно же прятали, тайну такую развели... Север в середине весны сам Райну на седло брата посадил, все лето они в крепости Тиад прожили, никто тайну не раскрыл, да и видел же друга только вот... Сейчас он до карвиров доберется и все узнает! Но у пропускных ворот его вновь остановили – сверить бляху. Пока Райн коня в узком каменном проходе разворачивал, к нему знакомый легионер из охраны главных покоев подбежал. И опять то же самое, Кэль Хисб: привезли роммелета Брендона, консул недоволен, воины волнуются, Инсаар лютуют... Воин, пока говорил, все смотрел на Райна, прищурившись, а потом выдал: «Слушай, не место тебе сейчас в городе, таких, как ты, отселяют подальше, если заметят. Вижу ведь, что ты ammo, выучился в драках с нелюдями и пьющих, и отдающих, и пустышек определять. Половину весны и все лето война идет, но ничего, люди не слабее! Сам видел, как илгу досуха Инсаар выпивают, а после оружием убивают. И жизнь идет – война войной, а жить надо. Через десять дней командир консульской охраны Цесар женится, всех пригласил, и ты приходи, хорошо, что приехал! А где ты пропал-то столько времени, Райн?» – «В разведке дальней, – прорычал сын стратега, потом все же спросил: – А на ком имперец женится?» – «На правнучке знахарки Иванны», – ответил легионер Заречной, да так радостно, словно сам жених. Карвиры, мол, за первую сотню таких браков приданое невестам обещали. Эх, жаль, что имперок в Трефоле мало, одни шлюхи, а то б... «Да-да, сопляки, – вмешался в разговор пожилой бородатый десятник стражи, – лижите имперцам зад и другое место тоже! Они вас после уделают, а я полюбуюсь. Обряды отменили, Неутомимых разозлили, трезены, сказывают, уже все земли келлитов захапали, а два красавца свадьбы празднуют! Все уж болтают, что Холодное Сердце башку вождю так заморочил – дальше носа не видит! Дождетесь еще, погодите... А твой папаша, Райн, первый задницу лизать готов, за двойную-то долю!..» Райн уехал, не дослушав. В другое время он, может быть, и поругался бы с десятником, и подробнее расспросил бы легионера из охраны о войне с Инсаар, но стоило поспешить.

Однако поспешить не вышло. Сразу за воротами – по обеим сторонам улицы Зеленой Дружины – тянулись каменные казармы, и здесь был порядок, а вот дальше... Стоило выехать из военного городка, как началось то же самое, что под стенами: повозки, отряды – военные и купеческие; непонятные людишки, шныряющие кругом... Райн даже важную матрону узрел – идет женщина в расписной хламиде на высоченных деревянных каблуках по грязи, за ней две рабыни семят... мужики аж рты поразевали, галдя вслед: «Теспа, Теспа!» Ясно, кто эта Теспа – куртизанка имперская дорогушная какая-нибудь. Папаша бы не отказался, поди, да и другие командиры тоже, хоть и дорого... Райн не успел додумать, как впереди заорали: «Всем разойтись! В стороны!»

Конный отряд несся по улице чуть не галопом. Эх, ну надо ж было в сторону отойти! Вон же Север Астигат – в полном доспехе, по бокам охрана со щитами! Догонять поздно уже, но Илларий-то в городе!

Стоило вождю проехать, как улицу вновь перекрыли. Шепот пошел: впереди оборонная стенка рухнула – чинят, так что стоим, объезда нет. Райн, по правде говоря, знал объездную дорогу, но, когда сунулся туда, оказалось, что чуть не все улицы и переулки перекрыты стенами – люди их называли «заставами». Камни, бревна, мешки с песком, а сверху – большие луки, что пятеро человек натягивают, и лупит такая штука «стрелой» в два обхвата. Пришлось ждать, и Райн по глупости подошел к уличному лотку, где мужик непонятного роду-племени разливал вино и танам. На мужике – туника имперского покроя и почему-то штаны, да и говорил он на лонге бойко. Чудно. И прицепился тут же: «Какого гестийского желает молодой роммелет? Красного или белого?» Понятно дело, увидел дорогое оружие и одежду, ну и не упустил своего. Райн только хотел сказать: спятил, что ли, я десятник, какое мне гестийское?! – как перед ним

полный кубок поставили. Пришлось восемьдесят ассов выложить. Правда, вино и впрямь гестийским оказалось, не обманул хозяин... Жди, пей, думай.

...Брену было худо. Телесная хворь прошла, но Райну казалось, что ничего не изменилось с того дня, когда он вез умирающего друга от Десты до Трефолы. Не было больше белокурого стройного мальчишки, одна тень осталась. Астигаты и так неразговорчивы, а теперь Брен вообще молчал мертво, каждое слово клещами вытягивать приходилось. Райн нарочно лез с вопросами, то глупыми, то серьезными, но видел: друг лишь терпит его, как терпит всех вокруг. Брен ничего не просил, не жаловался... уж лучше бы кричал и по полу катался. Жизнь точно текла мимо него – он ел лишь тогда, когда десять раз предложат, серые глаза были пустыми, тусклыми, в них больше ничто не загоралось, и Райн боялся, что это навсегда. Десятник не навязывался другу, просто старался быть рядом и приметил много такого, чего видеть не хотел. По ночам Брен словно не спал, а бредил – светлая голова моталась по покрывалу, руки комкали ткань, губы шептали непонятное, – а просыпаясь, молчал, глядя в одну точку. Райн тут же лез с имперскими значками под руку, а друг каждый раз будто заново его узнавал – вот-вот спросит: кто ты такой? Что тебе нужно от меня? У Брена что-то болело – сильно, скрыто, неотступно, – а как помочь, Райн не знал. И сомневался, что вообще кто-нибудь знает. Он заставлял друга говорить и понимал: отвечает тот по обязанности. Брен считал себя должным всем вокруг, потому и карвирам писал, потому и учил десятника имперским буквам. Все говорил: «Ты станешь командиром легиона, такие воины нужны Лонге». Но Райн уже знал – командиром он станет едва ли. Пока Брен не поправится, место десятника Рейгарда возле друга. И пусть он никогда Брена на свое ложе не получит! И пусть папаша говорит, что хочет! Тем более, это Брен, похоже, и Райна, и других пленных на Ка-Инсаар имперском спас. Наверняка-то сказать не получалось, да уж очень все одно к одному, вызнать нужно.

Как-то раз летним вечером – а лето было холодным, приходилось в комнатах сидеть – Райн рассказал Брену всю свою историю. Как в плен попал, как готовился, что его отдерут толпой, потом прирежут, а он и рад уже смерти будет ... как на консульскую площадку пришел Холодное Сердце и прекратил ту жуть кромешную. И как только у консула отваги хватило обряд остановить? И зачем ему это нужно-то было? Брен, внимательно слушавший, на этих словах Райна передернул плечами, спрятал глаза и пробормотал: консул, дескать, всегда насилие ненавидел, просто воинов опасался, а тут командиры легионов его совсем допекли. И замолчал. Райн принялся допытываться, но вытащил из покрасневшего друга только признание в том, что именно в этот день тот видел Илларию в последний раз – перед тем, как... И было ясно как день: не договаривает Брен, ох, не договаривает.

А с месяц назад друг как с ума сошел – начал требовать, чтоб Райн поехал в Трефолу и растолковал карвирам, что войну нужно прекращать немедленно. Любым способом: если уж никак не убить Амплиссмуса, значит, выдать ему Брена – только пусть уймется. «Я спать не могу, во снах жуткое, – шептал друг, – поезжай!» И добавил: и брату писал, мол, и консулу, но те отговорками отделяются. Так что передай им, что необходимо делать, и сразу назад. Нечего аммо крутиться там, где идет война с Инсаар. «Да я сроду от драки не бегал», – возмутился Райн, но Брен так на него глазами сверкнул, что заметно стало: и впрямь сынок Великого... «Ты, – говорит, – десятник Рейгард, баран бестолковый! Большинство аммо не могут даже защититься, не то что напасть на нелюдя! Стена, которая у тебя есть, – слаба, ее даже простой илгу пробьет, выпьет, а уж Инсаар... В драке с нелюдями аммо – подпитка врагу! Так что передашь все – и немедленно в крепость Тиад! Я сказал». Райн даже обрадовался – друг точно очнулся на миг, потому и

закивал согласно, и пообещал: все передаст в точности и вернется. Только тошно было Брена оставлять – пусть даже на полмесяца всего... а тут еще такое слышишь!

– Почему гестийское? – рослый мужик со значком командира имперской когорты подмигнул Райну и облокотился рядом на деревянную подпорку.

– Восемьдесят, – угодливо отозвался хозяин, потянувшись к бочонку. Райн, чтоб не глядеть на имперца – понятное дело, к молоденькому воину липнет! – поднял глаза к небу. Быстро темнело, а ведь день на дворе еще! По небу ползли тучи, на душу словно опускалась тяжелая тьма... он даже головой потряс и потер виски. Мерзко-то как! Точно следит кто, руки тянет...

– Восемьдесят?! – рявкнул командир когорты. – Вы что, торгаши, ошалели? Вчера только пятьдесят было! Дождетесь, сметем мы вас... заладили цены драть!

– А мы при чем? – затараторил хозяин. – Это вы, защитнички, виноваты. Вас много, вам жалованье платят, да повышают, да подарки раздают. А подвоз дорожает...

– Ох, прекрати! Покупаю у тебя вино, потому что не дуришь никого, не разбавляешь. А хоть раз замечу разбавленное – уши оторву! – командир когорты тоже глядел на небо и хмурился.

– Слышь, любезный роммелет, а правду ли говорят, что Брендона Астигата в город привезли? – хозяин налил вина и понизил голос: – Плохо, коли так! Зло этот мальчишка, люди говорили, что от него погибель всем...

– Брехня, – равнодушно ответил командир, делая большой глоток. – Какая там погибель, больше бабьи сказки слушай. Но то, что привезли его, верно. Видал, может, Север из города уехал? Говорят, карвиры из-за парня прямо с утра на совете сцепились, потому Север и ускакал подальше – прибрежные крепости смотреть. Консула бешеной собакой обзвал... тьфу! И как Холодное Сердце только терпит? Налей еще! Тошно-то как...

Дальше Райн не слушал. Тошно, ой, тошно! Будто страх ползет по небу, лютый страх... аж струйка пота по спине потекла. Не могут же ошибаться все?! Значит, карвиры все же привезли Брена... но зачем?! Райн вернулся в военный городок у ворот, сдал коня первому же легионеру, спросив только имя-звание, и кинулся бежать. Без Пайта он быстро через «заставы» перелез и через полчаса уже был в главных покоях. За высоченными перегородками улицы были пусты, толпа осталась позади. В жилище карвиров стояла тишина, а страх все нарастал... Север уехал, а что, если Иллариий... что? Предал? Райн прошел через охрану, толкнул дверь столовых покоев. Давно не был здесь, и все поменялось, но от душного страха он плохо перемены видел...

Холодное Сердце сидел за столом, что-то писал. Спасибо Брену, хорошо друга натаскал. Первые строки написанного консулом бросилась в глаза: «Я, Иллариий Каст, единственный сын Марка Каста, волю свою посмертную...» Кэль Хисб!

– Консул! – если б не тьма за окном, не новости эти страшные, он не посмел бы так орать, ни за что! – Где Брен?!

Иллариий поднял голову, посмотрел строго. От него веяло чем-то непередаваемо жутким ... точно зверь рядом сидит!

– Райн? – темная бровь чуть приподнялась. Вроде человек, а вроде и нет... убежать хочется! – Откуда ты здесь? Это я тебя должен спрашивать, где Брендон, – консул поднялся, рука легла на плечо, сжала. – С ним все в порядке?

– Да все говорят... вы его в Трефолу привезли! А он меня послал сюда, ты не думай, консул, я приказ помню!

Илларий знакомым жестом поправил фибулу, улыбнулся. Сел на лежанку и вновь взял стилос.

– Скоро ты все поймешь, а пока тебе лучше найти «пастуха» и спрятаться. Скоро здесь будет опасно для таких, как ты, – консул продолжал писать, но букв Райн уже не разбирал, так страшно было. Какого такого «пастуха»?! За несколько месяцев в Трефоле все рехнулись, не иначе! – Брендона здесь точно нет. Успокоился? Докладывай.

Десятник Рейгард прикусил губу и постарался толково доложить, зачем друг послал его. Консул слушал, не перебивая, только губы кривил. Потом кивнул:

– Отлично. Поговорим позже. А пока ступай. «Пастух» тебя проводит, просто спроси у охраны...

– Слушаюсь! Только... – Райн дух перевел и выпалил: – Роммет Илларий, это Брен тебя тогда за пленных просил? – ему было очень важно узнать правду, и консул понял. Помолчал, вновь кивнул сухо:

– Да, Брендон меня просил за ваших пленных... Ступай, ну же! – Взвыла труба, казалось, где-то над ухом, и консул схватил со стола пергамент. Сунул его за пояс. – К «пастуху», живо!

Влетевшие в покой воины окружили Илларию, и десятник Рейгард мог бы поклясться, что это не люди вовсе – злые духи. Цесар, Пейл, Марциал, Донард, Кассий, Элий – имперцы и лонги... он их всех знал, с каждым хотя бы словом перекинулся, а сейчас у них у всех были совершенно дикие глаза – на Райна словно бездна смотрела. В животе заныла боль. Он зажмурился, голова кружилась, а трубы продолжали надрывно голосить... Это же сигнал к немедленному построению – «Противник нападает!», если по-имперски. К знакомым звукам добавились какие-то еще, прежде десятник их не слышал... но враг рядом, это точно! Враг в городе, а он – воин!

Райн выскочил в галерею, но Холодного Сердца и его воинов нигде не было – словно сквозь землю провалились! А к нему, сломя голову, бежал незнакомый мужик со странной бляхой на груди – железный рожок пастуха блестел в отсветах низкого темного солнца.

– Живо со мной! – выпалил «пастух» на ломанной лонге и схватил Райна за руку. – Нелюди! Живо.

Мужик волок десятника по галерее, а тот от неожиданности не сопротивлялся. Нелюди? Где?! Что-то липкое тащилось позади, как хвост, терзало, жрало... он обернулся... и замер. Прямо на него по каменному полу надвигалась тьма. Из черноты высунулась когтистая лапа, и голос в голове сказал:

– Аммо. Иди сюда.

Ноги подгибались, но он стоял. Рука сама нашарила меч на поясе.

– Идем! Консул велел, – «пастух» тоже обернулся, но, увидев тварь, не дрогнул. Только резче рванул за руку: – Бежим!

Они побежали. Под ногами грохотали плиты, потом звук стал глуше – камень сменился деревом, а тьма все давила. И вдруг перед ними вырос Инсаар – Райн не понял, тот ли самый или другой. Нелюдь махнул лапой, и мужик свалился с окровавленным лицом. Вторая лапа, с растопыренными когтями, схватила десятника, Райн ударил мечом, но удар был отбит. Черные дыры смотрели на него, и шелестел голос:

– Ты знаешь. Ты скажешь. Говори. Где маленький аммо? – Райн не знал, что хочет от него чудовище, внутренности выворачивались, словно стараясь вылезти через рот... он попытался пнуть нелюдя ногой, свалился на колени, и темная тень нависла над ним.

– Эй, тварь! Обернись! – командир консульской охраны, Цесар – тот, что собирался жениться на девушке из племени лонгов... Имперец был в короткой тунике и кожаном легком доспехе. В руке – «медвежий» кинжал. – Аммо, беги! Не оборачивайся – беги!

Райн не побежал. Инсаар не смотрел на него, только на Цесара, пора... Десятник ударил тварь мечом – прямо под ребра. Хлынула черная кровь, но Инсаар даже не обернулся. Тварь и человек стояли друг против друга, и кружился в голове тошнотворный вихрь... Потом все потемнело.

А земля мягкая, не то что плиты. И трава зеленая... он лежит на траве? Райн приподнял гудящий болью затылок. Он лежал на плаще, застиранном, выцветшем плаще Зеленой дружины, такие даже весной уже носили только старые воины-лонги – имперский-то удобнее. Все кругом – и деревянный настил, и большие булыжники – было залито кровью, а где-то над ним страшно ругался кто-то очень знакомый.

– Воды ему дайте. Вот же остолопы! Четверо сыновей – и все дурни, – отец? Ну да, это был папаша, верховный стратег – по пояс голый, перемазанный чем-то жутко вонючим. Крейдон сел перед ним на корточки, приподнял голову, посмотрел, как Райн, захлебываясь, пьет.

– Сожрали б тебя и как звать не спросили бы! – отцовская рука взъерошила волосы. И вдруг стратег вскочил и рявкнул – уже совсем по-другому: – Всем к воротам! Начали! Слушать сигнал!

Незнакомый воин помог ему подняться и пробурчал:

– Столько сил потратили, чтобы никого за «заставы» не пустить – и все зря. Пожгут же... жалко. Слышь, стратег, бабы ж там.

Какие бабы? Почему баб пожгут? Отец уже никого не слушал, потому что по узкой каменной улице надвигалась тьма и слышались вопли. А стратег застыл изваянием, и рядом с ним стояли другие воины – все в ряд, и каждый держал по незажженному факелу. И бочки – совсем рядом. Бочки с чем-то невыносимо вонючим. Райн понял: еще чуть-чуть, и его наизнанку вывернет от этой вони, от слабости... Инсаар, что убил «пастуха», спрашивал про Брена! Конечно, нелюдь что-то почуял в нем – знание, чувство... и потому

выпытывал! Холод сковал разум – а вдруг выпытал?! Страх за друга дал силы встать на ноги, перестать виснуть на старом воине. Они у Больших ворот, их после предпоследней войны с имперцами поставили – хорошие ворота, крепкие! Сейчас ворота закрыты, а тьма надвигается, только отец и другие не бегут никуда, так и стоят в ряд. Да и куда бежать? Они заперты между нелюдьми и воротами! Но как же воняет!

Снова взвыла труба, и тьма будто дрогнула, начав рассеиваться. Нелюдей было много, Кель Хисб, как же много. И между серых тел – светлые, человечьи. Райн заорал коротко, как безумный, когда увидел Илларию Холодное Сердце. Консул вертелся, будто волчок, держа в одной руке короткий меч легионера, а в другой кинжал с широким лезвием. Отец куда-то пропал, потерялся под лавиной серых тел, и горькая мысль мелькнула в голове: даже слова на прощание не успел ему сказать... Впереди шла отчаянная драка, а за свалкой что-то горело, и дым стоял столбом. Старый воин потянул Райна куда-то к забору, и десятник послушно пошел, зная, что ничем никому сейчас не поможет. Слаб, как котенок, проклятье! И тошнит... да есть ли там еще кому помочь?!

– Вот попал же ты, малец... аммо здесь не место. Я раф – а мне и то пакостно. Пьют... пьют...

Воин сплюнул на землю, и тут Райн увидел, как в глубине схватки ярко полыхнул факел, потом еще один. Прозвучал второй сигнал трубы – еще выше, надрывней. Стена огня стала сплошной, и воин потащил Райна куда-то... он плохо видел куда. Лучше уж задохнуться в дыму, чем сгореть... или достаться нелюдям...

– Вы лжецы! – прогрохотал в голове голос. Райн уже слышал его однажды – давно, в главных покоях Трефолы, когда нелюди первый раз Брена требовать пришли. Это был тот, кто хотел смерти Брена... Амплиссимус! Нелюдь и Илларию стояли на границе пламени, а кругом бесновалась бойня. Искры обжигали обнаженные руки и шею, дым стал густым, плотным. Но и в дыму Райн видел, что люди еще дерутся.

– А ты ждал честной войны? – консул замер, точно статуя, только губы двигались. – Я согласен быть лжецом, но живым лжецом. А ты – мертвец.

Как Илларию может говорить так спокойно?! Истинно – Холодное Сердце! И почему Райн и его голос слышит в своей голове, будто консул тоже нелюдь?!

– Без карвира ты никто, курица! Меньше, чем никто – всего лишь зарвавшийся илгу. Вместе вы сильны, но ты еще узнаешь, – тень выросла над Илларием, но тот и не подумал отступить, – узнаешь, что бывает, когда рвется нить. С дороги!

Консул вдруг рухнул на колени, к нему подскочил Цесар, потом отец – оба встали над распростертым телом... а огонь все пылал... им всем не спастись. Но Райн Рейгард, десятник Заречной армии, не сдохнет, валяясь на земле! Он хоть перед смертью отдаст долг консулу! Райн перевернулся на живот и пополз, старый воин хлопнулся поперек его тела – без сознания, а десятник все полз, глотая дым и слезы... и тут Большие ворота распахнулись. Север! Откуда он тут, ведь Райн сам видел, как вождь уехал! Астигат шел вперед, словно не было вокруг ни огня, ни боя, ни жутких тварей. Амплиссимус обернулся – десятник ясно увидел глубокую вмятину возле сердца. Большой отряд пробежал мимо, втянулся в побоище, а пятеро все стояли посреди объятый пламенем улицы.

– Крейдон, Цесар! – Отец и имперец рванули с места и исчезли, а Астигат шагнул вперед. Тень метнулась к нему, и начался бой. Райн видел размытые пятна и думал, всхлипывая от слабости: илгу не люди. Не такие люди, как прочие. Человек не может двигаться так, как двигался Север Астигат. Инсаар и человек кружились, сходясь и расходясь, и блестело лезвие меча. Но тут Иллариий поднялся на ноги, вытянул руку вперед и застыл. Север тут же замер – и между карвирами так же замер Инсаар со шрамом у сердца. Боль молнией разорвала голову, Райн, захлебнувшись стоном, ткнулся лицом в круглый бульжник, но еще успел увидеть, как серое тело медленно осело на землю, скорчившись... как Север толкнул ногой бочонок – и полилась черная жидкость... огонь, огонь...

Трефола горела. Райн вновь лежал на земле, только лицом вверх. Рядом кто-то орал без остановки, мучительно, дико. Хотелось заткнуть уши или умереть – немедленно! Город пылал. Пламя скакало со стен на крыши, выло в черном небе, и ветер нес в лицо гарь и невыносимый запах.

– Где ж они остерийский огонь¹⁷ взяли, а? – отец был тут, рядом. Живой! Но почему такая тоска рвет сердце?! И хочется визжать и плакать... Крейдон приподнял сыну голову, сунул ко рту флягу с вином.

– Вон, гляди! Победители! Мы победили, сын... я не верил. Мать же их, а!.. Ну и задрыги, мать их!..

Под папашину ругань, с детства привычную, Райн приподнялся. Север и Иллариий стояли рядом. И смеялись – оба. Север был весь в крови, золото волос закрыло голые плечи, и ветер рвал пряди... черный ветер пожарища! Иллариий улыбался надменно, синева играла в нелюдских ярких глазах ... Союзники повернулись друг к другу, и тут Райн понял. Он уже видел это! В видении, что Амплиссимус показал всем в главном покое сгоревшего города. Трефола сгорела, но они живы! И Брен жив, и его брат. И Холодное Сердце. И сам Райн, и его отец... и много кто еще. А Инсаар со шрамом обманул сам себя! И умер, так, видно, и не поняв.

В лекарской палатке было не протолкнуться, и все гомонили разом. Райн старался заснуть, но ворчание Фабия Лота не давало. Старый гуляка жаловался: он дурней-илгу кормить не нанимался, вот парнишку отогреть – это завсегда, и все норовил погладить бедро десятника. Какому-то воину за занавесью отрезали искромсанную когтями руку, и ткань не заглушала ни воплей раненого, ни визга пилы по кости. Райн вернется в крепость Тиад и все расскажет Брену! Что опасности больше нет, что война закончилась – так говорили все!.. «Вместе с городом сгорело штук сто Инсаар!» – «Да нет, двести!» – «Нет же, пятьдесят всего... ну, или шестьдесят». Илгу Цесар сидел на полу рядом с ними. Голова у имперца была перевязана, грудь сильно изодрана когтями, но он все равно рвался слазить на пепелище и найти труп главного Инсаар – вот только силы наберет. «Уйди, тварь жадная, – ворчал Фабий, – тянешь ведь с нас. К карвирам иди – они вождя Инсаар выпили, у них силы много, чай, поделятся». – «Ну да, – кривился Цесар, – они только друг с дружкой делятся». «Хорошо попросишь – и тебе перепадет, – ржал Фабий. – Погоди, вот погаснет огонь – он же долго не гаснет, остерийский-то, как весь город еще не сгорел, – и поглядим. Союзникам тоже, поди, не терпится вражину лютую, издохшую наконец, к воротам прибить». – «Хорошо, что Главный попался на обман, – хрипел Цесар,

¹⁷ Остерийский огонь – не слишком широко используемая смесь различных горючих веществ, впервые применялась остерами.

– отлично все разыграли. Привезли погибель в Трефолу, как же! Сам лично и привез, да-да! Все видели – десять разъездов, ой, не могу! Карвиры все придумали, все просчитали, даже ссору разыграли, и Инсаар клюнули. И вот теперь войне конец – с помощью слухов и остерийского огня. Город жаль, да отстроим! Иллариий обещал из Гестии мастеров привезти быстро».

Цесар вдруг заплакал, а Фабий Лот склонился над ним. Да, так бывает после боя, Райн давно это знал. «Твари Пейла и Марциала у меня на глазах разорвали, – рыдал имперец. – Все им мало было, мрази!» Фабий гладил илгу по голове, точно мальчишку, бормотал негромко: «Ничего, парень, ты пей меня, пей, только не сильно, договорились?..» Цесар еще стонал что-то сквозь зубы: никогда он никого больше пить не станет. «Мерзость это жуткая, если б вы знали, счастливые вы, ammo. Неведомо вам, что значит жизнь выпить. И неважно, чья это жизнь – людская или нет. Все едино Мать-Природа накажет! Да я спать не могу с того дня, как первого нелюдя выпил!..» Потом поднялся тяжело и укувылял прочь, проворчав, что карвиры ему голову оторвут за неявку. Фабий вздохнул, дал Райну воды напиться, и десятник решил – он сейчас еще полежит и найдет отца. И пусть Крейдон Рейгард узнает: Брендон Астигат спас его сына от насилия и смерти. И, если стратег хоть раз еще помянет недобрым словом младшего брата вождя, сына у него больше не будет. Так вот. Спать хотелось ужасно, да и раненый за тряпкой вроде перестал орать... Райн прикрыл глаза, втянул в себя неистребимый запах дыма и черного маслянистого остерийского огня... Победа пришла в Трефолу, победа в самой страшной войне, какую только выдумать можно. Пришла – и пахла огнем и смертью.

Трефола. Торговая сторона

В комнате горело несколько жаровен, но Брен все равно мерз. То есть, мерз, пока не пришли брат и Иллариий. Он не ожидал этого, сам собирался зайти к карвирам, и потому стол, пол и даже ложе были завалены свитками, к которым консул прибавил еще один – большой пакет, запечатанный несколькими печатями. Впрочем, не совсем прибавил – Иллариий держал письмо на коленях, и Брену оставалось только гадать, что там. Ладно, консул и сам расскажет, наверное. Навязываться брату и его любовнику не хотелось – те устали, и, кроме того, могли припомнить о своем недовольстве его появлением в Трефоле через десять дней после пожара. Но он просто не мог больше ждать, не мог сидеть в тишине и безопасности крепости Тиад, зная, что из-за него погибают люди. Вновь погибают.

Столица Заречной Лонги встретила младшего брата вождя дождем и небывалым, невероятным оживлением. Брен и его сопровождающие – воины гарнизона крепости, пробирались по грязи, ежеминутно рискуя утонуть в придорожной яме. Впрочем, назвать это месиво дорогой было бы неверным. У лонгов нет дорог. Ну и что? Теперь будут, карвиры построят. Навстречу путникам ехали тяжело груженные повозки, к Трефоле тоже везли грузы. Брен отмечал: камень, руда, бревна, вновь камень. Возле одного бычьего выезда поднялась драка – в мешках оказалась пшеница, а на дороге – куча голодающих. Расшвыряв наглых побирушек, легионер-десятник влез на телегу и заорал: «Карвиры обещали начать раздачу еды! В первую очередь – погорельцам и потопленным, а еще вдовам и сиротам!» – «А мне дадут чего-нибудь? – закричал старик с культей вместо ноги. – Я воевал!» – «Инвалидам подают только в Риер-Де, – отрезал десятник, потом добавил, подумав: – А кто знает? Может быть, и накормят, иди в Трефолу». Город выглядел... странно. При отце это была мирная, тихая большая деревня, оживлявшаяся только с началом войны. А теперь... полгорода просто не стало – сгорел, остерийский огонь погулял на славу. Брен слышал, что говорили о том, как его брат и Холодное Сердце

сожгли город, убив тысячу серокожих тварей. У Флорена тоже была серая кожа, и он не был тварью. Брен, сжав зубы, смотрел на пелену дождя, капли текли по лицу. Он не плакал. Не мог плакать. Хорошо бы, если и Амплиссимус сдох! Ненависть не гасла.

Вторая половина – не тронутая огнем Торговая сторона, лагерь легионеров, предместья – кипела жизнью. Брен чувствовал, как рвется из города сила, будто Трефола была чем-то вроде реки Лонга. Столетия назад он полз по лесу, слыша зов реки... а теперь город звал его, город, в котором он родился на свет. Глядя на занятых делом людей, он думал: я постараюсь, изо всех моих оставшихся сил постараюсь быть полезным. Карвиры встретили его неласково – оба. Брат ругался, что Брену могли причинить вред. Какой вред? Кому он нужен, если кончилась война? К тому же, его никто и не узнал под плащом с капюшоном. Иллариий твердил: он полагал Брендона Астигата взрослым мужчиной, а оказывается, тот не понимает простых вещей! «Я ждал Райна, не дождался и подумал, что должен спешить», – так Брен объяснил свой приезд. Надежда на смерть, быструю смерть от руки Инсаар, рухнула. Он, должно быть, больше не погибел, раз война закончилась... только обряды карвиры не восстановили и не намерены были восстанавливать. Мир кричал в снах Брена голосом златоглазого – просил, молил спасти его. Он попробовал говорить о Ка-Инсаар с братом и его союзником, но те оказались тверже камня. Нет и еще раз нет. Они победили и ровно ничего не должны нелюдям! А мир проживет и без них, у союза Лонги хватает других забот. Брен опасался настаивать – он ведь ни в чем не был уверен, вдруг навредит своими советами, вдруг он все еще погибел? Потом союзники смягчились, брат обнял его, и Брен ткнулся лицом в родное плечо. Было так хорошо стоять и знать: Север его не винит, любит. Наверное, Брен не смог бы жить без прощения, без любви брата. Он так мало ценил раньше этот Дар – любовь! Златоглазый говорил: «Люби илгу, будь рядом с ними», – и Брен поклялся, что сделает все, чего брат захочет. Иллариий тоже повеселел и сказал, что они его очень ждали. Ждали? Консул ответил на его удивленный взгляд: «Я тысячу лет не говорил с образованным человеком! Твой брат понимает только слова команд и наслаждается руганью легионеров, точно песней». Север захохотал во все горло и заявил: «Вот теперь рядом не один зануда, а двое» – немыслимо! Брен и раньше знал, как крепка нить между карвирами, но тут понял: они близки, очень. Никому больше ни тот, ни другой не позволили бы обращаться с собой так.

Потом пришли Крейдон и Райн. Райн кинулся к Брену и тоже начал его ругать за приезд без должной охраны, а Крейдон подошел к Северу и сказал, что готов выплатить виру за несправедливое оскорбление младшего брата вождя. Сын у него остолоп, конечно, но сын же, родной... «Словом, не держи на меня зла, вождь!» Брат опять засмеялся и ответил: рано или поздно он все же придушит верховного стратега, а пока пусть Крейдон Брену виру платит. Стратег принес богатые подарки, и они кучкой лежали в углу его комнаты. Оружие, драгоценности – зачем ему это? Чем можно искупить муки и смерть тех, кому повезло меньше Райна? Брат вернул Брену серебряный браслет, подаренный в храме Трех Колонн, но надеть его на руку было невозможно, слишком хорошо помнилось, как наставник Торик вручил ему безделушку, как поздравлял и хвалил, а потом предал. Север рассказал ему все: как жрецы снесли с лазутчиком имперцев, как торговались с Илларием за его жизнь... мерзость. Жизнь полна мерзости. Торик предал ученика, а Амплиссимус предал Флорена. И еще Брен помнил, как златоглазый целовал ему запястье под этим браслетом.

У Иллариия оказалось к Брену сотня просьб и поручений – это было так хорошо. Он гордился тем, что карвиры доверили ему важные дела. «Прежде всего, – говорил консул, – нужно отбирать ammo и илгу – ну и что, что война кончилась, самим тоже знать важно. Отбирай, Брендон. А потом – у нас такая куча всякой возни с цифрами и счетами! Если бы ты знал! Вечером принесу, сам увидишь». Брен до вечера разговаривал с легионерами и

тут же нашел слабого илгу и двух аммо – тоже слабых, но они могли лечить людей своей силой. Ему было безразлично, как люди относятся к нему, свою вину он знал сам, а союзники поручили ему важную работу, и он ее делал. Только и всего. Консул хвалил его, утверждал, что они с Севером никогда не могли находить нужных людей так быстро и точно. Вечером Брену показали его комнату на Торговой стороне, чуть не в единственном там каменном доме, где теперь жили союзники, ожидая, пока расчистят пепелище и можно будет строиться заново. Приказчик-остер приволок несколько ящиков всяческих пергаментов, и Брен погрузился в чтение.

Это было так интересно! И как же многого он не знал! В храме Трех Колонн он носился со стихами, читал философские трактаты, но ни «Риер Амориет», ни «Сентенции» не помогут понять, отчего раствор, скрепляющий каменные кубы на строительстве мостов, плохо держит? В городе пользуются тем же самым раствором, и все хорошо, а тут?.. Или – какой налог на торговлю должны платить абильские купцы и как им пояснить, отчего налог выше, чем у остеров и имперцев? А купцы местные – лонги и келлиты – вовсе отказывались платить налоги. Как доказать, что это нужно? И главное – какова должна быть доля отчислений в казну союза, чтобы они не поощряли торговлю себе в убыток? Брен сидел, думал, а потом выложил все Илларию. Тот спорил, соглашался и отвергал, а брат лишь пожимал плечами и ворчал: «Карвир, ты его замучил! Посмотри, в чем душа держится! Отстань от парня, дай ему отдых». – «Нет, – уперся Илларий, – пока мы занимаемся погорельцами и армией, кто-то должен думать о купцах и мостах!» Севера что-то задело в этой фразе, и он заявил консулу: они не виноваты в том, что народ в последний день войны лез за «заставы», и погибло несколько сотен, ни в чем неповинных...

Союзники вылетели за дверь и сразу начали ругаться, а Брен чувствовал, как они, злясь, пьют друг друга и тянут из него озерцо силы, какое ему осталось... но молчал, хотя голова кружилась, и стены танцевали. Он прощенный предатель и должен терпеть все. Единственное о чем он попросил союзников: «Не называйте того, кто охраняет аммо, «пастухом», пожалуйста! Мы – не коровы, что бы илгу про нас ни думали...» Они замолчали оба, будто он их ударил. «Брен, но я не думаю, будто ты корова, – пробормотал Север, – ну прости, я тут же прикажу снять рожки с «пастухов», ох ты ж... ну прости!» Брат оправдывался, и Брену стало стыдно. Север и Илларий защитили всех, убили Амплиссимуса, отомстили за Флорена, за самого Брена, он не смеет судить победителей! Просидевший всю войну в укрытии трус! Он молча встал, поцеловал руку вначале брату, потом консулу, а те, казалось, готовы были провалиться сквозь землю. Отчего так? Странные они.

Вот теперь они опять сами пришли к нему, а ведь оба очень устали. Попробуй, наведи в Трефоле хотя бы подобие порядка! Но союзники смеялись и требовали: «Сейчас, только вина принесут – и выкладывай, что хотел про налоги и цены! Мы смиренно слушаем». Он был так рад их видеть, при брате и Илларии его жизнь обретала смысл... хоть какой-то смысл, за мертвыми колонками цифр он иной раз его терял. Он им нужен, они его любят. Надо повторять себе это постоянно.

– Нужно ввести единый налог, – твердо сказал Брен, бросив взгляд на союзников. Илларий сидел прямо, с кубком гестийского в руке, Север привалился к любовнику плечом. Брен знал: он их стесняет. Не будь его рядом, они б обнялись, вели себя более вольно, но ему дважды стало плохо у них на глазах – потому что они целовали друг друга и обнимали. Он не мог видеть чужой любви, страсти, словно что-то вновь выворачивало его наизнанку, как в шатре на лесной поляне... Он боролся с собой изо всех сил, но, увидев, как Илларий взял Севера за руку, а тот обнял его, прижал к себе, поцеловал в губы

– долго, нежно, властно, – просто рухнул на пол. А второй раз не вовремя зашел в их спальню. Ему было мерзко от своей слабости, это же дурость – мужчины будут любить друг друга всегда! Если ему самому этого больше не дано, при чем тут остальные?

– Ты имеешь в виду налог рирами? Золотом? – спросил консул. Потом выразительно посмотрел на Севера. – Надеюсь, теперь ты прислушаешься к моим словам? Не дело, когда в Предречной платят налоги золотом, а в Заречной тем, что твои подданные соизволят принести. Это мешает торговле, путает расчеты...

– Нашел себе поддержку в лице моего братца. Так и знал, что вы споетесь! – усмехнулся Север, еще теснее прижавшись к Илларию. – Нет, я против.

– Север, я все посчитал, – начал было Брен, но осекся, повинувшись властному жесту брата. Может, он вновь чего-то не понимает, потому что прежде не жил самостоятельно, а просто пользовался трудом и заботой других?

– Вы оба точно со звезды Аспет свалились, – лениво протянул Север. – Простого не понимаете: большинство жителей Заречной в глаза ваших риров не видели и чхать на них хотели. Если я завтра заявлю, что охотники с дальних становищ в будущем году обязаны будут выплатить в казну один рир, в войске мне их больше не видать. Они решат, что вождь объелся белены – и зачем такой дурной правитель нужен? И будут правы.

– Позволь с тобой поспорить, – Илларию прижал рукой плечо союзника, помогая ему устроиться поудобней, – сейчас они будут недовольны, но потом привыкнут...

– Чтобы они привыкли, мы должны направить во все становища скупщиков пушнины, льна и пеньки. Тогда на вырученные деньги люди смогут что-то купить и заплатить налог, но нам просто не нужно столько шкур и прочего... – Север отхлебнул из своего кубка и прибавил: – А пока пусть несут, что есть. И воюют с трезенами. Налоги рирами будут платить только купцы и ремесленники, да и то лишь в Трефоле, Марсии и еще паре мест. Я так решил.

Илларию отчего-то прикусил губу, а Брен задумался. Брат понимает в жизни куда больше него, значит, он что-то посчитал неправильно. Ну да, Север совершенно прав: надо объехать все становища и только потом решать, что нужно тамошним жителям. Он уже один раз думал, будто знает нужды своего народа, и так страшно ошибся...

– Брен, ты просто посчитай, сколько мы должны брать с купцов и за проезд. Да, и еще за торговлю на улицах, она меня с ума сводит! – Илларию чуть приподнялся. – По моему, нужно запретить им орать, что ли... и заставить убирать мусор. В Гестии за уличную торговлю берут больше всего налогов вроде бы...

– Все у тебя «вроде бы», – съязвил Север. – Ты сам хоть раз купил чего на улице? Людям это нравится! Нечего давить торгашей налогом. Пусть орут, не облезем...

– Ну да, тебе все равно, у тебя в ушах пенька! А я хочу ездить по чистым улицам, такую грязь развели, до болезней недалеко...

– А то в Гестии чумы не бывало? Скажешь, может, только у варваров такое случается? Я сам чумные столбы видел! – Почему они так ругаются? Нужно их остановить, иначе и ему, и им потом будет плохо!

– А цены? – Брен даже привстал, чтобы они услышали и отвлеклись. Вот в своем предложении по ценам он был уверен и сейчас вырвет у них решение. Так-то. – Я понял, наконец понял, что вы делаете и почему так растут цены! Вы думаете, те, кто заправляют в Риер-Де и Остериуме, глупее меня?

– Ты про что это, Брен? – консул с наигранной серьезностью свел темные брови, но в глазах уже прыгали смешинки.

– Вы чеканите незаконные монеты! Рано или поздно вас на этом поймают! Я читал, как купцы других стран наказывают за это – к нам просто перестанут приезжать. Но и это не все – из-за вашего золота все страшно дорожает!

– Вот уж уел так уел! – Север даже застонал от смеха, и консул тоже смеялся. А чего они смеются? То, что за незаконную чеканку варят в кипятке – справедливо! Просто сам имперский консул якобы не причастен к появлению риров с профилем императора Кладия, а Север никогда не пересечет границу Риер-Де, это ж нужно полным дураком быть. Но Брен им сейчас докажет. Он поднялся с лежанки, расправил плечи:

– Лепешка стоит сегодня двадцать ассов. Только воины, которым вы за счет незаконных монет все время повышаете жалованье, могут покупать хлеб. Остальные не могут! Вы не думали, откуда тут столько нищих? А будет еще больше! Люди голодают...

– А нам-то какое дело до того, что какие-то лентяи голодают? – Север никак не мог перестать смеяться. – Меня интересуют только воины, ну, и еще купцы и ремесленники. Они нас кормят.

– Голодранцы пусть идут растить хлеб. Урожая и так почти нет, – добавил консул. – Или пусть отправляются за Веллгу, там нужны охотники. Или – к трезенам.

Брен не ожидал, что консул мыслит так же примитивно, как и его братец. Север не приучен думать ни о ком, кроме дружины. У лонгов всегда так делалось: вождь отвечает только за войну, – а теперь Астигаты отвечают и за мирный народ. Но Иллорий? Карвиры весело отмахивались от его слов, и он не знал, как их убедить. Да, урожая нет, все побилло градом и дождем, залила Лонга. Лето было холодным, а осень пришла, как ночной ужас – иней по утрам красил почерневшие листья... и союзники – победившие воины, они пьяны победой... Победой? Что, если гибель еще не отведена? Их ведь ждет голод! Зимой на улицах будут трупы лежать! Он проговорил со злой растерянностью:

– Ну, знаете!..

– Ты, Брен, не кричи, тебе нельзя, – Север похлопал его по руке, но Брен сердито вывернулся. – Мы потом сделаем... как это, Лар?

– Просто введем свою монету – уже законную. Назовем ее как-нибудь, ну... лонгой, может быть, как вам? И цены сразу упадут раз в сто. А пока нам это выгодно, Брендон. Пусть Риер-Де хоть так расплатится. Ты подумай, кто был претором Лонги после Арминия, а? А ведь обязанности никуда не делись! Их выполнял я, чуть не четыре года не получая доли претора в добыче! Должен я с них получить?

Какие они оба!.. Что за мерзость! Думают только о себе. Стой, стой! Их нужно убеждать...

– Своя монета – это хорошо. Но нужно ввести ограничение по ценам на еду. Север, сделай так, чтобы в Трефоле лепешка стоила ... ну, хотя бы не больше десяти ассов, тогда голодных будет меньше. Понимаешь? Просто прикажите купцам не повышать сильно цены... куда они денутся?

– А они не перестанут платить налоги? – тьфу, брат ничего не понимает в торговле, а ведь Лонга так богата!.. И Предречная, а особенно – Заречная. Брен вздохнул. Они будут учиться вместе.

– Отлично, Брендон. Напиши нам, на какие товары нужно приказать не поднимать цены. На вино еще дешевое, наверное? На муку? В конце концов, легионерам мы жалованье платим и будем платить, а солдаты всегда ненавидели купцов, – Иллариус усмехнулся жестко, равнодушно. Барра! Он их почти убедил. Север привстал с колен союзника и потрепал Брена по волосам. Захотелось прижаться к руке... брат сейчас отдает. Солнце сияет, и потому тепло.

– Умница ты, братишка. А в случае чего, купцов солдаты укоротят, верно. Так отчего бы и не пощипать торгашам перышки? – вождь улегся на прежнее место, недовольно пробурчав: – Лар, убери с колен эту гадость! У меня по спине Главный когтями здорово прошелся, до сих пор болит...

– Это не гадость, – консул вновь улыбался – хитро, весело. – Это письмо от... важного человека, скажем так. Да, Луциан Валер стал важным человеком. Вот что значит вовремя сбежать.

Иллариус вытащил из-под спины Севера большой пакет с печатями, вскрыл – и на ладонь лег пергаментный свиток. Письмо от Луциана Валера? Брен хорошо помнил Луциана и очень удивился, узнав, что тот оставил консула в момент опасности. Валер казался умным, неужели он не подумал, что Иллариус сумеет избежать беды?

– Чего? Твой советник? – лицо брата в миг стало пустым. Плохо! Когда Север смотрит вот так, нужно сидеть тише воды ниже травы, но к консулу такие предосторожности не относились. – Выбрось в очаг.

– Не читая? – Иллариус протянул пергамент Брену. – А вдруг мой бывший советник тоже посоветует нечто дельное? Я не вскрывал письма, хотел, чтобы мы вместе послушали. Север?

Брат медленно выдохнул и сел на ложе.

– Что полезного может написать предатель? Ну, читай, что ли, братишка...

Благородному Иллариусу Касту, консулу Лонги, от благородного Луциана Валера.

Брен читал и удивлялся. Луциан никогда не обращался к Иллариусу настолько... высокопарно, они друг для друга были Лар и Циа... а сейчас Ларом зовет консула брат, да и прежнего любовника Север звал просто Алером... как давно это было. Жизнь идет, но некоторые вещи просто не забываются. Брен так и не рассказал брату о том, что говорил ему златоглазый о Даропринositeле по имени Алерей. Север не любил вождя лигидийцев, но Райн говорил ему, что вождь ставит это племя очень высоко, назначил бывшего шиннарда Верена командиром Первого Заречного легиона, пьет с ним, когда время есть. Может быть, Северу до сих пор больно? Откуда знать, если и в себе не можешь

разобраться? И в любом случае Север никогда, ни за что не стал бы «дойти» Алерея так, как говорил Флорен! Пить понемногу, никуда не выпуская, будто корову в стойле держать... Люди не поступают так с людьми. Только нечеловеческий разум мог измыслить такое, и потому судьба Алерея была куда лучше, чем, если б он – он, обильный аммо! – попал в руки Инсаар.

И Илларию может быть больно из-за письма бывшего возлюбленного, хотя он тоже никогда не любил Луциана. Теперь, когда Брен знал разницу между любовью и прочим, он не мог ошибиться. Просто не понимал до конца, почему брат и консул... как назвать это? Он видел их связь – такую прочную, что ее можно было чувствовать сквозь стены, и такую жаркую, что можно обжечься. Нить непереносимой остроты. Любого аммо такая связь выпила бы в считанные дни, а два илгу лишь наслаждались. Тянули нить, дергали ее, смеясь, и на ложе замыкался круг... иначе б они пили все живое. Но им хватало друг друга. Это – больше, чем любовь.

Луциан Валер обращается к благородному Илларию от имени наиболее могущественного на сегодняшний день человека в империи Риер-Де. Данет Ристан идет в гору, и лишь от благородного Иллария – равно как и от его союзника – зависит, совпадут ли дороги, по коим идут помянутые мною, или консул Лонги предпочтет идти своим путем и рано или поздно рухнуть в пропасть. Благородного Иллария всегда отличало некоторое равнодушие к сплетням, и едва ли он знает и половину того, что говорят о союзе Лонги. Не захочет ли консул получить все необходимые сведения об отношении сильных мира сего к его персоне и персоне союзника?

– Вот как? Какой-то вольноотпущенник – наиболее могущественный человек в империи Всеобщей Меры? – Брен не узнавал Иллария. Надменно приподнятая бровь, искривленные презрением губы... консул настолько презирает остеров? Но почему? Они умны, предприимчивы – вон уже почти отстроили свой город, сожженный Севером! Они делают прекрасные вещи, союз торгует с остерами, богатеет на них – а консул Предречной презирает Данета Ристана? Просто потому, что тот попал в рабство и был вынужден лечь в постель с императором? Да откуда консулу знать, как могут принудить к любви?! Просто повалят и отымеют, и ты ничего не сможешь сделать! Данет был рабом... нельзя так!

– Твой советник назвал варвара «персоной». Так меня еще не обзывали, – брат улыбался, но Брен почувствовал, как нить, словно змея, свернулась клубком в теле каждого из них. Илгу отгораживались друг от друга, стена стала сплошной... если бы аммо так умели! Если б он сам так умел раньше – он бы не позволил Флорену настолько привязаться к своей силе, и разлука не убила бы того...

– Может быть, дослушаем? – холодно процедил Илларий. – Брендон, читай дальше, пожалуйста.

Говоря попросту, я предлагаю тебе эти сведения – из самых надежных источников. И позволю себе дать еще один совет, хоть и помню, что ты никогда меня не слушал. Однако теперь идея настолько выгодна, что отказ будет свидетельствовать о твоей... нерешительности, а проще говоря – трусости. Данет Ристан предлагает тебе заключить ряд договоров, позволяющих открыть свободную торговлю между союзом Лонги и им самим. Я намеренно подчеркиваю это обстоятельство: Риер-Де будет выгодна торговля и мирные отношения, но больше всего выгоды договор принесет трем людям – тебе, Северу Астигату и Данету Ристану. Вы получите огромные доходы и сможете жить в безопасности. У вас троих много врагов, и они сильны. Многие спят и

видят во сне вашу смерть – это должно сблизжать. Я предлагаю тебе от имени Данета Ристана...

– Нет. Ни за что. Только попробуй... – Север вскочил на ноги и пнул ногой деревянное ложе, посыпались свитки... Что с ним? Брен пока не разобрался, насколько выгодны предложения, но Луциан писал честно...

– Ты мне угрожаешь? – консул выпрямился, замер. Они пьют. Пьют друг друга... а заодно и его.

– Этот имперец – лжец! Он тебя предал! Что, станешь задницу рабу и предателю подставлять?! – брат выругался так грязно, что Брен вздрогнул. Голова пошла кругом. Ему не жаль было отдавать свою силу, но у него просто не было... плохо, как плохо. Душно... холодно...

– С чего ты взял, что я соглашусь? Не смей на меня орать. И дай дослушать, наконец!..

Север попросту... ревнует, вот что! А Илларию не понимает... Брен торопливо поднес свиток к глазам:

...предлагаю тебе от имени Данета Ристана продавать нашим людям интересующие нас товары по оговоренным ценам, которые я изложу в случае твоего согласия. Можешь не сомневаться – ваши пожелания будут учтены. Данету известно, что вы чеканите незаконные риры, но сейчас это оставляет в проигрыше лишь императорскую казну и казну окрестных держав, вам же троим несет пользу. Деньги у вас есть, а Данету нужны товары и поддержка союза Лонги. Тебе же, Илларию, нужна безопасность твоих владений за пределами провинции, и Данет готов в случае понимания между вами содействовать в решении твоих дел. Жду твоего ответа. Договорись с союзником, ибо не секрет, что основная часть богатств Лонги принадлежит ему.

И еще одно – неперемное – условие договора: каждый год личный доход Данета Ристана от всех сделок, заключенных с союзом Лонги, должен составлять не менее двухсот тысяч риров, а доход скромного посредника, то есть меня – не менее двадцати тысяч. Уверен, такие суммы покажутся тебе в целом весьма приемлемыми, ибо провинция богата, дело лишь за доброй волей. От себя добавлю...

– Лар! – Север вдруг стиснул ладонь на плече союзника. Брат красив, когда злится, но еще красивее, когда вот так вот... теряется? Да, это была растерянность. – Тьфу ты, проклятье! Ну, никто ж не станет требовать денег с любовника, да? Хотя вы, имперцы, странные... Послушай, я согласен, ну правда, выгодно же... и не становись ты Холодной Задницей!

Консул сидел, не поднимая головы, но Брен увидел, как краска вернулась на побелевшие скулы, как Илларию отпустил прикушенную губу.

– Меня еще никогда не ревновали, карвир. Ты первый, – Илларию поднял сияющие глаза, улыбнулся, прижал руку Севера своей. – Только... как ты можешь ревновать к Луциану? Мне всегда с ним было пусто, холодно... а ты... ты же... ну и болван же ты, союзник! – Синие и серые глаза – одинаковое выражение и натянутая нить! Брену вновь стало плохо. Он здесь чужой, дочитает, и они уйдут... а он будет смотреть в темноту окон. Он сглотнул и продолжил громко:

...добавлю, что положение Данета Ристана сейчас весьма прочно. И императрица, и некий человек, коего я не хочу поминать, ибо его соглядатаи повсюду, сегодня теряют влияние на императора и политику. Соглашайся, Иллариий, и убеди союзника. Остаюсь ждать ответа, желая тебе здоровья и радости. И – уж прости меня! – светлого ума.

Карвиры не ушли, когда он закончил чтение. У Иллариия оказался еще один свиток, порадовавший Брена куда больше – новые стихи Квинта Иварийского, о чудо! Знаменитый поэт всегда присылал свои произведения прежде всего консулу – а как же иначе? Брат и Иллариий явно не хотели больше сегодня говорить о делах и отложили обсуждение послания Луциана на потом, но консул поручил Брену – до сих пор не верилось!.. поручить такое вчерашнему мальчишке! – ответить Ристану. Север заявил: если договариваться, мол, то только с самим вольноотпущенником, пусть лично им напишет. «Да, – согласился консул, – у нас в руках будут доказательства сговора...» Какие они оба хитрые! «Вот ты и напишешь потом Данету, – сказал Иллариий. – Ты знаешь остерийский и не поссорись с бывшим рабом, в отличие от меня». – «Не хотелось бы ссоры – предложения выгодны; нашлись покупатели на все товары у живущих за рекой Веллга, теперь бы подвоз наладить», – вторил брат. Брену оставалось лишь надеяться, что он сумеет перехитрить вольноотпущенника. Ну, ничего, карвиры ему помогут. Ведь помогут же? Не спихнут же они такое дело полностью на него!

Когда они начали разворачивать свитки со стихами, у брата вытянулось лицо, и он принялся ворчать: «Бездельник только и может, что марать пергамент на деньги Иллариия! Что вообще можно почерпнуть из пустых строчек?» Они набросились на него вдвоем, и Север предпочел сдаться. Улегся, устроил голову на коленях Иллариия и заявил, что лучше уж выспаться, чем слушать эту чушь. Брен уселся рядом с консулом, рассеянно перебирающим белокурые пряди любовника, и они начали читать наперебой.

– Не погибает ничто – поверьте! – в великой вселенной.

Разнообразится все, обновляет свой вид; народиться... – нараспев прочел Иллариий, и Брен продолжил:

*– Значит начать быть иным, чем в жизни былой; умереть же –
Быть, чем был, перестать; ибо все переносится в мире
Вечно туда и сюда: но сумма всего постоянна¹⁸.*

И сам перебил себя:

– Я не понимаю! Посмотри: вселенная – это не только наш мир. В «Сентенциях» сказано: все смертно. Квинт имел в виду другие миры? В нашем смертно все – даже солнце может погаснуть. Как же так?

– Думаю, Квинт пишет об обновлении. Старое умирает, вызывая новое к жизни. И важно, чтобы человек понял: нужно меняться постоянно, ежечасно – иначе наступит настоящая смерть! Не тела – духа, – у консула звенел голос, как тогда, в крепости Трибул, откуда все началось. Нет, началось гораздо раньше, когда Райн Астигат решил, что люди не коровы... Но при первой встрече с Иллариием Брен читал стихи и верил, верил истово. А сейчас – просто... великие строки отвлекали от знания. Знания о том, как жестока может

¹⁸ Тут использован отрывок из Публия Овидия Назона – «Метаморфозы», XV (перевод С. Шервинского).

быть жизнь. И как трудно меняться. Они читали и разговаривали, спорили, а Север спал. Рука Иллария ни на миг не отрывалась от светлой гривы, песочные часы пришлось переворачивать раза три, а за окном темнела ночь – и ветер пах пожарищем. Они изменили мир, но к лучшему ли? Они изменили самих себя и получили право на свободную волну? Или лишь загубили нечто важное? То, что было в золотых глазах Флорена... в чистоте ручья на той поляне... мир хочет жить! Он живет в их душах, а они его губят... что за мысли? Мысли из кошмаров! *«Заставь илгу остановить войну... мир погибнет»*. Война кончилась. Кончилась, но всего лишь два дня назад охотники нашли в лесу три серых мертвых тела возле высохших тьелов. Карвиры промолчали, а Брену было больно. Словно бы за всех сразу – больно.

– *Не погибает ничто – поверьте! – в великой вселенной. Разнообразится все, обновляет свой вид; народиться...* – Брен сжал в пальцах драгоценный свиток. Квинт пишет о Рождении... рождении нового взамен старого, утраченного. Пусть Брен больше не может поить мир своей силой, но его долг перед любимым – убедить остальных приносить Дары. Сила – ничья! И общая, она принадлежит всем.

– *Народиться... Значит начать быть иным,* – Илларий хмурился. О чем думал илгу, пивший бессмертные жизни? – Один остерийский философ...

– Мало этой галиматьи, так еще и остеров припомнили?! Спятели оба, да? Как можно два часа одну строчку обмусоливать?! Я ее теперь до смерти не забуду, – судя по выражению лица Севера, Квинту лучше держаться от него подальше. Если поэт попадет в руки вождя лонгов, смерть его будет нелегкой. – Да чтоб я сдох!.. Вы с вашим Квинтом...

Брат зевнул и повернулся на спину. Им втроем было хорошо, тепло, но тревога стучалась в души.

– Илларий, – Брен знал, что такого лучше не просить, он не имеет права. Но хотелось знать, знать суть мыслей илгу о мире, а по стихам легче всего понять. – Прочти нам свое – то, что ты сочинял. Пожалуйста!

Консул не разозлился, напротив, сжал его руку, и теплая волна коснулась высохшего нутра выпитого аммо.

– Я мало помню, Брен. Очень уж старался забыть эту чушь, ну и забыл, – консул улыбнулся и ткнул Севера кулаком в бок. – Придется тебе потерпеть, чудовище безграмотное!

– Твою чушь я терпеть готов, – брат с готовностью закрыл глаза.

– *Ранее станут пастись легконогие в море олени,
И обнажившихся рыб на берег прибой перебросит,
Скалы взберутся на небо, и золото кинут в очаг,
Чем из груди у меня начнет исчезать его образ*¹⁹.

¹⁹ Использованы измененные строфы Вергилия; в оригинале так:

«Ранее станут пастись легконогие в море олени,
И обнажившихся рыб на берег прибой перебросит,
Раньше, в скитаньях пройдя родные пределы, изгнанник
К Арау парф испить подойдет, а к Тибру германец,
Чем из груди у меня начнет исчезать его образ». // Публий Вергилий Марон, «Буколики», Эклога I (перевод С. Шервинского).

Консул не прочел – пропел – и ухмыльнулся:

– Не ругай меня, Брен, за такие бездарные вирши. Ты просил, а ты так редко что-то просишь... мне шел двадцать второй год, а в такие лета все несут ерунду и в нее верят...

– А мне нравится, ну правда. Двадцать второй, говоришь? Это ты, выходит, в квестуре писал? И про кого же? Чей это образ? – Север дернул Илларию за вырез туники, и Брен даже испугался. Не станет же Север ревновать к тому, что было так давно? Ой, да они же вместе в квестуре служили! Вдруг консул про брата и писал?

– Писал про своего дядю – императора Кладия, – Илларий захохотал и наклонился к карвиру. – Из почтения, понимаешь?

– Про дядьев так не говорят! – Север тоже смеялся – хорошо, не поругаются! – Ишь, разошелся... образ, образ...

Тьма. Тьма и... страха не было, но Брена словно подбросило на ложе. Прямо посередине комнаты медленно раскрылся ноо... заколыхалась непроглядная темень, задрожал воздух, и свет ламп померк. Контуры серого тела во тьме... Инсаар! Брен прижал руку ко рту, а брат и Илларий вскочили. Илгу! Как хорошо, что земля создает их! Илгу и есть пастухи людского стада, они хотят пить сами – и не дадут нелюдям! В голове взвыла боль, они его сейчас высушат до дна, отберут те крохи, что остались... он хотел смерти, но не так! Не посреди мирного, тихого вечера... Илгу пили, нить натянулась, и они жрали Инсар – выучились во время войны! Но Быстроразящий не сопротивлялся! Он полностью открыт, внутренней стены нет и в помине, и если бы не коровий страх аммо, он бы сразу заметил...

– Стойте! Перестаньте! – Брен кричал, но не знал, слышат ли его. – Он пришел с миром!

– Тангнефедду лла гвастад а коедвик! – Инсаар вышел из ноо, и илгу замерли. Голос грохотал в их головах, но в нем не было угрозы. Совсем, никакой. – Равнине и лесу – мир!

Лесной Стан

Лесной воздух, любезные роммелеты! Совсем свежий, не отравленный дымом пожарищ! Налетай – всего пять ассов кубок... Консул Лонги привычно старался сдернуть себя с сияющих горних вершин, куда воспарил его взбудораженный ум. А зачем? Зачем вытравлять, убивать в себе лучшее, если жизнь так коротка и так хороша? Прекрасна, как вековая чащоба, как звонкая песня осенней птицы в недоступной вышине, как ладонь самого близкого существа на твоём плече... Он – первый имперец, удостоенный чести посетить святилище лонгов, Лесной Стан. Лоно Вечного Леса, источник его силы, самой жизни... что там еще говорил Греф? Илларий верил всему. Ведал ли жрец, что в глубине чащи, куда даже лучи солнца не проникают, притаилось зло? Такое же зло, что таится на дне их душ – гордыня, источник гибели всего живого. Пройди по лесной поляне, загляни в высокое, перечеркнутое бурными линиями ветвей небо и ответь – сам себе ответь: чего ты хочешь? Продолжать войну? Лелеять гордыню? Мстить? Убивать? Нет. Ничего подобного воин Илларий Каст не хотел. Во всяком случае, сейчас. Он дал клятву и Брену, и себе, и миру – либо мы, либо Инсаар – и всеми силами старался сдержать ее. Упивался бойней,

старался придумать способ убийства получше, обставить врага, но оказалось, что они воюют сами с собой. А когда выродок без куса сердца, выпитый почти досуха, рухнул на землю, илгу Илларию принял последнее, что видели глаза умирающего... Север тоже видел, не мог не видеть, но они не говорили об этом. Темень пожирала мир, пожирала их души, как чудовищный паук. «Мы умираем!» – кричали тысячи безымянных голосов в разуме Главного – озера, реки, далекие горы, лесные тропинки, и гасли мириады ярких огоньков... И Амплиссимус, погибая в огне, ненавидел их за смерть мира. *«Губители! Утка и курица, упившиеся гордыней! Не сделавшие для жизни ничего полезного, даже новых Даропринесителей не породившие!.. Пившие силу вокруг себя все свои никчемные годы...»* Им было не до мыслей издохшего врага – они победили. Но после обнаружили врага в себе – сомнение, а уж с этим врагом ничего поделаться было нельзя.

«Сомнения губительны для воина», – говорил консул Максим. Илларию всегда старался идти прямой дорогой, и не его вина, что путь ветвился, разделялся и завел в тупик. Он честно дрался, но пришла пора решать. Враг пошел на мировую, значит, боится! Глупо так думать, глупо, ты больше не мальчишка-квестор. Враг предложил мир, потому что видит дальше тебя и второй половины твоей души. На Торговую сторону Трефолы явился в клубах тьмы посланец врага и предложил закончить войну. Последний из Трех Старейших – тех, кому по сию пору молятся на земле, строят храмы и обращают надежды, пусть двоих из них уж нет на свете, – последний вождь народа Инсаар назначил правителям-илгу встречу, и они согласились. Нечто дикое, неподвластное восставало внутри, противилось, рвалось драться дальше – вновь века Жертв?! Вновь тысячи мальчишек, что не смогут спать ночами из-за ужаса перед тварями? Подневольная любовь под недремлющей карой? Бессилие человека перед нелюдью? Невежество, покорность и тьма? Как смеет наглая гадина предлагать им мир, после того, как они убили, собственной силой иссушили рожденного с ним в одном тьеле? Или Старейший считает их младенцами, слепыми щенятами? Твари боятся людей, потому и хотят обмануть. Илларию еще помнил, как сжался в комочек Брен, следя за каждым движением посланца из царства Абилы. Нет, мрази, сотворившей такое с мальчишкой, не место на земле! А сколько их таких – только и ждущих возможности напасть и доить, как корову, юные жизни? В Брене больше не было юности, надежды, смеха, он никогда не сможет любить! Все забрали, жадные твари...

Консула трясло от ненависти, он принуждал себя слушать серого посланца, а рядом точно так же сжимал кулаки Север... никогда и никого они не ненавидели так страшно и с каким удовольствием выпили бы мразь! И это бы не составило труда – нелюдь был слаб, твари вообще ослабли, их так много сдохло. И продолжаютдохнуть, и сохнут их мерзкие коконы. Но посланец говорил, убеждал: у них нет выбора. Инсаар тоже ненавидят илгу, но не держат зла на маленького аммо, напротив, Старейший готов заплатить любую виру, ведь маленький аммо принес в мир огромную силу, может, благодаря ей мы и живы еще. «А как же “погибель”? – съязвил Север. – Брена хотели убить, а потом доили только потому, что выродку примерещилось, будто мальчик всех погубит». – «Не примерещилось, – оборвал посланец. – Все, что видели илгу, а до них – внук Райна Астигата, свершилось. Уже сбылось предначертанное, уже погибли те, кому было суждено погибнуть. За нарушение союза Дара заплатил другой Старейший – Амплиссимус, как зовете его вы, заплатили и те, что пошли за ним, утянув за собой тысячи невинных. Маховик смерти запущен, илгу! Одумайтесь, пока не поздно! Вы хотите править мертвой землей? Хотите, чтобы следующее поколение людей не родилось на свет?» Инсаар говорил мало, но каждое слово точно хлестало по душе раскаленной плетью. «Пусть илгу просто выслушают того, кто ведет Инсаар», – твердил посланец. Он обшарил все окрестности, все ждал проблеска силы, и наконец илгу открылись, и он смог их найти. «Стена внутри вас рухнула от радости и счастья быть рядом, вы открылись –

разве я позвал своих сородичей, чтобы убить? Разве делаю вам что-то дурное? Маленький аммо, скажи им, что я говорю правду, ведь ты же знаешь! Мир погибает. Погибает, глупые илгу! Послушайте! Можете выпить меня, только согласитесь на встречу, последний из Старейших убедит вас, он мудр...»

Они спорили, а Брен молчал – только смотрел на нелюдя, бледнея на глазах. Потом сказал: «Встреча с правителем Инсаар не принесет нам вреда. Я его видел, он не показался мне злым». После этих слов все долго молчали, а серый посланец пялился на Брена, точно на шкатулку с драгоценными камнями. И наконец Север принял решение. В тот миг Иллариий был готов убить союзника, но, подумав, решил, что благодарен ему. Нечто, входившее в сны; нечто, смотревшее из глаз умирающих под пытками серых врагов; напугавшее в день разлива Лонги и тогда, когда они слушали жалобы людей, понимая, что урожая не будет, уже убедило лучше любых слов. «Люди выслушают Быстроразящих, но решения я не обещаю», – заявил Север. Карвир вновь казался лесным духом – даже в этой убогой комнате: низкий ровный голос, лицо, прикрытое светлыми прядями, только хмурая улыбка на губах видна... «Но вот что, тварюга серая, если хоть волос с головы брата упадет, вам всем не жить, ясно?» Нелюдю было ясно. Он еще раз заверил, что его народ благодарен маленькому аммо, и спросил, где людям будет угодно назначить встречу? Илларию захотелось заорать: Север, они трусят! Только побежденные загодя соглашаются на все условия противника. Побежденные – или лжецы. Но правда была в том, что люди тоже боялись.

Как решить, гордыня или понимание истинности своих решений правят ими в нежелании идти на мировую? Но они выслушают, и баста! А потом... это «потом» пугало вне зависимости от исхода переговоров. Людям не выдержать новой войны с Инсаар, но и вновь вернуть обряды – мерзко, до того мерзко, что просто нутро переворачивается... В день сожжения Трефолы илгу уничтожили около восьмидесяти нелюдей, включая очень сильных, о коих давно знали и долго выслеживали. Но безуспешно – видно, те прятались, как и подписавший себе приговор живой мертвец, Амплиссимус. Они и раньше убивали тварей, иногда десятками, но сколько людей погибло за время войны? Карвиры даже приблизительно подсчитать не могли, ясно одно – много! После боя в Трефоле осталось тринадцать илгу из шестидесяти... такие потери невыносимы в любой армии. Они сами живы лишь благодаря нити, что росла и крепла в их телах, но везение в любой миг может кончиться. А пьющих, способных выйти с Инсаар на бой один на один и победить, осталось всего четверо: Север – и смерть Главного его заслуга, у Иллариия не хватило силы! – сам Иллариий, Крейдон и Цесар. Мать-Природа жестко обошлась с людьми, не дав им равных с врагами возможностей, илгу рождается мало, и большинство недостаточно сильны. Жестоко или мудро? Брен говорил, что мир не может жить без Дарособирателей, равно как и без Даропринесителей. Рассказывал, как сам поил мир своей силой, когда любовник-нелюдь брал его. Может быть, оттого Мать-Природа Величайшая в своей женской мудрости, направленной не на сокрушение, а на созидание, не дала обоим народам возможности уничтожить друг друга? Разве нападали бы Быстроразящие небольшими отрядами, будь их силы неограниченны? Наибольшее количество врагов в одном месте собралось в ночь третьего нападения на Трефолу, когда консул думал, что нить вот-вот порвется, Север умирал... они вдвоем выпили тогда десятка четыре тварей, но тут в бойню влетел сильный аммо... Откуда дурак там взялся, Иллариий даже выяснять потом не желал! Ему пришлось отвлечься, чтобы спасти отдающего от смерти, и оставить Севера одного... после этого консул издал указ, под страхом немедленной казни запрещающий аммо выходить во время боя с нелюдями на открытое место. Он сам едва не убил аммо – тут же, своими руками, – ощутив, как Север тянет из него силу, тянет неосознанно, пытаюсь выжить. Это была страшная ночь, но и тогда Инсаар не набралось больше двухсот. Что это, как не слабость? Оба народа исчерпали, иссушили друг друга в

бойне – яснее ясного. А трезены ждать не собирались, Ульрик Рыжий послал в бой сто тысяч человек, келлиты и четыре приграничных легиона не справятся. И что теперь?

Север, не раздумывая больше, назначил серому посланцу встречу в Лесном Стане – через месяц, когда ляжет снег. «Нет!» – нелюдь выкрикнул это вслух, а Иллариий про себя, правда, по иной причине. В святилище лонгов не пускали чужих, и если вождь желает этим уберечь своего карвира от беды, то консул сейчас просто оторвет его упрямую башку! Посланец же молил: «Быстрее, нужно встретиться быстрее! Каждый день без обрядов делает гибель мира все более неотвратимой, очнитесь же, илгу! Ваше сопротивление, глупая война скоро распространится на другие земли, а вы и так натворили столько бед». – «Бед натворил ваш Главный, – зарычал Север, – разорвав союз Дара!» Посланец кивнул, соглашаясь: он не спорит, просто умоляет – поскорее. Вождь лонгов заявил: союзники будут в Лесном Стане через двадцать дней. Иллариий не понял, как Север намеревается ввести имперца в святилище, но все равно вздохнул с облегчением. Быстроразящий поклонился и исчез в своей тьме.

И вот вчера они расседлали коней под сводами вековых деревьев. В Лесном Стане будто задержалось лето, и хвоя пахла... удивительно. Иллариий обошел все святилище, остро жалея, что не был здесь раньше и едва ли попадет потом. Ничего особенного – шатры из шкур, несколько хижин, огромная поляна для Ка-Инсаар, деревянные идолы, изготовленные в старом стиле, в Риер-Де такие были в укромных храмах... но как здесь хорошо! Лесной Стан дышал покоем. И покой накрыл измученную войной душу, точно мать, укрывающая ребенка и касающаяся губами лица...

– Греф, ну ненавижу я эти омовения – не знаешь, что ли?! – голос Севера весел, отчего? На карвира тоже подействовали чары этого места? Ничего, скоро стемнеет, явится Инсаар из Абилы, и станет не до веселья. – Не будет сегодня Ка-Инсаар, так что убирай свои травки и ковши! Вот же проклятье!

Союзник влетел в шатер, за ним – Брендон. Мальчик... хватит звать Брена мальчиком, он давно не ребенок – слишком уж страшные муки пережил, да и первый обряд прошел со своим серокожим любовником-нелюдем, и этого более чем достаточно, чтобы считаться взрослым. Но заставить себя относиться к Брендону иначе просто не получалось. Мальчик был драгоценностью... маленький ammo. Хотелось потрепать его по волосам, говорить часами – Брен так интересно мыслит... но это подождет. Брат Севера не пожелал поехать вместо Лесного Стана к матери, уперся и заявил: вождь отвезет его на обратном пути – благо, становище, где жила имперская пленница, находится неподалеку. Ну да, воистину неподалеку, всего в десяти днях езды! Иллариий с трудом привыкал к кошмарным расстояниям Заречной. Предречная тоже велика, но не настолько. Луциан прав: лонги богаты, союз богат, – но смогут ли они воспользоваться этими благами? У карвиров не хватало денег, не от хорошей жизни они принялись чеканить монеты с профилем Кладия. Просто консулу Касту стало трудно доставлять собственные деньги в провинцию, после заключения союза над его владениями нависла опасность, а у Севера Астигата риров отродясь не было. Отчаянно не хватало грамотных, умных людей – и война, война, бесконечная война...

– Вилы б жрецу в задницу, а не омовения!.. Он к тебе еще не приставал со своими ритуалами?

Братья сели рядом на шкуры – оба белокурые, статные, сильные, умные. Его семья. Аристократ Каст сидит в варварском шатре, в святилище бывших врагов – один среди лонгов, ни капли не опасаясь за свою жизнь, и наслаждается каждым прожитым мигом.

Так странно, так невозможно странно и хорошо! Ну вот, магия Лесного Стана окончательно заморочила ему голову.

– Не больше, чем обычно пристают все жрецы. Я заверил его, что совокупляться сегодня не намерен, даже если Абилец предложит в обмен на Ка-Инсаар половину царства Арамея, но Греф все равно осыпал меня какой-то травой. Впрочем, пахла она отменно. Послушайте, любезные братья Астигаты...

Они повернулись к нему одновременно, и Иллариий невольно улыбнулся. Почему на душе нет тревоги, будто они сюда пришли говорить со старым другом, а не врагом? В шатер вошел Райн Рейгард, помялся у входа, но Север махнул ему рукой. Карвир назначил Райна охранником Брена, и гордый поручением десятник сиял, как только что отчеканенный рир. Все радуются, безумие...

– Скажите мне, отчего тут так хорошо и спокойно? Может быть, я, как имперец, не понимаю чего-то, но вдруг Абилец нас все же загодя заморочил?

Север пожал плечами, открыл было рот, но первым ответил Брен. Брат вождя уже успел сунуть нос в какой-то очередной пергамент – отлично! Как бы Север ни ругался, что союзник сверх меры нагружает брата, не давая ему вздохнуть, а Брену дело идет на пользу. Запутанные торговые и налоговые загадки творили чудо, давая ощущение нужности, с лица мальчика исчезло это загнанное выражение, хоть он все еще был очень слаб и, что каждый раз пугало, до сих пор рвался постелиться им в ноги.

– Инсаар не смогут нас заморочить. Ни тебя, брат, ни тебя, консул. И меня тоже не смогут – слишком крепка защита, – Брен по-прежнему видел силу лучше любого из них. Это и плохо – потому что не по-людски и оттягивает выздоровление, и хорошо – потому что полезно... в случае новой войны.

– Я слышал от старейшин, что некогда в Лесном Стане жило большое племя Инсаар, – нехотя прибавил Север. – Потом они оставили становище и ушли, а люди возблагодарили их и стали справлять тут обряды. Здесь прошел Ка-Инсаар между прадедом и Главным, а потом тут начали выбирать вождей лонгов. Я люблю это место... здесь я стал мужчиной, под этими кронами меня избрали вождем, но...

– Но любишь ты его не только поэтому? – как хорошо он знает Севера и как плохо! Иллариий понимал: карвиру сейчас тоже хорошо и спокойно, оттого он и любит Лесной Стан – за этот неожиданный Дар. Но в то же время консул не мог сообразить, как поведет себя союзник на переговорах с Абилицем. Север на все способен, ему ли не знать!

– Да. Не только... тут дышать легко, уходить не хочется – всегда так. Лесной Стан поит нас. Это святилище, здесь много силы, вот что. Лар, пойдём-ка...

Астигат связал волосы узлом и встал. Иллариий тоже поднялся, и они вышли из шатра. Карвир что-то надумал? Охрана расставлена, но илгу так мало, могут не уследить, а на раф надежды почти нет. Хорошо, что здесь Брен, он учует предательство и угрозу. Консул отошел подальше от шатра, к бочке с чистой водой, что стояла на козлах из такого старого дерева, что колец не сосчитать, приготовился слушать, но Север просто обнял его, и Иллариий с облегчением ткнулся лицом карвиру в плечо. Сдерживаться так тяжело, а приходилось всю дорогу – из-за Брена, но желание близости становилось нестерпимым. Север неторопливо целовал его, Иллариий отвечая, провел ладонью по тут же напрягшимся соскам под черной туникой.

– Чтоб я сдох... Лар... понимаешь, это место – оно будит желание... страшно просто... с ума сойдешь, если любви не отведаешь... а я и так по тебе с ума схожу, – Север шептал ему прямо в губы, и Иллариий ответил со стоном:

– Я тоже. Каждый миг, каждый час... всегда, – они, не стовариваясь, оторвались друг от друга, поправили одежду. Нелюди морочат даже там, где их нет столетия!

– Лар, если он скажет или сделает что-то дурное, Абилец этот, мы его выпьем, и все тут. Нам бояться нечего. Только...

Консул кивнул. Да, «только». Нечего бояться, верно. Кроме того, что их гордыня выпьет весь мир.

Они расставили раф вокруг поляны, и Иллариий надеялся, что всех дозорных Инсаар не заметят, а, следовательно, не смогут уничтожить. Илгу сидели у костра, а ammo нынешним вечером в Лесном Стане не было – ни одного, кроме Брена и замершего за его спиной Райна. Сын стратега не сводил с середины поляны настороженных глаз, а его отец что-то говорил Северу вполголоса. Наконец консул не выдержал и возмутился: «В приличном обществе люди разговаривают на языке, который понимают все присутствующие! Не мог бы Крейдон повторить сказанное по-имперски?» Впрочем, возмущение скорее было данью тревоге, становившейся все сильнее и прорвавшейся раздражением. Правила хорошего тона для стратега – пустой звук, да и вообще: какая разница, как ведет себя Крейдон, если ему сразу после встречи отправляться на границу с трезенами? Это более чем веское доказательство его верности союзу! Стратег буркнул: «А то ты, роммелет Иллариий, лонги не понимаешь! Шутишь, да?» Север сжал колено консула и хлопнул Крейдона по плечу – давайте, мол, переживем эту встречу, а после будем спорить, хорошо? Стратег взъерошил свою черную гриву, помотал головой, выдал: «Да я о том вождю говорил, чтобы... вы, словом, в Трефоле особо не задерживайтесь, трезенов жуть как много и дерутся, точно звери!» – «Да, – отозвался консул, – я всегда слышал, что трезены – лучшие воины на Матери-земле». Оба лонга взвились, точно подброшенные: как это лучшие?! Года не пройдет – уши Ульрика Рыжего на наших доспехах болтаться будут...

Когда на поляне возник первый ноо, Иллариий хмыкнул: они чуть не прозевали появление нелюдя. Хотя тот был точен, и сразу стало ясно: последним Старейшим Инсаар может быть лишь этот – высокий, тонкий, как плеть, сильный, будто буря, и спокойный, точно гладь озера в летний полдень. Нелюди почти всегда разгуливали голыми, но сегодня на Инсаар были какие-то хламиды из льна, странно... Север, оглядывая выстроившихся на поляне врагов, рявкнул: «А ну, распахните свои тряпки!» Те послушались без возражений. Никто из людей не встал, даже и не подумал приветствовать пришельцев, а консул и сам напрочь забыл о манерах, и союзнику не стал напоминать. Впрочем, места для нелюдей были приготовлены, и главный жрец усадил Быстроразящих на шкуры. Время текло, а все молчали. При всем желании – а консул понимал, что многие с облегчением бы вернулись к состоянию войны – они не могли обвинить Инсаар во враждебности. Во врагах не было ни грана злобы и страха, и в самом Иллариий блаженный покой не уступил место стремлению к драке... Если б еще успокоить тяжесть в чреслах и разгоравшийся огонь страсти... что за колдовское место! Нелюди расселись вокруг костра. Их было штук двадцать – меньше, много меньше, чем людей, и вдруг Брен тихо вздохнул и прошептал: «Ланий! Брат, смотри! Вот Инсаар, что спас мне жизнь». И показал на

нелюдя, сидевшего справа от Старейшего, с редким пушком на голове... а, ну да! Ланий – Пушистый! Брен рассказывал им, как сумел избежать смерти от когтей Главного – Быстроразящий, рожденный с любовником мальчика в одном тьеле, отвел удар. Наконец Абилец, видно, вдоволь наглядевшись на врагов, заговорил, и голос его звучал ровно, устало и властно, но без малейшего желания подчинить и унижить...

– Люди, да будет принята речь моя с пониманием. Я прожил на свете восемьсот лет и за годы свои повидал всякого. Да будет ведомо вам: не первый раз Даропринесители восстают против законов мира, и даже не второй. И Дарособиратели иной раз нарушают вековые порядки, хотя люди и Инсаар не часто стремятся к убийству друг друга, ибо тогда мир давно бы погиб, и мы б не сидели в благословенном месте за беседой.

Темно-серые губы двигались, бесстрастное плоское лицо излучало покой и уверенность. Он действительно был мудр, этот Инсаар, и не приведи Мать-Природа сцепиться с таким!.. Черные провалы глаз не отрывались от карвиров, но Илларию не было страшно. Не вызывал Абилец и ярости – может, оттого, что не участвовал в войне? Встреть они его хоть раз на лесной тропинке за этот сумасшедший год – непременно запомнили бы, такую силу не пропустишь.

– Ты спрашивал про погибель, таящуюся в твоём брате, илгу с золотыми волосами, – так знай же истину. Погибель была и есть! – Абилец кивнул в сторону Брена. Тот дернулся, словно пытаясь закрыть лицо руками, но удержался, только снова побелел. У мальчишки больше силы духа, чем у его брата и самого Иллария вместе взятых! Если бы консула столько времени подряд обвиняли в стремлении погубить все живое, он давно бы спятил и принялся кидаться на любого встречного. Чтоб уж не попусту обвиняли.

– Мой брат не сделал миру ничего дурного, – Север выпрямился, и нить натянулась – карвир начал злиться. Но Инсаар из Абилы поднял руку:

– Выслушай меня, вождь союза племен. Видение было порождено и твоей силой тоже, и оно было истинным. Но мой последний брат, рожденный со мной в одном тьеле, не сумел проявить мудрость. Я долгие часы думал о гибельном видении и лишь подтвердил для себя давний закон: бездействие иной раз куда мудрее попытки изменить предначертанное. К Даропринесителю по имени Брендон сошлось тысячи нитей, мириады путей, и лишь один из них был истинным, ибо свершился. Не старайся мой последний брат убить маленького аммо, кто знает, каким был бы мир сегодня? Много из того, что ныне мертво, осталось бы живо, но и многое, что выжило, погибло бы. Война лесных племен и имперцев не завершилась бы союзом Дара, и по сей день Большая река несла б в своих водах кровь и трупы. Подумайте, илгу, и вы сами поймете, что я прав.

Прав, будь он проклят! Илларий взглянул на карвира, и понял: тот думает точно так же. Новый виток войны между Риер-Де и лонгами развязал сам консул, похитив Брена, сделав его орудием против родного брата. Что принес такой ход? Череду проигрышей и выигрышей, завершившихся тупиком и предложением о союзе! Что было бы, не будь Брена на свете? Кто знает?! Вполне вероятно, консул Каст уже год как украсил бы собой погребальный костер. А может быть, они с Севером и по сей день скалились друг на друга через речную границу. В мире столько дорог... как мог Главный быть столь уверен?

– Мой последний брат был так убежден в гибельности маленького аммо, что пошел на величайшее преступление, какое можно измыслить: нарушил договор, им самим и заключенный, поднял руку на кровь карвира своего. Я скорблю о слабости брата моего и намерен исправить его ошибки, – Абилец говорил тихо и медленно, а они слушали,

слушали, и Иллариий невольно прижался бедром к союзнику. Мысли путались, но не от морока – просто так страшно оказалось вдруг понять: не будь оголтелой ненависти Главного, и они с Севером остались бы врагами. – Не все Инсаар поддержали рожденного со мной в одном тьеле, многие осудили войну с людьми, ибо Дарособиратели не имели права забывать о своем долге – передавать миру собранные Жертвы. И потому, хоть мы и скорбим о погибших сородичах, мы не сможем мстить за их гибель людскому племени. Но и вмешаться я не мог, ибо поддержавшие брата моего не вняли увещаниям, чтобы остановить их, пришлось бы прибегнуть к силе, а кто-то должен помнить о мире и обо всех, в нем живущих. Миесту иерл ай!

Тот, кого Брен назвал Пушистым, встал. Льянная хламида соскользнула с плеч.

– Ненависть того, кого маленький аммо назвал Амплиссимусом, едва не погубила мир, илгу! Знайте: многие пытались остановить Старейшего, но он не слушал и многих убедил идти с ним. Сегодня они мертвы, и тьелы их высохли, ибо они попрали законы мира, и мир ответил так, как они заслужили. Они в злобе своей убивали не только Даропринесителей, чья сила может быть собрана и отдана миру, но и туоо – женщин, по-вашему. Сила туоо принадлежит лишь родящей и кормящей Матери-земле, для нас она – как для вас морская вода, которую не выпить, но преступники пили. И поплатились. Мы скорбим о глупости наших братьев, ибо в боине многие потеряли рожденных в одних с ними тьелах.

Ланий сел на место и добавил, глядя на Брена:

– Погибшие Даропринесители и Дарособиратели обедняют мир, отбирая у него нужное для жизни. Каждое существо драгоценно для мира, и чем больше оно отдаст добровольно, тем обильней будет урожай, чище вода, быстрее реки, выше горы и ярче солнечный свет. И здоровее народятся младенцы, и будут созданы новые тьелы. Илгу, вы вправе были защищаться, но, отменив обряды, окаменев в ненависти, вы сделали угрозу неотвратимой.

– Мы ничего никому не должны, – Иллариий прошипел это сквозь зубы. – Разве в нашей воле изменить предначертанное? Разве перестанет действовать на мир судьба маленького аммо, если мы прекратим войну и восстановим обряды? Разве можно вернуть жизни тех, кого погубил разлив Лонги? А тот город, что ушел под землю со всеми жителями? Когда и где это случится? – Север вздрогнул рядом и тоже теснее прижался к союзнику – они думали одинаково. Сомнения. – Что изменится от того, что мы пойдем на мировую? Просто вы, нелюди, будете доить нас по-прежнему.

– Ты умен, илгу из Пустой земли, но как же ты недалновиден, – Абилец покачал острой головой и положил подбородок на руки. Он не сердился, просто скорбел. – Твой народ веками поработал себе подобных, насилием добывая потребное для своей жизни. Я знаю – ты не похож на сородичей, и среди жителей Пустой земли есть схожие с тобой. Так подумай теперь: мир живет силой, собранной на обрядах. Брать жертвы – не наша прихоть, мы не в состоянии сами напоить все живущее.

– Так вы же и сами жрете! – Астигат резко выпрямился, откинул волосы с лица. – Что, не так?

– Вы тоже, илгу, – спокойно возразил Абилец. – Уразумейте оба: жертвенные Дары – не унижение! Желание отдать часть себя живет в ваших телах, – голос теперь звучал только в их головах, губы не двигались.

– В день, когда вы впервые узнали друг друга – разве нам, Дарособирателям, принесли вы свой Дар? Нет! Вы принесли его друг другу, но мир возрадовался! Мы готовы умереть, чтобы жило целое, но с нашей гибелью умрет и мир. Мы – часть его, так же как и вы, и не нам, ничтожным, менять установленное веками. Да никто и не сможет изменить порядок.

Инсаар из Абилы вновь говорил вслух – для всех. Слушали люди, слушали нелюди, слушал Вечный Лес, тихо звенела ночь, и что-то расправляло крылья в душе. Да-да, вообрази себя вершителем судеб, житель Пустой земли! Вообрази, что твоя мужская сила держит на плечах весь мир...

– Выбирайте, илгу. Выбирайте, что важнее для вас: прекратить действие пророчества, остановить гибель всего вокруг или видеть, как превращается в прах и тлен то, что вы любите? Выбирайте. Загляните в свое сердце. Даров не возвращают! То, что отдано, зачтется! Тебе ли, илгу с золотыми волосами, не знать сей простой истины? Женщина из Пустой земли выкормила тебя своим молоком, и через годы ты отдал свой Дар жизни ее сыну. Тебе ли, илгу из Пустой земли, не ведать правды? Ты протянул открытую ладонь врагу, позволил жившему в тебе Дару любви изменить историю рода людей – ты жалеешь? Тебе ли, маленький аммо, не понимать? Тот, кто поил твоей силой мир, умер, чтобы ты жил, а твоя мощь породила новые жизни. Помните: все, что отдано, зачтется – мир щедр. Выбирайте.

Выбирайте, ха! Между смертью всего живого и... пониманием. Не покорность скотины – право человека, рожденного приносить Дары, коих не возвращают, не отбирают назад, но отданное будет принято с благодарностью и пробудит ответный Дар. Так?

– Чего вы от нас хотите? – Илларию старался говорить спокойно, но душа уже пела, радуясь установившемуся в ней равновесию. Может быть, он потом пожалеет, может быть, в минуту слабости вспомнит свой детский ужас, но война – не выход. Абилец прав.

– Одного, – Инсаар поднял голову, обвел их взглядом – поочередно. Вновь задержал глаза на Брене. Мальчик сжался в комочек, но лицо его не было испуганным. – Немедля восстановите Ка-Инсаар – и война будет прекращена отныне и навсегда, пока семья ваша живет на Матери-земле. Отдайте силу миру, и народ Инсаар станет беречь вас от тех бед, что вы не сможете учуять. От глада и мора, от отчаянья и страха, от того темного, что таится и в чащобе, и в душах. Ка мал йерт! Жертву – миру!

Шорох прошел по поляне, все Инсаар повторили призыв Старейшего, а Север поднялся. Илларию тоже встал, и теперь они стояли напротив друг друга – люди и нелюди. Астигат коснулся его ладони, и консул тихонько сжал пальцы любовника. Это был сигнал: я согласен, карвир. Говори за нас обоих.

– Нам нужно обещание, что больше ни один человек не пострадает от нападения вашего народа, – Север смотрел Абилицу прямо в глаза – в затягивающие черные омуты.

– Пойми, илгу, этого я обещать не смогу. Если жертвы будут обильны, у нас не будет нужды брать самим. Но так почти никогда не бывает. Ты – воин, что ты станешь делать, если увидишь, что враг пробил брешь в рядах твоего войска? Постараешься закрыть дыру – пусть даже ценой чьих-то жизней или ценой собственной, верно? Защита

мира – наша война. Слабость людей – брешь, мы обязаны. Приносите Дары, и люди не пострадают.

– А мой брат? – быстро спросил Север, положив руку на плечо Брена. – Если хоть одна...

– Твой брат – лучшее, что породило семя отца вашего, илгу. Рожденный со мной в одном тьеле не испытывал ненависти к маленькому аммо, просто старался предотвратить предначертанное, но раскаленная нить, рожденная страстью к человеку, помутила его разум еще столетие назад. Я не подвластен такой слабости, ибо раз и навсегда запретил себе сближаться с людьми сильнее, чем нужно для взятия Жертвы. Пусть мне и не суждено испытать того, что познали любившие Даропринесителей больше себя и мира... но наши народы не созданы друг для друга. Просто у нас общий долг – и все.

Верно, думал Иллариий, страсть вечно путает карты и расчеты, сминает разум, ему ли не знать? Он мог понять мудрость Абильца, но для того, чтобы достичь подобной отстраненности, нужно прожить на свете восемьсот лет. Какое счастье, что самому Илларию не суждено такое наказание.

– Мы согласны, – медленно проговорил консул Лонги и сжал зубы. Решено. Кончено. Время подошло к перелому, впереди новая эпоха. Что она принесет?

– Готовы ли вы немедля объявить Ка-Инсаар, позволив вашим людям выполнить долг Даропринесителей? – Быстроразящие поднялись со своих мест, склонили головы, и союзники тоже кивнули невольно. – Тогда мы тотчас уйдем, чтобы в тиши принять жертву и передать ее дальше.

– Готовы. Но вы обещали...

Север взмахом руки подозвал жреца, и Греф швырнул в ближайший костер какую-то траву. Пламя полыхнуло, и в глубине существа Иллариия отозвалось нечто – жарким, сильным спазмом. И тут же натянулась раскаленная нить.

– Я хочу жить, – просто ответил Абилец, запахивая хламиду. – Хочу видеть рассветы и знать: погибель отведена. Помните и вы об обещаниях. И каждый раз, принося Дар, повторяйте себе: он отдается миру! – Инсаар растаял во тьме, и консулу даже стало жаль. Будь все нелюди так мудры, так спокойны и уверены – а ведь это самый верный признак могущества! – бойни бы не случилось, и две расы столько могли бы узнать друг от друга! Впрочем, хорошо, что Инсаар уходит, хотя Илларию было все равно, станут ли нелюди смотреть на первый после долгого перерыва обряд. Еще чуть-чуть – и он согласится принести жертву на глазах дядюшки Кладия! Это клятое место – нет, благословенное место! – Лесной Стан и собственное желание творили с ним невыносимое. Нутро просто скручивало от потребности ощутить в себе плоть белокурой змеи, любовника, что стоял рядом с ним, а после повалить его, развести в стороны сильные бедра, заполнить собой... они так давно не были вместе – двадцать дней. Даже больше.

– Лар, ну что? Объявляем?

Греф уже всю скакал вокруг них, осыпая травами и брызгая водой – видно, то самое омовение. Воины радостно переговаривались, высоченный келлит, не теряя времени, лапал Крейдона, а верховный стратег улыбался во весь рот. Оставалось только

жалеть, что Ка-Инсаар нельзя проводить каждый день – обряд явно улучшал характер командующего армиями Лонги. Консул взял союзника за руку, потянул ее вверх:

– Ка-Инсаар! – вместе с Севером легко орать, не нужно прилагать слишком много усилий, чтобы быть услышанным.

– Ка-Инсаар! – воины ответили таким ревом, что, должно быть, перепугали все зверье в округе, но это было хорошо! В становище больше трех тысяч Дароприно... тьфу ты, мужчин! Видно, теперь он долго будет употреблять словечки нелюдей! Жертва должна быть обильной. Почти все Инсаар уже убрались в свои ноо, лишь несколько Быстроразящих задержались на поляне... а где Брен? Север вдруг дернул его за рукав и тут же сорвался с места, Иллариий, не задумавшись, кинулся следом. Они выбежали из круга костров и увидели... Мальчик стоял у кромки леса, разговаривая с тем самым нелюдем, Ланием. Страх сжал сердце, но тут же пропал. Брен внимательно слушал Быстроразящего и улыбался, склонив голову к плечу – а ведь они так давно не видели его улыбки! Как ни старались, не могли заставить его улыбнуться. Север с облегчением выругался:

– Он же Брену жизнь спас, да? Не станет же он?..

Консул всмотрелся в сумерки, прикрыв глаза от света костров. За спиной младшего брата вождя застыл Райн Рейгард. Десятник был на полголовы выше Брена и в плечах почти так же широк, как сам Иллариий. Отличный охранник. А Брен, видно, сбежал от набравшей мощь силы обряда... как же жаль! Ему нужна страсть тела, иначе не ожить... но время лечит все, сейчас Илларию хотелось в это верить. Они все же дождались, пока Пушистый последний раз кивнул Брену и, отпустив ладонь мальчика, – нелюдь, оказывается, за руку его взял, а они и не заметили! – открыл ноо и ушел. Младший Астигат, сгорбившись, побрел к лесу, следом тихо скользнул Райн...

– Проклятье, – пробормотал Север, – когда ж он очнется? Знаешь, некоторых из тех, кого Инсаар пили толпой, как раз обряды в Лесном Стане и спасали... я думал...

– Так-так! – Иллариий закинул руки на плечи карвира, слыша, как у костра уже кто-то стонет в голос. – Я говорил, что ты совершенно не умеешь врать, вечно до конца тон не выдержишь? Ты меня все же надул, змей лесной!

– Ну, немного, – союзник обнял его за талию, потом отстранил от себя, любуясь, и сжал обе ладони консула в своих. – Я хотел, чтобы ты согласился, а Лесной Стан на всех действует... ну, хорошо действует. Только если б ты сам не решил, я б отказался мириться. Веришь?

– Верю. На этот раз верю. Но ваше святилище и впрямь что-то со мной сделало. Так что учти, карвир, если ты немедленно не выполнишь свой долг перед миром, мне придется напомнить тебе, что житель Пустой земли может взять и силой.

Искра, полыхнувшая в серых глазах, сказала лучше любых слов: Север держится того же мнения. Ночь – для них! Ночь и костры. И желание – всевластное, неодолимое.

– Догоняй! – консул первым помчался по лесной тропинке, полагаясь на опыт воина и здравый смысл своих сапог. Чудо чудное, но в темноте они оба не свернули себе шеи и остановились лишь на берегу небольшого озера, оставив позади распаленных обрядом воинов. Стояла поздняя осень, но было тепло, даже жарко, и покой водной глади

не нарушало ничто. Долой одежду! Оба торопливо разделись и вошли в воду по колени. Безумие лезть в озеро перед зимой, но, когда руки Севера легли на его бедра, Иллариий лишь засмеялся – жадно, весело, глядя в очи бесстыжей полной луны. Он задыхался под ласками, всем своим существом желая одного – стать частью безмерной красоты вокруг них... покоя, радости. Будто видел сон, и просыпаться не хотелось.

– Год. Послушай, год же прошел, – Астигат прижал его к себе, вжимаясь пахом в ягодицы, и Иллариий ощутил капли влаги на плоти любовника, его неистовое нетерпение. Тело откликалось покорно и яростно. Член прижался к животу, и Иллариий, взяв ладонь карвира в свою, заставил того ласкать себя, провести пальцем по головке.

– Верно, год. – Да, такой же осенней ночью они впервые познали друг друга – и оба до сих пор живы! И даже довольны. Жизнь полна чудес, ха!

– Ка-Иллариий, – союзник уже не улыбался. Горячие губы коснулись затылка – и словно огромный молот ударил в сердце, сокрушая разум, высвобождая первобытную силу. Они мужчины, верно? Они рождены, чтобы приносить миру Дары, коих не возвращают...

– Ка-Север! – он выкрикнул ответ, уже лежа на песке, на берегу колдовского озера, где лунный свет ласкал плечи любимого с не меньшей жадностью, чем руки человека. Стена рухнула давно, мир брал их силу, а сейчас возьмет еще больше. Да! Только так: друг другу – и миру! Никому иному, нелюди пусть ищут сами... Иллариий заставил Севера перевернуться на спину, придавил ладонями плечи, взгляделся в огромные темные глаза, в которых танцевала луна... карвир уже нашел его вход влажными пальцами... Иллариий оседлал бедра любовника, готовясь совершить обряд. Бери меня, мир! Пей нас обоих – нить крепка, пей и живи! Бери меня, Север, а я – тебя. Сила разорвала последние оковы, любимый под ним выгнулся дугой, железной хваткой вцепившись в его бедра, и Иллариий медленно опустил на набухшую плоть.

Эпилог

Гестия. Столица Предречной Лонги

Теперь ясно, отчего Лар так на уличных торгашей накидывался. В консульские покои Гестии городской шум вовсе не попадал – не то что в Трефоле, где и правда от заката до рассвета орут, будто бешеные. Так не нужно торговлю налогом давить, просто отгородить их... – ну, теперь там дворец все ж будет! – отгородить жилище карвиров от города стеной, расставить стражу, ворота и не пропускать посторонних без приказа, как делается в Гестии. Хороша Мать городов, даже зима ее не портит! Но нужно добиваться, чтоб Трефола стала такой же и обе столицы сравнялись... нет, главному городу лонгов никогда таким не стать. Брен говорит, Трефола будет иной, не похожей на Гестию, что строилась для завоевателей. Будет городом, открытым всему новому, городом торговли, городом ученых, пересечением всех путей... братцу лишь бы помечтать! Правда, на этот раз Брен мечтал с цифрами в руках, доказывая вождю, сколько нужно денег, чтобы построить такую столицу – много денег, очень много. Первым делом – расчистить толком пепелище, убрать грязь, навести мосты через Лонгу... потом – строить дома, пробивать улицы, да с расчетом на будущее, не как в голову взбредет. Эх, и кто ж таким делом заниматься станет? Через пять дней Север уезжал – к бывшей границе с трезенами, от которой еще месяц назад отвели войска. Так они еще в Лесном Стане вместе со стратегом Рейгардом планировали, ведь глупо класть людей, когда трезенов так много. Сейчас

основное войско союза Лонги было уже в трехстах риерах от ставки Крейдона, и главные бои начнутся, когда оно до задниц трезенов доберется...

Северу лень было думать сейчас про войну, они уже все просчитали, что ни говори, а две головы – не одна. Он неспешно оглядывал консульскую спальню. Все ж хорошо, что в позапрошлом году его воины после штурма и взятия города настолько вымотались – даже громить здесь ничего не стали, так, по мелочи. Расписной мрамор, серебро, мягкий свет... и Лар скоро из купальни выберется, Север уж давно вымылся, а неженка пусть поплещется. Через месяц они встретятся в Торнбладане – так звалось местечко, где Крейдон лагерем встал. В землях келлитов снег лежит по горло, вековые леса стоят, да трезены боевыми топорами машут. Север аж жалел союзника – Лар хоть дикость и ненавидит, зато хорошую драку любит, а ему пока тут оставаться, всякие разные дела решать да встречать Квинта, мать его, Иварийского. Знаменитый писака как прослышал, что консул Лонги да союзник его на зиму в Гестию пожаловали, тут же сюда рванул. Еще одну виллу у богача Каста хочет выгрызть, не иначе. Еще и наглость имел написать им с Ларом: жаждет, мол, усладить их слух и зрение трагедией в остерийском стиле. Север как-то видал эти самые трагедии – квестором еще – мужики с перемазанными рожами кучей на высокий помост выходят и давай выть дурными голосами. Правда, задницы у мимов иной раз бывали ничего, но сейчас Севера во всем мире лишь одна задница интересовала. Ни разу с ним такого не случилось, чтоб год с лишком только с одним любовником быть, но его ни к кому больше не тянуло – только Лар, и все. Так на кой ему сдалась трагедия? Но Иллариий и Брен принялись вопить не хуже мимов: «Это дикость! Ты правитель, так будь добр соответствовать!» Вождь им, не сдержавшись, ляпнул: «Даже если пойду, все равно тут же усну, так что не ругайтесь потом. И Квинта вашего от меня подальше держите». Оба дулись целый вечер. Север, чтоб помириться, сказал Илларию: «Да твои стихи много лучше квинтовских». Уууу, думал, прибьет его любовник. Тот аж взвыл: «Варвар! Ты ничего не понимаешь в поэзии!» И Холодная Задница тут как тут. А почему воин чего-то должен в поэзии понимать, а? Вот пусть консул пояснит-ка. Лучше б легионеров своих приструнил, которые снова жалованье повысится требуют! Иллариий на это ответил, что первым повышения потребовал Крейдон – и ему повысили, по настоянию карвира, между прочим! Словом, поругались – страсть.

Но сегодня помирились – на ложе, и горячее Лара не было... запомнить бы все, до мелкой детали, и вспоминать, пока консул приедет в Торнбладан. И еще Север хотел проверить, станет ли нить, что в их телах жила, силу от одного к другому передавала, даже иной раз помогала понять, что любовник в следующий момент сделает да чего хочет, – станет ли на большом расстоянии так же действовать? Они ведь со своего первого Ка-Инсаар не расставались почти, а теперь между ними месяц разлуки будет и полторы тысячи риеров. И если нить не порвется, не притихнет, то Север и в другие байки поверит, и... что? Что станет с одним из них, если другого убьют? Умрет тут же или рехнется, как Амплиссимус? Тьфу ты! Зачем о таком думать, вот зачем?! Вечер, красивый зимний вечер за окном, шелковые покрывала на огромном ложе – Лар новое заказал, вино в кубках отменное, ночь впереди – уж они из нее все вытянут. Но думалось. Думалось и об Инсаар, но об этом хотя бы говорить можно. Многое они с Илларием поняли, и главное вот что: силы в этом мире сместились, оттого и происходило страшное – голод, наводнения, города под землю... где, в какой стране умрет город со всеми жителями? Или умер уже, а они не знают? Сместился центр равновесия – люди сравнялись с нелюдями, а то и превзошли их. И теперь Дары больше напрямую отдают, ведь много Инсаар погибло, а они долго в своих коконах зреют до взрослых лет, и мир тяжело это пережил... так, наверное. Они с консулом не философы, может быть, кто-нибудь поймет лучше? Но Север просто чуял обновление после долгих потрясений. Мир оживал, но медленно, и страшное еще будет. Вон в том же Торнбладане – Крейдон доносил – чума свирепствует. Келлиты и

трезены мерли сотнями, и карвиры приказали пуще глаза беречь легионеров. А в Остериуме после засухи начался голод. Лонге голод тоже грозил, но они пока кое-как выкручивались... а, по словам Иванны-знахарки, младенцы, рожденные в прошлом году, мрут как мухи. Плохо! Да что делать? Может быть, все успокоится вскоре? Обряды они справляют на совесть, и нелюди не обманули – мирный договор всех устраивал. Накануне дня, когда они окончательно решили, как с трезенами разбираться, явился серый посланец и сказал: «Ульрик Рыжий – сильный илгу, Старейший из Абилы советует вам выпить его без войны – зачем губить попусту Даропринесителей?» Мол, илгу с золотыми волосами Ульрика и один выпьет, а уж вы оба запросто. Они с Илларием чуть на пол не хлопнулись, разозлились, по правде сказать. Не станут они пить себе подобных, когда дело по-людски можно решить! Да и разве не изберут после смерти Ульрика вождем другого трезена, а они все скоты рогатые!

Серый посланец даже растерялся, но Брен его утешил, потом сказал карвирам: Инсаар хотели добра, но они не понимают людей. Не понимают, и все тут, как и мы – их. Посланец Абильца устыдился вроде как, выдал им: «Будет хорошей дорога легионам вашим!» И исчез. Пусть они лучше совсем не приходят, Северу до смерти надоели нелюди, их помощь поперек глотки иной раз встать может. Брен до сих пор не очухался, чего бы карвиры ни придумывали. А теперь мелкий еще и новую на себя заботу взвалил: думать, что с Заречной дальше будет. Север сам наглупил, обмолвившись при брате, что после войны с трезенами объявит себя керлом – правителем, подобным императору Риер-Де или царю Абилы, а не избранным вождем, чьи решения совет старейшин и старшин войска оспорить может. Вот только придумает, как это лучше сделать. Он давно правит единолично, делает такие вещи, на кои никто вождю права не давал и не даст, но право Север Астигат сам себе взял – право сильного. При Астигатах Лонга встала с колен, отец его создал племенной союз и большую дружину, а теперь Север дело отца продолжил. Заречная ныне богата. Первые партии товаров пошли в Риер-Де к скупщикам Данета Ристана, и карвиры первые барыши себе в карман положили – большие деньги. У Заречной сильные союзники – консул Лонги и Предречная, где ремесла, и торговля опять же, и грамотных полно. И пусть население Предречной после заключения союза с варварами сократилось на треть, зато теперь народ потихоньку потянулся – уже другой народ. Не те, что с молоком матери впитывают – варвары не люди, а те, кому заработать хочется, мир посмотреть, а для таких целей лучше Лонги места нет. Так отчего ж Север Астигат, прежде чем указ новый издать, должен каждый раз думать о желаниях папаши Естигия, вождя келлитов, да других племенных вождей, которые еще дурнее и дремучей тестя? Его правление всем лесным племенам на пользу идет, потому власть должна стать неограниченной, и быть ему керлом, а Заречной – керлатом. Но это год-два ждет. Нужно лишь половчее племенным вождям – келлитам, прежде всего, – перемены всучить, они и слопают, а Астигаты всегда хитрить умели. Иллариий тогда сказал, что самая лучшая тут хитрость – видимость всенародного решения. «Кстати, а почему видимость? Тебя поддержат и армия, и купцы, и ремесленники – а ведь именно они и будут высказываться. А поддержат непременно – торгаши богатеют, и открываются мастерские в Заречной, а легионеры без добычи и дела не сидят».

А у Брена глазенки засверкали. Мелкий удрал куда-то, потом вернулся с кипой здоровущих свитков и, поблагодарив консула за отличную библиотеку, принялся зачитывать карвирам длинный текст – о том, как начиналась знать Риер-Де и Абилы. И такие вещи раскопал, что даже Иллариий со своими двадцатью четырьмя завитками знать не знал! «Племенная знать, понял, брат? Все страны – и империя тоже – начинались с племенных вождей, а после за ними закрепляли землю и прозвища общие. Вот в Риер-Де старых родов почти не осталось, новая знать вперед лезет». – «Да-да, – хмыкнул консул, – я как раз из старого рода, вкусил все прелести». – «А Заречная – страна молодая, и если ты,

брат, объявишь себя керлом, – говорил братишка, – то должен закрепить за собой самый большой надел, а за племенными вождями – их собственные наделы, какие у них на руках. Вот тут все написано. И назови их хонорами²⁰, чем плохо?» Ой, и нагрузил младший старшему ум, всю дорогу до Торнбладана думать хватит. Про надел семьи Астигатов он уже думал. Отчего, скажем, Трефолу, строящуюся на его собственные средства, он должен потом считать общинным имуществом? Папаша Естигия, что ль, Гестию взял, тем самым вынудив Илларию Каста пойти на союз? А союз не только карвирам доходы дает – вся Заречная с него богатеет. Когда раньше у лонгов и келлитов были свои мастерские, свои караваны купеческие? Своя армия – настоящая, даже лучше, чем в Риер-Де? Ну, да подумает он еще, только как его не обзови – вождем или керлом, а власть у Астигатов в крови, и радеет он не за себя одного...

Лар вышел из купальни – шелковое полотно только грудь и чресла прикрывает – и у Севера тут же сердце заколотилось, к горлу подпрыгнуло. Пусть пропадут пропадом дела! Чуть смуглая кожа у Илларию – на плечах, на длинных стройных ногах, а где туника прикрывает сильные бедра – там светлее, но теплая, гладкая везде... Ягодицы поджаты, холодно ему... ничего, сейчас отогрею...

– Иди сюда, – Север поставил кубок и хлопнул ладонью по покрывалу. Шелк блеснул белым... в Торнбладане снега тоже белые, и в мехах Илларию будет хорош – еще с квестуры помнилось. – Наплескался?

– Не наплещешься! Знаешь, я оставлю в Гестии половину Второго легиона. Придется. Легион мы оставили в Трефоле, но там как раз солдат держать не нужно, а здесь... откуда мне знать, что придет на ум Кладию, пока меня не будет? – ясно! Консул тоже о делах думал, ум сломал. – В Риер-Де недовольны последними налогами из Гестии.

Еще б императору довольным быть! Илларию знатно обдурил дядюшку, заплатил за Предречную гроши, сославшись на неурожай да на войну. Но понятно же тем, что в столице империи заправляют: выпрягся бывший опальный консул, не желает платить налоги как следует. Потеряла Риер-Де и Предречную Лонгу, как Заречную потеряла – так им. Утрусся.

– Не посмеют они напасть, Лар. Помнишь, чего твой советник писал в последний раз? – Консул растянулся на ложе, ткнувшись влажными волосами Северу в живот, и вождь тут же притянул его к себе. – В Кадмии снова мятеж, не смогут они легионы тамошние отозвать. Даже если ты себя завтра вместо Кладия императором объявишь и станешь с него налог требовать. А других войск поблизости нет и ожидать неоткуда.

Илларию расхохотался, видимо, представив себя в венце Всеобщей Меры, прижался теснее, коснулся губами груди. Север провел пальцем за ухом – Илларию эта простая ласка нравилась. И верно, тот сразу же притих, будто вслушиваясь в свое тело. Нить натянулась, так ее лишь желание дергает... Волосы мягкие, красивые такие, если б еще не стриг он их. Ничего, в Торнбладане Север спрячет эти штуки, которыми имперцы стригутся, вытащит из консульских вещей, а пока Лар другие отыщет, волосы хоть немного отрастут, так что налюбуется. Точно отрастут, карвир скорее трезена живого съест – как есть, сырым! – чем станет волосы себе боевым ножом резать.

– И все равно, я обязан думать о жителях Предречной. Они – не лонги, здесь народ воевать не приучен. Да и не все станут воевать за союз, далеко не все. Недовольные

²⁰ Хонор – букв.: «хозяин земли», титул крупных землевладельцев (лонг.).

убрались, но откуда мне знать, какие предатели таятся по углам? – Иллариий будто мысли подслушал, потерся о его руку. Приятно. – Да, вот еще что: в крепости Трибул тоже необходимо усилить гарнизон – там у остеров владения клином в Предречную вдаются, так что могут и неожиданности быть. Вредный такой клин, его еще Максим хотел захватить, чтобы лишить остеров или кого-то еще возможности оттуда напасть.

– Слушай, а сколько у тебя денег? – И чего так гоготать? А еще аристократ! Ну, спросил неудачно – так это потому, что ему при Ларе все мысли из головы вышибает. – Не смейся! – Север прижал консула к ложу, навалился сверху. Тот тут же обхватил его бедра коленями. – Я дело говорю... ну, дай ты сказать!..

Иллариий не давал – все хохотал. Потом коротко поцеловал в губы и выдал:

– Ты собрался на мне жениться, Север, и потому интересуешься приданым? Вынужден тебя огорчить: даже в Риер-Де такие браки не предусмотрены. Максимум, что ты получил бы по законам империи после моей смерти – долю в наследстве, – и прижался чреслами жарко. Сейчас я вот тебе покажу долю, ха! Север просунул руку между их телами, обхватил плоть Иллариия, уже напряженную, сжал чуть кожу у мошонки, и любовник застонал протяжно.

– Глупый ты, глупый...

Север приник губами ко рту союзника, поцеловал – так глубоко, что у самого дыхание перехватило, но все же заставил себя оторваться, хотя консул и вцепился ему в плечи, вдавливая ногти в шрамы – старые и новые, от инсаарьих когтей. Карвиру все разжевывать и в рот класть надо, не то еще впрямь решит, что Астигату его деньги нужны.

– Купил бы у остеров этот участок, который клин... как он там? Бирас? Мирас? Я потому и спросил, сколько денег – купить хватит? Если тех, что у тебя тут есть, не хватит, то прикажем – начеканят. Остеры сейчас не только землю, сыновей своих – и то продадут, голод у них...

И осекся. Иллариий не слышал его. Синие, просто до ужаса темные и будто внутрь себя глядящие глаза... губы улыбкой свело, влажная прядь на виске...

– Лар!

Он уже несколько раз видал Иллариия таким и всегда пугался. Точно спятил карвир, отбыл в страну некую, где только бредни всяческие и есть, вроде стихов Квинта, мать его... Консул вдруг отодвинул его, сел, посмотрел, как сквозь стенку, и мертвым голосом сказал:

– Клин – Мирас. А я – не раб, верно? Никому не позволено об меня ноги вытирать, так, карвир? Купить, говоришь? – проклятье! Обидел, что ль, его? При чем тут раб?! Север потянулся было схватить союзника за голое плечо, но тот так быстро вывернулся, что лишь по локтю скользнул. Иллариий вскочил и чуть не бегом кинулся куда-то – должно, в кабинет, где всегда писал. Верно, вернулся с пергаментом, стилосом и подставкой для письма. Сел на ложе, скрестил ноги и принялся черкать – а глаза-то все еще сумасшедшие.

– Иллариий, – осторожно начал Север, гадая: уж не лихорадка ли? Может, лекаря позвать? – Ты что, риры свои считаешь?

– Не риры – риеры, – отозвался коротко и вновь замолчал. Вот же ж... хуже жены-стервы может быть только рехнувшийся любовник, но Ари ему была безразлична, а Лар – нет. Пусть хоть по морде даст, что ли, лишь бы не молчал вот так да не строчил, как полоумный. Верно, цифры какие-то пишет – в столбцы... и каждому приписка... Чего? Гестия – сорок два... Миарима – двадцать восемь... Саунт-Риер – семнадцать. Север как можно равнодушной бросил:

– Прибью вот сейчас. А потом поимею. Или наоборот, – и чудо! Консул поднял глаза, улыбнулся – мягко, тепло:

– А можно все же «поймать» вначале? Не мешай мне, карвир, а еще лучше – помоги, так мы быстрее до твоей расправы доберемся! – и хлопнул Севера по бедру. Тьфу ты – безумный! И опять строчить.

– Да чем помочь-то?

– Каково расстояние от Миаримы до реки Лонга? Я забыл, – ну, хватил союзничек!

– Я тебе что, топограф? Не помню! Можно мелкого позвать, если не спит еще – он такие вещи наизусть знает. Ты его все едино всякой ерундой без меры мучаешь...

Консул оборвал, вновь утыкаясь в пергамент:

– Позови, если не лег. Он же плохо спит. И пусть еще карты Предречной захватит.

Север дотянулся до бронзового диска рядом с кроватью, дважды поднял и опустил молоточек. Вызов комнатного раба. Чтобы позвать стражников, нужно ударить один раз, а командира стражи – три. Все в Гестии продумано...

Брен не спал и явился быстро. За ним по пятам следовал Райн, но тот в приемной остался. Север, прежде чем начать Рейгарду-младшему жалованье за охрану брата платить, спросил десятника: отчего тот не желает служить и воевать, как все? Мелкий Райна грамоте выучил, тот даже писать начал – коряво, правда, но такие командиры все равно на вес золота. Умен, храбр, верен – звания менять станет, как иные любовников меняют, и быстро до верха доберется. Райн долго мялся, потом выдал: привык он с Бреном, ему так нравится – «прошу тебя, вождь...» Да разве Север против был? Просто любопытно же! Понятное дело, желай десятник братишку на ложе – так и вопросов нет, может, чего и выходит, но Райн тер какого-то мальчишку из Пятого легиона. Словом, бросил Север голову ломать. Нанялся охранять, и ладно, а такой страж для мелкого – лучше и желать не приходится. Райн уже самому вождю макушкой до уха доставал и еще вырастет. Здоровый, сильный парень, любому башку открутит и в боях был хорош. Ну и с мелким они друг друга вроде б понимали. Пусть сторожит, а то за братца все сердце не на месте.

Брен опасливо поглядел на голую спину Иллария, но консул, не оборачиваясь, позвал:

– Брендон, мне нужны сведения о расстояниях Предречной – по всем четырем границам. С Заречной, Риер-Де, Остериумом, трезенами... а еще расстояния между городами, прибрежными крепостями, и еще...

– И еще – сколько отсюда до звезды Аспет, – не удержался Север. Консул так на него зыркнул, что смешно стало, а Брен кивнул, сказал, что все принесет, и умчался.

Спать бы ему давно, а не спится, видно. Через полчаса, когда мелкий уже вернулся с кипой карт, Север понял: лучше ему самому спать лечь, потому как Иллариий в раж вошел – цифрами пять свитков исписал и заканчивать не собирался. Еще с час они с братишкой любовались на самоотверженный труд консула Лонга в качестве счетовода. На все вопросы и подначки Иллариий лишь хмыкал невразумительно, и лишь когда Север всякое терпение уже потерял, торжествуя потряс свитками в воздухе и выдал:

– Вот это отныне зовется протекторат Предречная Лонга. Или просто – протекторат Лонга. И, любезные роммелеты, перед вами его протектор, – Лар улыбался, сияли синие глаза, белый шелк сполз с плеча... Протектор, м-да... безумный у вождя лонгов все-таки союзник, но лучше Иллариия Каста на свете нет.

Братья смотрели на него. Они редко бывали настолько похожи, но сейчас... Только в тонком лице Брена читался удивленный интерес, а Север улыбался с насмешливой нежностью. Ничего, еще немного – и они все поймут! И Астигату придется поддержать его, потому что Иллариий все решил и отступить не собирался. Он так и не понял, когда его озарило и развязался давно мучивший узел в душе... когда Север сказал про императорский венец? Когда пошутил про покупку клина у остеров?.. Или когда Иллариий бродил по Лесному Стану, впервые в жизни наслаждаясь покоем? Неважно! Главное – теперь все станет иначе. Раньше все заслоняла война, и консул просто радовался, что вместо драки с Инсаар, трезенами и Риер-Де, придется разбираться лишь с первыми двумя – и того с лихвой хватало! Но страх и унижение, пережитые после памятного отстранения от должности, сидели в нем занозой. Теперь же все встало на свои места – Иллариий Каст, внук Гая Каста, больше не зависит от империи Всеобщей Меры. Он выкинет, как ненужную тряпку, все обязательства перед императором, который выкинул племянника куда раньше, списал со счетов. И не передумал бы, если б его не убедили в невыгодности и опасности такого шага. Не будь Иллариий так богат, не поддержи его вольноотпущенник, не намекни Кладью заинтересованные, что племянник – прямой потомок императора Диокта и потому имеет куда больше прав на трон Риер-Де... и, кроме того, не стоит сбрасывать со счета его союзника-варвара, способного, по слухам, выставить двести тысяч легионеров... сейчас Иллариий был бы мертв. И вероятность скончаться от рук наемных убийц или на плахе для него все еще существует. Но если рисковать головой, то по-крупному. Он не пойдет против своей родины, против сородичей, если его не вынудят, но Пустые земли давно ему чужды. Стали чужими еще тогда, когда кровь раба-воспитателя Пом-Пома пролилась на мрамор императорского дворца. Когда отец написал свое мерзкое завещание, и мальчишку Иллариия приговорили к смерти самые близкие люди. Когда вместе с дочерью управляющего он копался в кровавом месиве, боясь опознать в одном из растерзанных трупов собственную мать, а после выяснилось: бунт рабов не могли подавить быстро оттого, что в столице Риер-Де на каждого свободного приходилось пять подневольных.

Пустота и чуждость отравляли его жизнь, и тут помог консул Максим, дав четкие цели: «Служи своей стране, как служил твой дед, ты – стратег великой империи». Максим и сам жил так – и чем Риер-Де воздала ему за годы безупречной службы? Не платила жалованье легионерам из-за стяжательства временщиков? Сунула на должность претора такого жадного зверя, что его и свои ненавидели, не говоря о лонгах? Не послала вовремя помощь? А ведь тогда победа в провинции болталась на весах, и один-единственный имперский легион мог дать Риер-Де огромные территории! Но беззаконие и грызня взяли в столице власть – и плыли по реке трупы, бесполезные жертвы обреченной войны. Ему дали в двадцать три года консульскую бляху и спокойно ждали, когда юнец свернет себе

шею, чтобы заполучить его деньги. Он не свернул, воевал, даже остановил врага и продолжал драться, но в Отце городов сидели те, кто обязан был понять: Заречная потеряна навсегда. Потеряна в тот миг, когда лонги ощутили себя единым народом, гордой нацией, и больше не желали терпеть захватчиков, из скопища дикарей став государством. Никто не желал думать о том новом, что бродило и кипело в лесах и на равнинах, да и он сам подумал об этом, лишь когда поражение ткнуло его лицом в землю. Величие Всеобщей Меры давно осталось в прошлом, а будущее – вот оно! В богатствах Лонги, в ее невиданных просторах, в силе ее жителей, в искрящихся смехом глазах Севера, в умнице Брене. В имперце Цесаре, что теперь воевал с трезенами не для того, чтобы поработить, а чтобы отстоять свой дом; в его жене из племени лонгов, что станет лечить людей, как и ее мудрая прабабка. В тысячах солдат, что отныне дрались за свою землю, а не за бездушных владык; в купцах и мастеровых, что работают на себя; в крестьянах, что вспахивают свой надел, и никто его у них не отберет.

Стратег Иллариий Каст оказался не нужен империи Риер-Де, в тяжелое время родина отказалась от него. А вот жителям Лонги он был нужен. Они доказали это, принеся ему присягу, сражаясь на стенах Гестии, поддержав союз с Заречной. Люди хотели просто жить в мире, растить детей, справлять обряды эти клятые, петь песни и пить сок родной земли – гестийское вино, а Иллариий Каст дал им все это. И дальше аристократ империи пойдет своим путем, и пусть Максим проклянет его в Доме теней, если в этом решении есть хоть капля подлости. Но погибший консул не проклянет, ведь он всегда был справедлив. И никогда больше мерзкий старый трус Кладий, обмочивший тунику от страха, когда убившие Туллия Курносого преторианцы выволокли его из-за занавеси и нахлобучили венец, не сможет распоряжаться его судьбой! И никакие вольноотпущенники не станут решать: править и жить Илларию Касту или нет. Никто, ничто не укажет ему больше – никто и ничто, кроме здравого смысла и долга перед Лонгой. Ну, и вот этой змеи белобрысой, что подарила ему Мать-Природа Величайшая, дав возможность разделить кров, войну, ложе и душу – на двоих.

– Отчего молчите, любезные братья?

Они пока не понимают, хотя чего тут сложного? Сейчас он им пояснит!

– Лар, вина выпьешь? – Север кивнул на мраморный столик, и Брен потянулся – налить. Они выпьют, конечно, выпьют, такое решение нужно отметить. Иллариий поднял кубок и тут увидел, что себе братья не налили. Так и продолжали оба сочувственно взирать на него. Ну, ясно, решили, что имперец рехнулся.

– Пейте. За протекторат и союз! – он залпом осушил кубок и, улыбаясь, принялся объяснять:

– Я, еще до отъезда в армию, объявлю себя перед жителями провинции протектором Лонги, а после напишу императору, архонтам и магистратам Остериума... ну, и царю Абилы – судя по тому, как рьяно их купцы рвутся к нам, Арамей не имеет ничего против союза. Напишу, что отныне я единолично правлю Предречной Лонгой, опираясь лишь на военные и торговые нужды и решения моего союзника – вождя Заречной. Кроме того, как преданный племянник, – Иллариий усмехнулся, чувствуя, сколько злорадства в его ликованиях, – я лично напишу дядюшке. Заверю его в отсутствии враждебности, в готовности оставаться верным сыном Риер-Де и в том, что, если он будет себя хорошо вести, я не стану объявлять полный суверенитет. Лонга по-прежнему останется имперской провинцией – на пергаменте, и, уверяю вас, Кладий оценит такой шаг. Ему совершенно не нужно, чтобы моему примеру последовал, скажем, претор Кадмии или консул Перунии.

– Ой, Иллариий... но император же будет в ярости! – Брен на миг словно бы вновь превратился в наивного мальчишку – распахнул серые глазищи, принялся наматывать на палец светлую прядь. Север молчал. Разглядывал татуировку на собственном запястье и молчал. Почему? Сердится? Иллариий подался к союзнику, быстро поцеловал в плечо и тут же отпрянул, вспомнив – нельзя, рядом Брен.

– Север, у тебя язык отнялся?

Карвир медленно поднял руки, связывая волосы в узел, и подтянул колени к груди:

– Это самая дурная идея, какую я от тебя слышал, Лар. Попросту безумие. Я понимаю, зачем ты так, я б тоже такого императора хотел послать дальше... и еще дальше. Нелюдям бы его скормить – да он наверняка раф-пустышка! Такого тупого правителя поискать еще, и... словом, даже я рад не был, когда он тебя от должности отстранил. Это ж как плевок – кто он вообще такой, раз ты его знатнее? Пусть заткнется и радуется, что те, кому он зад на ложе подставляет, умнее его – Ристан вот. Но нельзя такое делать, Лар, опасно... мы не можем себе позволить...

– Чего не можем позволить? – Иллариий встал на ложе на колени, бессознательно обмотав бедра покрывалом. Сейчас придется выдержать бой, а он не умеет ругаться голым! – Посмотри сюда: на эти свитки, на мои расчеты. Тут все земли Предречной. А теперь скажи, отчего я сам переписал их сейчас в своей спальне? Союз заключен прошлой осенью, и никто в империи не интересовался, какими землями и доходами владеет Риер-Де в Лонге. Тебе известно, карвир, что последняя карта провинции составлена при консуле, который был еще до Максима? И там, кстати, указаны все земли Заречной и даже земли трезенов! Не смешно тебе? Видно, в столице империи тоже не смешно и не нужно, раз они за полтора года не удосужились прислать сюда картографов и писцов, чтобы знать: а что зовется Предречной Лонгой? Мы и сами до сего момента не знали!

Север взял у Иллариия свитки и погрузился в изучение. Все верно, не изучив – не поймешь, потому консул и взялся считать риеры. После предпоследней войны Риер-Де потеряла всю Заречную, а во время последней могла и Предречную потерять, и это он, Иллариий Каст, отстоял провинцию, заключив союз. Но до сих пор они дележкой границ не озаботились – недосуг было. Просто по умолчанию не делили свои земли, считая Лонгу единой... это невозможно, дико, но это уже свершилось. Речная граница ныне существовала лишь в умах тех, кому союз все еще поперек горла, а на деле имперцы и лонги уже давно свободно ходили туда и сюда, пересекая броды, в прошлом смертельно опасные. И мосты через Большую реку они строят сообща – и владеть ими будут вместе. Как и самой мощной приречной крепостью – цитаделью, коей имперцы давали имя Диокта, лонги – Великого Брендона, но все звали просто Башней на Лонге. Там уже полтора года был смешанный гарнизон, и легионеры даже не сцепились ни разу всерьез, хотя следы штурмов и осад еще не стерлись с плит.

– Большая земля, верно, – протянул союзник, откладывая свитки, – но никто не согласится признать ее твоей.

– Не моей, Север! Протектор не царь – просто избранный правитель, а людям все равно, лишь бы воевать поменьше и жить лучше. Почему Кладий не считал риеры сам? Выходит, мне Лонга нужнее, чем ее якобы хозяину, вот и пусть... утретя!

Лонги просто слишком долго воевали с Риер-Де, оттого Астигат мнит империю неким всевластным чудищем, хотя давно имел возможность убедиться, что Пустые земли слабеют день ото дня...

– Так они ж боятся сюда ездить, – хмыкнул Север. Брен вдруг беспокойно заерзал на ложе – видно, придумал что-то.

– Те, кому дороги не только власть и деньги, но и дело – ничего не боятся, – отрезал Иллариий. – И не спорь больше, я все решил. Объявлю себя протектором, провинцию протекторатом, а Кладю сообщу, что налоги я буду платить, как платят с частного владения – только за себя. И пусть выдает мое поведение перед другими владыками и подданными за что угодно – за бред безумца, за непокорность племянника, за измену империи и прочее. Мне его мнение безразлично, а будет против – я просто куплю у него Лонгу. Обменяю на владения в Перунии и у Теплого моря, там рудники, копи – дядюшка их всегда жаждал получить.

– Не спорить, говоришь? А вот буду спорить, – удивительно еще, что Север закипает так медленно, видно здорово он огорошил союзника. – Давай-ка ты меня послушай! Помнишь, как Максим на советах возражения по пунктам выдавал? Во-первых, я не верю, будто Инсаар нас навсегда в покое оставили. А что если они только ждут, когда мы успокоимся? Мы их столько убили, неужели простят? Во-вторых, трезены могут выставить огромное войско. Мы там надолго завязнем, помани мое слово! Сколько племена Заречной живут, столько мы с трезенами и воюем и до конца ни разу не разбили. Как бы они нас... много их, Лар, и дерутся они и впрямь отменно. В-третьих, Кладий и помощнички его озвереют от протектората, пошлют сюда войска – даже оголив Кадмию. Мы не можем драться со столькими врагами разом!

– В-четвертых, – вдруг тихо прибавил Брендон, – лонги и имперцы все еще ненавидят друг друга. Вчера на Рыночной площади была страшная драка – стража едва разняла. Имперец вспомнил, как при взятии Гестии убили его сына, и выбил лонгу зубы. А другие лонги вспомнили, как шесть лет назад претор Арминий сжег становище под Марсией, вырезав триста человек.

Брен говорил спокойно, и от этого было еще тяжелее. Как много отняла у них война – у всех. Столько выжгла в душе... а самое страшное, что теперь Иллариий не мог четко понять: за что он воевал? Воевал, и все. Но они трое, как и все жители Лонги, получили желаемое без войны – и мир нужно хранить.

– Хорошо, что ты вспомнил Максима, Север. Ладно, давай по пунктам. Примо: пока мы справляем обряды, Инсаар нас не тронут. Они могут хотеть отомстить, но мир им важнее. Секундо: трезены подобны поносу или золотухе – всегда были, есть и будут. Их много, но армия у нас лучше, разобьем – не в этот год, так на следующий. И от границ отгоним. Терцио: в Риер-Де у нас не только враги, но и, скажем так, друзья есть...

«Друзья» – Данет Ристан с бывшим советником и бывшим любовником Луцианом Валером. Ну и партия аристократов – представители старых родов, кому худородный Кладий словно плевок на незапятнанную якобы честь. От одной мысли, что бывший раб, остер, решал его судьбу, лез в его дела, консула начинало трясти. Хорошо все же, что за переписку с вольноотпущенником взялся Брен. Доверять такое дело семнадцатилетнему – безумие, но Север писать не умел, грамотных и верных у них вообще не густо, а самого Иллариия наизнанку выворачивало. И потому он решил довериться мальчику и только приглядывать. Лучше уж они станут «дружить» с остером, чем с Кладием, Данет, по

крайней мере, умен и не трус, раз выиграл такой процесс. Шкуру спасти тоже по-разному можно: Ристан мог сдать Илларию с потрохами, тем более во время заочного суда никакого сговора между любовником императора и союзниками не существовало. Наоборот: Данет хотел падения консула Лонги, для того и сведения о нем собирал, но где-то ошибся – вот и пришлось ему выкручиваться. Но Ристан оказался дальновидней прочих, поставил на богатство и силу Лонги и, даст Мать-Природа, не прогадает. А Луциан, сбежав, сделал для консула больше, чем, если бы остался. Циа, хитрый, по-лиси жадный и злой, раф-пустышка... им было плохо вместе, лишь в начале связи Илларию тянуло к Луциану – и то лишь оттого, что Валер был деликатен, не травил душу, не лез, куда не просят. Да-да, не касался больного – несбыточных мечтаний дурака-консула, что столько времени не мог сам себя понять. Они с Циа сумели разойтись достойно, и Валер не держал на Илларию зла, раз помог – пусть даже с выгодой для себя – пошел к Данету и предложил тому «дружбу» с Лонгой.

В начале зимы Брендон принес Илларию письмо Данета и осведомился: «Остер выставил слишком большие пошлины на провоз товаров Лонги через границу, что мне ему ответить?» Илларию, занятый армией и Гестией, ответил: «Подожди, и Данет пусть ждет». Пошлины впрямь были великоваты, но лишний раз торговаться?.. А на днях Брен показал ответ Данета с припиской Луциана. И оба в письме корили союзников, за то, что те сразу не сказали: пошлины их не устраивают! «Мы договоримся, пишите свое предложение». Оказалось, Брен, не дожидаясь, пока консул разберется с военными делами, сам потребовал от остера снижения оплаты провоза, причем жестко потребовал – и «друзья» пошли на компромисс. Так что Данету мир между Риер-Де и Лонгой выгоден не менее, и вольноотпущенник станет радевать за общие интересы. Вот пусть Север об этом вспомнит!

– Терцио, – повторил Илларию, – империя будет рада, что я не объявил себя императором. И кварто: драки бывают, верно. Но за полтора года мы с тобой, карвир, все премии за смешанные свадьбы выплатили. Разве нет? И общие враги сближают людей как ничто другое – проверено и на Инсаар, и на трезенах. Те, кто плечом к плечу в бой идут, о старой вражде забывают, так что мы, может быть, должны благословить людоедов.

– Не стану я их благословлять, – пробурчал Север, но Илларию видел, как в темной глубине серых глаз разгораются шальные искры – союзник начал ему верить! А ему так важно, чтобы Север верил, чтобы между ними не было лжи и недомолвок, чтобы карвир не смел даже глядеть на кого-то еще... даже не хотелось отпускать Севера в этот городишко Торнбладан одного, в снега и леса. Пусть тоже познакомится с Квинтом Иварийским, побудет еще в безопасности Гестии, успеют они повоевать. Но Астигат так рвался уехать, словно чрезмерная близость ему прискучила... Илларию сжал зубы. Он боится потерять, потому и думает всякую чушь. Месяца не пройдет – и они встретятся. Встретятся, и он будет играть с белокурыми прядями, наматывать их себе на шею, как аркан, как нерасторжимую нить... и она не порвется.

– Ульрик Рыжий объявил, что съест мое сердце на обед, а ты мне благословить его предлагаешь, карвир? – Астигат ухмыльнулся во весь рот и вновь налил вина – теперь всем троим. – Чтоб я сдох... Лар, ты мертвого ожить убедишь! За протекторат! И протектора Лонги Илларию Каста. Будет две свободных Лонги, а там, глядишь, люди забудут, что надо говорить Заречная и Предречная, и станет...

– Единая страна, – одними губами выдохнул Брендон и тут же испуганно прикрыл рот рукой. Мальчик прав. Неведомо, доживут ли они до этого дня, но дети, что родятся сегодня – доживут обязательно.

– За Лонгу, – ответил Иллариий и засмеялся, сжав руку союзника, – и за то, чтобы Ульрик Рыжий остался без обеда. Я сам твоё сердце съем, Север Астигат! И как там? Уши врагов будут болтаться на наших доспехах? Барра!

– Ты давно мое сердце слопал, – Север выпил, не отводя от Иллариия жарких глаз, и потянулся к его губам. Целовал так, словно впервые – с силой и нежностью... – Барра, Лар, – шепотом: – я хочу тебя – всего... навсегда...

Они целовались самозабвенно, и только тихий шорох наконец оторвал их друг от друга. Брен уже стоял у двери. Тонкие руки металась, сжимая край туники, лицо блее мела – пустое, загнанное... проклятье! Так забытья, ну, надо же... как бы сознание не потерял.

– Братишка, ну постой! – Север сделал движение – встать, привести обратно. Астигат говорил ему как-то, что их общая вина перед Бреном много больше, чем братишки – перед племенем, и долг свой тот давно оплатил, дав оружие в войне с Инсаар. Но Брен считал иначе, и Севера это бесило, а у Иллариия сердце разрывалось от сочувствия. И чем помочь, они не знали.

– Я... пойду к топографам, хорошо? – мальчик отводил глаза. – Иллариий, дай мне свои расчеты, постараюсь новую карту Лонги сделать, – Брен только что не выхватил свитки из его руки и кинулся бежать, а они с тоской глядели ему вслед.

– Он очнется, – твердо сказал Север, притянув к себе Илларию. – Неохота мне его в Трефолу отпускать, лучше б у матери сидел, та бы отогрела, но раз сам рвется... и с Райном он в безопасности, тот за мелкого любому морду набьет. Но вот думаю...

– Почему замолчал? – Илларию откинув голову союзнику на плечо, глядел в сумрачные глаза. – Надеюсь, ты не станешь Брену любовника искать? Ты ж как-то говоришь: клин клином вышибают. Не советовал бы. Пусть он сам.

– Не тот человек мелкий, чтоб клином вышибло. И впрямь, пусть сам – когда захочет. Только тяжело ему в Трефоле будет. Как же нам всем будет тяжело... но мы вместе.

– Да, – кивнул Илларию и прижался теснее, заводя руку за голову, вплетая пальцы в золотую гриву, – вместе. Тот Инсаар все же мудр, Север, лишь бы нам мудрости хватило помнить, что отданного не возьмешь назад. И я не хочу брать...

Новые карты лежали у него на коленях. Верно, они были далеки от идеала, но Брен никак не мог насмотреться. Сын вождя и сын стратега намеренно забрались на эту маленькую площадку, отделенную от консульских покоев зубчатой стеной, – хотелось посидеть в одиночестве, полюбоваться картой, подумать... у него теперь так мало времени думать. Уединенное место показал брату Север. Консульский дворец велик, и в прошлый раз Брен даже половины не обошел. Про первое свое появление в Гестии он старался помнить лишь то, что не приносило боли – Илларию, Луциана, Гермия, библиотеку... даже Святилище Любящих приказывал объезжать стороной, когда выбирался в город. Этой башенки с площадкой он раньше не видел и очень обрадовался – тут можно было спрятаться, отгородиться. Север рассказал, что в свою бытность квестором частенько забирался сюда – и один, и со своим дружкой Сильвием. Вспоминал, как они тут пили вино, целовались, даже спали – и консул Максим их ни разу не поймал. Брен спросил, приходил ли с ними Илларию. Брат долго смеялся, потом ответил, что квестора Каста от несения службы отвлекло бы разве появление Инсаара, но нелюди и тогда, и сейчас – счастье-то какое! – Гестию не жаловали.

Брат уехал воевать с трезенами, а Илларию, на следующее утро после памятного разговора объявивший себя протектором, был страшно занят. К нему со всех сторон потянулись просители и послы, и протектор Лонги не мог выбрать времени, чтобы посидеть, подумать над новыми ценами и налогами – как никогда не мог, будучи консулом. Что ж, придется Брену самому посчитать и решить, а потом он напишет Илларию и Северу. Вот-вот приедет Квинт Иварийский со своим театром, Илларию встретит старого приятеля, посмотрит трагедию и тоже помчится на границу – за полторы тысячи риеров, а Брен вернется в Трефолу – один... то есть с Райном. Пока же он старался использовать каждый свободный миг, чтобы собрать все необходимые сведения: часами сидел в библиотеке, делал записи, заказывал у торговцев новые свитки. Он спросил у Илларию: отчего так мало пишут о торговле, налогах, мастерских и ремеслах? Стихов и философских трактатов было куда больше. Протектор только рассмеялся и ответил: «В науке считать деньги мало кто понимает, а тот, кто понимает, богатеет тихо и знаниями не делится». Приходилось придумывать самому, Брен постоянно боялся ошибиться, и это выматывало. Данет Ристан и Луциан Валер писали именно ему, последние их письма он даже не показал ни брату, ни протектору – только пересказал, что там написано. Зато приказчики получили от брата вождя лонгов подробные указания. Оказалось, что главная трудность при продаже дерева, руды, пеньки, льна и других товаров – доставка к месту

назначения, и потому новые карты так важны! И нужно еще сделать карты отдельных участков, а еще – описания для купеческих караванов, для речных судов... Словом, за Бреном день и ночь ходил хвостом отряд из приказчиков, топографов, купцов, цеховых старшин и отдельных ремесленников.

Сегодня утром протектор, у которого сидели именитые горожане и командир Пятого Заречного легиона, остававшийся оберегать земли по обе стороны Большой реки, направил к нему городского магистрата с важным вопросом. Имперец вначале фыркнул и говорить не желал, но что-то его убедило – может быть, стоящий за спиной брата вождя Райн, но хотелось надеяться, что разумные доводы Брена. Магистрат желал знать, какие товары зимой купит у них Заречная, какие может продать сама – вот это нужно, и это... Они проговорили шесть часов, и теперь у Брена болели от записей пальцы и ныло в висках. «Потому ты и не можешь прийти в себя, – ворчал Райн. – К тебе все, кому не лень, пристают, а ты на них силу тратишь... вон тот магистрат – раф, по всему видно, и все равно тебе худо, – а был бы илгу? Хуже было бы!» Имперец в самом деле был раф – им всегда хочется тепла, своего не хватает. Наверное, Райн прав, и ему следует поменьше общаться с незнакомыми людьми, но тогда он с ума сойдет! Когда ему стало плохо за обедом – по приезде карвиров в Гестию к брату и Илларию рвалась тьма народу, а ведь Брен был рядом, – союзники чуть не насильно заперли его в спальне. И не давали выходить, и не пускали к нему никого, «чтобы не жрали тебя» – как сказал Север. За те три дня ему не раз хотелось выброситься из окна. Он смотрел в свое отражение в огромном стекле и думал: «Я сидел в этом дворце и ждал тебя, мое златоглазое видение, а если б ты не приходил, мне, может быть, удалось бы вовремя понять – нельзя принести счастье своему народу, возглавив вражеское войско! Но ты приходил, Флорен, а я был глуп и жил твоими ласками и своей искусственной любовью». Настоящим чувство стало не скоро, но стало – а теперь не уходило. Он умолял союзников выпустить его – что поделать, если ему не удастся сохранить в себе накопленную силу, кто-нибудь сразу отбирает? Какой смысл запрещать говорить с людьми, выезжать в город, если ему становится плохо, когда карвиры при нем ласкают друг друга... и пусть! Он так боялся их ссор. Брат с любовником быстро мирились, но каждый раз казалось – просто убить готовы и себя, и все живое; и Брен страшился, что однажды они поругаются и больше не смогут сделать шаг навстречу.

Да и когда ему отдыхать? Он вернется в Трефолу. Заставит торговцев еще снизить цены – Илларию приказал командиру Пятого легиона всячески способствовать Брендону Астигату в его начинаниях. Брен придумал еще кое-что, но пока не рассказал о своей задумке карвирам – они вполне могли снова поругаться. Немало столкновений в Трефоле между лонгами и имперцами происходило от того, что грамотные и бойкие жители Предречной отнимали у лесных народов работу. Почти все имперские потопленцы и погорельцы уже отстроились и жили пусть небогато, но приемлемо, а лонги и келлиты голодали. Хорошо было только военным. Но так два народа никогда не сойдутся! Брен изучил все работающие мастерские и понял: есть места, куда имперцы и сами не рвутся, а есть хозяева, готовые взять учеников, если им снизят налоги. Он будет находить в самых бедных семьях потопленцев и жителей становищ, тянувшихся в город, способных парней и пристраивать в ученики к плотникам, кузнецам, кровельщикам, каменщикам... Трефоле нужны рабочие руки! А через три года такие ученики, став мастерами, начнут открывать собственные мастерские. Еще он заставит Севера ограничить чеканку монеты и продажу земель имперцам, даже когда брат станет керлом – не дело разорять своих подданных! А еще – налоги! Он мог многого не понимать, но, чтобы быть уверенным, поговорил с цеховыми мастерами в Гестии и убедился, что прав: карвиры так надурили в Трефоле с налогами, что теперь вовек не разобрать. Он сказал им об этом, но лишь вызвал очередную ссору. Север заявил, что Илларию неженка... консул, тьфу, то есть протектор, в

долгу не остался, обзвав брата дикарем, способным наслаждаться криками уличных зазывал. И Брен понял – с налогами ему тоже придется решать самому. А ведь еще мосты...

– Брен, – Райн коснулся его плеча, передавая флягу, и быстро поправил воротник мехового плаща – на площадке было холодно, – выпей.

Брен благодарно кивнув, глотнул горячее вино. Райн молча сел за его спиной на деревянную лежанку и притих. С Райном всегда так хорошо, с ним единственным, кроме мамы... друг никогда не тянул из него силу, не заставлял жить на пределе... нет-нет, даже думать так нельзя! Никто не виноват, в том, что его выпили, он отдавался сам! И нельзя обвинять брата и Илларию. Они – илгу, пьют всегда, так уж устроены... но как ему временами было плохо. И даже не пожалуешься никому, он не имеет права. А еще – он очень любит и Севера, и его карвира. Но Райн – с ним так тепло, так спокойно, и он не задает вопросов. Просто помогает и скрывает эти приступы слабости, свидетелем которых оказывается, ведь о них никто не должен знать... Брен не понимал, отчего сын стратега не захотел вернуться в армию, не воспротивился, когда Север назначил его охранять младшего брата. Райн умен и даже грамотен теперь, грамотней своего отца, он мог бы стать командиром, получать долю в добыче, воевать... Брен спросил об этом прямо, и лицо бывшего десятника стало таким же тоскливым, как в день его первого Ка-Инсаар – словно у него отобрали что-то очень важное. «Ты меня прогоняешь? Мне уйти?» – друг стоял перед ним и молчал, опустив голову; и Брен просто коснулся его руки, прошептал: «Ну что ты... зачем? Мне без тебя будет очень трудно, просто я не понимаю, что за радость такому воину, как ты, таскаться за тем, кто никогда не станет ни вождем, ни даже командиром когорты». Райн прижал кулаки к глазам, а потом уверенно ответил: «То, что ты делаешь, так же важно, как и война. И потом... старики говорят, что войны никогда не кончаются – с одной разобрались, а в хвост ей уже другая пристраивается, – так что на наш век хватит. А пока... не прогоняй меня, ладно? Мне так интересно с тобой. Но, если ты скажешь, я сразу уйду!» Друг, у него есть настоящий друг, а раньше он не ценил, болван!

У Брена Астигата вообще есть так много, он столько не заслуживает. Мама... она так постарела, они с Севером даже не узнали ее, когда приехали. Они вошли в шатер, а Сабина не вскочила им навстречу, не обняла – сидела на шкурах со своей вечной прялкой, и руки у нее были темными, все во вздувшихся венах... раньше так не было! И глаза – страшные, неверящие, словно она их не узнавала... «Мама, – сказал Север, – я привез тебе Брена – вот он, посмотри». Брен рухнул перед ней на колени, и она гладила его волосы – как слепая. А потом глухо вскрикнула и заплакала. И плакала долго-долго, а Брен сидел на полу, как в детстве. Север быстро вышел. Потом он говорил Илларию, Брен сам слышал: «Я как убил ее, понимаешь? Она так постарела и так больна. Из-за меня все!» Как может брат обвинять себя?! Все из-за никчемного предателя! Дурака, который думал, что мать обрадуется новым тряпкам, купленным ценой крови племени, в коем Сабина прожила почти всю жизнь, и ценой крови ее старшего сына. Но потом маме стало лучше, она кормила их, смотрела, как они едят, гладила их по голове, прижималась к плечу – будто в детстве – и вновь рассказывала сказки. Расспрашивала про союз, про Илларию, про нелюдей... они рассказывали, но не все, многое скрыли от нее – и правильно. Уезжали они счастливыми, Сабина провожала их. Жаль, что она не захотела поехать ни в Гестию, ни в Трефолу, хотя Север очень просил. Но мама сказала: пока будет растить детей наложницы Беофа, малыши к ней привыкли, бабушкой зовут... и дождется собственных внуков. Север помрачнел, но обещал: дождется.

В ночь заключения мира с Инсаар в Лесном Стане Брен спросил Пушистого: отчего Быстроразящие зовут Риер-Де Пустыми землями? Слово заставило Брена поежиться, он был наполовину имперцем и хотел знать. Пустота – это смерть мира, смерть души. «Да, – сказал брат любимого, – Риер-Де больше твоей земли в несколько раз, но Даров приносит куда меньше. Пустые земли умирают, энейле брата». Брен ответил: «Я тоже пуст, я теперь раф! Я хочу поить мир силой, но не могу, ее просто нет больше. И, когда мужчины любят друг друга, у меня ноет все тело, я теряю сознание, и хочется умереть...» – «Ты и сам давил свою силу, чтобы не отдать ее нашему народу, – ответил Ланий. – Ты запрещал себе испытывать наслаждение, когда мой брат брал тебя – но все вернется! Знай, маленький аммо, мир обязан тебе за отданные тобой Дары, а мир ничего не забывает. Пройдет время, и ты вновь будешь поить все живое и вновь познаешь радость соития...» Брена передернуло. Он не хотел больше никого! Никто его не коснется так, как касался Флорен. Он просто хотел перестать падать в обмороки. Ему нужно столько всего сделать, а он в это время валяется на ложе в испарине. Но Ланий лечил его словами, как раньше, на той поляне, и отдавал ему силу. Потому, наверное, Брену было сейчас чуть лучше...

Он еще немного посидит, а потом попросит друга сходить за топографами и даст указания. Райн поднял голову, улыбнулся своими теплыми глазами. Хорошо! Голова уже не кружится, пора приниматься за дело. Брен расправил на коленях карту обеих Лонг, всмотрелся в прихотливые извилины. Вот река Лонга – карвиры не велели рисовать там границу. Теперь это просто большая река, где много рыбы и скоро построят мосты. Вот Веллга, куда он поедет, как только союзники вернутся с войны, – именно оттуда нужно поставлять товары в Риер-Де и другие страны, чтобы тамошние жители увидели риры... Вот Йона – он не будет на нее смотреть, хотя она тоже большая и полезная, просто... Йону любил златоглазый, говорил: в ней много силы и нет крови. Трефола, Марсия, Гестия, Миарима – города и деревни, и все это Лонга. Единая страна Лонга... Север сказал бы: размечтался, мелкий! Но мечты – это тоже Дар. Брен даже сочинил несколько строк про свои мечты, и о стихах он тоже никому не расскажет – лишь миру.

*Многое следует знать человеку о мире,
Но, и узнав, нужно помнить о Даре.
Тот, кто не знает, слепому бродяге подобен –
Вечно он рыщет во тьме, натываясь на стены.*

*Дар этот людям дарован как высшее благо.
Он тоньше волоса – надо взглядеться, чтобы заметить.
В руки нейдет, и не купишь – он злата дороже,
Крепче железа и камня, его не сломаешь,
Не замутишь, не испачкаешь – чище он первого снега.
И не затмишь – ведь в сиянии он ярче солнца.
Знаю о нем!*